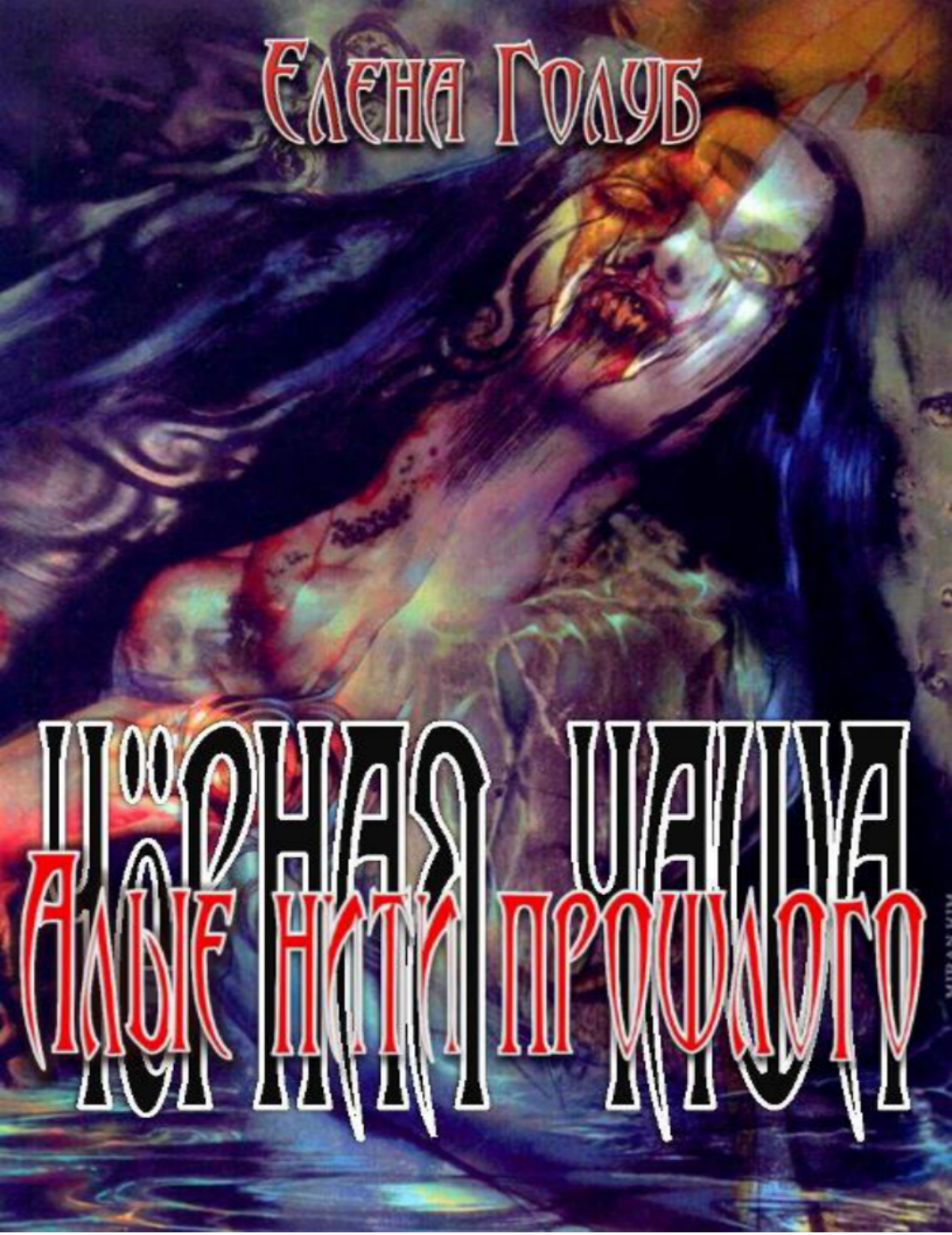
Елена Голуб
Ночная чайка
Алые нити прошлого

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Есть три девушки. Одна из них — бывший коп. Другая — бывший психолог. Третья — преступница, благодаря которой в жизни первых двух появилась приставка «бывшая». Сёстры Грослин и Минерва Кроу даже не предполагали, что сбежавшая из-под стражи младшая сестра Синайя (по вине которой обе девушки потеряли работу и уважение в обществе) первым делом постучится в дверь именно к ним. И что ещё ужаснее — она же предложит им способ полностью эту свою жизнь изменить. Правда, для этого им придётся проехать полстраны, скрыться от полиции и найти древнее кладбище, на котором похоронены не только их предки и контрабандные бриллианты, но и некий Тёмный Секрет, раскрыть который — значит навсегда попрощаться с понятием «нормальность»…

- Елена Голуб
  - Пролог
  - Глава 1 Вроде как новая жизнь
  - Глава 2 Сёстры Кроу
  - Глава 3 Могущественная пленница
  - Глава 4 Так рождаются неприятности
  - Глава 5 Родные люди
  - Глава 6 Объяснились
  - Глава 8 Опыты
  - Глава 9 Корнетти
  - Глава 10 Обманутые надежды
  - Глава 11 Наследство
  - Глава 12 Долгая история
  - Глава 13 Побег
  - Глава 14 Побег (продолжение)
  - Глава 15 Спущенное колесо
  - Глава 16 Добро пожаловать в Дарквилль
  - Глава 17 Свидание вслепую
  - Глава 18 Туз в рукаве
  - Глава 19 Ли Медичи
  - Глава 20 Дежавю
  - Глава 21 Секрет Чёрной Чаши
  - Эпилог

Елена Голуб
Алые нити прошлого

Пролог

В монастырском подземелье было настолько холодно, что ноги узников буквально выворачивались наизнанку из-за постоянно мучивших их судорог. И немудрено, ведь на высоте нескольких десятков метров над их головами, в приёмном покое ведущего инквизитора (где он обычно принимал гостей) давно погас камин. А на улице стоял дикий мороз, январь в этом году выдался особенно холодным, так что тех, кто не успел ещё с осени заготовить дрова, ждала грустная, но справедливая участь замёрзнуть в ветхих лачугах.

Это был тот редкий случай, когда представитель церкви вызвался лично подвергнуть испытуемого допросу, разместив его в собственном доме, не побоявшись рискнуть чистотой своей души, на которую от длительного общения с представителем колдовской породы вполне могло перейти знаменитое «несмываемое» проклятье последней. Однако Отец Мануэль не то, что не побоялся, но наоборот, удивил всех открыто выказанной заинтересованностью в данном вопросе. Некоторые священники поговаривали, что «этот дикий Мануэль только и мечтает всё своё свободное время о том, чтобы всласть помучить какую-нибудь опростоволосившуюся ведьму, не успевшую вовремя спрятать или сжечь все свои мётлы и ржавые котелки». При этом под словом «ведьма» понималась и старая торговка сыром, чей товар оказался не по сезону остр и ароматен, и молоденькая девушка, чья красота вызывала чрезмерную подозрительность у «стражей закона Божьего». Отчасти эти слухи были правдой. Мануэль действительно подвергал своих жертв жестоким, и порой даже чрезмерно изощрённым пыткам. Но его основная цель заключалась не в получении эстетического и духовного наслаждения (как-никак он брал на себя право карать всех «нечистых» на территории своего селения, и что там грешить, втайне гордился этим). Однако его интересовал вопрос куда более глубокий и не совсем ординарный для своего времени, а именно, отец Мануэль страстно, выжимая все глубины своей души до предела, желал знать — какова физическая природа колдовского дара? Что конкретно в теле этих женщин позволяет им совершать все те удивительные действия и преступления, в коих он и вся Святая Церковь их обвиняют?

Именно ради выяснения этого аспекта греховности человеческой природы, он и доводил своих «подозреваемых» порой до самого настоящего, Адского ужаса. Ибо бывший ученик знаменитого на всю Италию XV века врачевателя, хорошо

знавший толк в анатомии человеческого тела, нашедший своё истинное призвание оберегать Престол Божий на Земле — не гнушался абсолютно никакими методами «изучения» строения несчастных женских и мужских тел. Если быть точнее, Отец Мануэль был ярым фанатом распространившегося в те годы так называемого «живого препарирования», при котором внутренние органы пациентов изучались непосредственно в их же присутствии. Собственно, последние три или четыре месяца он и искал подходящую для этого дела ведьму, чей дар было бы наиболее сложно скрыть от окружающих, и как следствие, чьё присутствие в данном организме должно было (по представлениям священника) быть наиболее заметным с физиологической точки зрения. И он такой экземпляр нашёл…

Притопывая от нетерпения, Диего кинул новую охапку соломы в угол комнаты, подальше от камина (чтобы ненароком не занялась от углей). Дрожащие его белые пальцы вытащили из складок тёмной рясы массивную связку потемневших от времени ключей. Подойдя к высокому настенному гобелену, изображавшему сцену из крестьянской жизни, монах вздохнул — и быстро-быстро перекрестился три раза. После чего быстрым движением откинул нижнюю, подвижную часть гобелена, под которой обнаружилась низкая, маленькая дверца. Она была столь мала, что ему приходилось каждый раз буквально «складываться пополам», чтобы протиснуться в неё. Но с другой стороны — она была совершенно незаметна для окружающих глаз, и Мануэль мог не беспокоиться, что те, кто находится внизу, могут через неё сбежать. Надо было иметь очень хрупкое телосложение, а большинство «допрашиваемых», не в пример самому Мануэлю, были довольно крепкими и здоровыми (за исключением разве что стариков, но и те были настолько дряхлыми, что вряд ли могли позволить себе такой способ побега).

Спускаясь по скользкой винтовой лестнице (в это время года она уже, как правило, полностью обледеневала), Диего размышлял о предстоящем «допросе». Если он проведёт свой эксперимент как обычно, то тогда достаточно велики будут шансы, что подопытная умрёт, так и не выдав секрета (а он был абсолютно убеждён в том, что нельзя владеть силой, и при этом не знать — откуда она берётся). Но опять же, если он будет держать её у себя слишком долго — Совет может подумать что-то нехорошее, а ему это было ненужно. Подумав об этом, он невольно передёрнулся от отвращения. «Эти старые колдобины думают, что я предаюсь с НИМИ разврату! Ха, что ж, это ещё раз доказывает, что им совершенно не нужна возможность познания, в отличие от юных служек, услаждающих их дряблые тела. Моё

дело — поиск абсолютного совершенства, а им плевать — подавай ещё одну казнь, и дело с концом! Когда я по праву заберу себе то, что сокрыто, и покажу, что Человек Божий также волен управлять этим, как и сторонники Нечистого (при этом он трижды сплюнул на каменный ледяной пол), тогда все, все они будут ползать у меня в ногах, корчась от страха и моля, чтобы я занял место Верховного Инквизитора. И я его, естественно, займу (он облизнул губы). Вот тогда можно будет по-настоящему говорить о Всемирном Очищении»… Ключи всё ещё позвякивали в его нервных пальцах, когда он, наконец, дошёл до нужной ему камеры. Всего одиночных камер в его подземелье было шесть, и все они были довольно большими. Но для этой особы он отвёл самую последнюю, шестую камеру, которую про себя гордо именовал «королевской». Высокие двойные двери, достигавшие в высоту около восьми метров, были целиком обиты двухслойным листовым железом, которое полностью «парализовало» всякую колдовскую активность — многие из тех, кого захватил Мануэль, пытались заклятиями и ментальной энергией выбраться наружу, но чистое железо «начисто» рушило их планы. В самой середине конструкции был врезан замок, точно подогнанный под рост священника, так что он в любой момент мог беспрепятственно и за доли секунды открыть и закрыть его. Сам механизм был выполнен в виде массивного, посеребрённого распятия, концы которого со всех четырёх сторон плавно сливались со швами железных дверей. Квадратная замочная скважина, приходящаяся Мануэлю точно напротив запястий, была глубокой и тёмной, и, казалось, с нетерпением ждала, когда в неё погрузится длинный и прямой, четырёхгранный ключ. Само это место было предназначено для по-настоящему «особенных» гостей — именно поэтому Мануэль, как только мог, «вытягивал» деньги на его строительство. «Для того, кто наделён нечеловеческой властью, условия содержания должны быть уважительными. И исключительно из уважения к его Силе — охрана его должна быть столь же сверхчеловеческой». Это он говорил тогда — перед Советом, зная, что столь тяжкая для него затрата, для них — не более, чем чихание ребёнка. Но теперь, когда ему действительно было, что охранять на столь высоком уровне — он сам трепетал от непомерного страха перед неизведанным и могущественным.

Глубоко дыша, отец Диего Хорхе Мануэль остановился перед обозначенной камерой. Когда он перебирал связку в поисках нужного ключа, руки его не слушались, но, наконец, он успокоился, и — отыскав необходимый предмет, медленно вставил его в замочную скважину. Начал проворачивать. Звук щелчков гулким эхом распространился по всему подземелью и

затих только тогда, когда губы священника остановились, сложившись в серию тихих звуков, обозначавшую цифру «семь»…

Глава 1 Вроде как новая жизнь

— Мне очень жаль, Минни. Ты знаешь, если бы можно было поступить иначе, но…

— Всё нормально, Маршалл. Порядок есть порядок, да и потом, надо же мне было когда-нибудь взять отпуск. Жаль только, что он — бессрочный…

Минни Кроу в последний раз посмотрела на бывшие когда-то своими значок и именной пистолет. Ей нравилось работать в полиции, пусть и всего лишь в звании инспектора по делам несовершеннолетних. С подростками проблем было не меньше, но и порой гораздо больше, чем со взрослыми преступниками. И некоторые из них являлись далеко не «дурацкими шалостями». Минни даже пару раз побывала в перестрелке — среди неблагополучных, «чёрных» кварталов города, где для малолетнего преступника в порядке вещей было иметь при себе оружие. Причём посерьёзнее шокера. Когда её и, теперь уже бывшего, напарника — Сэма Маршалла обстреляли из огромного чёрного внедорожника, они даже не могли предположить в первые секунды, что за рулём и внутри кузова — дети. Всем им было от силы семнадцать — восемнадцать лет. А самому старшему в банде — всего двадцать один. Он единственный, кто был совершеннолетним и поэтому получил серьёзный срок. Пять лет за нападение на полицейских, а в двадцать шесть он выйдет с уже сложившимся «криминальным» мировоззрением, в котором просто не будет места для порядочного, законопослушного препровождения времени.

Но теперь всё это уже не имело никакого значения, ведь она больше не являлась частью того мира, к которому принадлежала сама и ещё сто пятнадцать человек из Восьмого Участка. Теперь ей надо было думать, что делать дальше, после четырёх успешно проработанных здесь лет. О прошлом же надо было забыть окончательно. Как и о том, что послужило причиной её ухода с любимой работы. Да. Теперь её горячо любимая работа — безвозвратное прошлое. Ах, чёрт бы побрал Син и всю её семью!

Странно было ехать домой не в форме. Обычно девушка переодевалась уже дома, когда переступала порог своей двухкомнатной квартирки на Блейзи-Стрит. Только тогда она окончательно принимала факт, что этот рабочий день для неё закончился, и можно побыть просто уставшей девушкой, которая первым делом принимает душ, а потом достаёт из холодильника

и разогревает в микроволновке то, что осталось от вчерашнего ужина. Но сегодня всё было по-другому. Она сдала свою форму и ехала домой днём, а не поздним вечером, как это бывало обычно.

Минни подняла глаза на зеркало заднего вида и обнаружила, что из него смотрит хмурое, сосредоточенное на чём-то лицо. Острые, тёмно-карие глаза из последних сил сдерживают что-то, что в любой момент может разразиться потоком бурных, обидных слёз. «Ну уж нет, этого я себе не позволю! Бли-и-ин, как же хочется зареветь! О-о-о… Так, спокойно, Минерва Кроу. Просто не думай об этом. Отключи свою память и вообще, отвлекись на что-нибудь другое. В конце концов — ты же за рулём!». Она сделала глубокий вдох, потом медленно выдохнула и плавно притормозила у какой-то закусочной. Повторив процедуру вдоха-выдоха раз пять, девушка вытащила из бардачка пачку сигарет и с наслаждением закурила. «Нужно собраться с мыслями, но прежде — расслабиться, выпустить скопившееся внутри меня напряжение». Выдохнув струйку дыма, Минни закрыла глаза. Курсы видеойоги, которыми она увлеклась три месяца назад, пока не приносили желанных результатов, однако Минни научилась хотя бы расслабляться. А в её положении уже и это было не мало.

Прочитав название закусочной, девушка слегка улыбнулась. «А какого чёрта? Собственно, что я теперь теряю?» Перед ней был ресторан быстрого питания, где в меню преобладали всевозможные гамбургеры, роллы и картофель фри в самых невероятных вариациях. Сегодня ей совсем не хотелось готовить, поэтому она решила заказать кучу всякой вкусной и неполезной «чепухи», которой можно «заесть» весь этот дикий и непонятный день. И ей полностью наплевать на то, кто там и что про неё подумает. Неся в руках два огромных пакета с едой, девушка на мгновение внутренне ужаснулась тому, что с ней будет на следующий, после обжорства, день. Но тут же попыталась запихнуть эти мысли далеко-далеко в подсознание. «Пусть уж лучше мне приснится огромный зубастый гамбургер, пытающийся меня съесть, чем я сейчас испорчу себе этим и без того крошечные остатки настроения. В конце концов, это же так естественно — наесться бургеров, когда тебе плохо».

Тем же вечером, лёжа перед телевизором с огромным куском чизбургера во рту и бутылкой томатного кетчупа в руке, Минни услышала, как зазвонил телефон в кухне. Звук показался ей назойливым и противным, и Минни очень не хотелось брать трубку, тем более, что она и так знала, кто ей звонит. И она решила не брать. Пусть оставят все свои цветастые сочувствия при себе. «Можно подумать, что это их уволили, а не меня», —

пробурчала девушка, после чего запила бутерброд большим глотком прохладной кока-колы. Но телефон продолжал беспрерывно надрываться, поэтому Минни со вздохом слезла с дивана и направилась на кухню, по пути пытаясь оттереть слюнявым пальцем большое красное пятно от соуса со своих домашних брюк светло-бежевого цвета.

— Кроу у аппарата, — ленивым голосом произнесла она.

— Сидишь, и жрёшь бургеры с горя, а, Мин? И наверняка по телику идёт этот твой любимый дурацкий сериал, как там его? Ах, да — «Сердце Неповиновенной»!

Не совсем таких слов сочувствия ожидала Минни, и уж тем более не ожидала того, кто будет их произносить. С трудом сглотнув оставшуюся часть чизбургера, девушка быстро сделала глоток газировки, чтобы прочистить горло, и ответила:

— О, а тебе, я вижу, всё-таки дали право на один телефонный звонок? Ты чего же хочешь — вывести меня из себя? Или чтобы я выкрикивала в трубку страшные проклятия? Ты же прекрасно знаешь, Син, этого не будет. Все твои ожидания какие-то чересчур уж детские.

Минни старалась, чтобы её голос звучал спокойно и с оттенком укора.

— Кто бы говорил о детстве, сестричка, — съязвил милый женский голосок на том конце провода, — Ну, в общем, у меня есть одно свидание перед тем, как я навсегда исчезну из вашей жизни, и я бы хотела, чтобы пришла ты. Так сказать, пожелать мне «доброго пути». В голосе девушки на другом конце провода отчётливо слышалась ирония.

Минни весь этот разговор начинал бесить. Её вообще бесила вся их семья, но Син — младшая сестра, была в этом вопросе абсолютным чемпионом.

— Слушай, ты, — сквозь зубы прошипела Минни, — Ни я, ни Гро не хотим больше ничего о тебе слышать. Тебе мало того, что ты разрушила судьбу всех своих близких, так ты ещё хочешь поиздеваться над нами напоследок?! Надеюсь, ты не забыла, Синайя? — голос Минни излучал холод и злобу, — Ты больше не часть семьи. Больше тебя с нами нет, — закончила она, готовая повесить трубку.

— Я, конечно, не рассчитывала, что тебя настигнет столь сильный приступ любви ко мне, — в голосе младшей сестры была слышна лёгкая усмешка. — Но только мне плевать, ты же знаешь. Я никогда и не была, как это ты выразилась, «частью вашей семьи». Однако мне нужно серьёзно поговорить с тобой, Мин. Другого шанса уже не будет. — Серьёзность в голосе сестры насторожила девушку.

— У тебя ведь что-то на уме есть, верно?

— Есть. Разговор с тобой. В субботу, в семь утра. Ты в курсе, где меня теперь найти?

Голос Син откровенно смеялся. Секунду Минни колебалась, но затем грубо бросила в трубку:

— Не рассчитывай.

— Ровно сорок пять секунд. Ага, и тебе удачи. Привет от меня Гро.

Син повесила трубку.

Глава 2 Сёстры Кроу

— Психопатка!

Минни выругалась, и также со звоном положила трубку на рычаг. Видимо, у её младшей сестры абсолютно снесло крышу от всего, что та натворила, если уж ей ещё хватает наглости звонить к ней домой и пытаться рассчитывать на какое-либо сочувствие или помощь. Стоп. Не на что-то, а на конкретное свидание. Но для чего оно ей? Зачем? Девушка была в замешательстве. Она была не настолько наивна, чтобы предполагать, что Син хочет в последний раз увидеть свою старшую сестру. Но и не настолько легкомысленна, чтобы оставить такую просьбу без внимания. К счастью, Син предсказуема, хотя бы в том, что бы она ни делала, она никогда не делала это просто так. У неё всегда была своя причина для всех тех преступлений, которые она совершила, так что для человека, одержимого кучей навязчивых идей, Син была достаточно последовательна.

«Ха! А она ведь наверняка знала, что я, так или иначе, приду к ней. Должна прийти, согласно её плану. Хм, ну так я изменю правила этой странной игры. А для этого, мне нужно посоветоваться с тем, кто уж точно знает — что будет дальше». Рассуждая в том же духе, Минни уже почти заснула в кровати, когда её неожиданно посетила мысль, что кроме Син, ей сегодня больше никто не позвонил и не выразил своих переживаний по поводу её увольнения. И почему-то от этой мысли ей стало грустно, хотя пару часов назад, если бы не звонок сестры, она бы радовалась такому спокойному вечеру. И в тот момент, когда слеза, скатившаяся по щеке Минни, коснулась подушки и оставила на ткани тёмное пятнышко, девушка уснула.

На следующее утро первое, что сделала Минни, это оставила сообщение на автоответчике своей старшей сестры Грослин: «Гро, я сейчас еду к тебе. Сама понимаешь, по какому поводу. Пожалуйста, не уходи никуда. Целую».

В городе стояла дикая жара. Минни казалось, что стёкла в её машине сейчас расплавятся и потекут. В центре, как всегда, была пробка. Несмотря на включенный кондиционер, тонкая шёлковая блузка всё равно липла к телу, а уж о коротких хлопковых шортиках вообще говорить не приходилось, учитывая, что они прекрасно впитывали влагу. Больше всего Минни боялась, что когда она выйдет из машины, у неё на попе будет большое мокрое пятно. «Интересно, а если я похудею, мой зад перестанет потеть?», — мимолётом подумала девушка. И тут, сидя в душной

машине, в насквозь мокрой от пота одежде (которую она, кстати, надела всего полчаса тому назад), Минни вдруг осознала, что это её первый день в качестве безработной за всю её жизнь.

Она никогда раньше не была без работы: колледж, потом юридический, работа в полиции — у неё всегда было дело, которым она занималась. Сначала по долгу, потом — по любви. Но сейчас ей не нужно было ничего делать, и это чувство непрошенной свободы вдруг с головой захватило девушку, одновременно открывая перед ней горизонты того, чем она могла бы теперь заниматься: флористика (ей всегда нравились цветы), собственное ателье (она всегда неплохо кроила, можно подучиться на курсах и попробовать шить). Да много ли чего можно делать теперь, когда она не связана с миром бумаг, трущоб и юриспруденции. Минни старательно не думала о том, что это было делом всей её жизни, и что именно этого она хотела всю свою сознательную жизнь. И вот теперь, она должна всё это оставить, но не потому, что ей разонравилось, а потому, что нельзя заниматься, допустим, адвокатской деятельностью, если твой родственник — осуждённый. А именно так было с Минни, во всяком случае теперь, когда всё раскрылось и все подозрения относительно младшей сестры подтвердились.

Лёгкое чувство свободы моментально покинуло девушку, оставляя после себя лишь солёный привкус вновь навернувшихся слёз. «Чёрт, ну вот опять» — простонала Минни, и прежде чем она успела промокнуть салфеткой глаза (а заодно и лоб с носом, которые уже просто «плыли» от жары), пробка на дороге тронулась. Весь оставшийся до цели путь девушка проделала с включённым на максимальную громкость радио.

«Око Ориона: гадательный салон» представлял собой три арендуемые комнаты на первом этаже пятиэтажного жилого дома. Каждый его жилец мог получить трёхпроцентную скидку на услуги «Гадание на картах Таро» и «Судьба в Хрустальном Шаре». Хозяйкой этого заведения как раз и была старшая сестра Минни — Грослин Кроу.

В общем-то, первая комната была отведена под магазин «магических товаров», а это значило, что его полки изобиловали всевозможными стеклянными колбами с зельями, коробочками из разных пород деревьев со всевозможными порошками на: удачу, порчу, богатство и тому подобное. Была здесь и куча всевозможных амулетов, талисманов и статуэток с сакральной символикой. Кроме того, здесь имелись и полки с книжной продукцией на известные темы. Отдельно от всех стояла главная гордость и ценность салона Гро — коллекция спиритических

досок и механизмов для общения с духами. Тут были и классические доски-планшеты, и более изощрённые приспособления, типа чёрной мраморной доски и особого, по словам Гро, безумно дорогого алмазного грифеля, написать которым на доске мог лишь тот человек, чьё тело временно захватил дух. Предполагалось, что доска при этом должна была издавать душераздирающие вопли, которые позже все участники сеанса терпеливо складывали в слова и предложения. Старались, как бы выразилась Син, «Так сказать, узреть послание» — внезапно подумала Минни и тихонько улыбнулась. При всей ненависти к сестре, она не могла не признать, что её частенько забавлял странный и порой совершенно неуклюжий юмор младшей сестры.

Во всей комнате царил лёгкий полумрак, создаваемый большим количеством разноцветного, полупрозрачного шифона, волнами спускающегося с потолка. В каждом углу комнаты горели ароматические палочки с запахом «Пачули», притягивающего деньги. От этого в воздухе висела лёгкая сизая дымка, которая в сочетании с приглушённым светом вгоняла клиента в транс ещё до того, как он переступал порог второй комнаты, где и принимала своих посетителей «Мадам Гросселинда».

Минни быстро прошла первую комнату, отметив на ходу, что товару прибавилось, а вот покупателей — наоборот. И немудрено — в городе было полным полно заведений подобного рода. Многое в них, не к чести Грослин, было гораздо дешевле. Но Гро твёрдо держала цену, делая ставку прежде всего на сервис и «особые услуги», о которых она, впрочем, также особо и не распространялась даже своей сестре.

Пройдя в «комнату для посетителей», девушка нахмурилась. Гро не было, хотя в рабочее время её всегда можно было застать в этом помещении — таким образом гадалка создавала особый, по её мнению, «коммерческий» ход: покупателю, чтобы совершить покупку, требовалось пройти в следующую комнату, где Гро обычно вела все свои деловые записи, и тут же она предлагала гостю «гадание на удачу» или «прогноз звёзд на неделю». По мнению Минни, вся эта затея с салоном была полной туфтой и представляла собой не более, чем пустой выброс денег. Однако переубедить в этом сестру было делом абсолютно нереальным.

Не найдя Гро в приёмной, Минни подошла к третьей двери — за ней находилась самая большая комната, соединённая из двух смежных между собою квартир. В ней и жила Грослин, не часто принимавшая у себя гостей, предпочитая уединение. «Раньше всё было иначе» — грустно подумала Минни. Иногда Гро даже не

пускала к себе её — Минни, и последней это вовсе не нравилось.

«Но ведь сейчас рабочее время и салон открыт, так? Следовательно, Гро зачем-нибудь зашла в свою квартиру — это вполне естественно», — подумала девушка. Однако внутри Минни зашевелился крохотный комочек тревоги, который начал постепенно нарастать. «Как это всё глупо!» — подумала она и надавила на кнопку звонка. Резкое жужжание вернуло её в реальный мир и прогнало странные мысли. «Всё это из-за аромапалочек — от них кружится голова и представляется всякий бред». Минни подождала немного — ответа не последовало. Девушка позвонила ещё один раз, а затем подряд раз пять, но на звонок по-прежнему никто не выходил. Тогда она дёрнула на себя ручку двери, однако та не поддалась. «Закрыто», — подумала Минни. Замок был заперт снаружи, а это значило, что сестра действительно куда-то вышла из салона, или же…

— Гро! — крикнула девушка, — Гро, ты там?! Ответь, Гро!

Минни начинала овладевать паника. Она несколько раз дёрнула дверь, после чего решила набрать «911». Её рука уже шарила в кармане шортов в поисках телефона, когда она вдруг услышала голос позади себя:

— И чего это мы так ломимся? Что, нельзя было подождать в гостевой?

Грослин стояла с большим бумажным пакетом в руках, её светло-русые волосы поблёскивали в свете круглой лампочки, свисающей с длинного шнура с потолка. Зелёные глаза смотрели на удивление неприветливо.

— Гро, ты что?! Я же просила тебя подождать меня! Я прошла внутрь, а тебя нет, и дверь закрыта, я уж было подумала…

— Ты слишком всё драматизируешь. Постоянно.

Девушка прошла мимо сестры и достала ключ.

— Я бы не драматизировала, если бы не провидица, найденная мёртвой на пороге своего салона на прошлой неделе. — Мрачно произнесла Минни.

— Заходи, — бросила ей в ответ старшая сестра, даже не обернувшись.

Минни была ошарашена таким холодным приёмом. Обычно Грослин была излишне серьёзной только на работе. В кругу же семьи она становилась мягче и, ну, добрее что ли… «У нас уже давно нет семьи», — напомнила себе Минни и нехотя зашла вслед за сестрой, прикрыв за собой злополучную дверь.

— Как ты не боишься оставлять магазин открытым? Твои доски — они же стоят целое состояние, если ты не думаешь о своей безопасности, то как насчёт них? — вознегодовала девушка.

— А ты видишь здесь хоть одного покупателя или того, кто действительно был бы заинтересован в краже чего-то отсюда? — Гро грустно улыбнулась. — Выручки последние два месяца настолько мизерные, что я вообще уже слабо представляю себе, как буду рассчитываться за аренду всех этих помещений. Что же касается нападения на гадалок… Брось, Минни, мы с тобой обе знаем, что я — не тот случай, ради которого стоит рисковать собственной свободой. И потом, поздравляю! Ты уже 24 часа как не работаешь в полиции, тебе больше не к чему забивать свою голову всей этой криминальщиной, — добавила Гро с плохо скрываемым отчаянием в голосе.

— Когда-то мы обе забивали себе голову «всей этой криминальщиной» чуть ли не ежедневно, — так же грустно ответила Минни. — Не думаю, что эту привычку стоит оставлять навсегда, — добавила она, улыбнувшись.

При последних словах лицо Грослин вновь стало замкнутым и отчуждённым.

— Садись, — указала она Минни на старый кожаный диванчик у стены. — Я так понимаю, ты пришла сюда из-за Син?

При этом Гро начала как ни в чём не бывало распаковывать содержимое своего пакета, бережно выкладывая его на большой дубовый стол, стоявший посреди гостиной. Она старательно пыталась не смотреть на младшую сестру.

— Ты какая-то странная, Гро. Может, Таро с утра были не в духе? — Попыталась пошутить Минни. В ответ Гро лишь злобно сверкнула на неё глазами из-под золотистых бровей.

— Не смей шутить над Таро. — Просто сказала она.

— Значит, точно, не в духе, — проворчала девушка. — Так как ты узнала, что я пришла сюда поговорить о Син?

— Она позвонила мне сегодня утром.

— То есть как «позвонила»? По телефону?! — глаза девушки округлились от удивления. — Но ведь ей положен всего один телефонный звонок! Мне она звонила вчера вечером. Как это может быть?

Гро поджала губы и странно посмотрела на сестру.

— Иногда я просто поражаюсь тому факту, что ты четыре года проработала в полиции. — Девушка горько усмехнулась, — У тебя определитель номера есть?

— Ты же знаешь, что нет, а что?

— А у меня есть. Номер, с которого Син мне звонила, был не государственным.

— Ты хочешь сказать…, - начала было Минни.

— У Син есть мобильник, да.

Минни облегчённо выдохнула. Она подумала совсем о

другом.

— Ты что, серьёзно решила, что наша сестрица такая мастерица, что смогла улизнуть из одиночного изолятора? — теперь глаза Гро начали постепенно оттаивать.

— Но она же не могла пронести туда с собой мобильный? — возразила та.

— Не думаю, что он находится непосредственно у неё. Скорее, он лежит в каком-то тайнике, в месте, где за один раз перебывает множество заключённых. Может быть, в душевой…

— Это просто полное безумие, — сказала Минни и устало уронила голову на руки.

— С другой стороны, Син в принципе, никогда и не была нормальной.

С этими словами светловолосая девушка вновь повернулась спиной к сестре и продолжила распаковывать кучу мелких свёртков, шурша бумагой и явно стараясь оттянуть момент, когда нужно будет вновь вступить в разговор.

— Что это у тебя? — спросила Минни, не поднимаясь с дивана и глядя в стену напротив. В голове у неё было пусто как в банке из-под только что использованных консервов. В последнее время на неё постоянно нахлынивала эта дурацкая апатия, причём только в присутствии старшей сестры. Как будто Гро намеренно старалась воздвигнуть между ними некоторую стену отчуждения.

— Так… Кое-что для клиентов… Частный заказ, — с неохотой протянула сестра.

— Слушай, если у тебя какие-то проблемы (а я же вижу, что они есть, уж прости), то почему бы тебе не обсудить их со мной? Я, конечно, не Далай Лама, но наверняка смогу тебе помочь. Хоть чем-то.

Гро перестала перебирать предметы на столе и медленно повернулась. В её зелёных глазах читалась неуверенность и толика недоверия. Помолчав с минуту, девушка тряхнула волосами и сказала:

— Да. Есть некоторые сложности, но… Я думаю, я сама смогу всё это утрясти, правда для этого мне всё-таки придётся встретиться с Син.

Минни задохнулась от охватившего её возмущения. Пару раз открыв и закрыв рот, словно она собиралась обвинить сестру в страшном предательстве, она всё же выдавила из себя со всем возможным упрёком:

— Но зачем??!! Какой смысл встречаться с тем, кто заведомо хочет от тебя чего-то противозаконного, да к тому же ещё и желает всего недоброго!

В глазах Гро мелькнул неподдельный гнев, она тихо спросила:

— Ты так думаешь? Ты серьёзно считаешь, что наша сестра — это абсолютное зло, и ей уже ничем не помочь?

Голос молодой женщины словно вибрировал от переполнявших её чувств. Внезапно, она предстала в глазах Минни в совершенно ином свете: высокая, в оранжевой хлопковой блузе с длинным рукавом и в такой же хлопковой, но уже чёрной, свободной юбке «в пол». Руки сложены на груди и при каждом движении усеивающие их браслеты издают тихий, но мелодичный звон. Длинные золотые волосы ниспадают до пояса, а сверкающие зелёные глаза придавали всему этому гордому образу какое-то скрытое величие. На мгновение Минни представилось, что перед ней стоит грозная и прекрасная богиня, способная на одинаково страшную месть и любовь. «Она, должно быть, и в 60 будет выглядеть также потрясающе, как и сейчас, в свои 32».

Смысл сказанных сестрой слов вернул девушку на землю, её возмущению не было предела:

— Ну конечно! Естественно я так думаю! Ты только вдумайся как следует, отбросив всю эту родственную мелодраму: тебя же уволили из-за неё, тебя, лучшего криминального психолога в нашем штате! Не говори о том, что не скучаешь по тому, кем ты была до всего этого. Меня уволили также из-за неё, а ведь я любила, очень любила свою работу!

Лицо Минни приняло отчаянно просящее выражение:

— Прошу тебя, Гро! Давай уже отпустим её из нашей жизни, дадим ей возможность самой подумать над своими действиями и оценить нашу неприкосновенность в конце концов! Мы ведь вовсе не обязаны никуда идти. В субботу её увезут и наконец-то посадят в тюрьму — НАВСЕГДА! И тогда мы сможем наконец-то спокойно попытаться заново построить свою жизнь, отрешившись от всего этого ненужного никому дерьма! Прошу, Гро, давай просто ОСТАВИМ ЕЁ В ПОКОЕ!

Внезапно, Минни почувствовала, что её всю затрясло. Не помня себя от злобы, ярости и обиды — всего, что скопилось в ней за эти полтора дня, она вскочила с дивана и выплеснула весь свой негатив в лицо старшей сестры, молча, с немым укором также смотрящей на неё:

— «Случайное» убийство соседа — дяди Генри, который, якобы, приставал к ней! Четыре поджога (да, на тех складах, якобы, были наркотики, но ведь это так и не доказано)! Восемь учителей и три преподавателя колледжа — все с безупречной репутацией, однако Син почему-то считала, что они составляли «кружок по интересам», занимались педофилией! Ты только

припомни! Тот парень, что изнасиловал няню в детском саду — не в счёт, тут я согласна — он получил своё. Но, Гро, в общем и целом — она же чудовище!!! Наши с тобой порушенные жизни — это только частичка в море всего того хаоса, что она совершила. И, может, ты не помнишь, но это же она заставила тебя сфальсифицировать судебную экспертизу, чтобы с неё сняли все обвинения, а когда ты пожалела её — она сдала тебя! Ты потеряла работу, всё! А знаешь, что мне даже никто не позвонил после моего…моего…Увольнения! Они не хотят иметь ничего общего с серийной убийцей!!!

Наконец, нервы сделали своё дело, и «развязавшись», выпустили на волю поток безудержных слёз. Лицо девушки сморщилось, и она медленно осела прямо на деревянный пол, не в силах больше сдерживать свои чувства. Хныканье и звук шмыгающего носа из-под закрывающих его ладоней — вот всё, что можно было услышать от уволенного «стража порядка» в следующие полчаса.

Глава 3 Могущественная пленница

Бесшумно распахнувшись, огромные двери-ворота пропустили Мануэля, и тут же, повинуясь приказу скрытого механизма, плавно захлопнулись за ним.

В постоянно освещаемом системой зеркал помещении было светло как днём. Всегда. Мануэль лично позаботился о подобном «удобстве» для заключённого — по его представлениям все, кто относится к так называемой «нечистой силе» не могут по природе своей уснуть или даже задремать, так зачем же было «мучить» их временным отсутствием света? И так ясно, что тот, кто произошёл из тьмы, не очень-то её чествует, поэтому пусть уж лучше наслаждается возможностью видеть всё ясно до тех пор, пока ярчайший огонь Суда Божьего не лишит их такой роскоши навеки.

Слегка прищурившись от резкого света, священник проскользнул чуть вперёд и, моргнув пару раз, не смог удержаться от самодовольной улыбки. То, что представало перед ним каждый раз — каждый раз подтверждало его теорию о собственной уникальности. Ну разве мог бы кто-нибудь другой так детально изучить повадки нечистых и столь хитроумно выстроить для них их временную, «земную», тюрьму? И плевать ему на то, что Папский Совет считает столь масштабные меры безопасности излишними — они же просто не знают… Нет, просто не до конца представляют себе, на что способны некоторые из так называемых ведьм.

В центре огромной комнаты, чьи стены были поочерёдно обиты изнутри слоями осины, железа и покрыты раствором серебряной ртути — размещался огромных размеров куб из закалённого венецианского стекла. На его гранях особым, видимым лишь в лунном свете составом были выведены тысячи заклинаний на всевозможных древних языках. Это была, своего рода, «страховка» на случай, если бы стекло вдруг треснуло под воздействием энергии «гостя». Между выходом из камеры и кубом расстояние не превышало тридцати метров, что позволяло одинаково комфортно чувствовать себя в нём и заключённому, и тюремщику.

Мануэль прикоснулся пальцами к прохладной поверхности и медленно обвёл глазами внутренность стеклянной клетки. Внутри убранство не уступало в роскоши покоям какого-нибудь зажиточного герцога или барона. У противоположной, дальней стены стояла массивная деревянная кровать из морёного «железного» дуба. Балдахин, спускающийся от самого потолка,

больше напоминал морские волны, чем складки тяжёлого шёлка, цвет же его был таким, словно кровать поглотило огромное, свинцово-серое грозовое облако.

Рядом с кроватью столь же пафосно смотрелся комод — всё из того же африканского дуба. Резная поверхность его напоминала пейзаж в осеннем лесу: полуобглоданные ветром деревья, на которых уже изрядно не хватало листьев, и морды животных, преимущественно оленей и волков, видневшиеся сквозь деревья. «Всегда напоминай Врагу Рода Человеческого, кто здесь на самом деле охотник, а кто — дичь», — любил повторять про себя Мануэль при виде этого зрелища.

Пол куба был устлан мягчайшим персидским ковром неброского, светло-серого цвета. Под ним для «гостя» также находился сюрприз — «впаянные» при помощи наикрепчайшего клейстера ко дну осиновые панели.

Также у левой стены стоял небольшой обеденный стол, накрытый чистой, белой шёлковой скатертью. А у правой стены — резная деревянная ширма с грубым хлопковым экраном, рисунок тушью на котором в точности повторял «лесные» мотивы на комоде. Здесь заключённый мог переодеться в ночную и дневную смену одежды соответственно. На вопрос одного из членов Совета «Зачем же Вам понадобились такие излишества?», священник удивлённо ответил: «Из соображений гигены, конечно же. К заключённому каждый день будут приходить на допрос, так зачем же нам с Вами вши?», и вновь победил. Что-что, а ухаживать за собой одинаково любили и кардиналы и епископы, потому одна лишь мысль о неприятных паразитах казалась им заразной. Впрочем, немногим из бедолаг в камерах полагалась баня, но с другой стороны, не всех допрашивал и Мануэль, так часто приходивший на заседания Совета, и при этом неоднократно вступавший с другими его членами в физический контакт, как то: передача документов из рук в руки, поцелуй сутаны кардиналов, склонённые в беседе головы…

Одним словом, инквизитор добился того, чтобы в камере было всё необходимое для того, дабы пленник чувствовал себя одновременно и очень важной персоной, и в то же время — безнадёжно запертой в клетке с сыром мышью. «Но при этом очень-очень ценной мышью», — подумал Мануэль и стал обходить куб по периметру, выглядывая внутри его то, что считалось всё-таки основным его содержимым.

Короткими шажками, словно лиса, выслеживающая по запаху зайца, инквизитор дошёл до последней — южной стены клетки и остановился, прямо напротив кровати. Полы балдахина были плотно задёрнуты, но он знал, что она там. И она знала, что он

смотрит на неё так пристально, словно мог видеть через ткань.

— Добрый вечер, Альберта. Не могла бы ты поговорить со мной? Пожалуйста, — как можно спокойнее и вежливее попросил священник.

В ответ серые складки балдахина чуть слышно всколыхнулись, из-за занавеса послышался сдавленный стон.

— В чём дело, Альберта? Вы ещё не оправились после прошлого раза? — участливо спросил Мануэль, в то время, как пальцы его автоматически начали перебирать кленовые чётки — признак неосознанного, но для самого инквизитора самого позорного из страхов.

«Прошлым разом» он именовал проводимые им лично три дня назад опыты. Тогда он пришёл не один — с ним была группа специально выбранных для этого задания стражников, многие из которых прежде были телохранителями кардиналов, а потому имели довольно хорошую физическую подготовку. Другие же были всего лишь наёмниками — по большей части ловкими головорезами, но и тем, и другим пришлось заплатить немалую сумму, прежде чем они согласились сопровождать узницу от камеры до лаборатории, и обратно. Они всё равно боялись и не были уверены в том, смогут ли удержать узницу в случае, если та решит сбежать во время конвоя. К счастью, в первый раз она ещё не знала — куда её вели… В одном мужчины были единодушны — следовало бы сжечь ведьму в костре да пожарче, и чёрт с ней! А все эти опыты — пустое извращение безумца.

Сейчас, стоя напротив своего наиценнейшего из экземпляров, священник испытывал неуловимый сверхдуховный трепет, как будто всё тело его содрогалось от пения ангельских труб, «благословлявших» его на деяния оные.

— Молчание — удел всех грешных душ, признавших свою гнилостность, — нараспев произнёс Мануэль. Он начинал испытывать лёгкое нетерпение, вместе с тем его кольнуло тревожное чувство.

— Альберта!? — позвал он в третий раз громче, чем обычно. Ещё чуть-чуть, и его голос сорвётся на непозволительный крик. Не хотелось бы.

Священник опустил взгляд на свои руки — невольно, он изо всех сил сжал деревянный крестик, подвешенный среди бусин, и теперь ярко-алое пятно той же крестообразной формы отчётливо выделялось на его левой ладони.

«Дурной знак», — подумал Мануэль, как в ту же секунду занавес балдахина был резко отдёрнут.

Чёрные, цвета антрацита глаза были бесподобны — в центре

их, невидимый, но сверкающий словно синяя звёздочка, сиял зрачок. Глаза полностью овладевали душой священника, заставляя его подходить всё ближе к стеклу, и потом разве что не вжиматься в него от страстного желания попасть внутрь, к ней. Влечение уже практически поглотило его, когда ногти левой руки Мануэля случайно задели ранку от креста. В ту же секунду его сознание раскололось надвое, разбитое жгучей молнией, и вот — он уже вновь принадлежит себе, но вторая его часть вожделеет ту, что по другую сторону от Бога. Однако Мануэль ещё сильнее сжал крест, заставляя того вновь вонзаться в плоть — и эта буйная часть начала затихать — сначала голос её вопил у него в голове, но постепенно, под действием боли, начал гаснуть, пока не исчез вовсе. Всё это произошло за какие-то доли мгновения, и ведьма, поняв, что внезапно потеряла над священником власть, досадно фыркнула и медленно, с явной неохотой сползла с постели.

Она действительно была прекрасна, и Мануэль тяжело вздохнул, отводя взгляд: что ж, она отомстила ему за содеянное ранее, но впредь надо быть внимательнее — стекло удерживает всякую силу, кроме эмоций, а ведь именно в них колдовство и черпает свой потенциал. Навредить ему Альберта не могла, а вот свести с ума — вполне, и дело было даже не в силе, как догадывался инквизитор, но в элементарной женской очаровательности.

Неспешно передвигаясь, молодая женщина подошла к столу. На нём стояло несколько блюд с холодной вяленой ветчиной с ягодами оливы и ваза с фруктами. Кончиками пальцев она ухватила тончайший ломтик мяса, и медленно развернувшись лицом к Мануэлю, начала демонстративно его есть, плавно отрывая от него кусок за куском своими белоснежными зубами, при этом неотрывно глядя на мужчину за стеклом. Все её движения были чрезвычайно плавными и изящными, и носили явно недвусмысленный характер. Мануэль, признаться, был удивлён подобным её поведением, ведь при первой встрече — в деревне, куда он приехал для «выяснения обстоятельств» она производила впечатление скромной и весьма целомудренной девушки, живущей на окраине поселения в старой лачуге и презираемой местными жителями за свою красоту и замкнутый образ жизни.

Закончив с ветчиной, она также легко подцепила оливку кончиками ногтей и плавно положила её в свой алый чувственный рот, надув щёчки и закатив глаза, как будто обсасывание ягоды доставляло ей неземное наслаждение. Мануэля же охватил приступ тошноты — эта дьявольская шлюха пыталась совратить его! Мерзкое отродье возомнило, что он

настолько слаб душой, что с радостью кинется в объятия собственной смерти?!! Всякое бывшее в нём чувство уважения и даже жалости к этому существу мгновенно сменилось религиозной ненавистью и отвращением — как он мог считать, что причиняет ей страдания?! Да он будет мучить её — мучить, и получать от этого своё, заслуженное удовольствие! Все эти мысли окончательно помогли священнику справиться с минутным помутнением рассудка, и снова наполнили его деятельной энергией учёного.

— Я вижу, твой аппетит можно расценить как полное восстановление сил? Ты уже лучше себя чувствуешь, верно? Голос Мануэля был спокоен и холоден как сталь.

— Диего. — Ресницы её затрепетали, и она смущённо опустила глаза, — Я так счастлива, что вы пришли — я и не рассчитывала более увидеть Вас лично, поэтому, когда вы вошли сюда… Я потеряла контроль над своими чувствами, извините. — Её голос был так приятно низок, но в то же время так печально глубок, что у любого смертного от одной ноты его защемило бы сердце. У любого — кроме Мануэля.

— Я просил называть меня «Отец Мануэль», Альберта. Рад, что ты восстановилась, я переживал, что отвар был несколько более крепок, чем мной задумывалось. Возможно, не рассчитал с пропорциями… — в этот миг священник чуть повернул голову, теряя собеседницу из фокуса, однако боковым своим зрением он отметил, как та метнула на него просто нечеловечески злобный и разъярённый взгляд. Когда же он резко повернул голову обратно, делая вид, что рассматривает что-то в дальнем конце комнаты, глаза девушки были вновь обращены долу.

— Что вы, отче. Я почти ничего не помню после того, как отпробовала то питьё, но… Я не в обиде на Вас. Вы ведь не сделали мне ничего плохого во время осмотра, не так ли? Я ведь всё ещё жива, лишь благодаря Вашему милосердию. — В этот момент она подняла глаза — и это был самый благодарный взгляд в мире, какой только видел священник за всю свою жизнь.

Но это была фальшь. Она прекрасно разыгрывала свои роли, могла быть кем угодно, только не самой собой настоящей — и они оба знали это. У всех существ, обладавших сверхъестественными возможностями (людьми их уже нельзя было считать — такова была точка зрения священника), будь то Божественный или Дьявольский источник, у всех без исключения — не было своей личности. Они словно теряли её вместе с душой в момент, когда та переходила во владение Бога или Чёрта, взамен же получали тысячи личин и сотни выразительных психических качеств, чтобы по возможности точно «изобразить»

любой тип человека или поведения. Такова была их «боевая расцветка», маскировка, благодаря которой они могли столетиями оставаться незаметными в мире людей, и подчас вести абсолютно обыденную человеческую жизнь, давая выход своей мощи лишь тогда, когда того требовала их нечеловеческая натура, не способная долгое время оставаться без «тонкой» подпитки. Отсюда святые видели свои Видения и общались с Ангелами и Господом (или так думали), а колдуны и ведьмы устраивали шабаш или насылали на целые города падёж скота и поголовный людской мор от новой неизлечимой болезни. У тех и у других была лишь одна общая особенность, способная помочь в их «опознании» — это любовь к уединению и максимальное отсутствие связей с другими людьми. Они могли быть скотоводами, лицедеями, даже особами королевских кровей, но никогда — мужем или женой, ведущими активную общественную жизнь.

«Затворничество — вот наиболее вероятный признак того, что перед вами — нечеловек, а уж пророк он или чернокнижник — Святой Инквизиции понять то по силам», — так завершался теологический доклад Мануэля в Папской Семиниарии, после которого он удостоился чести быть взятым в «Чистый Совет» — число наиболее выдающихся служителей Закона Божьего на поприще борьбы с силами ада.

— Откуда тебе известно, что я делал? — спросил Мануэль только чтобы не концентрироваться снова на её глазах.

Альберта тоненько засмеялась — словно шёлковая нить разматывалась с катушки её основного тембра.

— А откуда тебе известно, что я находилась в забытьи? — уголки её губ растянулись в улыбке, — Ты серьёзно рассчитывал, что твоё пойло способно усыпить меня? Да будь там рому на целую лошадь, ты же знаешь, со мной ничего не случилось бы. На самом деле мне было интересно — что ты собирался со мной сделать, и… Знаешь, на этой кровати нам было бы гораздо удобнее, раз уж на то пошло.

— Что ты несёшь! Не играй со мной, ведьма, я к тебе и мизинцем своим не прикоснусь, и ты знаешь это!

— Хм, а вот судя по тому, как ты дышал и с каким визгом испытывал меня — ты мог бы быть прелестным любовником. Бросьте это, отче — неужели вы не можете признаться себе в том, что всё запретное и необычное просто-напросто возбуждает Вас? Так чего же мы ждём — я и не против подвергнуться ещё одному такому «осмотру», только с условием, что вместо рома будет отличное бургундское вино, а вместо того, чтобы капать на меня серу и мёд, вы займётесь чем-то более «вдохновляющим»…

— Замолчи, ведьма!

— Но это же так очевидно, всё открыто мне в этих светлых глазах, в этих тёмных кудрях сокрыто пламя недаденной страсти…

Один вздох, и Альберта оказалась вплотную прижатой к тонкой стене, разделявшей их, вновь пытаясь привлечь внимание Мануэля к своим глазам. Тихонько дохнув на стекло, женщина улыбнулась и начертила на образовавшемся «поле» крестик, а потом провела по нему ладонью, и тут же под ней засверкали золотые, словно из солнечного света, строки древних обережных стихов.

— Ты никогда не получишь меня, тварь. — «Выплюнул» ей в лицо Мануэль и отстранился от стекла, — Слишком недооцениваешь ты и твой Создатель мой людской род. Но если тебе понравились мои предыдущие опыты, то следующие, вероятно, доставят тебе то удовольствие, какого ты тщетно ищешь от меня.

Мануэль презрительно улыбнулся.

— Если только — ты не откроешь мне свой главный секрет добровольно: какой орган в твоём теле даёт тебе столь удивительные возможности, когда ты продаёшь душу Ему. Скажу сразу — мне известно, что истории о ваших хвостах — миф.

— О, бедный человечишко хочет узнать, откуда мы можем выполнять всякие фокусы? — она театрально вздохнула, покачав головой, а потом улыбка на её лице исчезла и уже совершенно серьёзным тоном она ответила:

— Глупец, не пытайся выяснить это — нет никакого секрета в строении наших тел, тем более, что ведьмой ты не становишься. Ты даже не рождаешься ею… То, что вы называете «колдовством» — совсем не то, что вы под ним подразумеваете. И те, кого вы называете «ведьмами» — даже близко не относятся к этому явлению, хотя внешне, для вас — людей, мы легче воспринимаемся как падшие души, утерянные для света и видоизменившие свою физическую оболочку. Но это не так — мы не демоны, и не нелюди, а ЧТО мы такое — разум твой постичь просто не в силах, вот ты и тешишь себя мыслью, что ответ лежит где-то на поверхности, точнее «под» поверхностью.

С этими словами Альберта улыбнулась и подняла свою фарфоровую ножку, словно собиралась сделать какой-то сложный танцевальный пируэт, подол её суконной синей юбки легко скатился вниз, обнажая мраморно-белую кожу. Она слегка провела по ней рукой, давая понять Мануэлю, чтобы он внимательно наблюдал за ней. Вот носочек её ступни легонько упёрся в стеклянную стену и пополз вверх, остановившись на

уровне глаз священника. Затем она опустила всю ступню, слегка надавив и как бы отыскивая точку опоры, а потом… Просто оттолкнулась от земли и, поставив на стекло вторую ногу, спокойно пошла вверх, придерживая низ юбки так, чтобы он не упал на непозволительную длину. Под изумлённым взглядом Мануэля (его никогда не оставляли равнодушным подобные вещи), Альберта поднялась по стене до потолка, и так же плавно дальше вверх. Тёмные густые косы упали плетьми вокруг её худенького стройного тела и, когда она, словно во сне, дошла по потолку до середины куба и остановилась, они тихо, но грозно качнулись, так, словно бы внутри них была своя собственная жизнь.

У Мануэля перехватило горло, когда пленница вновь повернулась к нему — на этот раз в её глазах не было и тени разврата или насмешки. Она смотрела на священника спокойно, и в то же время отстранённо. Сделав обратно к нему пару шагов, чтобы ему было легче её услышать, она произнесла:

— Но это не так.

Опомнившись, Мануэль порывисто отвернулся и направился к выходу из темницы, на ходу бросив ей сдавленным охрипшим голосом:

— Узнаем кто прав через три дня!

Когда створки ворот практически захлопнулись, он всё же мельком заглянул в камеру — в центре куба стояла Альберта, но уже на полу, и глядела ему вслед взглядом, в котором ясно читался животный страх.

Глава 4 Так рождаются неприятности

Минни сидела с дымящейся чашкой кофе в маленьком кафетерии под названием «Весёлые зёрна Бобби». Обжигающая жидкость никак не хотела согреть её, а руки тряслись мелкой дрожью, отчего «кофейная гладь» стаканчика исходила микроскопическими волнами. Дело, конечно же, было не в холоде, а в недавней истерике по поводу младшей сестры, которая абсолютно опустошила девушку. Гро кое-как смогла её успокоить, иначе всё непременно закончилось бы нервным срывом и походом к личному психологу как минимум на четыре сеанса в течение месяца. Сейчас Минни никак не могла сосредоточится на той простой задаче, которую установила для неё сестра. «Ты просто сиди и пей кофе, ладно?», — сказала она, а сама пошла заказать себе что-нибудь поесть (как раз было четыре часа пополудни — для Грослин это всегда было знаком того, что пора обедать).

Ожидая Гро, Минни сидела и думала о том, насколько изменились отношения в их семье за последние два года, и насколько само понятие «семья» трансформировалось в понятие о честности и подлости, о помощи и заботе — терминах, абсолютно изменивших своему первоначальному значению между тремя конкретными людьми.

Сколько она помнила себя в детстве, их всегда было четверо: любящие друг друга мама и папа, старшая, вечно поучающая её Гро (на которую Минни так хотелось походить — сначала внешне, а затем и внутренне), и она сама — Минни. Непоседа и вечная почемучка, интересующаяся самыми ничтожными и серьёзными вещами одновременно — от «Почему гусеница ползает, у неё ведь нет ножек?», до «Отчего взрослые считают звёзды — огромными? Они же маленькие и блестящие».

Грослин была на пять лет старше Минни, и это в глазах девочки казалось целой жизнью. Гро всегда могла дать дельный совет там, где родители не в силах были помочь своей шустрой дочке, а родительской любви обеим сёстрам хватало с лихвой, поэтому соперничества как такового, между ними не наблюдалось. Жизнь в маленьком коттедже на окраине городка Вэлридж никогда не казалась им пресной и скучной. И Грослин, и Минерва (её мать обожала греческую мифологию) всегда были заняты — каждая своими интересами и обязанностями в плане домашнего хозяйства, возможно, поэтому сейчас девушка особо

остро страдала от внезапно свалившегося на неё огромного запаса свободного времени.

Когда Минни вошла в подростковый возраст, она начала осознанно развивать свою личность, без участия Гро, которой на тот момент и помимо младшей сестры хватало забот. Грослин очень серьёзно относилась к учёбе — так как видела в этом залог своего успешного будущего. В то время она мечтала стать преподавателем Права на юридическом факультете в Кембридже. Минни же всерьёз заинтересовалась социальной педагогикой, особенно проблемами адаптации подростков из «неблагополучных» семей в условиях нового трудового коллектива — после освобождения из колоний для несовершеннолетних, или же по окончании жизни в детском доме.

Однако будучи студенткой, девушка очень скоро поняла, что методы, предлагаемые профессорами с кафедры педагогических наук — на практике оказываются малоэффективными. В лучшем случае они приводили «детей улиц» снова в исправительные учреждения. В худшем же — те навсегда были потеряны для общества, нетерпимо относящегося к людям «со справкой». «Пушистые» обыватели, никогда не получавшие в своей жизни даже штрафа за парковку, смотрели на тех, кто пытается использовать свой «второй шанс» так, как будто они, по меньшей мере ВИЧ-инфицированные, и, следовательно, им уже ничто не поможет. Тогда какой смысл создавать для них условия, комфортные для совместного существования? Понятно и так, что главное здесь — не «заразиться» самому, поэтому основной «работой» таких сотрудников, на чью долю выпало «помочь социально нестабильному элементу окончательно закрепиться в данной социальной структуре в качестве положительного» было, по сути, стремление «помочь» ему незаметно покинуть трудовой коллектив по собственному желанию.

Подобные сухие перечни формальных отговорок, прикрывающих элементарное нежелание работать с прикреплённым к нему подростком, вызывало у Минни страстное желание самой «посадить» таких «социальных патронатчиков» в тюрьму на пару месяцев. Во многом, именно желание реально помочь тем, кто находится на грани полного погружения в криминальный мир (будучи при этом ещё ребёнком) и толкнуло девушку пойти работать в полицию в соответствующий отдел. Да, она не могла проследить за тем, чтобы патронат выполнял свою работу, зато она сама чётко выполняла свою — не давала девочкам становится проститутками, отдавая себя за еду или наркотики, «вытаскивала» парней из якобы подростковых

хулиганских группировок, в свою очередь являвшихся «пушечным мясом» более крупных местных преступников.

Что же касалось личной жизни, то и тут у Минни было всё, что называется «ровно да гладко». Вытянувшись в стройную кареглазую особу с пронзительным, как иногда говорил папа «испанским» взглядом, и будучи обладательницей сногсшибательных каштановых волос ниже талии, девушка без особого труда обзавелась поклонниками — сначала в школе, а потом и в институте. Правда, все её многочисленные романы были совсем непродолжительными, однако сама Минни объясняла подобную закономерность весьма практически: с каждым новым парнем она всё быстрее узнаёт его непривлекательные стороны, и чем их у него оказывается больше, тем скорее «страсть» подходит к своему логическому завершению.

Так и проходила бы её жизнь (и жизнь Гро) спокойным, уверенным шагом, если бы на заднем фоне не присутствовала постоянная угроза, тихая, но всё чаще обещавшая разразиться бешеным штормом. Ровно в тот момент, когда, о ней, казалось бы, уже все забыли — угроза исполнила своё «обещание», разорвав жизнь девушек на две дикие части под названием «до» и «после».

А самое смешное, что началось всё это ещё много лет назад, когда Минни было семь, а Грослин — двенадцать лет, но тогда никто из них не придавал этому должного значения. Зря. Если бы они ещё тогда всерьёз подумали над проблемой и попытались бы всё сразу решить — сейчас, возможно, им не пришлось бы платить столь высокую цену…

Когда на свет появилась Синайя, родители были дико счастливы — ещё бы, такой сюрприз накануне Рождества! Но очень скоро выяснилось, что у девочки имеются серьёзные нарушения психики, способные в будущем развиться до настоящей патологии. Мистер и миссис Кроу сделали всё возможное, чтобы их поздний ребёнок получил шанс на нормальное существование в социуме: провели несколько операций на мозге девочки, занимались вместе с ней в специальной школе для детей, отстающих в развитии… Гро и Минни честно переживали за сестру и искренне обрадовались, когда Син — так назвала синеглазую дочку Аманда Кроу, начала поправляться.

После того, как Син исполнилось восемь, многие проблемы со здоровьем исчезли у неё как бы сами собой. Она вполне свободно могла общаться со сверстниками, обладала сходными с другими детьми показателями интеллекта… Однако со временем родители, да и старшие сёстры стали замечать, что девочка всё

старательнее замыкается в себе, не хочет общаться и заводить новых друзей в школе. Постепенно, те немногие из ребят, кто с ней общался — также отвернулись от вечно задумчивой и несклонной к пустым разговорам Син. Сами Мин и Гро не до конца понимали её, когда она вдруг, промолчав подряд несколько дней — вдруг ни с того, ни с сего начинала без умолку говорить о каких-то далёких странах и призрачных городах, в которых всегда было холодно и повсюду сверкал снег.

«Последняя капля» настигла их, когда Син было восемнадцать. Трагедия, унёсшая жизни Чарльза и Аманды Кроу полностью «сломила» и без того хрупкое равновесие внутри юной девушки. Никому ничего не сказав, она просто убежала из дома, оставив на попечение сестёр все заботы, связанные с организацией похорон. С этого момента, безоблачная жизнь любимых дочерей и дружных сестёр для семьи Кроу раз и навсегда закончилась…

— Так, пора бы уже тебе выйти из астрала — это входит в круг моих занятий, помнишь?

Неожиданно подошла Гро и хлопнула сестру по спине, отчего та, резко выдохнув, опрокинула остатки кофе из стаканчика на пластиково-белую поверхность стола.

— Спасибо, — недовольно пробурчала Минни. — Теперь придётся звать официантку, чтобы она всё здесь прибрала. На сегодня с меня уже хватит неожиданностей.

Минни приподняла брови, намекая на утреннее происшествие в салоне сестры.

— Вот оно — буржуазное воспитание, во всей красе. — Гро спокойно взяла салфетку и вытерла липкую жидкость со стола. — По-твоему, это так сложно — самой исправить свою же оплошность?

— Да, но мы же не в ресторане «Икеа» — здесь совсем необязательно заниматься самообслуживанием, — съязвила Минни. — Сегодня я явно не настроена сокращать затраты кафе на услуги персонала.

— Не веди себя как Пэрис Хилтон, — в глазах Гро читалось явное неудовольствие от происходящего. — Во-первых, у тебя нет таких денег как у неё, чтобы позволять вести себя как свинья. А во-вторых — с каких это пор ты стала такой ленивой?

— Наверное, с тех самых, когда я узнала о своём увольнении, — парировала Минни. — Вообще, к чему этот странный разговор, я взрослый человек и могу позволить себе вести себя как угодно — даже и как свинья!

— По-моему, на свинью ты не тянешь, — с совершенно

серьёзным видом возразила Гро. — Скорее уж, как маленький поросёночек.

— Что-о-о? — лицо Минни медленно, но верно вытягивалось, когда она вдруг почувствовала у себя во рту кусочек булки. Гро воспользовалась моментом и «стрельнула» в неё комочком от хлебной палочки. И попала прямо ей в рот!

— Ну, это уже переходит всякие границы! — разъярённо воскликнула Минни, и в ответном ходу швырнула в неё злополучный стаканчик.

Тот угодил сестре точно в лоб. Не теряя достоинства, Гро вытащила из тарелки листик салата и начала аккуратно скатывать его пальцами в идеальный шарик, с явным намерением начать тихую, но беспощадную битву. Однако в тот момент, когда она прицеливалась в Минни со своим «фирменным» лицом статуи, последняя не выдержала, и, издав звук, действительно отдалённо напоминавший хрюканье поросёнка — громко рассмеялась.

Посетители кафе тут же начали оглядываться на странную парочку. Естественно, где это видано, чтобы серьёзная молодая женщина, бывшая в прошлом консультантом ФБР по делам с особым психологическим уклоном, сейчас сидела и обстреливала другую молодую девушку листьями шпината?

Однако Гро могла шутить только так — сначала быть жутко серьёзной, а потом внезапно рассмеяться так, что не «заразиться» этим смехом было просто невозможно. Именно это и происходило в данный момент, и Минни про себя дико радовалась этому событию, потому как в последнее время поводов для шуток, а уж тем более для таких вот приступов смеха в их семействе практически не было.

Отсмеявшись на полгода вперёд, девушки успокоились и начали говорить уже более серьёзно.

— Ну так что, мы и вправду пойдём на «последнее свидание» с Син? — Минни была несколько встревожена, хотя и старалась не подавать виду.

— Думаю, сходить всё же надо. — Гро положила в рот кусочек помидора и старательно принялась его пережёвывать. — К тому же, если она не врёт, у неё есть какая-то информация, которая, опять же по её словам, способна помочь нам выбраться из «вынужденных» финансовых затруднений.

— «Вынужденных финансовых затруднений»? — повторила Минни. — Это она что, намекает таким образом, что оставила нас без гроша в кармане и теперь как бы «извиняется» за это? Хочет нам помочь, серьёзно? Как-то мне в это верится с трудом, если честно.

Минни была не склонна разделить «энтузиазм» сестры по поводу произошедших событий. Всё это было подозрительно, явно не в духе Син. Угнать машину, убить преступника, воображая себя Тайным Блюстителем Закона — это да, это было похоже на неё. Но чтобы попытаться исправить изгаженные по её вине судьбы сестёр? Одним словом, здесь явно было не всё чисто.

— А ты не думаешь, что это может оказаться ловушкой? — неожиданно спросила сестру Минни. — Что, если у неё есть какой-то свой план, который она в очередной раз попытается «испробовать» на нас?

— Я думала об этом, — честно призналась Гро. — Однако на первый взгляд остерегаться нечего — Син под усиленной охраной, в камере для одиночных заключённых. Даже если учесть, что у неё откуда-то взялся мобильник, не думаю, что ей удалось разжалобить или подкупить чем-либо надсмотрщиков. Те наслышаны об её «особенностях» и знают, как вести себя в крайних случаях, так что да — мне больше нравится версия об искреннем раскаянии. — Казалось, Гро намеренно отметает от себя мысли о плохом. «Неужели ей настолько нужны деньги?», — подумала про себя Минни, но вслух только и сказала:

— Вот именно, что «на первый взгляд», — девушка наклонилась поближе к сестре. — Почему ты так старательно защищаешь её, Гро? Очевидно же, что ничего хорошего эта встреча не сулит нам обеим, так почему ты так настаиваешь на том, что там, — она намеренно подчеркнула это слово. — Там всё пройдёт «на отлично»?

Какое-то время сёстры молча смотрели друг на друга. Потом Грослин медленно проговорила:

— Видишь ли, дело в том, э-э-э… Она попробует кое-что передать нам, Минни. И эта вещь действительно поможет нам начать жизнь «с чистого листа».

— Передать кое-что? Боже, Гро, о чём ты говоришь?! — громко прошипела Минни. — Это же будет против закона — и для нас, не говоря уже про неё!

Голос девушки и так был тихим, но теперь упал до чуть слышного шёпота.

— Вы что, собираетесь сыграть в «Графа Монте-Кристо»? — брови девушки готовы были «улететь» с лица — так высоко они поднялись. — У неё есть карта, на которой сказано, где искать алмазы? Опомнись Гро, Син всегда жила беднее некуда, откуда у неё «что-то», способное изменить нашу жизнь?!

Минни практически пищала от возмущения (насколько писклявым может быть женский шёпот). Вдобавок, её всё время тянуло оглянуться — вдруг позади уже собралась пара

полицейских в штатском, готовых с удовольствием взять их с сестрой под арест тут же, на глазах у тридцати свидетелей?

— Тихо, Минни, успокойся, — голос Гро звучал твёрдо и уверенно. — С нами ничего не случится. Мы просто придём на свидание и просто, и спокойно заберём у Син то, что она хочет нам передать. К тому же, я же ясно сказала — «информация». Син с помощью определённых метафор кое-что нам расскажет, а затем как бы случайно поправит волосы — и передаст нам бумажку с дешифровкой. Вот и всё.

Со слов Гро всё выглядело так, как будто забирать у преступника передачи было вполне естественно. Так, словно они собирались забрать с почты письмо.

— Но это же невозможно! За нами всё равно будут следить, и уж конечно, не заметить клочок бумаги им будет очень «сложно».

— Мы всё обсудили. Не переживай. — Гро была абсолютно невозмутима.

— «Не переживай»? — Минни хотела ещё что-то сказать, но вдруг спохватилась. — Погоди-ка, а когда это вы успели всё так детально обсудить? Сомневаюсь, что подобный разговор мог уложиться в полминуты, — девушка нахмурилась. — Ты успела поговорить с ней ещё раз, верно? Но когда?

Почему-то тревога плавно переплавилась в липкое и противное ощущение страха. А ещё было какое-то обидное чувство, «фонившее» на заднем плане. Чувство… Предательства?

Грослин внимательно посмотрела на сестру, но не улыбнулась. Глубоко вдохнув, она заправила свои золотистые волосы за уши, и просто ответила:

— Утром. Пока ты дожидалась меня в «Оке».

Минни удивлённо уставилась на неё. Подходящих слов, чтобы описать ей свои чувства, не находилось, поэтому обе просто «наслаждались» неловким молчанием.

— Я поняла, — наконец выдавила Минни. — Значит, пока я как чокнутая колотилась в твою дверь, думая, что тебя уже наверняка порезал тот урод из вечерних новостей, вы с нашей «младшенькой» обсуждали чуть ли не план побега?!

Не помня себя от злости, Минни демонстративно поднялась с кожаного диванчика, и не глядя на Гро, собиралась гордо прошествовать к выходу. Как вдруг старшая сестра резко схватила её за руку и насильно, мощным рывком — усадила на место.

— Прекрати вести себя как ревнивая идиотка, — Гро сказала это спокойно, но прозвучало это так, будто она проорала на весь зал. Минни неохотно уступила. — А теперь заткнись и послушай меня, — молодая женщина шумно выдохнула, собираясь с мыслями, а затем подняла на младшую сестру глаза и начала

говорить.

— Мне тридцать два. Тебе — двадцать семь. Я — гадалка-неудачница, ты — безработный юрист. Когда-то я была неплохим «мозгоправом», а ты — копом. Но времена изменились. Теперь мы — никто, и звать нас — никак.

Да, я тоже ненавижу Синайю за всё, что она сотворила с нами и нашей жизнью.

Да, я готова подписаться под каждым твоим словом относительно того, что вся эта затея — безрассудство, и притом безрассудство опасное. Но мне — терять больше нечего.

Ты распускаешь сопли по поводу того, что тебя уволили и ты потеряла весь смысл своей жизни? Что ж, могу заверить тебя, что со мной было то же самое. Только в отличие от тебя, я не пыталась «заесть» своё горе гамбургерами с колой, а попыталась использовать то немногое, что осталось у меня от прошлой жизни. Открыла салон. Но, — она повела рукой и грустно улыбнулась. — Как видишь, особого успеха это предприятие не принесло.

Поэтому сейчас, когда есть хоть какой-то шанс изменить моё дерьмовое существование — я на него пойду, пускай даже оно будет равно смертельному риску. Я хочу изменить свою жизнь, понимаешь, Минни? Хочу вырваться из всего этого, и снова почувствовать себя уважаемым человеком.

И пусть даже ради этого придётся уехать из страны и сменить паспорт — я готова на всё.

— На всё! — повторила она со слезами в голосе. — Только бы вновь почувствовать себя живой и нужной, почувствовать себя Грослин Кроу, а не прозябать до конца жизни в образе «Мадемуазель Гросселинды».

И поэтому я прошу тебя — Минерва Кроу, помоги мне. Помоги, и возможно чуть позже — я обязательно помогу тебе, возможно даже больше, чем ты можешь себе представить…

Минни была поражена. Она никогда бы не ожидала от своей сестры — всегда такой сдержанной и рассудительной, такого мощного потока эмоций. Искренних эмоций. Она ведь привыкла всегда и со всем справляться сама, а теперь, выходит, ей нужна помощь её — Минни? Конечно, это было странно. Конечно, Минни было страшно идти на встречу с Син, и случись ей самой выбирать, она никогда не решилась бы на такое. Но теперь у неё просто не могло быть другого выхода. Она должна была помочь сестре, которая всегда, с самого детства, помогала ей. И вот сейчас — первый раз в жизни сама просила о помощи. В этом случае ответ мог быть только один.

— Свидание ведь назначено на завтра?…

На следующее утро, ровно в шесть часов машина Гро была припаркована рядом с домом младшей сестры. Добираться до городской тюрьмы было неблизко, поэтому сёстры решили выехать пораньше, свидание было назначено на семь утра, а автобус, перевозивший преступников в самую (как уверяли чиновники) надёжную тюрьму региона — «Ривер-Бридж» должен был прибыть в семь сорок. Таким образом на то, чтобы пообщаться и навсегда попрощаться с «паршивой овцой» их семейства, девушкам отводилось чуть больше двадцати минут. «За это время ведь ничего плохого произойти не успеет, правда?», — утешала себя Минни. Бросив сумку на заднее сиденье, она ещё раз с опаской оглядела дом, в котором прожила последние несколько лет.

— Ну что опять такое? — театрально закатывая глаза, спросила Гро.

— Квартира ведь не взорвётся, как только мы отъедем на пару метров?

— Боюсь, ты чересчур переоцениваешь способности Син, дорогая, — успокоила её Гро. — Подорвать твою квартиру — это последнее, что может сделать наша «сестрёнка». — Гро приложила руку к щеке «шторкой» и добавила низким, глубоким голосом: «Я думаю, у тебя начинается мания преследования». После чего, довольно фыркнув (очевидно, ей переживания Минни казались забавными) села за руль. Нацепив на нос большие тёмные очки — «авиаторы», она высунулась из окна и, изображая крутого детектива из сериала, обратилась к всё ещё топтавшейся рядом с авто Минни:

— Ну как, напарник, готова «пролистать» последнее дело?

Глубоко вздохнув, Минни улыбнулась и села в машину. Всё же её не покидало какое-то странное, нехорошее предчувствие. Но, чтобы лишний раз не раздражать Гро (которая почему-то была от происходящего чуть ли не в восторге) Минни решила лишний раз не напоминать ей о том, насколько опасным (с любых точек зрения) может быть сотрудничество с Син.

Городская тюрьма «Скай Стоун» представляла собой перевалочную базу, с которой наиболее опасных преступников отправляли в другие, более «крепкие» места штата. Те же, кто совершил мелкие правонарушения, спокойно отматывали здесь все положенные им сроки (в основном, два-три года, максимум — пять лет). Почему «Скай Стоун» не мог позволить себе «запирать» более серьёзных преступников? Руководство тюрьмы никогда не скрывало, что на содержание заключённых выделяются ничтожно малые суммы, и они просто не в состоянии обеспечить гражданам

соответствующую защиту от серийных убийц и рецидивистов. В то же время, они открыто заявляли о себе как о тюрьме «перекрёстного назначения», то есть способной дать «направление» любому нарушителю порядка туда, где ему действительно было место. Исходя из полученных характеристик, аналитики и психологи данного заведения могли с точностью спрогнозировать те условия охраны, в которых преступнику будет наиболее комфортно, но в то же время они будут настолько жёсткими, насколько это было нужно именно для него. Таким образом, защита маленького Вэлриджа (а сёстры всё ещё жили именно там) находилась в более-менее компетентных руках. Тем более, что происшествия «особого типа» случались здесь нечасто, следовательно, смысла в супернавороченной тюрьме просто не было.

Однако — коли уж приходилось держать «особо опасных» до переезда, делалось это с особой тщательностью. В здании было несколько камер, оборудованных специальным образом и напичканных ультрасовременной техникой (как всегда подозревала Гро, именно на это, судя по всему, и уходил основной бюджет тюрьмы). В одном из таких «кубов», как нередко называл их начальник тюрьмы, и содержалась сейчас Синайя Кроу. Тем более, Минни не находила для себя разумного ответа на вопрос, откуда у заключённого в таких условиях, в принципе, мог взяться мобильный.

Внешне же тюрьма ничем не отличалась от других своих собратьев. Такое же каменное здание, тянущееся квадратом, внутри небольшой двор для прогулок, везде стоят вышки с дозорными, и также как и везде, слышен лай сторожевых собак. Однако когда ты попадал внутрь — всё сильно изменялось. Казалось, что ты находишься в каменном лабиринте, где за любым поворотом тебя ожидает… Ну, в общем, что-то да ожидает. И хоть блок для посетителей был отгорожен от основного помещения с камерами, всё равно в воздухе чувствовался душный запах несвободы, и от всего здания веяло пробирающим до костей холодом. Минни как-то доводилось побывать здесь, когда нужно было проконтролировать выпущенного из тюрьмы за «хорошее поведение» раньше срока паренька. Билли Воткинс, кажется так его звали. Минни хорошо его запомнила, потому что он впоследствии стал одной из её «неудач» как инспектора — через полгода работы на предприятии по переработке рыбы, Билли решил, что жизнь, в которой деньги достаются ему путём мелкого жульничества и воровства, гораздо приятнее, чем «вкалывание» до седьмого пота на рыбзаводе. В очередной раз, когда нужно было отмечаться, он не явился в участок, и сколько потом Минни

не билась — пытаясь найти его и поговорить, больше его так и не видела. Была информация, что он сбежал в Калифорнию, но искать его там было всё равно, что иголку в стоге сена. К тому же, он легко мог подделать себе новые документы и стать другим человеком, не меняя при этом образа жизни. Ей до сих пор было стыдно за себя.

Внезапно нахлынувшие воспоминания прервала Гро, которая резко остановила машину за сотню метров до «пункта назначения». Что-то было не так.

— Похоже, у нас проблемы, — констатировала Минни. — И я даже догадываюсь, какие.

Она повернулась и выразительно поглядела на сестру. Та сидела, не меняясь в лице, всё также сжимая руль. Глаза её за тёмными стёклами очков были непроницаемы.

Перед ними разворачивалась странная картина: внешне всё было спокойно, но нельзя было не заметить определённую суету, происходящую за высокими тюремными воротами. Люди с собаками быстро прочёсывали двор, в то время как дозорные на вышках внимательно следили сверху за тем, что творится внизу, и одновременно осматривали близлежащие окрестности. Однако сирены не выли, и громкоговорители молчали. Это было странно.

Гро рывком вдавила газ до упора и развернула машину на сто восемьдесят градусов. Одновременно она нажала кнопку, и стёкла машины быстро поднялись вверх. Благодаря тому, что Гро ездила на маленькой малолитражке «Пежо» болотно-зелёного цвета, сверху их манёвр остался незамеченным (по крайней мере, именно на это и рассчитывала Гро — они ведь должны были слиться с зеленью, так?). К счастью, им повезло остановиться аккурат под сенью раскидистого дуба, вполне способного скрыть маленькую машинку, поэтому максимум, что можно было заметить сверху — это чёрный дым, неизбежно вырвавшийся из выхлопной трубы Гро.

Отъехав ещё на пару сотен метров, Гро остановила машину в ближайшем переулке и нервным движением сняла очки. Бросив взгляд на приборную доску, она отметила время «6:50». Дело было плохо.

— Интересно, почему вся операция проходит так тихо? — спросила Минни. — Здесь же без вариантов — это она, так почему все ведут себя так, как будто это рядовая проверка или учения?

— Может быть и нет, — возразила Гро. — Хотя сейчас действительно оказался не самый подходящий момент для «свидания».

Маловдохновляющий ответ. Светловолосая девушка всё также продолжала смотреть на часы, как будто её загипнотизировали.

Спустя несколько мгновений она оторвалась и сконцентрировала своё внимание уже на пейзаже перед лобовым стеклом. Вернее, перед его полным отсутствием, потому как впереди находился угол дома, за которым сонная и малонаселённая (по понятным причинам) улочка Мейси-Стрит упиралась в конце пути в ту самую тюрьму, из которой только что, по предположению сестёр, сбежала преступница.

Минни соображала туговато, поэтому, когда в её мозгу только-только начала проскальзывать тень догадки — стало уже поздно.

Грослин вышла из машины и решительным шагом пошла вперёд, очевидно желая свернуть за угол. Минни ничего не оставалось, как последовать за ней, тем более, что случившееся было невозможно исправить. Следовательно, оставалось только смириться и действовать «по обстоятельствам». Когда Гро вышла из-за угла, её чуть не сбила буквально «пролетевшая» мимо фигура. Даже находившаяся в стороне Минни не сразу поняла, кто это. Всё, что можно было разглядеть — это размытое пятно апельсинового цвета — с такой скоростью нёсся этот человек.

Однако фигура неожиданно затормозила, и тогда всё сразу встало на свои места. То, что девушка приняла за яркое пятно, оказалось оранжевым комбинезоном «смертников» — самых обречённых из преступников. В следующую секунду мелькнула длинная иссиня-чёрная коса и ярко-синие глаза на фоне белоснежной кожи. Если у Минни и оставались ещё какие-то слабые надежды относительно того, кто бы это мог быть — то теперь все они были окончательно «похоронены заживо». С диким воплем в душе, девушка в очередной раз прокляла тот день, когда родители сообщили им о новой беременности мамы. Это была Синайя Кроу собственной персоной, двадцати двух лет отроду, но с набором психических заболеваний сорокалетнего серийного маньяка. И это была их родная младшая сестра. И она совершила побег. И Гро, похоже, не только разрешила втянуть себя во всё это дерьмо, но и являлась изначальной его соучастницей. В этот миг незыблемый авторитет старшей сестры треснул в глазах Минни, и — разлетелся на миллиарды микроскопических радужных осколков. Это было не просто предательство, но осознанная, продуманная «подстава».

Син сильно запыхалась. Видно было, что «марафон освобождения» дался ей нелегко. Возможно, она никогда не бегала с такой скоростью, как сегодня. И уж точно ей ещё ни разу не приходилось преодолевать расстояние, приблизительно равное километру — на время. Но чем быстрее — тем ближе к свободе, поэтому такой риск стоил свеч. Что же касалось Гро, то она по-

прежнему оставалась немногословной. Положив руку на спину склонившейся к коленям в попытке отдышаться младшей сестре, Гро просто сказала: «Нет времени». После чего они с Син обменялись понимающими взглядами и быстро направились обратно к машине. Проходя мимо остолбеневшей Минни, Синайя улыбнулась и похлопала её по плечу со словами: «Ровно сорок пять секунд, а? Чётко я уложилась!». После чего нырнула на заднее сиденье. Гро также села обратно, однако Минни не двигалась с места.

— Минни, садись. Чем быстрее мы уберёмся отсюда, тем лучше. — Гро была удивительно спокойна.

— Я никуда не поеду. — Также спокойно ответила Минни. — Это ваша игра, вот вы в неё и играйте.

— Мин, твоё настойчивое желание «сесть» вместо меня просто поражает моё воображение, — Синайя была одновременно и серьёзна, и весела. — Однако, если мы сядем все вместе, мне, да и Гро, наверное, это доставит гораздо меньше удовольствия, ведь так, Грослин? — мотнула головой в сторону старшей сестры Син. — Давай садись уже — я что, зря пробежала триста метров за полминуты? А я ведь, между прочим, не бегунья! — укоряюще подзадорила она девушку.

— Так вот это по-твоему называется «пролистать последнее дело», Гро? Это по-твоему — «Новая жизнь»?

— Полиция застанет нас здесь в любую секунду, Минни, — отозвалась Гро. — Прошу тебя, сядь в машину — по дороге мы тебе всё объясним, обещаю. Но это в любом случае будет лучше, чем если мы сейчас всей семьёй загремим в «Ривер-Бридж» — Син права.

— С-семья? — заикаясь проговорила девушка. — Да как вообще ты можешь говорить о семье после такого? — Минни была на грани истерики. Снова — что-то многовато за последние пару дней. Девушка подумала, что, определённо, стресс плохо влияет на неё. Даже не верилось, что за такое короткое время она из жизнерадостной и сообразительной девушки-полицейского, всегда готовой помочь — превратилась в зануду-тугодумку, не способную и двух слов между собой связать, чтобы выразить собственные чувства.

Тишину нарушил топот ног. Естественно, полиция начала обследовать и близлежащие к тюрьме территории. Если они не уедут отсюда в ближайшие секунды две — им определённо пришёл конец. Всем троим.

Как бы там ни было — а садиться в «кутузку» по вине Син, Минерва Кроу явно не собиралась. Это было бы уже наивысшей стадией идиотизма в её жизни. Она — бывший коп, и если её

новая жизнь должна была начаться с должностного преступления — оказания помощи сбежавшему преступнику, то она хотя бы постарается сделать так, чтобы это преступление осталось нераскрытым. Но зато теперь Минни знала твёрдо как никогда — на сестринской дружбе можно «залететь» очень крепко.

Глава 5 Родные люди

Последующие события развивались стремительно — Минни в один прыжок запрыгнула в машину, а Гро изо всех сил вдавила задний ход. К счастью, переулок не был тупиковым — позади девушек имелся ещё один выезд на дорогу, и теперь всё зависело лишь оттого — успеют ли они выехать туда прежде, чем их машину возьмут «в объектив» полицейские.

Звуки шагов стали отчётливее, плюс — к ним добавился красноречивый лай собак, ясно говоривший о том, что сбежавший находится где-то неподалёку. Минни казалось, что всё происходит не с ней. Вот она видит рядом с собой младшую сестру-рецидивистку, в то время как старшая из них отчаянно пытается вырулить из узкого кирпичного коридорчика, в который машинка оказалась практически «втиснута» словно яблоко во рту у запечённой свиньи. Гро водила очень хорошо, ей удалось вывести автомобиль достаточно быстро, но, к сожалению, не настолько, чтобы их не успели заметить.

— Немедленно остановите машину! Остановите машину или мы вынуждены будем стрелять!

Когда пространство разрезал вой громкоговорителя, Минни зажмурилась от испуга, а когда открыла глаза — они уже были на шоссе, и неслись на всей возможной скорости «Пежо» вперёд — прочь, как понимала Минни, из Вэлриджа.

Через несколько секунд, как и ожидалось, в зеркале заднего вида показался полицейский автомобиль. Новёхонький «Опель» блестел на солнце, было видно, что его не так-то часто посылали на задания типа «перехват», поэтому летел он словно птица, стремительно приближаясь к машине с троицей.

— Наверняка они уже сообщили наши номера в другие подразделения, — глядя в зеркало констатировала Гро. — И, скорее всего, все выезды из города уже перекрыты. — Девушка сняла очки, и теперь обеим сёстрам было видно в её глазах неприкрытое беспокойство. — У кого какие идеи, дамы?

Минни поглядела на Син, сидящую рядом. Та, в свою очередь, тоже посмотрела на неё и хитро подмигнула:

— Можешь остановиться и закрыть глаза — через пару минут за нами хотя бы не будет хвоста. — Син произнесла это, обращаясь к Гро, однако смотрела при этом исключительно на Минни.

— А ещё через две минуты нас обстреляет весь спецназ Вэлриджа, — мгновенно отреагировала Гро. — Не подходит, хотя и заманчиво, — девушка улыбнулась. — Давайте поактивнее? Я

не могу одновременно вести машину и на ходу придумывать план спасения.

— Можно попытаться пробиться через лесополосу, — Минни отвела глаза от Син, и сосредоточилась на отражении зелёных глаз Гро в зеркале заднего вида. — Попробуем съехать в овраг, там, где дорога пошире, потом, наверное, машину придётся оставить. Пойдём пешком.

— Ага, отличный вариант, — Син откровенно захихикала. — Ни запасов, ни одежды — только наши документы и радостные лица при встрече с защитниками правопорядка, — девушка небрежно закатала «распустившийся» рукав комбинезона. — К вечеру, когда мы окончательно заблудимся в лесу, мы будем благодарить их за то, что вовремя нас обнаружили — пока наши хорошенькие задницы не треснули от холода. Интересно, среди них найдутся мускулистые ребята? Я погреюсь на их груди с большим удовольствием, чем на ветке какого-нибудь старого дерева. Простите, но я — не Алиса из страны чудес.

— Алиса вроде не лазила по деревьям, — машинально отозвалась Минни.

— Серьёзно? Зря. Думаю, ей бы это точно пригодилось. — Син ухмыльнулась.

— Девочки, девочки — давайте вернёмся к основной теме, а? — попыталась вновь обратить на себя внимание Гро. — не подумайте, я, конечно, «безумно» рада, что мы снова все вместе, и что вам двоим даже есть о чём поговорить, — при слове «безумно», Грослин смешно выпучила глаза. — Но всё-таки, давайте обсудим предложение Минни, ладно? Оно, в принципе, не так уж и плохо. — Гро кивнула головой в сторону Син, давая той понять, что её возражения не принимаются до окончания «аналитического процесса» плана.

Тем временем, городские пейзажи за окном постепенно начинали редеть, а полицейская машина, ведущая их активное преследование, уже успела пару раз просигналить и сообщить девушкам о том, что им следует немедленно затормозить у обочины.

— Ну так что? Как будем отрываться? — Син начинала нервничать.

— Это же ты решила неожиданно «проветриться» — вот ты и придумывай, — злобно рявкнула на неё Минни.

— Итак, по всей видимости, план такой, — Гро была собрана, но чувствовалось, что адреналин в ней начинает зашкаливать. — Скоро будет поворот направо — искренне надеюсь, что нас там ещё не ждут. «Газовать» буду на последнем издыхании, так что держитесь. Как только я сверну на обочину, мы быстро

выскакиваем и уходим в лес. Не оглядываясь. Син, — она повернулась к младшей сестре. — Вытащи из-под сиденья сумку — в ней одежда для тебя и немного денег. Дальше — будем соображать «на бегу».

— Гро, но они же начнут стрелять, — возразила Минни, краем глаза наблюдая, как Син начала копошиться внизу, очевидно, вытаскивая сумку. Когда же ей это удалось, она радостно воскликнула: «О, да тут и пара бутылок воды есть — молодец, сестрёнка — предусмотрела!»

— Если бы они захотели выстрелить — уже сделали бы это, — резонно ответила Грослин. — Пока же я могу сказать только, что и машина новая, и за рулём у неё — также новичок. А ему, похоже, не очень-то хочется продырявливать очаровательных пассажирок моей «лягушки».

«Лягушкой», Гро ласково называла свою машину за её «неординарный» цвет.

— Точно, — подхватила Син. — К тому же, кто знает — может, мы тоже вооружены и сможем дать ответный «залп»? Представляешь, какой это отстой — на первом задании «порезать» новую тачку? Да ещё и из-за каких-то баб?

Машина плавно продолжала набирать скорость, пока через пару метров героини не увидели знак, ясно говоривший о следующем через тридцать метров повороте. «Прошу — только бы там никого не было, пожалуйста», — мысленно молилась Гро. Когда же авто наконец свернуло — стало ясно, что на чудо рассчитывать не приходится. Впереди маячило пять автомобилей одинаковой чёрно-белой расцветки, с истерично горящими мигалками. Выход был отрезан.

— Ну вот и прокатились, — пробурчала себе под нос Минни.

Около машин уже выстроилась небольшая шеренга полицейских с поднятыми «на изготовку» пистолетами.

— Немедленно остановитесь, и выходите с высоко поднятыми руками!

Голос в рупоре был знаком Минни, но из-за яркого солнца она не смогла разглядеть, кто же именно произнёс эту фразу. Между тем «Лягушка» медленно остановилась, и Гро выдернула ключ зажигания. В салоне наступила гробовая тишина.

— Извини, Син, но другого выхода у нас, видимо, просто нет. Придётся сдаться.

— Выходите с поднятыми руками! Считаю до трёх — потом буду стрелять! Раз…

Минни напрягла зрение, и чуть наклонившись вперёд — различила очертания стройной мужской фигуры в чёрной форме Южного Участка номер Пять. «Доналд»? — удивлённо произнесла

девушка.

— Два…

— Девочки, вы просто не представляете, как я была рада увидеть вас всех сегодня. Особенно тебя, Мин, — казалось, Синайя говорит вполне искренне.

— Да уж, — устало проронила Гро, — К сожалению, в этот раз история закончится для всех одинаково.

— Три…

Реакция Син была молниеносной — в одно движение ей удалось перемахнуть на переднее сиденье, одновременно локтем захватив шею Гро. Та же от неожиданности смогла только тихонько охнуть, прежде чем в следующий миг младшая сестра кубарем вытащила её перед авто и, зажимая ей горло локтевым суставом, громко крикнула навстречу полиции:

— Только попробуйте выстрелить — я сверну ей шею! А? Вы же слышали обо мне — я могу сделать, что угодно!

Полицейские были озадачены. Тот, в ком Минни признала некоего Доналда, постарался обыграть всё как блеф:

— Бросьте, Синайя. Мы и впрямь наслышаны о ваших «подвигах», но я точно знаю, что своей сестре вы ничего не сделаете. Успокойтесь и перестаньте сопротивляться — излишняя агрессия не сослужит вам службы при вынесении приговора. Добавите себе ещё лет 20 — к чему вам это?

В ответ Син только сильнее затянула импровизированный «узел» из рук на шее сестры. Гро начала хрипеть. Она действительно задыхалась.

— Вот именно, офицер… Кстати, как вас зовут?

Син чуть нагнула шею Гро назад — та же буквально «сложилась» вдвое, так выгнулся её позвоночник (Син была ниже сестры на голову). Теперь Гро просто «висела» на руках у преступницы.

— Пожизненный срок плюс двадцаточка — это многовато даже для меня. Прибавь год, прибавь два — всё равно. Так что я теряю? С таким «списком» как у меня, лишняя смерть — плёвое дело.

С этими словами Син улыбнулась краем губ и поцеловала Гро в щёку.

— Все мы — «потерянное поколение», не так ли?

Видно было, что Доналд сомневается. «Что бы там ни было, а она по ходу — реальный шиз», — подумал про себя он. Выступив чуть вперёд, Доналд аккуратно поднял руку и дал знак напарникам, чтобы те опустили оружие.

— Но это же твоя родная сестра? — попытался «потянуть время» мужчина.

— Вы не сказали, как вас зовут, — повторила Син.

— Доналд Ромирез. Офицер Доналд Ромирез, — тут же поправился он.

— М-м-м, — довольно промычала девушка. — У вас в роду были итальянцы?

— Какое это имеет значение?

— Никакого. Просто я люблю красивые имена — стойте на месте! Не подходите ближе!

Офицер, попытавшийся было приблизиться к Син, тут же отступил назад на полшага.

— Чего вы хотите, мисс Кроу? — попытался он вновь завязать разговор. — Вы же понимаете, что никакой свободы или «сброса» срока для вас — невозможно? Но, если вы сейчас сдадитесь добровольно — я попытаюсь добиться у судьи, чтобы вам больше не прибавляли года, а оставили уже действительным ранее вынесенный приговор. Постараемся списать всё на «шальные нервы», идёт?

Ромирез медленно убрал пистолет в кобуру так, чтобы она это увидела, и примирительно поднял руки вверх. Спустя секунду, он с улыбкой произнёс:

— Естественно, шутка ли — шестьдесят пять лет в колонии особого режима, да ещё и без возможности выхода досрочно или из-под амнистии. Тут у кого угодно «башня съедет», да?

Минни в ужасе наблюдала за происходящим с заднего сиденья «Пежо». То, что сейчас творилось по ту сторону лобового стекла — просто не укладывалось в рамки понимания девушки. Син действительно могла убить Грослин? Или же это всё какое-то чудовищное представление? Минни глядела на Доналда во все глаза и молилась только о том, чтобы никто в этой ситуации не пострадал. Потому что Син могла убить кого угодно, не прибегая к оружию вовсе — это Минни знала наверняка. Даже если полиция откроет огонь, их «младшенькая» всё равно успеет навредить паре-тройке копов. А сейчас ближе всего к ней стоял Доналд. И Гро. Гро была у неё в руках и совершенно не могла сопротивляться. «Похоже, она пережала ей сонную артерию. В таком случае, любое неосторожное движение — и Грослин умрёт, даже не успев ничего почувствовать», — подумала девушка. В ту же секунду она ощутила липкий холодный пот, бусинками выступивший над верхней губой.

Внезапно в воздухе раздалось какое-то шипение. Ромирез не сразу понял, что его источник находится у него на поясе — это верещала рация, на которой горел маленький жёлтый огонёк, ожидая ответа.

— Ты не против, если я отвечу? — поинтересовался он у Син.

Не увидев никакой негативной реакции, Доналд медленно вытащил чёрный приёмник и поднёс его к губам — он старался, чтобы девушка видела все его движения как можно чётче.

— Ромирез слушает.

— Доналд, это Берни — как там у тебя дела?

— Всё нормально, Хоспек — вот только девушка взяла заложника.

— Заложника?! И кто же этот «счастливчик»? — конечно, удивлённый собеседник на том конце и не предполагал, что «счастливчик» в данный момент погибает на глазах у его напарника.

— Её старшая сестра. Грослин Кроу — помнишь такую? — очевидно, многие ещё помнили ту скандальную историю с фальсификацией судебно-психиатрической экспертизы.

— Дон, ты вообще где сейчас? — последовал вопрос с несколько запоздалым шипением.

— Прямо напротив неё. Стою и смотрю в её прекрасные синие глаза… — Это было правдой. Ромирез не спускал глаз с Син, разговаривая с напарником. Одновременно он пытался не упустить из виду малейшее движение девушки.

Какое-то время рация молчала. Молчал и Доналд. И Син. Слышно было лишь затруднённое дыхание Гро, которая уже почти потеряла сознание.

Когда радио снова заговорило, голос Хоспека был весьма тревожным:

— Эй, Дон — скажи ей, чтобы отпустила сестру — мы постараемся выполнить её требования. О, а она хоть чего-то хочет вообще?

Голос полицейского из рации был хриплым и низким — очевидно, это был пожилой человек, не очень-то заботящийся о соблюдении переговорных правил в отношении с преступниками. Скорее всего, он бы запросто дал Син уйти, если бы та потребовала — уж очень не хотелось ему смерти молодой женщины. Но переговоры вёл не он, а потому лишь мог посоветовать, и только.

— Считай, что я уже спросил, — ответил Ромирез и выразительно посмотрел на Син, после чего добавил: — Так вы чего-нибудь хотите, мисс Кроу? Я имею в виду, из возможного в вашем положении?

Син выпрямилась, давая тем самым Гро немного больше воздуха. Когда она начала говорить, голосок её звенел точно стальное лезвие:

— Офицер Дон Ромирез, — начала она. — Я требую, чтобы вы и ваши коллеги сейчас же убрали своё оружие, после чего быстро

сели в машины, и освободили мне и моим сёстрам путь. И не пытайтесь нас преследовать, — быстро добавила она.

Доналд снисходительно улыбнулся. «Не может быть, чтобы она была такая дура. С другой стороны — это просто как раскусить орех».

— Мисс Кроу, давайте поступим с вами следующим образом: вы — отпускаете заложницу, и мы её забираем. После этого мы можем предоставить вам бесплатно хорошего адвоката, который будет с вами всё время до вынесения нового приговора. Вы имеете право говорить только в его присутствии, никаких дополнительных допросов не будет. Мы ведь всё понимаем — не так ли? — Ромирез улыбнулся. — Кроме того, если ваши близкие захотят — вы получите с ними полуторачасовое свидание (естественно в присутствии наших людей). Но ведь у вас будет полтора часа, чтобы попрощаться, задумайтесь — это ведь очень много… Ну как? Такие условия вас устраивают? Мы договорились?

Вместе с этим Доналд задумался на секунду, почему она сказала слово «сёстры»? Может, оговорилась? По иронии, он не заметил Минни, тихонько сидящую на заднем сидении. Да и заметил ли её хоть кто-нибудь из присутствующих полицейских?

Снова зашипела рация. Детектив Бернард Хоспек на том конце чётко произнёс: «Дон, я высылаю подкрепление», и отключился.

Доналд молча выругался, но было уже поздно. Казалось, воздух между ним и преступницей раскалился настолько, что подбрось сейчас в воздух пару яиц — они тут же запеклись бы прямо на лету.

Он вновь взглянул на девушку — та стояла молча, крепко прижав к себе сестру в смертельном «объятии», и улыбалась.

— Синайя? — позвал её офицер, побуждая ту уже хоть на какой-нибудь ответ.

Секунды тянулись словно сползающая по стеклу капля смолы — медленно и мучительно тягуче. Син всё так же улыбалась, когда, наконец, вновь заговорила. На этот раз голос её был абсолютно спокойным, без каких-либо эмоций.

— Я ясно выдвинула вам свои требования. Вы — также понятно разъяснили мне свои. Что ж — жаль, что диалога не получилось. Офицер Ромирез, мы — не договорились.

Улыбка на лице Син выключилась как выгоревшая лампочка, и она лёгким движением дёрнула голову Гро влево. Послышался тихий хруст, после чего тело сестры резко обмякло и стало сползать из рук Син на землю. Всё, что запомнила в этот момент Минни — был её собственный пронзительный крик.

Глава 6 Объяснились

Вода была в меру горячей и очень приятной для уставшей за день кожи. Определённо, она стоила своих двадцати пяти центов в час, и это время следовало использовать по полной программе.

Обмакнув в воду мягкую губку, Грослин Кроу с удовольствием провела ею сначала по одной руке, потом по другой. В конце, ещё раз отжав губку, она потёрла себе шею, замурлыкав при этом от наслаждения.

Мысли в голове постепенно таяли подобно сахару в крепком чае. Не хотелось думать ни о Син, ни о Минни, которой придётся каким-то образом всё объяснять (она до сих пор лежала без сознания). Всё, что сейчас имело значение для Гро — это как следует отмыться и расслабиться, временно выкинув из головы предыдущие четыре часа.

Глубоко вдохнув, Гро медленно погрузилась в ванную с головой. Светлые волосы мгновенно начали подниматься на поверхность, в то время как тело девушки одновременно пребывало и на кафельном дне, и парило где-то в просторах космоса. Это были незабываемые десять секунд, по истечении которых воздух в её лёгких начал активно проситься наружу и, как бы ей этого не хотелось — но необходимо было вынырнуть. Когда голова Гро вновь оказалась в воздушном пространстве, ей показалось, что сознание резко выдернули «с небес» и с силой втолкнули обратно в тело. Когда же девушка открыла глаза — блаженство окончательно испарилось. Перед ней стояла Син.

Вода из источника райских ощущений мгновенно превратилась в простую горячую субстанцию, в которой, к тому же, почему-то стало совсем неуютно.

— Балдеем? — как ни в чём не бывало спросила Син.

Теперь на ней вместо оранжевого комбинезона красовалась синяя кашемировая водолазка с поддёрнутыми на три четверти рукавами, обнажавшими на удивление чистые руки — без каких-либо шрамов, татуировок или признаков того и другого. Большие пальцы она засунула в карманы синих джинсов-«дудочек», сужающихся книзу и обрисовывающих невероятно стройные ноги, которые, хоть Син и не отличалась высоким ростом, казались растущими «прямо от ушей». Она выглядела весьма стильно в одежде, прихваченной для неё Гро из, как выразилась младшая сестра, «семейного архива» — большого и старого гардероба Гро, в котором девушки в пору юности и частых ночёвок вместе регулярно забывали какие-нибудь вещи, взятые с собой на девичники «про запас».

Завершали наряд старенькие чёрно-белые кроссовки, которые, однако, были фирменными — а потому ходить и бегать в них (что было сейчас особенно актуально) рассчитывалось ещё лет сто, не меньше.

На секунду разум Гро усомнился — могла ли Син действительно совершить все те преступления, в которых её обвиняли? Но ведь ещё пару часов назад Гро видела всё собственными глазами, а потому искра недоверия судебным отчётам мгновенно потухла, уступив место противному ощущению, не отпускавшему её с того момента, когда она узнала о подставе с медэкспертизой. Формально — она всё сделала правильно: провела ряд тестов, показывающих, что сестра на момент совершения преступных актов была в состоянии аффекта и полностью невменяема. Она ничего не подтасовывала — просто подтвердила то, о чём и так догадывалась. Единственное, что ей можно было вменить — это намеренное усугубление некоторых, весьма щепетильных моментов, связанных в основном, целиком и полностью с работой подсознания — самого малоизученного и трудного поля для анализа.

Естественно, Син больше хотелось в психушку, чем в тюрьму — но тогда для чего она позже попросила повторное освидетельствование от совершенно постороннего врача? И главное, каким образом могло получиться так, что повторная экспертиза, проведённая аккурат через три дня после первой — признала девушку абсолютно адекватной и отдающей себе отчёт в том, что она делала и о чём думала на тот момент? Как вообще такое могло произойти? С точки зрения психиатрии это было невозможно, если только у Син не было ярко-выраженного синдрома расстройства и многомерности личности, при котором наступает не просто раздвоение, но полное расслоение личности на отдельные элементы сознания, способные в определённых обстоятельствах «играть» роль того или иного типа поведения.

Но это было уже совершенно «за гранью» понимания Грослин, и от того вопросов становилось всё больше, а вот ответов выходило, как всегда, мизер.

До сих пор она не отдавала себе отчёта в том, что доверилась всей этой авантюре с побегом только «благодаря» всей безвыходности положения, в которое попала по вине сестры. Она была не глупа, и потому могла себе представить, что всё это — ловко разыгрываемый спектакль, в котором им двоим — Гро и Минни придётся исполнить роли, «написанные» для них самой Син, с чётко поставленными целями и определёнными результатами, которых надо будет достичь. Боже, к чему это всё их приведёт? И зачем она вообще согласилась — неужели она

настолько легкомысленна, чтобы поверить в действительно внезапно вспыхнувшие чувства младшей сестры, желающей отблагодарить двух старших за оказанную помощь, и способной навсегда изменить их жизнь, вычеркнув все негативные события недавнего времени лёгким касанием «ластика случая», на который всё время уповала Син? Один вопрос мучал Гро с момента начала всего этого представления — «Что происходит»? И второй — уже более пугающий — «Чем же всё это для них закончится и закончится ли вообще»?…

— Нельзя было сначала постучать? — недовольно спросила Гро, и тут же добавила язвительно: — Я вообще-то тут голая.

— Я постучала, но ты, видимо, ещё наслаждалась «красотами подводного царства». А по поводу того, что ты без одежды — не поздновато ли смущаться? Помнится, мы ещё лет семь назад всё друг о друге узнали, когда полезли купаться нагишом в то озеро… Как там его — «Рыбий хвост», кажется?

Син подняла глаза к потолку и мечтательно улыбнулась. Секундой позже она отвернулась от сестры и стала внимательно изучать состав мыла, которое лежало тут же на полке, ещё не распечатанное.

— Я вообще-то зашла сказать, что наша «подруга» так и не соизволила прийти в себя, — теперь она нервно теребила пальцами упаковку несчастного гостиничного шампуня. — Что мне делать с ней? Она как будто в кому впала — не реагирует вообще ни на что! Я уже минут десять, как пытаюсь привести её в чувство нашатырём — безрезультатно!

— А фонарик? Ты проверяла зрачки? — Гро была явно расстроена услышанным — сейчас ей меньше всего хотелось переживать ещё и по поводу здоровья Минни. И так слишком много всего. Но ведь Минни не была ранена и не пострадала при обстреле — с чего бы так?

— Ну а как же! «Просветила» ей оба глаза — реакция есть! Сдаётся мне, что она, таким образом, устроила нам с тобой своеобразный «бойкот» — притворяется «спящей красавицей»! Но это ж какой силой воли надо обладать, чтобы полностью игнорировать нашатырь?!

В процессе тирады Син машинально схватила зубную щётку и вновь развернулась к сестре:

— Я не знаю, что там и как — я имею в виду, пациенты «с приветом» — это по твоей части, Гро. Но «сестринского поцелуя» она от меня не дождётся! Однако, на всякий случай, «Аврора» всё ещё «возлегает» в гостиной.

При этих словах Син изобразила изящный поклон в сторону сестры, лежащей на одноместной кровати в комнатке крохотного

мотеля, где им пришлось остановиться на ночь (оставалось только молиться, что за это время ничего не произойдёт, и их не накроет отряд копов). Заметив щётку у себя в руке, Син тут же положила её на место, и обратилась к Гро более спокойным тоном:

— В общем, настал момент поработать «профессионалу», — она выразительно подняла чёрные брови полумесяцем. — Я иду на кухню — разогревать ужин.

Под «ужином» предполагалась замороженная утка с овощами, картошкой и черносливом, которую Син храбро выбрала в «микросупермаркете» на маленькой старой автозаправке перед мотелем.

«Кинетическая зависимость, проявляющаяся в лёгких стрессовых ситуациях», — отметила про себя Гро поведение девушки. Это могло пригодится им на тот случай, если по каким-то причинам от данной реакции будет зависеть их с сестрой жизнь. Гро глубоко вздохнула, и, окунувшись в последний раз, стала выбираться из ванной.

Син оказалась права — Минни действительно была в глубоком обмороке, и ни пальпирование, ни вещества с резким запахом на неё не действовали. Между тем, реакции, как и говорила Син, были в норме — пульс был спокойным и правильным по счёту, а давление не было пониженным или наоборот, изрядно подскочившим вверх (благо, тонометр в здешней аптечке имелся). Хорошо ориентировалась Гро только в мозгах, о теле же она имела минимальное представление для того, чтобы оказать первую медицинскую помощь — не более. Полученных ею на факультете психиатрии и прикладной психологии знаний хватило только на то, чтобы предположить три очевидных вещи: во-первых, Минни была жива и её здоровью ничего не угрожало. Во-вторых, у неё, вероятно, очень сильная шоковая реакция, наступившая в результате созерцания мнимой смерти Гро. И в-третьих, будет лучше, если она сейчас просто отдохнёт и поспит. Если к утру девушка не придёт в себя, можно будет подумать о том, как быть дальше.

Оставив девушку отдыхать, Гро прошла в кухоньку, в которой помимо горящего циферблата микроволновки, отсчитывающего последние минуты жизни утки в холодном виде, присутствовала ещё и Син, с воодушевлением подкидывающая бекон на маленькой сковородке. Рядом, на трёх тарелках, лежала яишница-глазунья, весело поглядывающая на девушек ярко-жёлтыми «глазками». Гро устало прислонилась к стене, рядом с низеньким холодильником. «Почему в придорожных мотелях всегда мебель такого размера, как будто сделана исключительно для

„минипутов“»? — подумала девушка и машинально прикоснулась рукой к волосам, чтобы провести по ним. Но ей это не удалось. За размышлениями она совсем забыла о том, что из практических соображений собрала массив светлых прядей в тугой узел на макушке, а заодно и «переоблачилась» в голубые джинсы и простую рубашку «в клетку» зелёного цвета с короткими рукавами. Ноги Гро также были «запакованы» в кроссовки той же фирмы и расцветки, что и у самой младшей сестры.

— Не жарь мясо на троих — Минни ещё спит, — просто сказала Грослин.

В ответ ей Син полуобернулась от плиты и хитро улыбнулась:

— Думаю, насчёт этого загадывать не стоит, — она вновь сосредоточилась на готовке. — Чтобы выйти из этого дела победителями, нам понадобиться немало сил. Так что лучше запастись энергией сейчас, чем потом думать: «Эх, надо было съесть хоть что-нибудь». К тому же, кто сказал, что Минни не будет ужинать?

Син снова улыбнулась, а Гро только и смогла, что оторваться от стены и неловко плюхнуться за стол в ожидании своей порции в «сервировочном» виде. Насколько она помнила, Син никогда не давала есть родным до тех пор, пока пища не была как следует уложена на тарелке и не отвечала всем правилам эстетического оформления. Тем более было удивительно, что Син вообще готовила, и не просто варила, жарила, тушила, но по-настоящему любила сам процесс приготовления пищи. Гро же, напротив, никогда особо не увлекалась готовкой, только если в этом была острая необходимость (например, семейные праздники), и то, раньше ей всегда помогала Минни, которая, несмотря на свой нездоровый интерес к фаст-фуду, всё же была лучше знакома с основными правилами приготовления первых и вторых блюд, нежели её старшая сестра.

Сейчас Гро устала настолько, что не могла полноценно думать и говорить что-то, что было сложнее односоставного предложения. Ей хотелось просто отключиться поскорее, и набраться сил, хоть чуть-чуть. Девушка притянула к себе старый журнал сканвордов, валявшийся тут же, на столе, и начала лениво его пролистывать. Между тем, аппетитный аромат жареной утки и бекона плавно распространился за пределы кухни, и через каких-то десять секунд сёстры услышали в комнате негромкий шум.

— Что я говорила? — негромко пробурчала себе под нос Син, однако Гро услышала, и нашла в себе силы подняться и пойти посмотреть, что там творится.

Глазам её предстала картина, глядя на которую невозможно

было не улыбнуться: Минни лежала на полу, запутавшись в пледе, которым укрыла её сестра, и, потирая голову в месте ушиба, удивлённо озиралась по сторонам. При этом она смешно хлопала ресницами — было видно, что ей совершенно никак не сообразить, где она находится и что здесь вообще делается. Наконец, её взгляд сфокусировался и остановился на устало улыбающейся Гро. Но почти в тот же миг глаза Минни стали округляться всё больше и больше, пока не появился риск, что их вскоре ждёт приятная прогулка за пределы глазных орбит. Гро подошла к сестре и опустилась на колени, примирительно положив при этом свои руки на плечи сестры.

— Минни, всё в порядке — это я. Я — Грослин Кроу, твоя старшая сестра. Живая и невредимая. — светловолосая девушка старалась, чтобы её голос звучал как можно успокаивающе. Она нежно провела рукой по тёмным волосам сестры. — Всё, что ты видела — это не по-настоящему, это всё трюк — не более того. Мы не хотели напугать тебя, правда. Прости меня, пожалуйста, что так получилось — но это было необходимо, иначе нам было не уйти. Солнышко, ты понимаешь, что я говорю?

Минни, казалось, впала в бессловесный ступор. Глаза у неё были влажными — вот-вот разревётся, но в то же время было в них что-то решительное и… Новое для Гро. Такого выражения она прежде в них не видела. Хотя Минни и не отстранилась от ласки сестры, но держалась как-то настороженно, будто не доверяла той картинке, которую видела перед собой.

Наконец, спустя долгие для Гро мгновения, Минни молча кивнула, и попыталась подняться на ноги. Гро попробовала помочь ей, но та лишь вежливо отклонила жест сестры:

— Не надо. Со мной всё нормально, правда.

Гро несколько удивилась, что Минни сразу же не бросилась ей на шею — ведь в такой ситуации это было бы совершенно естественным шагом со стороны Минни. Однако в следующий миг Грослин самой пришлось накинуться на собственную сестру, когда из кухни послышался тоненький голосок, призывающий всех к трапезе.

— Пусти! Пусти меня — я убью эту тварь! Пусти меня к ней! — вопила девушка и, брызжа слюной, пыталась вырваться из объятий старшей. Она несколько раз пыталась пнуть Гро ногой, после чего пустила в дело ногти, и больно поцарапала сестре руки. Та вскрикнула, и выпустила Минни. Она же пулей промчалась на кухню, вопя на счёт Син всевозможные ругательства, но как только достигла своей цели — все звуки в номере тут же стихли, как по мановению волшебного пульта, отключающего звук.

Грослин, упавшая в тот момент на колени, не могла видеть, какая «драма» разворачивалась в паре метров от неё. Когда Минни словно разъярённая кошка влетела в комнату, она, к немалому своему удивлению, никого там не обнаружила. К сожалению, в ту секунду, когда ей захотелось обернуться, чтобы отразить удар — она уже лежала на полу, прижатая щекой к не слишком чистому линолеуму. Синайя сидела на ней сверху, прижимая руки самой Минни «узлом» к её же собственной спине. Сестра брыкалась и рычала, но даже не могла и слова вымолвить от охватившего её бешенства. И подняться, к сожалению, она не могла тоже.

— Кому, как не мне, знать, что Мин Кроу мгновенно очнётся, если «унюхает» что-нибудь вкусненькое. Что ж, моя стряпня, очевидно, выше всяких похвал, если ты смогла выйти из комы от одного её запаха. — Син была безумно довольна собой и ухмылялась как кот, зажавший в лапах долгожданную мышь.

— У-ух… Мпф…фхмп…, - рычала Минни, — Сл-л-слл… Слезь с меня, сука! Слезь сейчас же! — наконец удалось произнести ей.

— Ты молодец — быстро догадалась, когда не увидела меня, — Син похлопала сестру по плечу. — Но реакция у тебя — полный ноль (не обижайся). Надо двигаться быстрее, понимаешь?

С этими словами, Син легко вскочила на ноги и отошла подальше, на ходу пряча тарелки с едой на верхнюю полку навесного шкафа — пока Минни отдувалась и пыхтела, пытаясь подняться и в то же время растереть затёкшие в схватке руки.

Гро, не видевшая ничего, но слышавшая тишину, способную быть опасней любого взрыва, тут же попыталась подняться с колен и остановить начавшуюся «бурю в стакане». Однако к тому моменту, когда она смогла доковылять на ушибленной ноге к месту действия — она застала только взлохмаченную, с гневно сверкающими глазами Минни, которая молча отряхивалась от пыли. Рядом стояла улыбающаяся Син. В руке у неё были нож и вилка.

— Ну так что — сядем мы уже, наконец, сегодня кушать или нет? — спросила она с шутливым недовольством в голосе.

— О, Боже мой, Син, ты что наделала?! — Гро подскочила к Минни со всей скоростью, на какую была способна. — Ты как? Она сильно тебя ударила? — участливо спросила старшая из сестёр.

Позади Син фыркнула и, театрально закатив глаза, отвернулась — доставать обратно из шкафа тарелки.

— Я сяду есть не раньше, чем вы обе мне всё объясните. Всё — начиная с мобильного, и заканчивая…Заканчивая… — девушка подавилась словами, не в силах описать то, чему была

свидетелем. Однако твёрдость в её голосе не уменьшилась. — Заканчивая твоим убийством, Гро, — наконец произнесла она.

— А ты — Син, — добавила девушка. — Ты просто… Просто…

— Та-а-ак, — угрожающе пропела та, оборачиваясь с подносом, полным утки с картошкой, и воинственно держа в левой руке деревянную лопатку для раскладывания.

— Минни, давай не будем — обсудим всё сейчас — за ужином. Успокойся, пожалуйста. Син старалась для всех нас… Вроде как, — последние слова Гро промямлила весьма неуверенно. Но Минерва не слушала её:

— Как ты могла поступить так со мной, со всеми нами? Что — так сложно было предупредить обо всём заранее, в машине?

Девушка взяла ещё один стул и обречённо уселась за стол. Гро переглянулась с Син, и как только обе почувствовали к себе относительное расположение со стороны средней сестры, Гро медленно села рядом, мысленно готовясь к непростому разговору. А Син, как и подобает «хозяйке вечера», принялась раскладывать по тарелкам девушек дымящуюся утку и бекон с гарниром, правда, вся эта красота «причалила» рядом с уже изрядно поостывшей яичницей. Но всё равно, как бы Минни ни ненавидела Син, в плане ужина — всё было просто изумительно вкусно и питательно.

Девушки ели молча, но с видимым у всех троих удовольствием и аппетитом. Когда же дело дошло до завершающего трапезу фруктового чая из пакетиков, Гро, как и подобает старшей сестре, заговорила первой:

— Прежде всего, Минни, я хочу сказать тебе спасибо. Спасибо за то, что ты, несмотря на всю дикость данной ситуации, всё же осталась с нами и, если не приняла её (да это и невозможно, конечно), то хотя бы постаралась понять.

Средняя сестра молчала, сосредоточив всё своё внимание на пластиковом стаканчике с чаем.

— Какое пафосное начало, — не удержалась Син и, как можно более скромно, ухмыльнулась в свой собственный чай.

Гро удостоила её ледяным взглядом старшей сестры, дающим понять, что она сейчас занята крайне важным делом, и Син лучше не вмешиваться — ради собственного же блага.

— Конечно, я с радостью помолчу. — Син торопливо опустила глаза, принявшись внимательно изучать поверхность шершавого стола, с дешёвой, выполненной из светлого ДСП столешницей.

— Видишь ли, я не могла тебе толком рассказать обо всём, потому что эта история началась задолго до того, как Син

обвинили и поместили в «Скай Стоун».

Минни подняла на неё глаза.

— В каком смысле? — только и смогла она спросить.

Гро заметно занервничала, даже немного заёрзала на стуле, как будто порываясь встать из-за стола, но при этом не была уверена, нужно ли это.

Син, как всегда, закатила свои синющие глаза:

— О, Гро, прошу тебя. Понятно же, что её уже ничто не сможет удивить, так что просто расскажи ей то же, что и мне. И давайте без драматизма, О'Кей? — последние слова Син относились к Минни, которая тут же не замедлила огрызнуться на реплику сестры:

— Кстати, насчёт драматизма, — язвительно процедила та сквозь зубы. — Не хочешь чуть позже объяснить мне, каким образом ты «свернула» шею Грослин?

— Да не «загружайся» ты так, — «пропела» в ответ черноволосая собеседница. — Я просто имела в виду, что никому, наверное, не хотелось бы в сотый раз слушать твои рыдания и восклицания в духе «Как ты могла?!» и «Что здесь, чёрт возьми, происходит!?».

— Синайя, — резко осадила её Грослин.

— А что? Нет, правда, у меня такое чувство, что пока мы не виделись каких-то жалких три месяца — у Минни полностью иссяк словарный запас…

— В любом случае, это произошло исключительно по твоей вине, а у Минервы просто шок — как и у любого обычного, законопослушного человека, — на последней фразе Гро сделала особое ударение.

— Ах, ну конечно…, - начала было «заводиться» Син, но тут вдруг неожиданно раздался стук в дверь.

Все трое сразу притихли. Понятно, что никаких «гостей», кроме лиц определённого рода деятельности, они и не ждали.

— Сидите тихо, я посмотрю, кто там, — решительно произнесла Син, намереваясь пойти открыть дверь.

— Понятно, что это не шампанское в номер, — Минни схватила сестру за руку. — Ты с ума сошла? Да тебя, наверное, уже по всем каналам показали в рубрике «разыскивается» — а ты хочешь вот так, в открытую, «засветиться»?

— А у тебя есть идея получше, принцесса? — Син недобро усмехнулась. — Сомневаюсь, что ты сможешь так же ловко «уложить» кого бы то ни было, как я.

Девушка говорила серьёзно, поэтому в дело поспешила вмешаться Гро:

— Нет, Син, Минни права, — она быстро встала и положила

руки на плечи младшей сестры. — Нам сейчас, действительно, ни к чему лишний раз оставлять следы. Даже если это полиция — трупы нам не нужны, верно?

Она посмотрела сверху-вниз в глаза Син (Гро была самой высокой из сестёр), как будто пытаясь внушить ей что-то. В это же время стук повторился, он был чуть громче предыдущего.

— Я сама проверю, — сказала Гро. — Если это то, о чём мы думаем, я подам сигнал. Как только услышите слово «тосты», сразу же вылезайте в окно — берите машину и со всей мочи гоните вверх по шоссе.

— Это дебилизм, — воспротивилась Син. — Ты что же, собираешься за всех нас «отсидеть»? Тоже мне — мать Тереза нашлась! — Девушка с отвращением повела плечом, стряхивая руки сестры. — Если уж валить отсюда — то до конца и вместе! Хватит, наигралась я уже в «волка-одиночку»!

— Я говорю серьёзно, Синайя, — Гро обернулась на становившийся всё более настойчивым стук и торопливо пошла к двери, на ходу поправляя узел золотистых волос.

— Гро! — беззвучно крикнула ей вслед Минни, но Син громко шикнула, призывая среднюю сестру к молчанию, а сама тихонько последовала за старшей — на цыпочках прокрадываясь в коридор, чтобы иметь возможность в любую секунду «подстраховать» Грослин.

Остановившись перед дверной ручкой, Гро глубоко вдохнула и, провернув холодный металл до щелчка, на выдохе потянула дверь на себя.

Когда щель начала стремительно увеличиваться, открывая перед ней пространство гостиничного коридора, Гро успела только помолиться и пожелать всем своим родным и дальним родственникам счастья и долгих лет жизни. Но в тот момент, когда обозначился силуэт посетителя, молитва словно бы застыла у Грослин в мозгу, оставив вместо себя холодный и одновременно обжигающий сознание ступор.

На пороге стоял мистер Квинси — маленький сморщенный старичок — хозяин данного заведения, по совместительству работающий в нём же администратором. Когда Гро впервые увидела его, она не могла не подумать, как тому не страшно работать в одиночку? На вид ему смело можно было дать все восемьдесят! Но, несмотря на свой весьма солидный возраст, мистер Квинси держался бодрячком, и даже, казалось, был чрезмерно рад принять в своём мотеле трёх «прелестных» девиц, одна из которых находилась в бессознательном состоянии. Сейчас его мохнатые белые брови приняли выжидательное положение — очевидно, он удивился не меньше, чем сама Гро.

— Извините за столь поздний визит — я не напугал вас? — проскрипел старик. — Вы, очевидно, ещё не ложились?

Вопрос прозвучал довольно невинно, но Син, которая всё это время стояла за стеной, прислушиваясь к разговору, почуяла в этих словах недобрый знак. Хотя, безусловно, испытывала облегчение по поводу того, кто явился к ним «в столь поздний час».

— Я только хотел узнать, как себя чувствует та юная леди — ей полегче?

Гро сразу вспомнила, как они вместе с Син перетаскивали сестру из машины в номер, и как им пришлось наврать хозяину-администратору, что у них была большая вечеринка по поводу Дня Рождения подруги, и теперь им приходится, возвращаясь с пирушки домой, испытывать на себе все последствия «чрезмерного употребления алкоголя» в виде полностью «отключившейся» подруги.

— О, всё в порядке, — выдавила из себя Гро. — Это так мило с вашей стороны, — она попыталась улыбнуться. — Да, Бетси гораздо лучше. Спасибо, что разрешили положить её вместе с нами, знаете, мало ли что может случиться с невменяемым человеком…

Син за стеной улыбнулась, а Минни возмущённо сложила руки на груди. Взгляд её на младшую сестру обещал последней, что и по этому «параметру» той придётся в скором времени отчитаться.

— О, ну тогда я тоже спокоен, — довольно проворковал мистер Квинси. — Знаете, мы должны оберегать по мере возможности, молодое поколение. А все эти вечеринки с «крутым» запоем и бешеными танцами… Понимаете, столько свежей энергии расходуется зря. Но всё же, — добавил он не без улыбки, — И мы когда-то были молоды, и не признать пользу хорошей «попойки» не можем, — Квинси хитро подмигнул. — Всё-таки и леди должны расслабляться, не правда ли?

Гро нервно рассмеялась. Она не до конца поняла смысл сказанного стариком, но просто была рада тому, что это не полицейский.

— Вы абсолютно правы, — воодушевлённо подтвердила его слова Грослин и добавила: — Ещё раз огромное вам спасибо, что разрешили заночевать у вас «без проблем», вы нас очень-очень выручили. Благодаря вам, завтра утром мы спокойно доберёмся до дома.

— Что вы говорите? — возмутился мужчина. — Для меня это — дело чести! Мне ли не знать, как в это время суток опасно ночевать на открытой дороге. — Квинси чуть помолчал, а потом

тихонько уточнил: — Вы точно собираетесь отправиться завтра на рассвете? Может быть, останетесь позавтракать со стариком и его бедной женой? Ко мне как раз приедет помочь мой старший сын — Кевин. Между прочим, очень «ладный» молодой человек, — Квинси снова хитро подмигнул и улыбнулся.

Представив себе «ладного» молодого человека лет эдак за пятьдесят, Гро чуть не прыснула со смеху, однако была польщена предложением, и потому, не желая обижать старика, ответила:

— Знаете, это было бы просто восхитительно, но, боюсь, мой собственный супруг вряд ли оценит, если я не вернусь домой до полудня. К тому же, сами понимаете, надо ещё развести девочек по домам…

— Понимаю-понимаю, — быстро закивал Квинси. — Супружеские обязанности порой бывают так обременительны, — и в третий раз старик подмигнул, очевидно, очерчивая некий сексуальный подтекст вокруг своих «шуток». Грослин это начинало раздражать. И чего это он такой заботливый?

Что же касалось Син и Минни, то они просто не знали, как разделить собственные эмоции — смех в них неуместно перемешивался с подозрительностью.

— Ну так что, вам точно больше ничего не нужно? — вдруг вежливо и совершенно серьёзно уточнил Квинси, очевидно считая, что пришло время заканчивать разговор.

— Да, у нас всё есть, ещё раз огромное вам спасибо за всё. — как можно более милым голосом произнесла Гро, втайне испытывая удовольствие от того, что старик наконец-то собрался убраться восвояси.

— Тогда мне не остаётся ничего другого, как пожелать вам всем Спокойной ночи, юные леди. — Квинси элегантно поклонился и сделал жест рукой в сторону холла.

— Если всё же я вам понадоблюсь — вы всегда знаете, где меня найти.

Мужчина медленно развернулся, намереваясь покинуть девушек.

— И вам также Спокойной ночи, — вежливо ответила Гро и захлопнула за ним дверь.

* * *

Квинси спускался по лестнице, про себя обдумывая всё, что успел заметить за то короткое время, что общался с сёстрами. «Её не одобрит супруг — Ха, как же! — думал он, — Кольца-то на пальчике не было — конечно, всегда можно обдурить полуслепого

старика. Только вижу я всё гораздо лучше, чем они!».

Уолтер Квинси, разумеется, видел в новостях сюжет о трёх опасных преступницах, сбежавших чуть ли не с тюремного поезда, и был в курсе того, кого он у себя «приютил». Однако также хорошо, как он успел разглядеть лица девушек в маленьком плазменном телевизоре на стене холла, успел он и разобрать объявление (мелкими буквами) бегущей строки о том, какую сумму вознаграждения предлагает полиция штата за любую достоверную информацию об их местонахождении. Пятьдесят две тысячи долларов — солидный капитал. Уолтер как раз собирался обновить свою старую ферму на юге, да и ремонт его скромному, но чистенькому мотельчику тоже пришёлся бы весьма кстати.

Денег вечно не хватало, так что всё время приходилось выбирать: либо ферма, либо дело. А у Квинси не так много лет в запасе, чтобы ждать ещё более удобного случая. Что же касается сочувствия или жалости по отношению к девушкам… Уолтер был стар и прекрасно знал, что времена изменились, и притом довольно лихо. Преступники были всегда, преступность была различна на лица. Вспомнить хотя бы тех же «Бонни и Клайда». Кто знает, может об этой троице тоже потом когда-нибудь снимут кино. Тем более что, как он понял, настоящей убийцей была та маленькая брюнеточка в синем, а остальные две — неловкие соучастницы, страдающие, по-видимому, «за идею» чокнутой сестрицы.

Так или иначе, но по счетам приходится платить всем — рано или поздно, поэтому лучше не поддаваться эмоциям, а сделать правильный расчёт на будущее: они ему — никто, и он им, соответственно, ничего особо не должен. Так что… Пора заняться делом.

С этими мыслями Квинси подошёл к регистрационной стойке и открыл последнюю страницу учётной книги. Там, в самом нижнем левом углу корявым старческим почерком был нацарапан телефонный номер, который старик успел записать «с экрана». Под ним была всего одна строчка, представлявшая собой звание и фамилию того, кто мог бы ему, Квинси, помочь разрешить все стародавние финансовые проблемы. Надпись гласила: «Офицер Доналд Ромирез, старший детектив».

Глава 8 Опыты

Когда Мануэль предложил ей выпить чашку ароматного травяного чая, она быстро согласилась. Возможно, она думала, что в ней яд, и ей, таким образом, не придётся испытать адские муки на костре. Но, увы, яда там не было. Мануэль добавил в чай сильнодействующую смесь из рома и гашиша, нейтрализовав запах первого несложным химическим составом.

Пленница практически сразу потеряла сознание. Таким образом, в распоряжении инквизитора было целых шесть часов, чтобы провести первейший, однако весьма подробный осмотр её тела, и в особенности, кожных покровов. На них, кстати, он даже успел испытать кое-какие реактивы. Так, например, Мануэль выяснил, что эта кожа остаётся совершенно равнодушной к серной и соляной кислотам, а порезы, нанесённые ланцетом, тут же затягиваются, или, скорее, «расплавляются», учитывая строение данного эпителия. Однако при этом совершенно обычное, казалось бы, средство, призванное «отпугивать» нечистую силу — ветка рябины, оказывает на тело прямо противоположный эффект. Под воздействием рябины на коже мгновенно вскрывались все те порезы и ссадины, что священник наносил несколькими минутами ранее. Но ещё более поразительным было то, что тут же обнаруживались вообще все те раны, которые были нанесены подопытной когда-либо! Столь потрясающих эффектов Мануэль не видел никогда прежде в своей жизни, а потому в первые минуты даже позволял себе восхищённо повизгивать.

Так или иначе, но отведённого ему в тот раз времени вполне хватило, чтобы обстоятельно законспектировать все свои наблюдения, и тут же, на месте, зарисовать кое-какие из опытов. Теперь предстояло показать все записи Совету, после чего он надеялся получить право «на дальнейшее изучение образца», иными словами, добиться разрешения на полноценное вскрытие живого тела.

В тот день Мануэль верил, что он близок к своей цели как никогда: осталось перешагнуть последний — самый маленький порожек, и он сможет с абсолютной точностью установить источник этого «чёрного чуда». Его ждало грандиозное открытие, к которому он годами полз через унижения и непроходимое непонимание и невежество окружавших его собратьев. Но всё-таки он прорвался даже через обвинения в «ереси», и более того, сумел убедить самого Папу в необходимости эту самую «ересь» проверить! Если она подтвердится, выгода будет очевидна для

всех: государство по-прежнему будет пребывать в «правильном» религиозном настроении, подпитанном страхом перед величием и могуществом богопреклонённых епископов.

А епископы получат именно то, чего и хотели — иллюзию сверхчеловеческой власти. Почему иллюзию? Да потому что то, что скрывается за ней, а именно, саму власть и возможность преодолевать законы божественного бытия — Диего Мануэль намеревался оставить себе и только себе, как наиболее достойному из всех возможных претендентов рода человеческого.

После инцидента с Альбертой, священник пообещал, что примет в отношении неё крайние меры ровно через три дня. Следовательно, документы на одобрение Совету следует подать сегодня же вечером. Решив про себя, что медлить дальше действительно не имеет никакого смысла, и лучше разрешить сей вопрос тотчас же, Мануэль вернулся в свои покои на верхних этажах усадьбы и приказал слуге подготовить верхнюю одежду для выхода. После того, как тёплая шерстяная сутана была вычищена, а обувь высушена (за пару часов до допроса священник ходил к соседу по делам), Мануэль решил зайти в свой кабинет, чтобы забрать тетрадь с записями о проведённых исследованиях. Её нужно было приложить в качестве научного доказательства к уже заранее написанной просьбе о разрешении продолжения серии опытов.

Заперев дверь изнутри, Мануэль подошёл к просторному деревянному комоду из тёмного дерева, в котором было несколько больших ящиков для бумаг, и пара маленьких для хранения разной канцелярской мелочи. Вынув из-за пояса привычную связку ключей, он подобрал тот, что подходил к верхнему ящику: в нём лежало основное прошение и небольшой листок с набросками «представительной» речи, которую ему предстояло произнести перед епископами прежде, чем он получит право подать свою просьбу.

Слегка поворошив свитки, он без труда нашёл то, что ему было нужно, и положил небольшой по объёму свиток в просторную сумку из телячьей кожи, которая всегда сопровождала его по пути в местную церковь или большой монастырь Святого Себастьяна, находившийся в нескольких километрах от города Вьоно-Петра. Вместе с тем, он располагался в ближайшем соседстве с деревней Болуа-Сен-Трез, где и проживал Мануэль. Сейчас задачей инквизитора было как можно скорее добраться до врат монастыря — возможно, братья ещё не удалились на вечернюю молитву, и ему удастся застать писаря епископа Корнетти, человека, который являлся личным куратором данного дела Мануэля. Корнетти был единственным,

кто мог передать его прошение Совету не позднее завтрашнего утра, а потому к писарю нужно было успеть до закрытия врат.

Диего Хорхе подошёл к небольшой скромной иконе Мадонны с младенцем на руках, работы художника местной церкви. Глаза святой были широко распахнуты, и, казалось, смотрели на мужчину с явным презрением. Диего постарался выкинуть из головы навязчивую мысль, и попытался помолиться. Однако что-то постоянно беспокоило его и не давало сосредоточиться. Он взглянул на свою левую ладонь, на которой по-прежнему алело красное пятно от креста. Что же ему мешало? Он вновь поднял глаза на лик святой, и только тут с ужасом для себя понял, что невольно ожидает, когда прядь тёмных волос вот-вот выбьется из-под белого платка женщины — и здесь Альберта напоминала о себе!

Но это было невозможно — Мануэль знал, что Божья Матерь на картине ничуть не напоминает ведьму, томящуюся в его собственной темнице, а потому его видение — не более чем признак воспалённого волнением воображения. Пора было покончить со всем этим. Священник отодвинул картину, за ней обнаружилась маленькая ниша в стене, закрытая тяжёлой дубовой панелью с врезанным отверстием для ключа. Выудив из связки тот, что подходил, Мануэль с лёгкостью отпер миниатюрную дверцу, и с трясущимися от волнения пальцами бережно вытащил большую прямоугольную папку, обтянутую красной кожей. В этой папке, без преувеличения, была вся жизнь Диего Хорхе — все его исследования касательно необъяснимого, тёмного и загадочного мира колдунов и одержимых бесами людей. Пролистав некоторые бумаги, священник вытащил те, что касались недавних опытов над Альбертой. После того, как тайник был надёжно заперт, а оставшиеся бумаги завёрнуты в синий шёлковый платок и отправлены в сумку, Диего позволил себе немного расслабиться и спустился на первый этаж. Отдав слуге последние приказания касательно хозяйства, мужчина вышел из дома и, отвязав приготовленную для него рыжую лошадь по кличке Нона, легко взлетел в седло и незамедлительно отправился в путь.

Позади него высился красивый высокий дом, два этажа которого представляли собой образец аккуратности и бережливости — никаких вычурных украшений или излишней укреплённости стен. Стандартный дом городского священника, занимающегося на досуге теологией и ведущего скромный, размеренный образ жизни. Уютный, чистый и наполненный духом веры и милосердия. Но глубоко внизу, в скрытых от людских глаз просторах каменного подземелья, стоял невыносимый крик тишины, страх и безумие предсмертных минут тех узников, что

побывали здесь когда-то и на себе испытали знаменитое «разумное милосердие» его хозяина.

Копыта Ноны звонко ударяли о снег новёхонькими подковами. Казалось, что когда металл касался земли, то она звенела подобно бьющемуся хрусталю. Сначала мимо всадника пролетали дома побогаче, сложенные из кирпича, и чуть скромнее, из добротных брёвен, но вскоре он выехал на окраину и здесь его взору предстали ветхие, разваливающиеся на глазах лачуги — места обитания тех жителей деревни, кто был настолько беден, что не мог позволить себе хоть сколько-нибудь приличный дом.

Миновав и их, Мануэль выехал на просёлочную дорогу, которая к тому времени была уже целиком запорошена снегом, а потому представляла собой лишь огромную белую ленту, уходящую в центр горизонта. По обеим же сторонам от неё расстилались обширные поля, такие же снежные и холодные как это лютое время года. Пришпоривая лошадь, священник заметил неподалёку от дороги лису, безуспешно пытающуюся схватить ловко шнырявшую под снегом мышь. Ей пришлось «мышковать» четыре или пять раз, прежде чем она поняла, что эта затея для неё нынче — не выигрышная. Остановившись на мгновение, чтобы перевести дух, лисица потянула воздух носом и мгновение спустя увидела человека, проезжающего мимо на большой красивой лошади. Когда Мануэль поравнялся с животным, ему показалось, будто рыжая охотница слегка кивнула ему, а потом приподняла левую лапу в знак приветствия. Поражённый мужчина хотел было остановиться — поближе рассмотреть зверя, но странное животное не стало его дожидаться, а изящно махнуло пушистым хвостом и быстро засеменило по направлению к югу от места охоты.

Мануэль всё же приостановился, и, оглянувшись по сторонам в надежде, что нигде рядом нет ненужных зевак, перекрестился три раза и наскоро прочёл «Отче наш». «Что-то я сегодня чересчур впечатлительный, — подумал он. — Должно быть, я и впрямь утомился, пока разговаривал с этой нечистой. Надо успокоиться и сделать то, что необходимо. Верь в Господа, Диего, — напомнил себе священник. — И Он укажет тебе Правый путь». С этими мыслями Мануэль потуже затянул удила Ноны и припустился рысью, так как небо уже начало приобретать нежно-лиловый оттенок — признак того, что скоро стемнеет, и ворота монастыря закроются для него до следующего утра.

Оставшийся путь не преподнёс мужчине сюрпризов. Дорога шла напрямую больше половины расстояния, а затем резко сворачивала вправо, где за небольшим холмом и располагалась

цитадель местного мужского монашества. Сам монастырь Святого Себастьяна представлял собой полукруглый комплекс, состоявший из десятка мелких приземистых зданий. В центре территории возвышался храм, выполненный в стиле Соломонова Храма — с плоской крышей ровной прямоугольной формы. Само здание было в несколько раз больше и выше остальных: здесь проходили все главные службы, а также находилась большая подземная библиотека и обсерватория, оставшаяся ещё, как гласила местная легенда, со времён первых тамплиеров.

Вокруг комплекс был обнесён высокой кирпичной стеной из камня светлого, почти песочного цвета. Что же касалось главного храма и остальных построек, то все они были выложены из простого, но прочного и благородного серого булыжника, стандартной скальной породы. Кольцо, окружавшее территорию монастыря, в середине своей замыкалось довольно высокими воротами, выполненными в совсем иной манере: они состояли из крепкого дерева и металлического литья, обрамлявшего древесные панели ровными и красивыми полукружьями, напоминавшими (правда, весьма отдалённо) фазы рождения и угасания луны. Сейчас, в свете быстро заходящего солнца, эти своеобразные полумесяцы светились мягким, чуть красноватым светом, и оттого казалось, что ворота комплекса то там, то тут вспыхивают маленькими серпами пламени, отбрасывая на белоснежную землю таинственные, чуть розоватые, отсветы. Мануэль не понимал почему, но сегодня всё казалось ему каким-то таинственным и значимым. Не мог он объяснить себе и того, почему ворота, которые он столько раз видел, вызывали в нём в этот раз какой-то потусторонний ужас. Ему не хотелось заходить внутрь, словно перед ним был некий невидимый человеческому глазу барьер, но это препятствие казалось священнику не просто непреодолимым, но, не сказать бы греха — богопротивным!

«Что со мной происходит? — недоумевал священнослужитель, — Откуда во мне такие чувства и мысли? Это явно не мои переживания! Должно быть, в этот час сам Сатана пытается внушить мне свою волю, стараясь защитить свою срамную наложницу! Изыди бес, во мне сидящий! Ты не получишь мою душу как не получишь и ту проклятую душу, что нынче вынуждена прислуживать тебе!». Мануэль спешился и медленно подошёл к воротам монастыря. В этот момент показался привратник, собиравшийся, как видно, в последний раз обойти ворота и запереть их. Инквизитор успел вовремя — ещё чуть-чуть, и возможность была бы упущена. Мануэль воспринял это как добрый знак: «Вера моя да пребудет во мне, и всякая Сила, что не от Господа, да не осмелится войти в это тело. И

всякая мысль, что не послана мне Богом, но заклятым Врагом его и всего рода человеческого — да сгорит в адском пламени, изничтоженная мечом Ангела моего, что стоит на страже души моей. Аминь». Прочитав молитву, мужчина почувствовал себя гораздо лучше и сделав несколько шагов в сторону монаха-привратника, приветливо окликнул того:

— Доброй ночи, брат мой! Уже собираетесь запирать?

Молодой человек, до этого не замечавший позднего гостя, испуганно обернулся, но, увидев знакомое лицо и сутану, выглядывающую из-под дорожного плаща, облегчённо вздохнул и улыбнулся:

— И вам Доброй ночи, брат! Время уже позднее, а на дороге было пусто с полчаса тому назад — простите, что не заметил Вас. Заходите скорее, и да завершим вверенную нам заботу — запрём врата. К сожалению, мы уже отужинали, однако, я думаю, для Вас вполне найдётся миска горячего овощного рагу. Да и свободная келья тоже. Придётся ведь Вам заночевать в нашей обители — до утра мы никого не имеем права выпускать.

Молодой монах произнёс последнюю фразу извиняющимся тоном и, повторно улыбнувшись Мануэлю, сделал рукой приглашающий жест.

— Благодарю тебя, брат мой. Как тебя зовут? Скажи, всё ли у вас здесь благополучно в последние дни? Не было ли чего-то необычного, или может быть, не проявлялись ли некие знаки свыше?

Говоря это, священник бодрым шагом попытался пройти через монастырские врата, но его вновь что-то затормозило — как будто он натолкнулся на толщу тёплой воды. Его собеседник же, привычно взяв под уздцы предоставленную на его попечение кобылу, спокойно переступил незримую границу и, пройдя пару шагов, обернулся, чтобы ответить. Заметив, что Мануэль по-прежнему остаётся на месте, юноша удивлённо поднял брови, вслух же сказал:

— Моё имя Верпетий. Благодарим, но — нет, ничего из того, что вы перечислили, у нас не замечалось. Мы всё также тихо существуем на пожертвования богатых путников и средства городского прихода. Правда и тех в последнее время становится маловато. Ещё вот, такие как ты — разъезжают ночами и объедают нашу и без того скудную кухню!

У Мануэля в голове слегка помутилось. Что этот щенок себе позволяет!? Как может он говорить ему, уставшему страннику, да ещё и выше него по сану, такие наглости?

— Я вижу, вы недовольны своим положением здесь? Но ведь вы всегда можете уйти в другое место, более соответствующее

вашим представлениям о жизни в Доме Господа?

Голос его прозвучал холодно, однако юный служитель лишь недоумённо воззрился на него:

— Простите мне моё невежество, брат мой. Но — о чём вы? Я лишь спросил, не хотите ли вы зайти за ворота. Темнеет — нам пора уже быть в покоях.

Мануэль такого нахальства стерпеть не смог. Отпираться от слов, которые тот только что произнёс, находясь на освящённой земле? И которые он только что слышал собственными ушами? Это же чистой воды богохульство!

Юный монах увидел, как зажглись глаза его собеседника, и зажглись огнём отнюдь не радости. Яростный взор сопровождался отчаянной попыткой первого подойти к нерадивому мальчишке и влепить ему хорошую затрещину, но, сколько отец Мануэль не порывался — он так и не смог сдвинуться со своего места. Между тем стремительно вечерело, и солнце уже практически зашло за лилово-красную полосу на западе. С каждой минутой становилось всё холоднее, и воздух начал постепенно потрескивать от сгущающегося к ночи мороза.

Монах испуганно смотрел на Мануэля, а сам невольно пятился подальше от странного священника — внутрь монастырского «круга».

— Что с Вами, милый брат? Почему Вы не можете зайти? Что-то мешает вам переступить порог нашего отрадного приюта?

— Отрадного?! Да ты же только что кричал о малых его доходах и о том, что мне подобные отнимают у тебя твой лакомый кусок?!

Диего Мануэль был в ярости, и вместе с тем он был совершенно растерян — он не мог перейти порог монастыря! Не мог преодолеть его физически! Как это может быть? Неужели всё это происходит с ним — тем, кто так крепко и искренне обожает своего Создателя?

— Я…я…ничего этого не говорил, простите меня! Но я не говорил этого! Я лишь спросил, какого овса дать вашей лошади и ещё сказал, что у нас здесь мир и спокойствие во труде и вере, и всё. Клянусь Вам!

Мануэль видел, что Верпетий напуган не меньше его самого, но происходящее столь же обескураживало, сколь и раздражало священника, а потому он задал последний вопрос, ответ на который мог объяснить ему — сошёл он с ума, или ещё не совсем?

— Скажи мне, мальчик, тебя зовут Верпетий? Ты назвал мне своё имя?

Карие глаза юноши широко распахнулись, и он лишь тихо

пробормотал:

— Да, так меня зовут. Но… я не успел назвать Вам его — вы закричали, и я забылся. Откуда же оно Вам известно?

Только тут Мануэль осознал, какую шутку сыграло с ним его собственное воображение. Это мнимое видение, очевидно, было вызвано чрезмерными страхами перед предстоящим свиданием с епископом Корнетти. Ещё и усталость от дороги, верно, начинала брать своё. Однако эта галлюцинация была весьма странной, если не сказать, зловещей…

Диего Мануэль нервно рассмеялся в сумеречном свете заходящего солнца, и в тот же миг ощутил, как невидимая преграда на его пути в святую землю мгновенно исчезла.

— Прошу у тебя прощения, брат мой, — ответил он. — Но я, очевидно, встречался с тобой раньше, а сейчас, как видишь, изрядно устал в дороге. Да и подзабыл. Ты ведь работаешь в библиотечном крыле?

Вопрос был задан небрежно — Мануэль знал, что большинство здешних братьев его возраста работают, в основном, в библиотеке — снимая переписи с редких и старинных свитков. Он и сам часто бывал там, поэтому сейчас надеялся на то, что не промахнётся. На самом же деле священник не знал имени привратника, и это больше всего пугало его. Но думать об этом сейчас он не хотел — ещё надо было решить дело, ради которого он приехал.

— Да, брат мой, всё верно — я занимаюсь переписью в южном секторе. А мы разве встречались там?

— Ну конечно, — Мануэль, как ни в чём не бывало, зашёл внутрь комплекса, с благостностью в сердце ощутив слияние с освящённой землёй. — Я тогда просил у тебя один из трудов Гесиода — греческого мудреца, и ты любезно предоставил его мне. А теперь, — священник улыбнулся, хотя левое веко его при этом подрагивало, — Давай же запрём ворота и отправимся в трапезную, мой друг. С твоего позволения, я сильно проголодался и устал. И ещё одно — Его Святейшество, епископ Корнетти, он свободен сегодня вечером? Сможет ли он принять меня?

Монах, промолчавший, когда Мануэль пересёк границу врат с лёгкостью птицы, хотя до этого не мог сделать в её сторону и шага, теперь покосился на гостя с нескрываемой подозрительностью. Он был уверен в том, что знакомы они не были, хотя бы потому, что переводом с греческого сам Верпетий занимался не так часто, а уж если бы кто-то попросил у него труд Гесиода — он бы непременно запомнил. Однако Мануэля юноша никогда ранее не встречал — это точно. А вдруг сам Дьявол явился в их обитель в образе странствующего

священнослужителя? Говорят, такое раньше бывало, и не раз. Но в таком случае, он бы не выдержал прикосновения к здешней земле, сгорел бы вмиг, не приведи господи (привратник мелко-мелко покрестился, другой рукой отчаянно сжав уздечку и прижавшись к горячему боку лошади). Нагнав Мануэля, к тому времени слегка опередившего его на пару-тройку шагов, Верпетий, весь трясясь от страха, но стараясь его не выказать, вежливо ответил:

— Хорошо, брат мой. Простите мне мою забывчивость, у нас в библиотеке много кто бывает — всех порой в уме и не удержишь, — он коротко рассмеялся. — Прошу Вас, подержите пока свою лошадь, я закрою врата и мы пройдём в общую комнату. Насчёт епископа — думаю, он вас примет. У него как раз сегодня свободный вечер — совсем нет просителей.

Передав лошадь обратно хозяину, юноша наконец сделал то, что должен был и, спустя почти пятнадцать минут (ворота были тяжелы — даже для такого хорошо сложенного человека как Верпетий), они с Мануэлем вошли в главное здание монастыря, предварительно отведя лошадь на конюшню, где передали её под опеку внимательных и доброжелательных послушников.

Несмотря на множество мыслей, роившихся в голове священника, Мануэль не мог не думать о том, насколько он вымотался и изголодался за последние пару часов. Казалось, организм его был «выжат» досуха — никаких эмоций и иных желаний, кроме голода и жажды. Странным было и то, что привыкший частенько ложится в поздний час и потому не страдавший сонливостью, сейчас мужчина буквально ощущал тяжесть собственных век — настолько глаза его слипались и сон охватывал его бедный, ослабевший разум.

Сидя за длинным деревянным столом, за которым обычно трапезничали другие братья, Мануэля не покидало чувство некоей неправильности происходящего. Всё было нормальным, но в то же время происходило нечто, что порой бывает с человеком во сне, когда окружающий его вещественный мир становится как бы нематериальным в той степени, в которой спящий понимает, что он — во сне, хотя сознательно и не ощущает этого. Определённая призрачность происходящего не давала священнику покоя. Медленно поглощая тыквенное рагу, любезно предоставленное ему приютом, мужчина чувствовал, что с удовольствием съел бы ещё, но усталость не даст ему сделать этого. Чтобы не уснуть окончательно на лавке, он решил оглядеться и первым делом поднял глаза вверх. Потолок был достаточно высоким, впрочем, как и в любой другой трапезной любого другого монастыря. На сырой от времени плите,

поддерживаемой несколькими каменными колоннами, была изображена фреска, чей классический сюжет божественной идиллии призывал вкушающих к молчанию и спокойствию за столом. Райский сад, в котором паслись разнообразные мирские животные, как бы обрамлял всю картину целиком, растягиваясь по всем идеально ровным четырём сторонам помещения. В центре же, как и подобало, восседал Господь Бог, спокойно и величественно поднявший правую свою руку в знак привлечения внимания тех, кто находился внизу — на грешной земле. В левой же руке Он держал великую Книгу Судеб, в коей были описаны земные пути всех ныне страждущих на земле. Простой, но впечатляющий по смыслу сюжет вселил в священника некую, неопределённую для него самого надежду.

Опустив же взгляд ниже, Мануэль с удивлением заметил несколько пустующих ниш в глубине зала — там стояли небольшие круглые столы из камня, на которых лежали подносы с фруктами и свежим хлебом. Невольно священник нахмурил брови — он не был поклонником подобного «жертвоприношения», когда пища бесполезно возлагалась на алтари в знак «уважения» Всевышнего. По мнению священника, это являлось отголоском позорного языческого прошлого, в котором люди боялись богов настолько, что каждый день отдавали тем последнее в надежде, что их не постигнет заслуженное или случайное наказание этих странных, могущественных тёмных существ. Еда, особенно в зимний период, была наиценнейшим богатством человека, и потому подобное её «приношение» казалось Мануэлю чистой расточительностью. «С другой стороны, — подумал священник, — Раз у епископа есть возможность ежедневно разбрасываться хлебом, значит, есть возможность и ежедневно его покупать. А это, — ухмыльнулся он. — Это свидетельствует о благоприятном положении дел в наших землях».

Подняв себе настроение таким образом, мужчина закончил ужин и встав из-за стола направился к выходу из трапезной. Однако едва он подошёл к дверям и поднял кулак, чтобы постучать, оповестив таким образом Верпетия о своём выходе, как вновь почувствовал приступ того странного оцепенения, что овладело им у монастырских врат. И вновь левая ладонь начала жечь так, словно к ней приложили кусок раскалённого железа. Мануэль с трудом смог поднести левую руку к лицу — крест на ладони вновь сиял алым цветом! Тут инквизитор почувствовал на себе чей-то взгляд, и в следующую минуту его охватил неописуемый ужас — подбородок его сам по себе дёрнулся вверх, и вот, он уже смотрит в глаза самому Создателю!

Если бы он мог, то закричал бы так, как никогда ещё не

кричал и, возможно, не закричал бы в своей жизни. Но тело его было словно парализовано и само выбирало, какой его частью мужчина мог управлять в тот или иной момент. Священник закрыл глаза — он страстно желал потерять сознание сейчас, но словно по чьей-то злой шутке, мозг человека, так недавно мечтающего о сне и отдыхе теперь работал с сумасшедшей скоростью, и адреналин не давал Мануэлю не то что потерять сознание, но даже на минуту отключиться от происходящего с ним. Всё было ярким и чётким, и ничто не давало повода усомниться в реальности данного явления.

В очередной раз Мануэль решил прибегнуть к единственно возможному в данном положении средству — молитве. Про себя он начал произносить начальные слова молитвы «отче наш», но почти в то же мгновение в голове его раздался невыносимый крик — казалось, кто-то кричит в неистовом припадке истерики, какой нередко случается у душевнобольных. Не прошло и секунды, прежде чем молодой инквизитор понял — крик принадлежит ему самому и кричит он от дикой боли, пронзившей всё его тело в тот миг, когда он только начал читать святые слова.

Спустя несколько мгновений двери столовой распахнулись, и на пороге появился Верпетий, с белым как молоко лицом. Вместе с ним на крик прибежали ещё трое братьев — все были напуганы страшными звуками, доносившимися из трапезной, где кроме Мануэля никого не было. Но как только высокие двери были отворены, все страдания инквизитора тут же прекратились — как будто их стёрла взмахом руки чья-то могучая воля!

В немом изумлении уставились монахи на бледного, с горящими синими глазами Мануэля, молча представшего перед ними с поднятой, сжатой в правый кулак рукой и левой, поднесённой к глазам, раскрытой внутрь ладонью. Внутри инквизитора неожиданно наступила приятная, охлаждающая воспалённый мозг тишина, и вслед за ней мгновенно протянулась тёмная пелена, спасительно отнимающая сознание после перенесённых страданий. Понимая, что вот-вот упадёт в обморок, Мануэль из последних сил напрягая голосовые связки, прохрипел оторопевшим братьям:

— Синий платок… Сумка… Передайте епископу до зари…

После чего звенящая пустота окутала его, и он рухнул на каменный пол.

Глава 9 Корнетти

Братья успели подхватить несчастного инквизитора — быстрее всех подскочил к нему Верпетий, до сих пор находящийся в недоумении относительно того, что же происходит с этим высокоуважаемым священником.

Светловолосый монах обладал крепким телосложением и приятной наружностью, а потому занимал место негласного лидера среди младших послушников и монахов. На этот раз он также быстро понял, что ему вновь придётся быть главным, ибо ни один из монахов, прибежавших вместе с ним, абсолютно не понимал — что нужно делать, и что здесь вообще произошло, кроме того, что отцу Мануэлю вдруг стало плохо (вполне может быть, что и от нынешней кухни). И что его следует немедленно отнести в лазарет. Когда монахи устраивались поудобнее, чтобы снести священника в больничное крыло, Верпетий успел рассмотреть «пылающий» силуэт креста на его левой ладони. И это ему не понравилось. Мысли об одержимости отца Мануэля вновь заняли главенствующее место в уме молодого монаха, а потому он решил незамедлительно сообщить обо всём происходящем епископу Корнетти, тем более, что тот сам настаивал на скорейшей встрече с ним, и судя по последним словам, должен был передать ему нечто, что находилось в синем платке. Верпетий попросил братьев обождать минуту, и лёгким движением закинул на плечо сумку с вещами инквизитора, лежавшую здесь же, на скамье. Он сделает всё сразу же после того, как убедится в том, что священнику была оказана вся надлежащая помощь.

Как только измождённое тело Мануэля было доставлено в госпиталь, врачеватели, осмотрев его, сказали, что он перенёс очень сильное потрясение, однако серьёзной угрозы его здоровью не предвидится. А потому самое действенное лекарство для него сейчас — это физический отдых и покой. Дав ему сонной настойки, чтобы он спокойно проспал до утра, лекари оставили рядом с ним хорошего послушника. Если бы Мануэль проснулся раньше положенного срока, то увидел бы рядом с собой недремлющего юношу, всегда готового подать стакан воды или позвать главного брата-лекаря. Убедившись таким образом, что жизни инквизитора ничто не угрожает, Верпетий поспешил уединиться на время в своей келье, не забыв при этом прихватить с собой сумку больного. Другим братьям он сказал, что после тяжёлого дня ему также необходимо немного отдохнуть, но он успеет передать епископу вещи Мануэля ещё до того, как тот

отправится на покой.

Свою озабоченность этим вопросом Верпетий объяснил монахам тем, что именно он встречал священника у ворот и, следовательно, вина за то, что случилось, частично лежит и на нём — ведь именно он не разглядел в поведении инквизитора признаков грядущего несчастья. Теперь, чтобы хоть как-то загладить свою вину перед святым отцом, Верпетий готов лично исполнить волю больного, и, кто знает, возможно оказать ему помощь в будущем, если это будет необходимо.

Епископ Корнетти ложился не раньше двух, а то и трёх часов утра, и значит, у Верпетия ещё было время кое в чём разобраться. Прежде всего, он хотел для себя определиться с теми загадочными явлениями, коим стал свидетелем нынешним вечером. А потому ему нужно было немного подумать — в тишине и наедине с самим собой. Церковный колокол только-только отзвонил десять раз, всё было в порядке.

Притворив дверь своей комнаты простым стулом с идеально прямой спинкой (двери в кельях братьев никогда не запирались, так как не имели замков), монах уселся на импровизированную постель из соломы и старого тюфяка, служившего подушкой, и задумчиво обхватил голову руками. Всё, что он сегодня видел, было явно из разряда вещей противоестественных, не могущих происходить со служителями церкви. Сначала инквизитор не мог переступить порог монастыря, потом эти страшные крики и крест… Всё это отдавало Дьявольщиной, и нельзя было допустить, чтобы то, что происходило в обители святого Себастьяна сегодня осталось тайной.

Однако Верпетий не зря работал в библиотечном крыле последние четыре года — он много переводил (в том числе и с восточных рукописей) и знал, что злые духи могут вселяться даже в воцерковлённых людей — всё зависело лишь от силы демона, и ещё от крепости Духа в человеке-жертве. Но как злой дух мог овладеть телом знаменитого инквизитора? За то время, пока приезжий священник ужинал, Верпетий успел навести о нём некоторые справки у здешних святых отцов — Теурия и Василия. Он знал, что отец Мануэль приезжал хоть и редко, но за пустяками в путь не пускался, а потому считался гостем уважаемым и, кроме того, являлся почтенным человеком — членом Совета.

Взгляд юноши упал на лежащую рядом с ним сумку. «Синий платок, — вспомнил он. — Отец Мануэль говорил что-то о том, что некая вещь, предназначенная для Корнетти, должна быть завёрнута в синий платок». Монах было протянул руку к сумке, но вновь замешкался: «Может, всё же не стоит туда заглядывать?

Мало ли, что там может быть. Возможно даже, что это связано с делами государственными, и мне это знать вовсе не обязательно». Вообще-то у Верпетия не было привычки заглядывать в чужие вещевые мешки, однако в данном случае любопытство просто «прожигало» в его душе огромную дыру, и устоять перед искушением было не так-то просто. «Но если всё это каким-то образом угрожает нашему братству и монастырю? Если мы вовремя не успеем понять, что происходит? Тогда на нас может обрушиться великое несчастье, и моя вина в нём будет не менее велика, чем если бы я узнал нечто страшное, но успел сообщить об этом наивысшему сану…». Последняя преграда, отделявшая скромную сторону личности Верпетия от личности, склонной к авантюрам пала, и молодой монах решительно взял сумку Мануэля. Порывшись в ней пару секунд, он наконец обнаружил то, что больше всего его интересовало — шёлковый синий платок, внутри которого оказалось четырнадцать тонких листов драгоценной белой бумаги, испещрённой какими-то научными записями и рисунками, воспроизводящими анатомическое строение той или иной части человеческого тела.

Прочитав несколько страниц, Верпетий понял, что не ошибся: государственными делами здесь и не пахло. Зато шла речь о предмете, могущем напрямую повлиять на спокойную и размеренную жизнь монастыря, и вот это — уже было опасно. В бумагах говорилось о некоем существе, имеющем облик человеческий, но возможности у этого существа были не просто неординарными, но истинно чернокнижными или, лучше будет сказать, сатанинскими. И, судя по всему, Мануэль это существо изучал! Изучал с научной точки зрения, не с теологической!

Это было в корне неправильно — погасшие в адском огне души следовало придать огню земному, во избежание размножения зла на земле мирской, но это?! То, что делал с пленницей инквизитор больше походило на испытание какого-нибудь метрического прибора! Верпетий быстро сообразил, что прибывший священник не просто так пытается как можно подробнее познать возможности этого существа — тут была явная выгода, вот только — для кого? И как ко всему этому отнесётся епископ Корнетти? Монах не сомневался, что последний просто не представлял, с какой целью мог приехать к нему Мануэль, а потому (Верпетий твёрдо был в этом уверен) откровенно возмутился бы подобными еретическими, и в какой-то мере даже бесовскими действиями своего собрата по кресту. Да, эти записи следовало немедленно передать Его Святейшеству, медлить в этом вопросе — просто опасно. Кто знает, что у этого странного инквизитора на уме…

Размышления молодого монаха прервал громкий стук в дверь — Верпетий вспомнил, что закрыл свою её, а это было непозволительно. Поспешив положить бумаги обратно в сумку, юноша вскочил на ноги и кинулся к стулу, преграждавшему гостю путь. Когда дверь была «освобождена», Верпетий с некоторым удивлением увидел на пороге отца Василия, тот обычно уже был в своей келье в столь поздний час и предавался терпеливой молитве за упокой всех здешних братьев, умерших когда-то в монастырских стенах. Для Василия было обязательным поминовение умерших до отхода ко сну, в последней за день молитве. Таким образом, он ограждал себя и своих братьев от страшных видений и призраков, могущих прийти к ним во сне.

— Зачем тебе понадобилось запирать дверь в келью, Верпетий?

Василий был, как всегда, суров в обращении с младшими братьями, однако он отвечал за дисциплину в Западном крыле, поэтому тон его можно было объяснить вполне объективными причинами. А именно — ему необходимо было проконтролировать вечерние занятия и отход братьев ко сну. Сейчас на его лице читалась откровенная подозрительность. При этом то, в чём Василий подозревал Верпетия, возмущало последнего более всего.

Гомосексуальные отношения между братьями давно были известным грехом среди церковников, но это не давало права кому бы то ни было подозревать своего друга и брата в том, чего на самом деле не было. Отчасти именно по этой причине кельи не закрывались всю ночь и весь день: у тех, кто следил за жизнью одиноких мужчин должны были быть зоркие глаза и уши — грех всегда бродит где-то неподалёку, а потому самым простым способом оградить от него братьев было — не давать им оставаться наедине друг с другом. Во всяком случае, не без надзора. И Василий, и Теурий, под чьим покровительством находилось Восточное Крыло, выполняли свою работу денно и нощно, без устали отмечая малейшие намёки на возможную не дружескую близость между братьями.

Верпетию тем более были неприятны подозрения Василия, что старший его наставник наверняка знал: молодой монах грезил отнюдь не своими прекрасными братьями по Дому Господню. Однажды Василий застиг своего (тогда ещё совсем юного) воспитанника за изучением картинок в одном известном восточном трактате, в библиотеке. Наказание, последовавшее за этим, было весьма ординарным: Верпетия выпороли. Три раза по пятнадцать ударов. Но именно тогда юноша сделал для себя вывод, что женский пол для него гораздо привлекательнее, чем

какой бы то ни было другой. Поэтому глубоко в душе монах и по сей день считал себя настоящим полноценным мужчиной и втайне гордился тем, что жажда его постоянно усмиряемых самобичеванием вожделений не распространялась на других братьев. Отсюда единственное, в чём мог подозревать его Василий — это рукоблудие, также бывшее одним из основных бедствий любого мужского монастыря.

— Так зачем ты запер дверь? — повторил свой вопрос наставник.

— Я… мне необходимо было побыть в одиночестве, отец мой. Я хотел кое-что переосмыслить в своём поведении.

Верпетий старался, чтобы его голос звучал как можно более смиренно.

— Переосмыслить? Ну что ж, это можно было делать и не прибегая к препонам в виде единственного стула, который, к слову сказать, стоит здесь отнюдь не для подобных действий. Дай-ка я войду, сын мой.

Не дожидаясь ответа, Василий буквально оттолкнул Верпетия, опешившего, в свою очередь, от подобной бесцеремонности. Быстрыми шагами старший монах направился к спальному месту провинившегося и, не говоря ни слова, начал переворачивать ворох соломы, служивший младшему монаху постелью. Какие рукописи он намеревался там найти — одному Богу было известно, однако Верпетий не замедлил воспользоваться ситуацией и громко — так, чтобы отвлечь Василия от сего позорного дела заговорил:

— Отец Мануэль вверил мне нечто, что следует незамедлительно передать в руки Его Святейшеству Корнетти, отец Василий.

Как и рассчитывал Верпетий, наставник приостановился в порыве найти у своего воспитанника что-нибудь непристойное. Выпрямившись и обернувшись к молодому монаху, Василий с усмешкой произнёс:

— Что же, сын мой, тебе доверили государственную тайну? Почему же отец Мануэль передал это «нечто» именно тебе?

Вопрос звучал с явной издёвкой, однако хуже этого было то, что под давлением серых стальных глаз наставника Верпетий не мог, просто физически не мог утаивать что-либо. А потому честно признался, падая на колени перед старшим:

— Простите меня, отец мой, ибо я согрешил…

— Я знал! Я так и знал, что это всё лишь отвлечение меня от сути действия! Верпетий! Как же ты мог! Я думал, что в прошлый раз ты всё усвоил достаточно хорошо, или я ошибался? И твоё вожделение пересилило Законы Божии? Как же мог ты поддаться

на уговоры сатаны и трогать своё бренное тело в попытке усладить его ненасытность?!

Черты лица Василия постепенно, пока он говорил, сложились в отчётливую гримасу, которую можно было интерпретировать только одним образом: отвращение и брезгливость.

Нутро Верпетия бунтовало, но он пересилил себя и максимально вежливо возразил:

— Дело не в этом, отец мой. Того греха, о котором вы думаете, за мной нет. Я согрешил, ибо солгал вам, говоря, что отец Мануэль сам передал мне послание для епископа. Я был столь самонадеян, что осмелился лично передать эту вещь Корнетти, забрав её из трапезной. Перед тем, как потерять сознание, Мануэль просил передать епископу вещь, завёрнутую в синий платок до того, как взойдут первые солнечные лучи. Я думал, что на мне лежит часть ответственности за то, что уважаемому инквизитору стало дурно, тем более что у монастырских врат, когда я его встретил…

Верпетий запнулся. Стоило ли рассказывать отцу Василию всю правду? Не может ли это каким-либо образом повредить Мануэлю, да и ему самому?

Василий тем временем выглядел весьма растерянным, однако выражение брезгливости исчезло с его лица. Он наклонился, и, приподняв лицо Верпетия за подбородок, заглянул в чистые голубые глаза молодого человека. Тихо спросил:

— Ты хочешь сказать, сын мой, что в этой комнате не свершался несколько минут тому назад грех рукоблудия?

— Клянусь вам, Святой отец — ничего такого здесь не было.

В доказательство своей невиновности монах медленно, с сознанием дела трижды перекрестился.

— Но если так, то о какой же вещи идёт речь, и почему ты считаешь, что на тебе лежит ответственность за случившееся с Диего Мануэлем? Что случилось у монастырских ворот, о чём я не знаю?

Верпетий вновь замешкался, он ещё не решил — стоит ли доверить наставнику свои догадки или лучше немного подождать, чтобы лично побеседовать с Корнетти в момент передачи рукописи? В итоге, спустя несколько секунд, монах нерешительно ответил:

— Отец мой, молю Вас, не сочтите за неуважение, но я пока не совсем уверен, действительно ли подозрения, мучающие меня достойны Вашего внимания. Возможно, это лишь происки моего усталого разума, и мне не стоит отнимать драгоценное время епископа. Но, чтобы окончательно в том убедиться, мне необходимо лично встретиться с Его Святейшеством и передать

ему сегодня вышеозначенный предмет. Пока что я ещё и сам не знаю — что это, но, если мои подозрения верны — то нам всем в скором времени может понадобиться помощь Всевышнего. Молю Вас, пожалуйста, помогите мне встретиться с епископом сейчас же!

Василий был сильно удивлён всем происходящим. Его ученик, Верпетий, всегда был прилежным и терпеливым в учении, хотя о скромности вспоминал не так часто, как того хотелось бы его учителю. Что же касалось личных качеств, то ранее во лжи и пустословье замечен он не был, значит на то, чтобы осмелиться на просьбу о встрече с епископом, у Верпетия были действительно серьёзные причины. Однако что он — простой монах, большую часть дня проводящий в библиотеке или на скотном дворе, мог знать такого, что могло бы произвести серьёзное впечатление на Корнетти? Этот вопрос для Василия пока что не имел однозначного ответа. Действительно, внезапный обморок отца Мануэля выглядел слегка странно, учитывая его здоровый и даже, в некоторой степени, аскетичный образ жизни. Но бренное тело человека устроено таким образом, что довольно часто лишает дух возможности его контролировать. А потому то, что случилось с инквизитором, лекари приписали чрезмерной утомлённости, связанной, разумеется, с весьма необычной его деятельностью.

Подумав немного, отец Василий всё же пришёл к выводу, что у него нет оснований не доверять молодому Верпетию, а потому дал своё согласие на встречу с епископом. Перед тем, как уйти, Василий счёл своим долгом предупредить младшего по сану:

— Имей в виду, сын мой, епископ Корнетти — очень непростой человек, несмотря на кажущуюся доброту. Если ты в чём-то уверен, то тебе придётся приложить немало усилий для того, чтобы он поверил тебе. Если же ты не уверен в том, о чём думаешь, то просто передай вещи Мануэля и уходи с миром. Не стоит вступать с ним в диспут, а уж тем более, пытаться доказать ему то, что в действительности доказательств не имеет…

Верпетий мерил комнату шагами в ожидании, когда отец Василий организует встречу с епископом. Он уже было совсем отчаялся и подумал, что Его Святейшество отказался принять монаха сегодня, когда в комнату вошёл брат Андрий (личный помощник епископа) и сказал, что всё готово и он проводит юношу в покои Корнетти.

Когда Верпетий шёл по длинному каменному коридору, освещаемому лишь факелами в виде остроконечных цветов, то услышал, как колокол пробил один раз. Это означало, что с момента его разговора с отцом Василием прошло не меньше двух

часов, а может, чуть больше. Судя по всему, епископ не очень-то обрадовался его просьбе, учитывая, сколько времени понадобилось учителю для организации свидания.

Тени на жёлтом кирпиче, отбрасываемые идущими людьми, извивались в причудливом танце трепещущего в кадках огня. Верпетию на мгновение стало не по себе от всей этой затеи, но решительность и человеческое любопытство, в конце концов, начали придавать молодому человеку нечто, отдалённо напоминающее храбрость. На какую-то долю секунды в нём даже проснулось тщеславие: «Кто знает, быть может, это мой шанс доказать всем, что я способен на большее, чем просто переписывать книги и чистить лошадей…». Покои епископа находились в самой отдалённой части монастырского комплекса, попасть в которую можно было, лишь минуя так называемый «туннель свободы» — именно его молодой католик принял за коридор. Смысл данного туннеля заключался в его мобильности и укреплённости, и попади монастырь вдруг в осадное положение — туннель всегда можно было использовать в качестве убежища. Он был достаточно широк и вместителен, так что в него могло за раз поместиться не менее пятисот человек. Кроме того, он имел одну полезную особенность: начинаясь внутри монастыря, он постепенно уходил вглубь и плавно перетекал в подземные помещения. Таким образом, та его часть, где располагались входы и ответвления в особо ценные помещения монастыря, оставалась в недосягаемости врага — под землёй. В случае нападения неприятеля всегда была возможность взорвать ту его часть, что находилась на поверхности, в то время как монахи оставались бы в неприступной подземной части, из которой также легко можно было попасть в основные помещения и оттуда — на земли комплекса.

Вопреки ожиданиям Верпетия, они с Андрием миновали тот боковой коридор, что по предположению первого из молодых людей должен был вести в покои епископа. Когда он спросил об этом своего проводника, тот невозмутимо ответил:

— Его Святейшество сейчас находится в обсерватории, он попросил вас встретиться с ним там.

— Но для чего тогда нам было идти через подземный ход? — недоумённо спросил Верпетий.

— Это также было желанием Его Святейшества, — спокойно ответил Андрий. — Кроме того, — добавил он, — Здесь находится самый короткий вход в обсерваторию.

Верпетий не сразу понял, о чём шла речь. Как может в подземелье находиться выход на самую высокую колокольню монастыря? Другие братья нередко называли обсерваторию

«колокольней». Собственно, в действительности она когда-то ею и была. До прихода к власти Корнетти, который, искренне веря в Рай, Ад и страсти Христовы, не гнушался, тем не менее, изучением астрономии. Монахи рассказывали, что это был один из тех редких случаев, когда священнику в силу развитости его ума и величины заслуг перед Церковью, позволялось иметь увлечение, связанное с областью научных изысканий. «Мы не против учёных мужей-церковников, если они не смешивают науку и Веру, и отдают главенствующую роль в своей жизни последней из них», — таково было мнение Папы по данному вопросу, и никто не смел его оспаривать, зная, что и у самого Папы имеются кое-какие научные познания и увлечения.

Вот поэтому у Верпетия и засосало под ложечкой, когда Андрий сказал, что они направляются не в личные покои епископа. Епископ был не совсем такой, как другие священнослужители, а значит, может случиться так, что они с Корнетти вообще не смогут найти общий язык и понять друг друга. Наказание за то, что монах зря тревожит главного человека Веры в провинции, было одним — всегда суровое и беспощадное самобичевание во имя изгнания беса праздности и пустого любопытства. И Верпетий очень сильно переживал по поводу своей недостаточной образованности, а, следовательно, невозможности понять те или иные явления физического мира. В общем, к тому моменту, как монахи подошли к небольшой кованой двери в левой нише туннеля, Верпетий уже успел трижды пожалеть о затеянном им «мероприятии».

Когда Андрий отпер дверь, первое, что бросилось Верпетию в глаза, была темнота. Полная темнота, без каких-либо намёков на освещение огнём или хотя бы светом луны, проходящим сквозь щели. Из чего монах сделал вывод, что помещение за дверью, вероятнее всего, облицовано таким же плотным камнем, как и внутри всего коридора, по которому они передвигались. Из этого следовало также, что то, что было за дверью, находилось внутри монастырских стен и являлось чем-то вроде «потайного хода» в самой стене, не затрагивая общие комнаты монастыря на верхних этажах. Верпетий громко сглотнул набежавшую от страха слюну, когда Андрий обернулся к нему и, вежливо улыбаясь, предложил последовать за ним внутрь таинственного хода:

— Покорнейше прошу, только предупреждаю сразу — ступени очень крутые, а видимость здесь неважная — будьте осторожны, пожалуйста.

— К-к-конечно, — заикаясь, проговорил Верпетий и, на ходу читая про себя главную христианскую молитву, переступил порог.

Минуту спустя он понял, что они с Андрием поднимаются по

какой-то высокой, спиралевидной лестнице, ступени которой и вправду были ужасно круты, так что приходилось буквально «не отрывать носа от пола», как выразился про себя Верпетий. Оглядеться как следует ему также не удавалось — единственным источником света в кромешной тьме был факел, который помощник епископа аккуратно вынул из подставки прежде, чем они вошли. Воздух в помещении был тяжёлый и влажный, пахло плесенью — впрочем, именно так и должно пахнуть абсолютно непроветриваемое подземелье. Однако Андрий, похоже, бывал здесь не единожды, а потому не жаловался, спокойно продолжая подниматься вверх.

Когда Верпетий насчитал двухсот пятидесятую ступень, он не выдержал, и, обратившись к проводнику, хранившему всё это время гробовое молчание, попытался пошутить:

— Брат Андрий, а уж не вознамерился ли ты убить меня в столь жутком месте, а тело моё оставить покоиться на этих ступеньках в назидании мокрицам и прочим подземным гадам?

Андрий остановился и, неловко развернувшись для ответа, поскользнулся, чуть не упав на собеседника. Верпетий успел его подхватить, а мгновением спустя не выдержал и истерически захохотал. Андрий поглядел на него как на душевнобольного:

— Вижу, ты страдаешь редкой формой клаустрофобии, брат мой.

— Ха-ха! Чем, чем? Что ещё за каулстр…? М-м? Мхм-ха-ха-ха!

Верпетий пытался сдерживать себя, но напрасно — смех уже полностью завладел его телом, и от частых сотрясаний у него в желудке начались настоящие судороги.

— Пр-прости меня, брат мой… Ах-ха-ха! Но эта лестница, эта чёртова лестница (прости меня, Господь!), скажи честно — она никогда не кончится, да?!

Молодой монах постепенно начал приходить в себя и успокаиваться, попутно вытирая навернувшиеся на глаза слёзы.

— К твоему сведению, клаустрофобия — это боязнь замкнутых пространств, её открыли ещё древние греки, изучающие взаимосвязь души и тела. Отвечая на второй вопрос — да, лестница очень длинная, но только так можно попасть в обсерваторию незамеченными. А именно этого и хотел епископ, он посчитал вашу просьбу весьма важной, а потому не хотел давать излишних поводов для пересудов. Сам понимаешь, всё, что связано с инквизиторскими делами, всегда носит некий оттенок истерии…Осталось немного идти, потерпи.

Верпетий мигом пришёл в себя и посерьёзнел. Странно было слышать столь разумные и холодные слова от брата Андрия — худенького и тоненького молодого человека, которому едва

исполнилось восемнадцать лет. Тем не менее, именно его Корнетти выделил среди всех остальных братьев, сделав своим личным помощником и секретарём, а значит тем, кому известны многие секреты и «скелеты» глубокого епископского шкафа.

Миновав ещё около шестидесяти ступеней (под конец Верпетий бросил считать, решив, что это бесполезно), братья наконец завершили свой путь, остановившись перед высокой аркообразной дверью, открывавшейся внутрь, а не наружу, как это было принято в обычных подвалах.

В лицо сразу же ударил свежий ночной воздух, так что Верпетий поначалу немного «захлебнулся» им. В ушах зазвенело от обилия звуков ночной природы: жужжание цикад и стрёкот кузнечиков напоминали молодому монаху о том, что даже в тёмное время суток природа не теряет своей божественной красоты. Переступив порог, юноша понял, что он находится на площадке для созерцания ночных светил, ибо звёзды казались очень близки, а край площадки обещал долгое падение (чего Верпетий боялся более всего). На другом конце площадки виднелась фигура, различить очертания которой в ночной тьме было бы совсем невозможно, если бы не ярко-красный кафтан, красноречиво выдающий своего «хозяина» — епископа Альберто Фацио Корнетти, красивого пожилого человека пятидесяти шести лет.

— Я думаю, теперь ты можешь подойти к нему и изложить своё дело, брат Верпетий, — официальным тоном «посоветовал» ему Андрий.

— А ты, разве не пойдёшь со мной — записывать ход беседы? — удивлённо спросил первый.

— О нет, эта беседа — носит сугубо личный характер, мне присутствовать при ней запрещается, — с улыбкой произнёс Андрий.

— Хочешь сказать, что сейчас развернёшься, и как ни в чём не бывало, начнёшь спускаться обратно?

Верпетий был обескуражен. Представив, как Андрию придётся вновь миновать триста с лишним ступеней, колени юноши заранее затряслись от усталости… И это не считая страха за свою собственную жизнь, которая вот-вот может оборваться из-за его, Верпетия, чрезмерного любопытства и нахальства. Как он вообще додумался забрать сумку Мануэля? И к чему надо было читать его записи? Что он, не прожил бы, что ли без этих записей? В общем, беседа без свидетелей на уровне трёх сотен метров над землёй изрядно смущала молодого монаха. Не то, чтобы он боялся, что сам епископ Корнетти захочет его убить, но всё же… Мир ведь так не спокоен в пятнадцатом столетии, верно?

И интриги церковного двора были в то время делом столь же привычным, как каждодневная работа мельниц и хлебных пекарей. А то, что ежедневно — то обладает стабильностью, ведь так? А смерть в то время, насильственная смерть, как прекрасно осознавал Верпетий, была столь же стабильна как смена времён года — независимо от знатности рода и вида общественной или политической деятельности.

Потные руки монаха сжимали синий шёлковый платок, внутри которого находилась, в данный момент, возможность Верпетия дожить до своего двадцать третьего дня рождения.

— Удачи, — только и сказал на прощание Андрий. После чего тяжёлая дверь-арка за ним захлопнулась с лёгким скрипом, а Верпетий глубоко вдохнул и медленно двинулся по направлению к призрачной фигуре в красном.

Корнетти держал в руках длинную подзорную трубу, инкрустированную драгоценными камнями. Рядом стоял внушительных размеров пюпитр, на который, очевидно, труба могла устанавливаться для удобства смотрящего. В данную минуту епископ был занят увлечённым созерцанием чего-то, находящегося явно не на небесах, но на территории монастыря, внизу. По всему было видно, что долгое отсутствие Верпетия ничуть не нарушило его планов. На секунду монаху показалось, что если бы даже он вообще не пришёл на эту встречу, епископ не очень-то бы и расстроился, и, сделав все необходимые дела здесь — преспокойно отправился спать. Однако то была лишь видимость.

Когда герой подошёл достаточно близко, чтобы его можно было заметить, то неожиданно услышал следующие слова:

— Звёзды… Планеты… Целый мир, приблизиться к пониманию которого человек не сможет никогда, пусть даже пройдут сотни и сотни лет. Всё, что нам известно о небе — это лишь то, что с наступлением ночи на нём загораются красивые огоньки, а с наступлением дня — они гаснут, а вместо них на небосводе появляется огромное жёлтое солнце… Бессмысленны попытки понять эту загадку Бога, но мы люди — у нас в крови течёт соблазн, «подаренный» нам в наследство Евой: вкусить, изведать всё необъяснимое. Попытаться понять, как устроена вся эта красота… Отвратительная и жалкая черта человеческого характера, не правда ли?

Корнетти, стоявший к молодому человеку в профиль, развернулся — Верпетий никогда ещё не видел столь умных, но в то же время столь странных тёмных глаз. Что-то в них было непостижимо для понимания юноши, но что именно — этого он для себя никак не мог ухватить. Такая реакция молодого монаха

объяснялась тем, что он ни разу в жизни не видел Корнетти столь близко. Епископ довольно часто появлялся в библиотеке и трапезной, но никогда не подходил настолько близко, чтобы Верпетий, да и другие братья, могли его как следует рассмотреть. Кроме того, священнослужитель часто бывал в разъездах по различным провинциям, где встречался с другими, не менее важными представителями церкви. Нередко приглашали его в Рим, где он подолгу гостил у Папы, будучи его добрым знакомым.

Словом, Верпетий находился под впечатлением, а потому единственное, что в ту минуту пришло ему на ум, было — просто представиться этому удивительному человеку. Заикаясь, Верпетий с трудом произнёс:

— В-в-ваше Святейшество… П-позвольте представиться ничтожному вашему рабу… Брат Верпетий Ар-римафейский… Это я попросил о встрече с Вами…

Монах клял себя за то, что не мог преподнести своё имя с должным достоинством, и больше всего боялся, что епископ, услышав такой тон, посмеётся над несчастным юношей и выгонит его вон, даже не поинтересовавшись целью визита. Однако Корнетти не разозлился, напротив, миролюбиво вскинул правую руку и перекрестил юношу, одновременно делая в его сторону дружеский кивок головой:

— Рабы мы только для одного господина, и Господин сей отнюдь не я. Не стоит так смущаться, — улыбнувшись, добавил он. — Отец наш в эту минуту смотрит на нас, и наверняка его позабавило ваше преклонение перед таким же простым человеком, как и вы сами.

При этих словах епископ многозначительно посмотрел вверх, на ночное небо. Верпетию же почему-то почудился оттенок иронии в речи священнослужителя.

— Так значит это Вы — тот самый брат, которому отец Мануэль доверил передачу рукописи? Что ж, если Мануэль выбирает кого-то себе в помощники, тот человек достоин доверия. Я слышал о несчастье, приключившемся с ним, думаю, он должен скоро оправиться. Этот человек всегда добивается своего, и обморок его не остановит…

Епископ странно ухмыльнулся. «Ну что же, теперь, видимо, и меня настигли бесовские галлюцинации, раз во всём мне мерещится какой-то подвох», — подумал Верпетий, но вслух сказал:

— Благодарю Вас, Ваше Святейшество… Но только отец Мануэль ничего мне лично не передавал, я же имел смелость лично доставить Вам его послание. Он выразил свою волю перед тем, как потерять сознание, но это я, солгав другим братьям,

забрал его вещи… Простите мне этот грех, если это возможно…

Трясясь мелкой дрожью от страха, Верпетий рухнул перед епископом на колени. Но тот лишь удивлённо взглянул на него и поспешил помочь ему подняться. Монах успел отметить, что для человека в возрасте епископа, Корнетти имел очень сильные и крепкие в хватке руки.

— Ложь — это очень тяжкий грех, — сказал епископ. — Но, — продолжил он, — Есть вещи и пострашнее, чем мелкое воровство (извини, сын мой, но это так) и недоговаривание правды. Я же вижу, что ты не солгал братьям своим, но именно утаил часть правды. И судя по тому, как ты взволнован, эта её часть может представлять определённую опасность. Я охотно прощу тебе грех присвоения себе вещей отца Мануэля, если ты расскажешь мне всё, что тебе известно. И без утайки.

Корнетти улыбнулся так тепло и добросердечно, что Верпетий почувствовал полную неспособность сопротивляться его влиянию. Кроме того, не затем ли он пришёл сюда, чтобы рассказать всю правду и попросить совета и помощи у того, кто знает гораздо больше, чем он — простой бедный монашек?

Верпетий рассказал епископу всё — начиная с происшествия у ворот в монастырь и заканчивая теми сведениями, что успел почерпнуть из бумаг Мануэля. Альберто Корнетти сохранил присутствие духа и при рассказе о поведении инквизитора в трапезной, и при упоминании шрама в виде креста. Но когда речь зашла о содержании рукописи, через непроницаемый ранее взгляд епископа стало пробиваться сначала лёгкое любопытство, но позже — недовольство, и, в конце концов, хорошо сдерживаемая ярость. Верпетий приписал такие чувства епископа чудовищному описанию опытов над несчастным созданием, подозреваемым инквизитором в явном колдовстве.

Когда монах закончил рассказ, на лице Его Святейшества читалась злость и обеспокоенность.

— Скажи, Верпетий, ты никому больше не показывал эти бумаги, что сейчас находятся в твоих руках?

Спохватившись, юноша протянул платок епископу и покраснел:

— Простите меня, Ваше Святейшество, в порыве я совсем забыл об этом! Вот, — воскликнул он, подходя ближе к епископу, — Эти бумаги Ваши. Прочтите и убедитесь во всём сами — возможно, всё не так уж и страшно, и это лишь моё невежество подсказало все те страхи, о которых я Вам поведал? Если так, то простите мою неразумность, и прикажите сделать со мной всё, что сочтёте нужным сделать с человеком, посмевшим зря потревожить Ваш покой…

Епископ принял из рук монаха платок и тут же его развернул. Извинившись перед Верпетием, священнослужитель попросил его немного погулять по площадке, пока он изучает содержимое. Верпетий, который на тот момент стал уже понемногу замерзать, не возражал. А потому решил отправиться к противоположному краю.

Поверхностно проглядев бумаги, находящиеся внутри, Корнетти остановился на листке с «Прошением наиглавнейшего Инквизитора провинции ***, Отца Диего Хорхе Мануэля о разрешении Его Святейшеством епископом Альберто Фацио Корнетти проведения эксперимента III степени сложности». Датировано Прошение было 20-м января 1456 года от Рождества Христова. Внимательно изучив его при свете находящегося неподалёку факела, епископ задумался. Через несколько минут он подошёл к Верпетию, который стоял, «любуясь» видом с площадки и в нетерпении (но больше от холода) притопывая ногой.

— Первое, что мне пристало сделать в этой ситуации — это исполнить данное мной обещание простить тебе грех воровства. Наклонись, — властно потребовал епископ.

Верпетий повиновался, и в тот миг, когда над его головой трижды прошелестел рукав тёплого кафтана Корнетти с меховой опушкой, прощавшего таким образом грехи юноши, в воздухе раздались сотрясающее всё пространство башни удары колокола. Пробило три часа ночи.

Прочтя «отпускную» молитву, Корнетти обратился к Верпетию взволнованным до чрезвычайности голосом:

— Итак, сын мой. Лично мне в эту ночь заснуть уже не удастся, а тебе?

Не менее взволнованный, Верпетий молча кивнул.

— Хорошо. Тогда, — продолжил епископ, — Я предлагаю тебе пройти в мой личный кабинет. Ты недооцениваешь свои способности, и ты далеко не так глуп, как тебе кажется. А потому — беседа нам с тобой предстоит долгая, мне нужно многое тебе объяснить и узнать твоё мнение как человека, не обременённого тяжестью мирских соблазнов и стремлением удовлетворить своё тщеславие. Здесь становится холоднее с каждым часом — не стоит портить наше здоровье, оно ещё понадобится нам для свершения многих дел…

Последние слова епископ подчеркнул особо. Вариантов у Верпетия не было — похоже, в его жизни библиотекаря намечались серьёзные изменения и, раз уж Корнетти не стремится его убить, то вполне возможно, он нужен ему для выполнения некоего поручения? А поручения, с недавних пор,

Верпетий стал выполнять очень даже сносно. Можно даже сказать — неплохо.

Как ни странно, путь до покоев епископа оказался куда короче, чем предполагал Верпетий. Возвращались они не по дьявольски-длинной лестнице, а всего лишь миновав четыре с небольшим этажа по небольшому коридору, проходящему через здания бывших часовен, ныне приспособленных под хозяйственные кладовые. Несмотря на это, молодой монах сильно волновался, предчувствуя нечто особенно важное, что должно было случится в эту ночь. И он не ошибся…

Спустя много часов, когда солнце уже высоко поднялось над горизонтом, Верпетий возвращался под напутствием Андрия обратно в свою келью. На этот день он был полностью освобождён от всех обязанностей, связанных с работой в библиотеке и по хозяйству. Юноша смертельно устал и мечтал лишь об одном — коротком и быстром сне, когда, забывшись на пару часов, проснувшись — чувствуешь, что проспал несколько дней. Ему необходимо было восстановить телесные силы и укрепиться духовно, ведь с этого момента статус его резко изменился. Теперь у него будут обязанности, совершенно отличные от тех, что он выполнял ранее. И, не скрывая этого, Верпетий был очень доволен. В ходе беседы ему было поведано много такого, за знание чего можно было с лёгкостью угодить на костёр. Поэтому теперь приходилось быть вдвойне осторожным, и укреплять свои дух и тело, а в особенности, научиться контролировать свои эмоции и держать «на привязи» язык, дабы не сорвать всё дело и не предать доверие епископа.

Однако вместе с тем, юноша узнал и много такого, от чего у него самого волосы вставали дыбом, и чего ему, откровенно говоря, знать не хотелось бы. Но выбора не оставалось, и для Верпетия Аримафейского судьба готовила свою собственную, отличную от судеб других братьев историю. Историю, в которой решительность, немного храбрости и жажда познания вынуждены будут всё время бороться с нечеловеческим ужасом и трусостью простого человека в пределах одной личности. Но самое главное, чего Верпетий наверняка не знал, польстившись высокой степенью доверия епископа, так это того, что ему действительно, быть может ценой своей жизни, придётся доказывать Корнетти, что он достоин быть тем, кем стал. А стал он теперь, ни много ни мало — личным помощником и учеником главного инквизитора провинции — отца Диего Хорхе Мануэля по делу ведьмы Альберты де Велморан. Правда, сам Мануэль о таком «подарке» епископа Корнетти ещё не знал, ибо находился в глубоком беспамятстве.

Глава 10 Обманутые надежды

Детектив Доналд Ромирез сидел в личном кабинете за своим рабочим столом и молча читал полученные отчёты. Ход операции «Сильва» был сорван ровно в тот момент, когда беглая преступница Синайя Кроу хладнокровно «свернула» шею своей старшей сестре. Но, как оказалось через пару мгновений, это была лишь мастерски разыгранная мистификация, целью которой было сбить с толку группу захвата. То, что последовало сразу же за этим, нельзя было охарактеризовать иначе как «бойня». Естественно, его ребят готовили к тому, что Кроу, несмотря на свою миниатюрную фигуру и маленький рост, является настоящей «машиной для убийства». Но к такому повороту событий они готовы не были. Никак. Создавалось такое ощущение, что эту темноволосую девчонку специально готовили для выполнения заданий в «горячих» точках. Но откуда? Как?

Уровень боевого мастерства описанию вообще не поддавался, потому что такой скорости и реакции, какая была у Кроу, могли позавидовать все бойцы спецотрядов вместе взятые. С физической точки зрения это было просто невозможно. Абсолютно. И потому тот факт, что какая-то долбаная малолетка смогла «уложить» (в прямом смысле этого слова) восемнадцать человек, прибывших на место происшествия, ставила детектива в тупик.

Нет, понятно, он был наслышан о маньяках, сила которых в состоянии аффекта увеличивалась в несколько раз, но не настолько же! И, кроме того, девчонка психом не была, это точно. Там всё происходило так, словно план действий разрабатывался несколько месяцев до мельчайших подробностей. В том, как действовала Кроу, прослеживалась чистая логика, а уж тактика ведения боя позволяла говорить о том, что девушка тренировалась, как минимум, полгода, учитывая, в какой последовательности и какими приёмами она пользовалась. За сорок пять секунд вырубить всю команду, включая его самого? Мда, друзья, это вам не мусор выкинуть…

Но она же не могла предвидеть заранее, что её схватят? И не могла же она разработать план побега вместе с сёстрами? Тогда какого чёрта Грослин Кроу так убивалась, когда её уволили, если в конечном счёте всё сводилось к тому, что она знала о будущем предприятии сестры? Она же не актриса? Или всё же…?

Ромирез смачно выругался. Такого «глухого» во всех смыслах дела у него не наблюдалось уже давненько. Вопросов было полно, а искать на них ответы, видимо, предполагалось в заднице бегемота. Тем более, что его непосредственный начальник —

генерал Ричард МакДонахью был зол как стервятник, и пообещал с позором распустить весь отдел, если дело не будет раскрыто. Конечно, желательно, если они уложатся в кратчайшие сроки. Ещё бы — сам мэр города заинтересован в поимке особо опасной убийцы с личиком ангела и хваткой офицера морской пехоты. А вот каким образом он, Доналд, должен всё это расхлёбывать, никого, естественно, не интересует. И то, что всё здесь попахивает работой не его, а ЦРУ (кстати, почему они так и не приехали на место преступления в тот день?) также, видимо, не вызывает особых эмоций у его начальства.

Короче, если бы Доналду сейчас вдруг явилась зубная фея и попросила отдать два зуба в обмен на любых два желания, то он, не раздумывая согласился бы, заказав себе следующее: первое — раскрыть это чертовски-хреновое дело; второе — бессрочный отпуск в Майями за счёт государства.

В дверь постучали. Усталый детектив на мгновение оторвал голову от бесконечных описаний приёмов, которыми пользовалась преступница, и хрипло прокаркал: «Войдите».

Это был Ли Медичи, француз азиатского происхождения, которого за глаза все называли «принц». Когда на допросах люди слышали настолько экзотическое имя, многие не верили, а кто-то даже спрашивал, что особа королевских кровей делает в полиции. В любом случае, прозвище ничуть не оскорбляло молодого мужчину, а порой даже играло тому на руку, в случае, если нужно было познакомиться с хорошенькой девушкой.

Сейчас Ли был в хорошем настроении и, несмотря на жёсткий выговор со стороны начальства из-за «Сильвы», не хотел лишний раз трепать себе нервы, считая, что его работа — это всего лишь работа, какой бы опасной или неблагодарной она ни была. Такое отношение к делу Ромирез, лично для себя, считал поверхностным и легкомысленным. Но Медичи был не только его подопечным в команде, он был также и хорошим другом. Поэтому Доналд старался не обращать внимания на то, что порой, когда весь отдел находился, мягко говоря, «в запаре» по поводу того или иного случая, Медичи в это время всегда выглядел лёгким и жизнерадостным, словно всеобщая суета его ничуть не волнует.

Вот и сейчас, только он вошёл, как на красивом европейском лице с утончёнными чертами носа и губ, и изящным, восточным разрезом глаз вмиг засияла белоснежная улыбка безмятежного, довольного жизнью человека. В руке Ли дымился стаканчик свежезаваренного чёрного кофе с тремя кубиками сахара, как и любил Доналд. Ромирез отметил, что на его сослуживце появился новый, тёмно-бордовый галстук, прекрасно гармонировавший с тёмно-серым деловым костюмом мужчины. Безупречно

выглаженная рубашка и сверкающие ботинки всегда были отличительной чертой в облике Медичи. «И когда только этот кот находит время для того, чтобы так выглядеть?», — подумал он. Сам Доналд ограничивался бритьём раз в две недели (из-за чего, впрочем, выглядел вечно небритым), и ежедневной стиркой очередной пары носков (да, Доналд был одним из тех редких мужчин, что категорически не переносят запаха несвежих ног). В целом, слегка помятый костюм и вымученная официальная улыбка довольно точно характеризовали этого человека как «хорошего копа». Чего не сказать было о Медичи, глядя на которого, можно было подумать, что он работает, как минимум, в Бюро Расследований.

— Ну как, Дон? Успел уже ознакомиться с новым «бестселлером» нашего отдела? Кормак вроде бы показания всех очевидцев туда внёс.

Ли поставил перед напарником стакан кофе. У него самого светло-зелёные глаза сверкали так, будто он уже всё это прочитал и получил несказанное удовольствие от процесса.

— За кофе спасибо, — Ромирез тут же отхлебнул огромный глоток и, кивнув другу, добавил:

— А чего это, собственно, ты так радуешься? Или сам ещё не читал?

— Не знаю как тебе, а мне вполне хватило того, что я увидел. К чему портить впечатления от просмотра? Конечно, я всю эту писанину полистал, но, сказать тебе правду, ничего нового я там не нашёл…

Ромирезу на секунду показалось, что ему удалось отвлечь Медичи от каких-то своих, вечно радостных мыслей, и заинтересовать его происходящим. Тот перестал улыбаться и над чем-то задумался, почёсывая у себя за ухом. Надеясь, что мысли напарника обратились к делу, детектив торопливо продолжил, на ходу листая отчёт:

— Нет, ты только послушай… Вот, нашёл, — он воодушевлённо ткнул грязным ногтем в один из абзацев и зачитал: — «Осуждённая подпрыгнула над землёй примерно на восемьдесят (восемьдесят!) сантиметров, одновременно зажимая правым и левым локтевым суставом шейный отдел позвоночника пострадавшего лейтенанта Уилсона. Таким образом, ограничивая движение мужчины, осуждённая упёрлась ему ногами в грудь, после чего совершила акробатический кувырок-сальто назад, одновременно разжав локтевые суставы, но нанеся при этом пострадавшему Уилсону жестокий удар по лицу правой ногой…». Это нормально?! Сам-то ты как считаешь?

Медичи показалось, что Ромирез смотрит на него чуть ли не

умоляюще.

— Ну, я считаю, что Кормак неверно подбирает эпитеты. На его месте я бы лучше написал «взлетела на восемьдесят сантиметров». «Взлетела» звучит куда романтичнее, чем просто «подпрыгнула»…

— Э-э, ну и чёрт с тобой, Ли! Я тебя серьёзно спрашиваю, потому что не представляю, откуда у этой истории «растут ноги», а ты опять со своими шуточками…

Доналд расстроился, потому что мгновение, когда Медичи был «в деле» растворилось прежде, чем он успел получить хоть какую-то теорию из уст собеседника. Теперь его напарник вновь улыбался, и, казалось, он и не думал всерьёз размышлять над странностями происшествия с «Сильвой». Однако, неожиданно для Доналда, Медичи решил продолжить тему:

— Слушай Ромирез, я же тоже говорю серьёзно. То, что мы все там видели — это аномальное поведение человека, так? Я имею в виду, вся эта драка — такое не каждый день увидишь. Даже в кино. И то, что девушка «взлетела» (а по-другому я это не могу назвать) является само по себе фактом достаточным для того, чтобы записаться на приём к окулисту. Знаешь, проверить свои зрительные нервы, а то вдруг это массовая галлюцинация из-за какого-нибудь психотропного препарата, незаметно распылённого тем, кто сидел в тот момент в автомобиле? И раз это априори необъяснимое явление, зачем тратить на него свой умственный потенциал, а? Давай просто найдём этих девчонок и посадим их всех? И не будем заморачиваться над всякими там «летающими тарелками»? Это уже не наша работа, Дон. Пусть с этим разбирается ЦРУ — это их прямая обязанность, не наша.

По мере того, как Медичи говорил, сам он становился всё серьёзнее, а под конец на его лице даже появилась некая тень озабоченности происходящим. Доналд же не разделял такого одностороннего подхода к делу со стороны коллеги.

— А тебе не хочется понять, что движет этими девушками? Для чего им было идти на такой риск? Они же могли просто перебить всех нас как свидетелей, однако этого не сделали. Ведь им прекрасно известно, что мы будем вечно «дышать им в затылок» пока не найдём и не засадим. А может быть, им всем придётся отправиться на электрический стул…

— Что касается твоего определения «перебить», тут я бы поспорил. Грослин и Минерва, возможно, действительно думают, что Синайя уничтожила всех полицейских. Это было понятно по их лицам, когда они уезжали. К счастью, я успел упасть на землю прежде, чем получил удар, поэтому меня в общем «месиве» было не заметить. И я видел краем глаза, что происходило после того,

как леди решили, что дело сделано…В общем-то, это я и записал в протоколе.

— Хм, да, ты — единственный, кто остался в сознании во время этого беспредела. Как всегда, счастливчик. Но твои сведения как очевидца, очень важны. Однако, тогда возникает другой вопрос…

Ли моментально подхватил мысль друга:

— Если двое из сестёр думают, что мы мертвы, а мы — живы, то зачем тогда младшей Кроу это было нужно? Ясно, что ей на руку, чтобы остальные девушки оставались в неведении, но с какой целью тогда было устроено это шоу? Может, если это и впрямь маниакальный синдром, то ей доставляет наслаждение мысль, что за ней будут гнаться те, кого она оставила в живых, но так унизила?

— Ты прямо Зигмунд Фрейд, — засмеялся Ромирез, — Но, — и он вновь посерьёзнел. — Здесь опять получается нестыковка: экспертиза подтвердила, что Синайя Кроу здравомыслящий, хладнокровный убийца, но я ни за что не поверю, что во время «бойни» у неё не возникло привычного для таких личностей момента «жажды смерти». Я имею в виду, когда убийца понимает, что жизнь человека находится в его власти, и он может её отнять — так почему бы этого не сделать? Она же действовала с почти «хирургической» точностью и осторожностью — это подтвердила и доктор Келлер: переломы костей, разрыв селезёнки, сотрясение головного мозга… Но ни одной травмы, что привела бы к инвалидности или последующей смерти человека. Тебе это не кажется подозрительным?

При последних словах, Доналд невольно потёр затылок — ему «повезло» относительно больше других: последнее, что он запомнил, было как он бросается вперёд на преступницу после того, как та «убила» сестру. Но тут же он почувствовал невероятной силы удар по лицу, а затем было короткое чувство полёта, после чего, как ему потом рассказали, он пролетел полметра и ударился головой об асфальт. Правда, другие ребята говорили, что ему невероятно повезло, ведь он мог запросто умереть, расшибив висок. Однако приземлился он аккуратно на заднюю стенку черепа, минуя височную и затылочную части. Как можно было так рассчитать удар, наносимый ногой или это обыкновенное везение? Ещё один «пунктик» в списке бесконечных «почему»… О повреждении напоминал разбитый нос и пара ссадин на голове, но в целом, он был в порядке.

В руке Доналда остывал кофе, а Медичи, пристроившись на соседнем столе, о чём-то крепко задумался. Повисла небольшая пауза, первым из неё вышел, как всегда, Ли:

— Вот что я тебе скажу, Дон. Первое: с Фрейдом ты сравнил меня зря — я ещё не так стар и озабочен, как ты думаешь. Но, не скрою, на курсы психологии в прошлом году походил с большим интересом (к тому же, наша преподавательница, мисс Глеккери, была очень даже ничего, м-м-м).

Говоря это, Медичи притворно закатил глаза от удовольствия.

— Второе, — продолжил он, — Я тебе советую как друг, Ромирез — прекращай забивать себе голову одной работой…

Доналд откинулся на спинку стула и лениво протянул:

— Ну вот, так я и думал, опять ты затянешь эту песню…

Но Медичи в этот раз был серьёзен как никогда:

— Да-да, и не просто затяну, а если будет нужно, распилю тебе мозг! Но, Дон, на полном серьёзе — тебе надо расслабиться. Выпить, отдохнуть с какой-нибудь красивой девушкой… — он внезапно осёкся, — Ладно, извини. Тогда просто отдохнуть — уехать на рыбалку и послать МакДонахью к чёрту, в конце концов! Вот увидишь, это привнесёт в твою жизнь новую свежую струю. Глядишь, и в нашем общем деле сможешь разглядеть что-то новое, какую-нибудь объективную зацепку, которую раньше просто не мог увидеть твой «замыленный» сплошной работой глаз…

Ромирез неохотно допил кофе, стараясь не обращать внимания на слова сослуживца.

Отдых. Ха! Да в гробу он видал этот отдых! У него пол отдела чуть ли не на костылях ходит, а он будет рыбачить или, что ещё хуже, встречаться с кем-нибудь? Вот уж на что у него точно не было ни сил, ни, откровенно говоря, желания. Последней, с кем он встречался, была средняя сестра Кроу — Минерва, или Минни, как все её звали. Она работала в отделе подростковой преступности и вела уроки в школах, где учились дети, в основном, из неблагополучных семей. Они пару раз сходили в ресторан, потом вместе провели ночь и мирно расстались, обоюдно решив, что не подходят друг другу. А теперь эта девушка числится в списке разыскиваемых по стране преступников. Что ж, жизнь всегда любила пошутить над Ромирезом, так что он старался не удивляться…

Сглотнув остатки остывшего кофе, детектив вымученно улыбнулся напарнику:

— Спасибо, Ли. Я постараюсь принять во внимание твой совет — на будущее.

Медичи разочарованно вздохнул. Оказалось, что всё это время он говорил со стеной. Впрочем, как и всегда, когда дело касалось личной жизни его непосредственного начальника и

друга. Улыбку с его лица словно смыло. Настроение от разговора с Ромирезом изрядно подпортилось, поэтому теперь необходимо было его срочно поднять.

— Ну-с, раз мы всё обсудили, я, пожалуй, пойду — надо подготовиться к неофициальной встрече с мисс Эммой Рослин.

— Это та женщина, что работает в ювелирном магазине на Долсен-Стрит? — поинтересовался напарник.

Ромирез не переставал удивляться тому, с какой скоростью менялись подружки в жизни Ли Медичи.

— Это не просто женщина, а очень милая женщина, и к тому же она до сих пор не замужем! — гордо ответствовал «принц».

— Ну-ну, а ты, я вижу, никак собрался на ней жениться, друг?

Доналд красноречиво подмигнул собеседнику, намереваясь его поддразнить. Но у него ничего не получилось — Ли ответил со всем возможным достоинством:

— Если она будет хорошо готовить и молчать в нужный момент, то — почему бы и нет?

После чего коллега хитро улыбнулся, и, пожелав другу удачи и хорошего вечера, легко выскользнул из кабинета.

Доналд посмотрел на часы и удивился — уже десять вечера! День для него пролетел также быстро, как и для большинства работяг, до поздней ночи пропадающих на любимой работе. Вот только с небольшой оговоркой — Доналд Ромирез совсем не испытывал любви к своему виду деятельности. Напротив, довольно часто наступали моменты, когда он её просто ненавидел. Но его личность, вся его душа уже настолько срослись с одним-единственным, и притом довольно мерзким словом «коп», что в свои тридцать пять лет он давно уже не представлял, что может быть кем-то и чем-то другим, помимо этого определения.

Устало натянув старый, вылинявший пиджак песочного цвета и погасив в кабинете свет, детектив Доналд Ромирез забрал свой, изрядно потрескавшийся от времени кожаный портфель (куда положил пресловутые отчёты, чтобы ещё посидеть над ними дома, с бутылочкой пива и включенным футболом) и медленно вышел из полицейского участка номер Пять. В его планы входило поймать такси (своей машины у него никогда не было) и поехать домой, где он намеревался закончить этот такой же, как и все прочие вечера, уже известным нам образом.

* * *

— Так значит, большая часть из того, что мы видели за

последние пару часов — это всё же заранее спланированная «акция»?

Минни сидела на диване и перебинтовывала руку, на которой от предплечья до самого запястья тянулась длинная красная царапина, заботливо смазанная прозрачной антисептической мазью. Она не доверяла младшей сестре и не считала нужным скрывать это.

— Ну, на самом деле только некоторые моменты. В остальном — сплошная импровизация. Но, конечно, я не предполагала, что придётся удирать от полиции с такой скоростью…

Син поставила на журнальный столик баночку с мазью и поднялась со стула, чтобы выкинуть использованные ватные диски. Предыдущие десять минут она занималась тем, что лично обрабатывала ранку сестры, полученную той в ходе их с Син «дружеской» схватки.

— Знаешь, тебе бы не помешало на досуге сделать маникюр — длинные ногти уже не в моде, — сказала Минни, закончив, наконец, с бинтами. — Или, может, это такой способ заражать людей бешенством? — Не удержавшись, съязвила она.

Син устало вздохнула:

— Если бы ты была по-настоящему «внимательной» сестрой, то наверняка заметила бы.

Она повернулась лицом к сестре и показательно подняла обе руки внешней стороной вверх. Все ноготки девушки имели идеально круглую форму и были ровно подстрижены, только что не отполированы до зеркального блеска. Как всегда, девушка иронично изогнула тёмные брови.

— Боюсь, что ты поранилась обо что-то другое, может быть, неудачно зацепилась о пуговицу на джинсах?

В голосе девушки не было ничего, что могло бы выдать хоть каплю сарказма. Однако выражение лица сделало за неё всю «грязную работу». Минни разозлилась, поняв, что на этот раз ей действительно нечем «зацепить» сестру, поэтому выдавила из себя последнюю остроту:

— О-о, похоже, сегодня в «Ривер-Бридж» просто изумительный косметологический кабинет. Интересно, какие ещё услуги входят в тамошний «прайс-лист»?

Лицо младшей сестры мгновенно приобрело ледяное выражение, но сама она лишь просто ответила:

— Там нет такого кабинета. Я сама это сделала.

После чего Син не нашла для себя ничего лучше, чем гордо удалиться в соседнюю с гостиной комнатку, служившую всем троим девушкам спальней. Не сумев в очередной раз

«восторжествовать» над младшей сестрой, Минни внезапно ощутила укол совести. Всё-таки Син сама предложила ей помощь и даже нашла аптечку в этой «дыре». Нерешительно сделав два шага в сторону спальни с неясным для себя стремлением извиниться, Минни неожиданно услышала голос Грослин. Та звала её из кухни, где на потрёпанном столе лежал уже разложенным её ежедневный, вечерний расклад карт Таро.

Минни прошла на кухню и увидела обеспокоенное лицо Гро, склонившееся над тусклыми, выцветшими от времени картами.

— Ты чего? — Минни тоже заволновалась, она-то знала, насколько серьёзно старшая сестра относится ко всему, что связано с возможностью хоть как-то заглянуть в будущее.

Гро подняла глаза, и Минни показалось, будто они стали похожи на два огромных, светло-зелёных озера. Причём «озёра» эти отражали не что иное, как безысходность.

— Садись, — коротко бросила та и стала снова быстро мешать карты, как будто пытаясь стереть то, что так испугало её минуту назад.

— Что-то случилось? Ты что-то плохое увидела, Гро? — осторожно спросила Минни, усаживаясь на скрипучий деревянный стул.

В ответ светловолосая девушка наскоро выглянула из-за плеча сестры, и, убедившись, что Син нет в гостиной, и она не может их слышать, быстро прошептала:

— Да. Есть разговор. Только прошу тебя — ни слова об этом Синайе, ладно? — Глаза Гро беспокойно бегали, словно девушка задумала что-то нехорошее. Когда Минни утвердительно кивнула, ничего, впрочем, не понимая, та продолжила:

— В общем, я была неправа… Насчёт всего неправа, Минни. Понимаешь, не стоило мне идти на поводу у Син и бросаться с головой в это рискованное дело. А теперь… Теперь я просто не представляю, что нам делать…

Гро зажмурилась и опустила голову, сосредотачиваясь на чём-то. Выждав несколько секунд, девушка быстро, без единой остановки, выкинула из колоды пять карт. Минни не слишком разбиралась в гаданиях, но когда заглянула в расклад, то не смогла не отметить, что чем бы это ни было, предвещали карты нечто негативное.

— Это не просто что-то плохое, сестрёнка. Это очень-очень плохое событие, и произойти оно должно очень-очень скоро. С нами.

Гро подпёрла голову рукой, с нескрываемым страхом глядя на набор разноцветных картинок. Минни хотела сказать что-нибудь ободряющее, она не слишком-то верила во всякие там

суеверия и приметы. Но сестра неожиданно добавила:

— Пять раз. Одни и те же карты выпали мне сегодня пять раз. И я не удивлюсь, если то же самое выйдет и в шестой. Это не совпадение, таких чётко выраженных знаков я не получала уже давно, с тех пор как… — Девушка на мгновение умолкла, но затем горестно закончила предложение:

— … С тех пор, как родилась Син.

Минни не знала, как ей реагировать. Сказать, что всё это ерунда и не стоит об этом переживать, тем более, что у них и так полно проблем? Но, с другой стороны, Гро ведь не бредит? То есть, если она говорит, что несколько раз ей выпал один и тот же набор карт, то это, наверное, так и есть. Она всегда говорит правду. Даже если порой и не всю…

— Подожди, успокойся, прошу тебя, — спокойно начала Минни, — Ты можешь объяснить толком, чего именно ты испугалась? Может, ты просто не так истолковала одну из карт? Ты ведь не так давно этим занимаешься…

— Не так давно с профессиональной точки зрения, Минерва. Но гадаю я с четырнадцати лет, и ты это прекрасно знаешь, — раздражённо произнесла сестра. — И уж поверь мне, это, — она ткнула пальцем в последнюю из пяти карт. — Это я могу истолковать предельно ясно. Да и для тебя это не составит особой проблемы.

Девушка проследила за пальцем старшей сестры, и увидела на пятой карте чёткий рисунок скелета, восседающего на худой белой лошади. В правой руке скелет держал длинную серебристую косу.

— Ну как, не навевает никаких ассоциаций? — с долей иронии в голосе спросила сестру Гро.

— Это… Это что — смерть? — голос Минни чуть дрогнул на последнем слове.

— Именно. Но не просто смерть — если смотреть по всему раскладу, то получается, что всех нас ждёт некая катастрофа… Что-то глобальное, что-то, от чего прервётся не только наша жизнь, но и жизнь других людей. Причём многих…

Минни почувствовала противное ощущение гусиной кожи на своей незабинтованной руке. Она была закоренелым скептиком и не верила во всю эту магическую белиберду. Что же касалось Гро, то Минни знала, что сестра с юности серьёзно увлекалась различными магическими штучками. А карты Таро действительно имели для неё особую ценность. Бабушка Мередит Вилкс подарила их ей, когда девочке едва исполнилось восемь и сказала, что в нужный день и час они помогут Гро разобраться в том, что есть истина, а что ложь, и помогут принять правильное

решение. С тех пор сестра не расставалась с ними ни на секунду и верила им безоговорочно, даже если те порой, по мнению Минни, несли полную чушь. Но, так или иначе, а она и их родители (когда были живы) — все считали это её занятие всего лишь старомодным женским хобби. Хобби, помогавшим девушке скоротать долгие зимние вечера или минуты перерывы на прежнем месте работы. Короче, Гро гадала всегда, сколько себя помнила Минни, в любом месте и в любое свободное от работы время. И очень близко принимала к сердцу то, что в большинстве случаев или не сбывалось вовсе, или сбывалось, но в основе своей имело лишь ряд условных совпадений.

Однако Гро в силу своей увлечённости этим делом, умела преподнести все эти «пророчества» в таком свете, что поневоле и сам начинал сомневаться в том, не могут ли эти цветные бумажки и впрямь «вещать» будущее. Собственно, именно это качество и помогло старшей сестре Минни стать удачливой предсказательницей «по пять долларов за прогноз».

Сейчас Минни начала понимать, что готова вот-вот поверить ей. К тому же, эта мистическая «катастрофа» каким-то образом была связана с Син, что, безусловно, оказывало на девушку соответствующий «внушаемый» эффект. От Син можно ожидать чего угодно, она — ходячее табло с надписью «Осторожно: Смертельная Опасность». Но всё-таки… Как-то всё это неправильно. Минни постаралась не поддаваться нахлынувшим эмоциям, и попробовала проанализировать ситуацию логически:

— А ты не могла бы рассказать мне и о других картах? Что, если ситуация, выпавшая тебе сегодня, это…м-м-м, метафора? Иносказательное обозначение какой-то тревоги или пережитого тобой стресса?

Грослин посмотрела на сестру долгим взглядом. Поняв, что Минни ей не верит, светловолосая девушка начала поочерёдно брать в руки каждую карту и давать её подробное толкование:

— «Пустая карта» — это означает, что то, что было с нами раньше — одна сплошная загадка, даже для высших сил. То, что мы потеряли всё и в нашей жизни, по сути, образовалась одна огромная пустота. Далее, «Повешенный» — свидетельствует о том, что вся наша жизнь в один момент перевернётся с ног на голову в ближайшее время — что и произошло. — Гро выразительно приподняла светлые брови.

— «Туз мечей» — мощная отрицательная энергетика. Может быть, опасность, которая постоянно витает над нашими головами. И последние две карты — «Башня», с которой, объятые пламенем падают люди, является предвестником крушения всего положительного, всех светлых надежд. А последняя — «Смерть» в

сочетании с «Башней» говорит о некоем событии большого масштаба. И событие это несёт в себе разрушение и гибель, как для нас, так и для других, невинных людей…

Гро пристально посмотрела на сестру, в её взгляде читались печаль и мольба о прощении за всё то, что пришлось пережить им с Минни. Минни же, в свою очередь, сочувствовала Гро, но всё же никак не могла поверить в то, что какие-то старые карты могут пророчить ей с сёстрами чуть ли не Армагеддон во всей его красе. Однако Гро своего добилась — Минни начала нервничать, а там, где начинались её нервы, там вскоре появлялась и знаменитая истерика, повторения которой средняя сестра Кроу отнюдь не жаждала.

Осторожно выпрямившись на стуле, Минни аккуратно одёрнула свою трикотажную водолазку цвета фуксии. Сейчас самое главное — не паниковать. Хуже быть не может уже точно — это девушка знала наверняка, а потому пришёл момент расспросить, наконец, Грослин о том, как она смогла связаться с Син за несколько часов (а, может быть, и дней) до побега. Когда она попыталась расспросить младшую сестру, пока та занималась перевязкой, Син ответила, что обсуждать такие вещи следует в кругу семьи. А сейчас, видите ли, не подходящий момент. Снова. Минни вообще уже потеряла надежду на то, что ей в принципе, когда-нибудь всё расскажут. А сейчас представился такой момент: Син, видимо, легла спать, «намахавшись» за прошедший день. Гро же находится под впечатлением от своего дурацкого пасьянса — чем не повод вызвать её на откровенность? Девушка сочла бы преступлением упустить такую возможность, а потому решила осторожно начать разговор «издалека»:

— Знаешь, я всё-таки не могу понять одного: как так получилось, что ты выжила в тот раз?… Ну, ты понимаешь, с шеей… Я имею в виду, всё выглядело так натуралистично…

Минни скромно потупила глаза, словно бы извиняясь за своё излишнее любопытство.

— Да, ты знаешь… Наверное, это всё-таки неправильно, что я рассказываю тебе всё не в присутствии Синайи. В конце концов, это же всё была её затея, и она бы лучше могла всё объяснить… Наверное…Ладно, на сегодня хватит.

Девушка усталым жестом смахнула все карты в одну стопку и, не глядя, запихнула их в колоду, даже не перемешивая. После чего бабушкины Таро отправились сначала в картонную коробку из-под охотничьих спичек, а затем упали на дно сумки Гро. Старшая Кроу потёрла свою затёкшую шею и ещё раз выглянула из-за плеча Минни. Но в номере было тихо.

— Я думаю, она уже легла спать, — поспешила ответить

девушка на озабоченный взгляд сестры.

— Я тоже, но думаю, проверить всё-таки стоит.

С этими словами Гро поднялась из-за стола и тихонько, на цыпочках, прокралась в спальню. Как и ожидали девушки, Син действительно спала на одной из кроватей. Единственное, что могло отличить её от тысяч таких же спящих девушек по всей стране — это полный комплект одежды, который она, похоже, и не думала снимать перед сном. Единственное, чего на ней не было — это кроссовок, которые стояли здесь же, аккуратно пристроенные у изножья кровати.

Когда взгляд Гро невольно задержался на белых носочках девушки, старшая сестра на секунду испытала приступ умиления и материнской любви. «Господи, да ведь она же ещё ребёнок — да, жестокий, да, своенравный, но такой ребёнок!». На секунду, всего на секунду, ей страстно захотелось защитить эту маленькую девочку от всех тревог и ужасов мира. Она была обвинена несправедливо, но из глупого, детского чувства превосходства над окружающими не хочет в этом признаваться ни себе, ни сёстрам.

Грослин не могла объяснить природу своих чувств, но как только она вернулась обратно на кухню, ей показалось, что «чары» развеялись. Она сама не могла объяснить себе, почему её вдруг посетили столь дикие мысли, однако была рада от них избавиться и тут же поспешила забыть всё то, о чём думала и что испытывала всего пару секунд тому назад. Но это была именно та «последняя капля», что окончательно пробудила в Грослин потребность в разговоре с Минни. Эти странные ощущения она испытывала не впервые, и ей было интересно — оказывает ли Син на Минни такое же влияние, что и на неё?

Усевшись обратно за стол, девушка решила сразу же перейти к делу, без долгих предисловий, которые могли всё только ещё больше запутать и усложнить.

— Послушай меня внимательно, Минни. Я сейчас задам тебе один странный вопрос, но ты не должна отвечать на него сразу, даже если на первый взгляд абсолютно уверена в ответе. Подумай хорошо, прежде чем ответить. Это важно.

Минни согласно кивнула, попутно положив свои руки на руки старшей сестры:

— Я тебя слушаю Грослин Кроу, я — само внимание. Только прошу, скажи же мне, наконец, что происходит у вас с Син?

Гро набрала в лёгкие побольше воздуха, а затем, как можно более ровным голосом спросила:

— Скажи, Минни, за всю свою жизнь — в детском или подростковом возрасте, или позже…, - она сделала небольшую

паузу, — Ты когда-нибудь чувствовала что-нибудь необычное в присутствии Синайи? Что-нибудь, что противоречило бы твоим обычным ощущениям или чувствам?

Минни не сразу поняла, о чём говорит сестра. Но, как следует подумав, девушка нерешительно произнесла:

— М-м-м… Я не уверена, но… Иногда меня действительно посещали странные мысли, я имею в виду, это было похоже на…

— То, как будто бы за тебя чувствует и переживает кто-то другой? — не удержавшись, переспросила Гро.

— Нет… Не совсем, скорее, это больше походило на определённое давление. Как будто кто-то пытается намеренно изменить ход твоих мыслей.

— Намеренно? — переспросила Грослин.

— Да. Представь, что ты компьютер, который постоянно выполняет одну и ту же команду по отношению к определённой программе. Но однажды в систему проникает вирус, и ты, как процессор, понимаешь, что тебе приходится выполнять по отношению к той же программе только те действия, которых от тебя ждёт вирус. Но ты понимаешь это, в смысле, что у тебя в голове кто-то чужой, а вот поделать с этим ничего не можешь. Вот, примерно так я себя ощущала. — Улыбнувшись, закончила объяснение Минни.

— Мда-а, прямо классическая теория захвата сознания, — задумчиво прошептала Грослин.

— Я так понимаю, то, о чём мы сейчас говорим, напрямую относится к нашей младшей сестре, так? Ты думаешь, что как-то изменяешься в те моменты, когда она рядом?

— Не то, чтобы я изменяюсь, напротив, я знаю, что эмоции, которые я испытываю — это мои эмоции. Но при этом я понимаю, что они для меня совершенно противоестественны!

— Хм-м-м, можешь привести пример? — попросила Минни. — Что ты конкретно чувствуешь и при каких обстоятельствах?

Гро довольно фыркнула — всё-таки в её сестре ещё чувствовался, не успевший выветрится окончательно, дух юриста с высшим образованием. Девушка запустила руку в локоны цвета спелого пшена, и, потянув за резинку, распустила их. Каскад топлёного золота высшей пробы тут же «расплескался» по спинке стула, давая Грослин возможность расслабиться и получше сконцентрироваться на своих переживаниях. Несколько мгновений спустя она заговорила:

— Как правило, это случалось в те моменты, когда я была максимально расслаблена, как сейчас, — начала девушка. — Думать ни о чём не хочется совершенно, и твоё сердце (или же

мозг, для меня эти категории взаимозаменяемы, ты знаешь) как бы раскрывается. Оно становится словно пустой бочонок — вроде бы в нём всего полно, но в то же время он пуст. Честно говоря, даже не знаю, с чем это лучше сравнить. Но, в целом, это странное ощущение. Подобное же происходит и тогда, когда я, наоборот, сильно занята чем-либо. Мои мысли настолько плотно сконцентрированы, что я как бы начинаю «видеть сквозь них»… Это похоже на бред, я в курсе.

Девушка рассмеялась тихим печальным смехом. Вообще-то это была её работа — выслушивать от пациентов разные версии работы их подсознания, а затем давать полезные советы по контролю эмоций или решению тех или иных житейских проблем. Во всяком случае, когда-то она успешно занималась именно этим — ещё до того, как попасть в полицию и с громким успехом «вылететь» оттуда. Сразу после окончания университета, она какое-то время занималась частной практикой, арендовала офис в одном из успешных деловых центров столицы штата. Ей нравилось — это приносило хороший доход. Но потом случилось много нехороших событий: вновь дала о себе знать Синайя, арендодатели подняли цену за оплату помещения.

Но самой большой трагедией в жизни Грослин (да и всех сестёр Кроу) стала гибель родителей от рук каких-то подлых мелких грабителей, забравшихся однажды ночью к ним в дом. Собственно, именно это событие наиболее негативно повлияло на и без того нестабильную психику самой младшей сестры, и с этого момента начались все те жуткие происшествия, о которых не раз потом писали в местных газетах, и подозреваемой в которых нередко оказывалась Син. Так что в какой-то степени, для страшного маньяка-убийцы в белых носках, лежащего сейчас в соседней комнате на дешёвой пружинной кровати, существовало оправдание. Пусть и совсем крохотное и слабое.

Как бы там ни было, сейчас Грослин Кроу имела уникальную возможность почувствовать себя на месте своих бывших пациентов, и, так сказать, «выслушать» себя со стороны. К сожалению, она вскоре пришла к выводу, что если бы к ней кто-нибудь и когда-нибудь обратился с подобной проблемой, она вряд ли смогла бы дать пациенту более-менее чёткий и дельный совет.

— Да… Я, наверное, начинаю сходить с ума, — повторила девушка.

— Нет, это отнюдь не бред. Я вполне могу понять то, о чём ты мне рассказываешь. Собственно, со мной «давление» происходило в моменты аналогичного твоему состояния. Но вопрос в том, что именно ты чувствовала в эти моменты?

Гро ответила не задумываясь:

— Сострадание, жалость, какие-то приступы умиления… В общем, это всё было весьма спонтанно, но когда эффект проходил, я даже потом толком вспомнить не могла, какие конкретно эмоции мной владели. Кроме тех, что сейчас перечислила.

— Сострадание и жалость…, - задумчиво повторила Минни.

Она стала неосознанно теребить пуговицу на рукаве, взгляд же её уткнулся в скатерть — так всегда бывало, когда ею овладевало особенно глубокое размышление. Вдруг она подняла глаза на сестру — два тёмно-карих огонька, внезапно нашедших решение какой-то важной задачи:

— Постой-ка, — быстро заговорила она, — Ты сказала, что тобою овладевало чувство умиления и сочувствия. А сочувствие это было обращено случайно не на Син? Ты не можешь вспомнить, какие фразы в ту минуту были у тебя в голове, или с какой темой они были связаны?

Щёки девушки окрасил нежный розовый румянец, но этот признак здоровья скорее был связан с чрезмерной нервированностью девушки, нежели с чем-то другим, имеющим, как правило, романтический характер.

— Я имею в виду, у тебя в голове случайно не возникало мыслей типа: «она невиновна», или «Нет, Синайя не могла совершить всех тех жутких вещей, в которых её обвиняют. Плевать, что есть неоспоримые улики, она этого сделать не могла, и точка». Нет, не было такого?

Грослин ошарашенно посмотрела на среднюю сестру. Затем аккуратно, так же, как сделала это раньше Минни, выпрямилась на стуле и тихо спросила:

— Откуда ты знаешь?…

Обе девушки были шокированы неожиданным открытием. Мало того, что они испытывали сходные чувства, так ещё и мысли по поводу сестры у них возникали одни и те же. И опять же, всё это происходило в аналогичных ситуациях — когда младшая сестра находилась рядом, а их нервная система испытывала или минимальное, или же, напротив, максимальное напряжение. Назвать это «странным» язык никак не поворачивался, а вот термин «паранормальное» сюда подходил, как нельзя, кстати. И если Грослин ещё как-то допускала возможность телепатического воздействия на них Синайи, то Минни, в силу своего практического земного характера, даже представить себе не могла ничего подобного.

Когда сёстры обсудили эту тему и нашли ещё несколько

совпадений, Гро словно бы очнулась от некоего сна, державшего её всё это время. Она встала и, не говоря ни слова, тихонько прикрыла дверь на кухню, чтобы перешёптывания девушек не могли коснуться слуха их младшей сестры.

— Знаешь, я ведь испытала подобного рода «транс» ещё в первый раз, когда Син позвонила мне из «Ривер-Бридж». Это было сразу же на следующий день после приговора.

Заметно было, что Грослин сильно волновалась, но в то же время, сейчас она как никогда была похожа на ту самую Грослин Кроу, которую Минни знала с раннего детства.

— Я понятия не имею, каким образом она смогла пронести телефон в камеру, но то, что звонок был сделан с сотового — это точно. Хотя… Если представить, просто на секунду представить, что Син действительно умеет делать что-то вроде гипноза, или и впрямь обладает некими телепатическими способностями, то тогда становится вполне очевидным, что она могла применить своё воздействие и на ком-то другом. Я имею в виду, на ком-то, кроме нас.

— Ты думаешь, такое возможно? — недоверчиво спросила Минни.

— А почему нет? Если она спокойно выделывает такие «кренделя» с нашим сознанием, то где гарантия, что любой другой человек не может стать её жертвой?

Минни почесала плечо и заодно ухватила прядь волос, намереваясь заплести их в тонкую косичку. Она нервничала не меньше, чем Гро.

— Не думаю, что она обладает какими-то особыми возможностями. В конце концов, мы же выросли вместе, и я чётко помню, что Син была самым обычным ребёнком — странным и немного злым, но вполне обычным. Да и потом, если бы это было так, то она давно бы «свила» из нас все верёвки, какие только можно. Мы могли бы убивать по её приказу, и даже не осознавать этого. Но мы ведь в здравом уме?

— Надеюсь, — отозвалась Гро. — Но факт остаётся фактом: Синайя, вероятно, имеет на нас определённое влияние, и пока что мы ему противимся. Не представляю, откуда у неё всё это взялось, но она точно изменилась в плане поведения. И, кто знает, может она контролирует свою силу, «проверяя» её на нас? Что, если наши псевдоэмоции — это лишь первый шаг Син на пути к своей цели? А потом мы будем способны действительно на что-то гораздо более страшное?

— Да, такая теория могла бы объяснить многие из тех странностей, что происходили в тюрьме. Может быть…, - Минни не решалась продолжить, но всё же закончила свою мысль. — …

Может быть, и дело с экспертизой было действительно не таким уж «чистым и гладким» как доказывали остальные психиатры. Подумай, все они могли испугаться Син, ну, или того, что она с ними сделала, и по её «просьбе» переделать все документы. Ты не виновата в том, что произошло. Я больше, чем уверена — это было подставное освидетельствование.

Минни изобразила рукой жест, как решительно ударяет маленьким кулачком по столу. Грослин же улыбнулась и просто сказала:

— Спасибо, что веришь. Иногда бывает гораздо легче перенести любое негативное вмешательство в твою жизнь, если хоть один человек по-настоящему и искренне уверен в тебе. В моей жизни таких моментов было очень мало. Спасибо тебе, Минни.

Грослин порывисто обняла сестру через стол, и только тут вспомнила, что хотела сказать в самом начале их с Минни разговора:

— Я совсем забыла — мне ведь нужно рассказать тебе, куда мы на самом деле едем. Об этом я и хотела поговорить. Син хочет найти какой-то заброшенный город на Севере Канады — якобы там для нас оставлено неплохое «наследство» от наших родственников.

— Родственников? Но ведь кроме бабушки с дедушкой, да и то только со стороны мамы, у нас же больше никого не было?

Минни была удивлена подобным поворотом темы. Но, тем не менее, это не разрешило для неё ни одного из повисших вопросов. Впрочем, как и всегда в последнее время.

— Это наши дальние родственники — троюродные дядья и тётки, они уже умерли, но Син говорит, что недавно обнаружила в нашем старом доме секретный архив в кабинете деда. И в нём говорится, что, так как наша семья не так уж и велика, а разбросаны мы были волею судеб по разным сторонам континента, то нужно, чтобы хотя бы после смерти наши два рода соединились. Пусть даже только и через наследство.

— Син была в нашем родовом доме, ты хочешь сказать? И когда это она всё успевает? — Минни недоверчиво покосилась в сторону двери. Конечно, никто не собирался запрещать Син посещать их старый дом, но, во-первых, у неё уже давно не было ключей от входной двери (что, как подозревала Минни, для неё отнюдь не было проблемой). А во-вторых, она ведь сама поклялась собственной жизнью, когда ей было восемнадцать и умерли родители, что ноги её больше не будет в их доме. Так какого же чёрта ей понадобилось нарушать столь страшное обещание?! Причин могло быть две: или всё настолько серьёзно,

что речь здесь действительно идёт о чьей-то жизни — и, наверняка, не только Син; или — всё это одна большая афера, целью которой является устранение сестёр и получение наследства в единоличные руки их младшей сестрицы.

— А ты уверена, что это эфемерное наследство действительно существует? Вдруг всё гораздо проще, и Син просто хочет завезти нас подальше, а потом убить? И вообще, что это за «таинственный» город и «секретный» дедов архив? Мы же вроде тогда, после похорон мамы с папой, всю опись имущества сделали, а всё, что было не нужно — продали или подарили соседям и друзьям родителей?

Гро понимающе смотрела на Минни:

— Да, я тоже именно так и решила сначала, и честно говоря, — девушка понизила голос до едва различимого шёпота, — Я и сейчас боюсь твоего предположения по поводу того, чтобы отвезти нас чёрти куда, но… Если бы Син хотела убить нас, она бы сделала это давно. Тем более, что у неё был такой удачный случай начать с меня — на глазах у того полицейского, помнишь? Это же вроде был Доналд Ромирез?

Сердце Минни горестно сжалось. За то короткое время, что они провели вместе, она так и не сумела понять суть этого закрытого, слегка угрюмого человека. А позже, когда они расстались по обоюдному согласию, поняла, что не надо им было делать поспешных выводов, а следовало бы попробовать больше узнать друг о друге. Тогда, возможно, у них был бы реальный шанс. Но теперь, когда Минни осознала, что офицер Ромирез оказался одним из немногих в её жизни людей, к которым она испытывала настоящие чувства, было уже поздно. Она была общепризнанной государственной преступницей, а значит, этот мужчина для неё был утерян безвозвратно. Девушка и не думала, что может пожалеть о том, что когда-то сама предложила ему расстаться, пока их едва начавшиеся отношения не зашли в тупик по причине полного несовпадения характеров. Сейчас Минни с радостью отмотала бы назад последние восемь месяцев.

Минни глубоко вздохнула. Гро, увидев на лице сестры печальное выражение, поняла, что девушку гложет несбывшаяся надежда:

— Дорогая, я знаю, что ты встречалась какое-то время с этим полицейским, но ведь ты тогда сказала, что вам обоим это ни к чему, и вы расстались без особых разочарований?

— Да, я… Решила тогда, что мы совсем не подходим друг другу. Слишком разные. Просто сейчас я думаю, что поспешила. Я была вся такая смеющаяся и радостная, а он, наоборот, всегда был как будто… Не знаю, будто он всё время был поглощён

какими-то своими мыслями, и моё веселье только раздражало его и не давало сосредоточиться.

Гро улыбнулась и похлопала сестру по руке:

— Насколько я помню, когда ты предложила ему разойтись, он даже ни капельки не огорчился. Можно подумать, его мужская честь при этом абсолютно не пострадала — это-то и возмутило тогда меня больше всего! Он так отнёсся к тебе, как будто то, что вы были вместе какое-то время, пусть и совсем короткое — для него совершенно ничего не значило. Словно он и не заметил, что у него отношения с самой хорошенькой девушкой в участке!

Минни захихикала и упрекнула сестру в пустой лести:

— Ты же знаешь, кокеткой я никогда особо не была. Да, я встречалась со многими парнями, но я же не специально это делала, просто как-то так всегда получалось, что я была не одна. Но я и не воспринимала всерьёз большую часть из своих ухажёров. Редко к кому из них можно было испытывать хоть что-то, отдалённо напоминающее настоящую симпатию или чувства. А здесь, это было похоже на «отсроченный эффект», словно бы внешняя сторона вдруг отодвинулась, а за ней предстало нечто… Нечто, что я не могу уловить, но что мне очень нравится.

Девушка немного смутилась. Они уже очень давно не были настолько откровенны с сестрой, как сегодня. Минни одновременно и радовалась, что вновь может общаться с Гро на прежнем уровне, но одновременно и боялась — теперь, когда среди них снова есть Син, к чему может привести случайно обронённое в ходе душевного разговора слово? Не может ли это повредить им с сёстрами, случайно выдав нежелательные тайны одной из них?

Однако Гро не видела в этом ничего угрожающего, она считала, что осторожной им следует быть лишь в беседах с младшей сестрой, а друг с другом они могут говорить, о чём пожелают. Они ведь на сто процентов уверены друг в друге — доверие, вот ключ к их связи как сестёр. У Син такого ключа практически никогда не было, и вряд ли он уже мог когда-нибудь появиться.

— Так вот что я тебе скажу по поводу твоего Ромиреза, — изображая тон учительницы, промолвила Гро. — Этот мужик — полный чурбан, если думает, что может вот так расшвыриваться чувствами других направо и налево. И не ты, а он должен сейчас сидеть в своей вонючей конторе и упрекать себя в том, что упустил шанс провести остаток жизни с девушкой своей мечты! Так что забудь о нём и не переживай — он не достоин даже мизинца твоего, а тем более, сожалений о несложившихся отношениях. Ты ещё встретишь своего героя, поверь мне,

Минерва. Господи, — добавила она, — Как вспомню, как он смотрел на меня там, перед машиной, пока я «отдыхала» в объятиях Син, так даже страшно становится!

— Почему? — еле сдерживая приступ смеха, поинтересовалась Минни.

— В какой-то момент мне показалось, что он на полном серьёзе был готов скорее пристрелить меня сам, не дожидаясь действий Синайи — лишь бы добраться до неё и не упустить свою ставку на «повышение». Ещё бы, — саркастически хмыкнула Гро, — «Дело века».

С лица Минни моментально «смыло» улыбку.

— Не смешно, — серьёзным голосом сказала она. — Я тогда всерьёз за тебя испугалась, Гро. Думала, что потеряла тебя навсегда, даже в обморок от ужаса упала. И потом, — нерешительно добавила она, — Ты слишком уж резкого мнения о Доналде, он вовсе и не такой уж чурбан, каким ты его себе представляешь.

Грослин не переставала улыбаться, казалось, сейчас настал тот редкий момент, когда она могла по-настоящему расслабиться. Но в то же время, она понимала чувства своей «средней младшей» сестры, а потому попыталась ответить так, чтобы как можно меньше ранить её чувствительную натуру:

— Я всё понимаю. Прости меня. Я очень виновата перед тобой. Син предупреждала, что может сложиться ситуация, при которой ей придётся взять меня «в заложники». Для правдоподобия, — уточнила она. — Это входило в изначальный план. Приёмы мы тоже оговорили заранее, от меня требовалось лишь наиболее естественно изобразить момент «умирания» во всей этой истории. Ну, чтобы отвлечь внимание полицейских и «шокировать» их. Однако даже я не была готова к тому, что произошло там, на шоссе. Син просто подала мне условный знак, что схватит меня, но то, как она это проделала — вот тут моя реакция была вполне настоящей.

Грослин горько усмехнулась. Мгновения радости от разговора с сестрой плавно сходили на «нет». Правду говорить всегда трудно, даже такую «техническую» её сторону.

— Я же ещё в школе ходила в театральную студию, помнишь? Вот опыт и пригодился… Хотя, если честно, было не слишком-то приятно осознавать, что она действительно настолько сильна, что может одним движением переломить тебе шею. С ней, наверное, и вправду опасно иметь дело. — Печально заключила девушка.

— Мы уже имеем, — мрачным тоном произнесла Минни.

— Так ты поэтому считаешь, что она стала какой-то… другой? Из-за несовпадения видимой хрупкости и её физических

возможностей?

— Да, — отозвалась Гро, — Во многом «благодаря» этому. На самом деле то, каким человеком она была раньше, до убийства родителей, и какой стала потом — это два совершенно разных человека. Как бы мы не понимали Син в качестве младшей сестры, но мы всегда любили её. Ведь признайся же, любили, — слегка «надавив» на последнее слово, Гро посмотрела Минни в глаза.

— А потом с ней словно что-то произошло… Случилось что-то, из-за чего Син стала такой, какая она сейчас. И это — самое ужасное.

— Ты думаешь, с ней могло что-то произойти, когда она ушла из дома?

Минни задумалась. Под таким углом она ещё ни разу не пыталась посмотреть на Син.

— Скорее всего. Мы же не знаем, где она была всё это время, — сказала Грослин. — Вспомни, мы с тобой получили всего пару открыток за первый год её отсутствия. Одну из Ирландии, другую — из Италии, а потом — всё. Она словно сквозь землю провалилась…, - закончила Гро, потирая пальцами виски. Она снова напряглась, как будто груз проблем и не отпускал её на время разговора с Минни. Минни же, напротив, казалась заинтересовавшейся новым предположением, которое и поспешила «выложить» старшей сестре:

— Погоди-ка. Ты говоришь, последняя открытка была из Италии — так это же та Рождественская открытка с Собором Святого Петра, верно? Она нам её прислала перед своим днём рождения — двадцать шестым декабря, и тогда ей исполнилось девятнадцать…

— К чему это ты клонишь? — Гро не улавливала нить размышлений сестры, но чувствовала, что это было как-то связано с сегодняшним поведением Син, и с тем, куда они все направляются.

— Мы услышали о ней год спустя, когда начались все эти убийства, так? А до этого, в открытке, она упоминала, что познакомилась с «чудесным» парнем. Как там его звали?… О, Ричард, он ещё работал в Римской библиотеке…

— Ну, и… — поторопила сестру Гро.

— Она тогда написала, что у неё скоро начнётся новая жизнь, что она вместе с Ричардом узнала некий секрет, который поможет им с парнем прекрасно устроиться в этом мире. Мы ещё тогда подумали, что она попала в секту — неужели не помнишь? Она всё упоминала «Свет Снежной Кости» — что-то типа кружка любителей антикварных книг и старых рукописей религиозного

содержания, в который входил этот самый Ричард.

Гро откинулась на спинку стула, она была в недоумении:

— Как же этот кружок книголюбов может быть связан с…

Она обвела рукой кухню, подразумевая очевидно фразу «всё это».

Теперь пришла очередь Минни закатывать глаза.

— Честно говоря, я совсем в этом не уверена — это же больше по твоей части.

— Смотря, что ты имеешь в виду? — уточнила Гро.

— Синайя тогда увлеклась всеми этими готическими штучками — ритуалы с вызовом духов, походы на кладбище, романтические стихи о Конце… Короче, может этот Ричард не только книжки почитать любил, может они ещё и…

Гро начала догадываться, что имеет в виду Минни, и ей стало вдвойне смешно. Чувствуя, как улыбка снова растягивает её лицо, она, наконец, спросила напрямую:

— Минни, ты что — всерьёз думаешь, что они с Ричардом могли колдовать или заниматься чем-то подобным?

Минни обидела реакция сестры:

— Заметь, это я здесь в роли закоренелого скептика. А ты, напротив, должна была бы вперёд меня догадаться, что здесь дело явно попахивает чем-то сверхъестественным…Нет, а тебе не кажется, что назвать книжный клуб «Свет Снежной Кости» — это как-то излишне экстравагантно, а?

Гро уже не сдерживалась и откровенно хихикала.

— Минни, прости, но это несколько чересчур. Признаюсь, я, как психиатр, грешила на возможность неких сдвигов в психике Син, благодаря которым её неадекватная реакция смогла трансформироваться в сильнейшие выплески адреналина. И, да, я подозревала, что она обладает некими ментальными силами. Просто я этого не замечала раньше или не хотела замечать. Но колдовство… Неужели действия Син — результат какого-то мощного злого заклинания, в результате которого она из скрытной, хмурой девчонки в момент превратилась в жестокую убийцу?

— А почему нет? — спросила в ответ Минни. — В смысле, может, это и не колдовство как таковое, но что-то, связанное с определёнными экстраординарными явлениями? Может, что-то так повлияло на сознание Син, что это теперь как бы не она общается с нами, но нечто, м-м-м… Скажем так, нечто, овладевшее её разумом?

Гро сделала вид, что всерьёз задумалась над словами сестры, а затем, мимолётно взглянув на свои ручные часики, с умным видом изрекла:

— У меня есть две мысли по этому поводу: первое — это то, что нам двоим уже давно пора взять пример с Син и поспать. Так как уже полтретьего утра. И второе — мы с тобой не в сериале про волшебников, Минни. Волшебство не имеет под собой никакой реальной основы.

— Но ведь ты доверяешь своим Таро, — не сдавалась та.

— Точно. Но это совсем другое: карты Таро — это соединение культуры и психологии, сознания и подсознания народа, запечатлённое в архаичных образах, приобрётших со временем ассоциативную устойчивость. Своего рода, наука.

Минни подняла обе руки вверх, призывая старшую сестру не продолжать.

— Я поняла. Не важно, что я думаю, Гро. Но только порой мне кажется, что ты сама себе боишься признаться в том, что интуитивная, иррациональная составляющая твоей жизни нравится тебе куда больше, чем сухая логика и копание в чужих мозгах. Ведь не зря же у тебя свой магический салон? Но всё же подумай над этим на досуге — «секретные» книги, «секретный» архив дедушки Брайда… Вдруг между этим всё же есть связь?

Минни устало поднялась со стула, чтобы отправиться в спальню и с удовольствием «сладко» потянулась — все затёкшие от долгого сиденья мышцы тут же благодарно заныли, предоставляя своей хозяйке лишних пять секунд чистого, физического наслаждения. Грослин сделала то же самое, только вместо того, чтобы размять затёкшие конечности, она предпочла вновь потормошить руками свои волосы.

— И всё-таки, — сказала она, — Доналд Ромирез мне совсем не нравится.

— Вредина, — подытожила Минни и показала сестре язык.

Гро фыркнула и собралась открыть дверь. Когда девушка уже была готова взяться за дверную ручку, чтобы сделать это, дверь сама распахнулась прямо перед её носом. На пороге стояла Син, её ярко-синие глаза горели злобой, а волосы были растрёпаны так, словно она уже успела упасть в какую-то придорожную канаву. На плече у девушки висела спортивная сумка Минни, точно такая же — с вещами её самой и Гро была в её левой руке.

— Вы что, уснули здесь?! Не слышите ничего?!

— Что с твоими волосами? — спросила удивлённая Минни. Она устала и хотела спать, а потому почти забыла о том, где они находились.

— Нас обложили со всех сторон, вот что, — огрызнулась Син. — А до тебя по-прежнему всё доходит о-очень медленно.

Гро стояла как вкопанная. Как она могла не заметить шума колёс? Син прошла на кухню, мимо сестёр, но, не пройдя и

половины пути, остановилась и обернулась к девушкам.

— Там сейчас засада, и примерно через десять секунд сюда ворвутся очередные спецназовцы с винтовками наперевес. Я успела собрать кое-какие вещи, но не все. Пришлось передвигаться по полу, работать, так сказать, в не совсем комфортных условиях. Но, надеюсь, нам повезло, и меня не заметили с улицы. Свет в номере не горел, так что было достаточно темно, чтобы что-то разглядеть. А вот вы должны просто богу молиться за то, что у вас здесь совсем нет окон. С другой стороны, тепловизоры ещё никто не отменял, так что советую вам пошевеливаться: в туалете есть небольшое окошко, так что, если нам опять же повезёт и задница Мин без проблем пройдёт через него — мы, считай, может и оторвёмся.

Грослин и Минни по-прежнему молча таращились на Син, они были слишком расслаблены после разговора и явно не ожидали, что их застанут врасплох. Син, воспользовавшись замешательством сестёр, успела быстро опустошить оставшееся от ужина содержимое холодильника. Быстро запихнув всё в сумку, она схватила чемоданчик с лекарствами — собственность мотеля. «За моральный ущерб», — пробормотала девушка и, увидев, что Гро и Минни так и не сдвинулись с места, прошипела со всей страстью, на какую была способна:

— Хватит листать «Космополитен» за прошлый год — там советов на такой случай нет! Быстро в туалет, я сказала, не то остаток жизни будем читать «Космо» в библиотеке «Ривер Бридж»! И то, если повезёт…

Син бросилась в неприметную, бледно-зелёную дверь в глубине кухни. Именно она вела в сортир — «Ничего не скажешь, оригинальное проектировочное решение, — подумала Син. — Но если бы его не было, это был бы конец, а потому — надо быть благодарной судьбе за такой щедрый подарок», — тут же напомнила она себе. Гро и Минни не имели времени на то, чтобы приходить в себя, а потому в первые секунды просто двинулись за младшей сестрой «на автомате». В маленькой тесной комнатке всем троим было не развернуться — мистер Квинси явно сэкономил на этой части номеров.

Облезлые, когда-то оранжевые стены, теперь напоминали облупившиеся своды старой кладовки в старом доме самих сестёр. Об унитазе говорить даже не приходилось, и если ванная, находившаяся в противоположной части номера, рядом с коридором, ещё хоть как-то соответствовала санитарным нормам, то главная «достопримечательность» этого помещения вызывала открытые ассоциации с придорожными барами. Стены были испещрены номерами телефонов, крышка унитаза должна была

вот-вот отвалиться, даже сама «нога» не была достаточно устойчивой для того, чтобы человек мог спокойно и полноценно присесть на данное «чудо» сантехники. Запах здесь царил соответствующий.

Вдобавок ко всему окошко, о котором говорила Син, находилось довольно высоко от пола. Чтобы добраться до него, девушкам нужно было встать не просто на сам унитаз, но взобраться на сливной бачок, а это было отнюдь не безопасно, учитывая состояние всего «агрегата» в целом.

Гро с сомнением посмотрела на грязное, плотно закупоренное ватой окно:

— Ты думаешь, наша комплекция позволит нам протиснуться в него? Боюсь, что последнее шоу «Цирка дю Солей» прошло мимо меня.

— Всё нормально, если втянуть живот — проскользнуть можно «на раз», — бодро ответила младшая сестра. — Другое дело — этот дурацкий бачок, я не уверена, что он всех нас выдержит.

— Ты хочешь сказать, если он рухнет невзначай, то нам придётся остаться здесь? Другого выхода нет?

Минни чувствовала, что начинает паниковать.

— Точно. Другого выхода нет, но я надеюсь, что если ступать мягко, то его хватит как раз на три захода.

Девушки буквально дышали друг другу в уши — настолько некомфортно им было находиться в столь тесной близости. Однако Гро была решительна — раз уж приходится уходить этим путём, то делать это нужно как можно быстрее.

— Ты точно всё проверила? Сумки не повредят?

— Раньше, может, и повредили бы, но теперь — нет, это сто процентов.

Син была твёрдо уверена в том, что у неё с сёстрами всё должно получиться. Она пропустила Гро вперёд, та быстро осмотрела место их вынужденного «старта» из мотеля. Убедившись, что стены достаточно шершавые, чтобы за них в случае чего можно было ухватиться, Гро быстро проинструктировала Минни:

— Минни, у тебя случайно руки не вспотели?

— А как ты думаешь? Конечно, не каждый же день испытываешь такой стресс — мало того, что бежим, так ещё и через микроскопический туалет!

— Хорошо. Я знаю, что ты не очень хорошо держишь равновесие, так что если вдруг почувствуешь, что начинаешь падать — хватайся за стены. У них рыхлая структура, так что можно зацепиться и использовать их в качестве опоры.

Внезапно девушки услышали грохот — полиция ворвалась в номер, и стал отчётливо слышен топот нескольких пар мужских ног в тяжёлых сапогах. Счёт пошёл на секунды.

— Всё. Идём.

Гро первая поднялась на крышку, и тут же почувствовала, как та угрожающе хрустнула в ответ. Следующим шагом она ступила на хлипкую поверхность сливного бачка. На её удивление, он оказался достаточно устойчив, поэтому девушка смогла, не опасаясь за равновесие, дотянуться до окна. Рама, казавшаяся плотно прижатой, на деле оказалась искусно замаскированной: вата, выпотрошенная из щелей и разложенная точно по очертаниям окошка, создавала ощущение, что стекло запаяно «наглухо». В действительности же, оно было всего лишь аккуратно приложено к бетонной основе. Гро удивилась:

— Так вот чем ты занималась, пока я была в душе? Но как же ты умудрилась вытащить стекло без инструментов?

— Не болтай, выбрасывай сумки!

Син некогда было объяснять что-либо, она быстро закинула на руки сестре вещи, а той не оставалось ничего другого, как вытолкнуть их через освободившееся пространство. После чего Грослин подтянулась на руках, оттолкнулась от бачка — и сразу же легко выскользнула на поверхность, освободив оставшимся двум девушкам место в клозете.

Следующей была очередь Син.

— Руки за спину! Быстро всем лечь на пол!

Крики раздавались из гостиной, был слышен шум переворачиваемой мебели. Затем послышался стук керамики — очевидно, кое-кто уже добрался до кухни.

— Давай сразу за мной, не спрашивай ничего — все разговоры потом, ясно?

Благодаря маленькому росту, Син легко вскочила на крышку, не причинив ей особого вреда. Через каких-то полсекунды, она так же стремительно вылетела в окно, как и Гро.

Минни с ужасом оглянулась по сторонам — она вообще не представляла, каким образом будет подтягиваться, потому что хоть и была стройной, но весила на пару кило больше, чем её сёстры — это точно. Кроме того, с физкультурой у Минни всегда складывались натянутые отношения, поэтому сейчас не было никакой гарантии, что она сможет выполнить хотя бы малую часть из тех трюков, которые только что, на её глазах провернули сёстры.

Осторожно поставив одну ногу на крышку унитаза, она попыталась как можно более «нежно» оттолкнуться от пола — как Минни и ожидала, та тут же заскрипела, хрюкнула и провалилась

под её весом. Стоя на останках грязно-синего пластика, Минни чувствовала, как через её кроссовки медленно просачивается противная холодная влага. Желание зареветь пересиливало только желание свободы. Вдохнув поглубже, девушка встала обеими ногами на бачок…

— Никому не двигаться!!! Поднимите руки или мы будем стрелять, мисс!

Дверь буквально «разорвалась» — настолько резко был нанесён по ней удар. Бравый солдат в каске и чёрном обмундировании, больше напоминающим панцирь, чем форму, смотрел на Минни чёрными дырами защитных очков, поглощающих свет. Девушка вскрикнула от испуга и инстинктивно вскинула руки вверх, попутно пытаясь повернуться. Но как только она начала разворачиваться, сразу почувствовала, что фаянсовая поверхность уходит из-под её ног. Щепки и пыль забились в глаза, и Минни, ощутив колючую боль, поняла, что эта история для неё закончена.

Когда Минни приготовилась полностью упасть на остатки унитаза, или, в другом варианте, получить разрывную пулю в грудь, произошло нечто невероятное. Руки пронзила резкая боль, Минни не выдержала и дала волю слезам. В следующую секунду, она услышала над своей головой голос, который никак не ожидала:

— Извини, красавчик, не в этот раз!

Потом Минни почувствовала резкий рывок вверх и поняла, что ноги оторвались от пола. Кто-то вытаскивал её через узкое отверстие туалетного окна. Последнее, что она слышала — это разрывающий воздух свист пуль по крошащейся извёсткой стене. После этого, всё погрузилось в непроглядную тяжёлую темноту.

Глава 11 Наследство

Почувствовав под ногами мягкую землю, Син с облегчением разогнула спину — удар об асфальтированную поверхность доставил бы ей массу неудобств, самым малым из которых стала бы гибель её «древних» кроссовок. Несмотря на доверие к фирме-производителю, Син всё-таки больше ориентировалась на «срок службы» товара, а у этих тапок он уже порядочно скончался. Увидев, как Грослин нетерпеливо топчется рядом у стены, ежесекундно оглядываясь по сторонам, Син не смогла удержаться от комментария в адрес сестры:

— А я тебе всё время говорила, что не надо заказывать для Мин сразу по две «картошки фри». Вот результаты-то и сказываются…

— Зато ты у нас всю жизнь одну траву жуёшь, давно ли ты снова стала есть мясо? — огрызнулась Гро.

— Порой жизнь заставляет нас совершать удивительные вещи… — таинственным тоном произнесла Син, поддёргивая опустившиеся рукава водолазки. И тут же нормальным голосом добавила:

— Она там уже целых пять секунд торчит. Не находишь, что кто-то задерживает движение?

— Боже, неужели… — начала было Гро.

В ту же секунду девушки услышали голос бойца по ту сторону стены.

— Естественно, чего ещё можно было ожидать от крошки Мин? — недовольно буркнула Синайя и, без лишних разговоров, полезла обратно в окошко.

— Стой, ты куда? — испуганным голосом прошептала Гро, — Тебя же могут ранить!

Однако Син сделала вид, что не расслышала причитаний сестры, и, сделав последнее усилие, прошмыгнула обратно в туалет. Увидев Минни всю обсыпанную щепками и древесной пылью, да ещё и застрявшую в крышке унитаза, черноволосая девушка испытала смесь жалости и жгучего сарказма одновременно. Но когда её глаза заметили небольшое красноватое свечение, направленное на голову сестры, все чувства как будто сразу «выключили» одной кнопкой — рефлекс, приобретённый её телом совсем недавно. Молниеносно свесившись с крохотного подоконника, Син успела зацепиться ногами за карниз прежде, чем её тело оказалось в полном доступе для каких бы то ни было действий со стороны солдата.

Ухватив Минни за подмышки, Син напрягла мышцы ног до

предела — и почувствовала, как те незамедлительно откликнулись, осуществляя спасительные сокращения суставов и костей. Тело девушки порывисто дёрнулось вверх, увлекая за собой нелёгкую ношу. В тот момент, когда сама Син смогла выбраться наружу и заодно вытащить тело Минни до половины, за окном раздались оглушающие слух хлопки, свидетельствующие о том, что бойцы не преминули осуществить своё обещание и начали стрелять. Оттолкнувшись от стены, Син дёрнула Минни ещё сильнее — и услышала странный хруст в нижней половине тела девушки.

— Господи, ты сломала ей ноги!? О, мой Бог!!!

Гро подпрыгнула в попытке ухватить Син за ноги — так они смогли бы быстрее освободиться из плена тесной оконной рамы. Однако это оказалось бесполезно — Син всё равно была слишком высоко, и держалась, в основном, за счёт максимального упора ног. Ну и за Минни тоже. Несмотря на высокий рост, Грослин никогда не отличалась особой «прыгучестью», в отличие от Син, которая хоть и не долго, но всё же занималась в секции «группы поддержки» в школьной футбольной команде.

— Я сейчас опущу её вниз, а ты поддержишь, ладно!? — пытаясь перекричать выстрелы, окликнула сестру Син.

— Что ты хочешь сделать?! — не расслышав, попыталась переспросить Грослин.

Син же отвечать не стала. Вместо этого, она упёрлась руками в свесившееся поперёк окна тело Минни (которая была абсолютно ошарашена, чтобы сопротивляться) и чуть приподнявшись, смогла быстро оглянуться и показать Гро два опущенных вниз пальца — мол, «Держи её». Гро находилась в полном смятении — стрельба окончательно «добила» её и без того хилую решительность. Она смогла лишь коротко кивнуть в ответ, признавая внутри себя тот факт, что в этой ситуации ей не остаётся совершенно ничего иного, кроме как полностью довериться Син. Грослин постаралась максимально приподняться на носках, и, сделав над собой неимоверное усилие, смогла-таки дотянуться до кистей рук Минни. Она покрепче ухватила среднюю сестру и почувствовала, что сама вот-вот лопнет как туго натянутая струна.

Син же в это время как можно крепче ухватилась за пояс джинсов Минни и начала медленно, но верно проталкивать «филейную» часть тела сестры к свободе. «Всё, Синайя, можешь распрощаться со своим маникюром», — подумала девушка, ощущая, как ломаются её ногти о железные заклёпки ремня. Внизу Гро постепенно уменьшала натяжение своего позвоночника, сантиметр за сантиметром притягивая Минни к земле. Когда Син, наконец, удалось освободить ноги девушки, она

увидела, что те находятся в полной сохранности. Наскоро выпрастывая щиколотки Минни из окна, Син заметила, что кроссовки сестры буквально превратились «в лапшу»: в нескольких местах из них торчали… обломки той самой злополучной крышки! Именно они послужили причиной страшных звуков — видимо, на них рикошетом пришлись гильзы от патронов.

«Но если пули такой силы, что их гильзы смогли вдрызг расщепить пластик, впившийся в обувь Минни, то что же тогда творится с её ногами?! Может, она и вправду сильно ранена, только не там, где думает Гро». От этих мыслей Син замутило, но она попыталась поскорее отмахнуться от видений, связанных с окровавленными ступнями сестры (если они — ступни, ещё вообще у неё там остались). Журчание воды подсказало девушке, что санузел мистера Квинси остался в далёком прошлом, это маленькое обстоятельство доставило Син несказанную радость. «Пусть эта крыса поплатится за свою услужливость — кому как не ему было удобнее всего нас „сдать“»? — подумала про себя она. Но вода говорила и о том, что что-то происходит. Из-за частичного оглушения, Син не сразу поняла, что именно. Она, не глядя, вытолкнула ноги сестры наружу, таким образом полностью её освободив. После чего не замедлила быстро спрыгнуть обратно, но задержалась на земле чуть дольше обычного — перевести дух.

В тот момент, когда девушка глубоко вдохнула и резко выдохнула, пытаясь восстановить дыхание, она внезапно осознала две вещи: первое — она не слышит голоса Гро или Минни, или вообще хоть какого-то движения; второе — там, наверху, она смогла услышать журчание разбитого санузла, а это значит, что вокруг стало тихо. Вообще никаких звуков — ни выстрелов, ни крика полиции. Ни-че-го.

Синайя медленно подняла глаза от земли. Перед ней предстала картина, нередко являвшаяся к ней в последнее время в ночных кошмарах: Грослин стояла, высоко подняв руки над головой. Рядом с ней лежало безжизненное тело Минни, так и не успевшей прийти в себя. Она, Син, очевидно, стояла на коленях на сырой земле, в то время как вокруг них троих собрался целый боевой отряд из пятидесяти человек. И все стояли молча, направив на девушек крупнокалиберные снайперские винтовки. Одежда сестёр переливалась точно какой-то дискотечный шар, только вместо солнечных зайчиков на них мельтешили маленькие красные огоньки. Любое движение было чревато мгновенным превращением в отборный мясной фарш…

И в центре всего этого безумия, гордый словно король,

поймавший на охоте давно желанную дичь, возвышался старший детектив, офицер Доналд Ромирез, закованный в те же чёрные броне доспехи, что и его приспешники. Однако он пожелал снять защитную маску и теперь смотрел на сестёр тяжёлым взглядом, в то время как его лилово-синие (от кучи выкуренных сигарет) губы медленно растягивались в мерзкую, но о-очень довольную улыбку. Он был первым претендентом на то, чтобы «уложить» Син с первого же выстрела. И он готов был сделать это немедля.

— Хватит, девушки, — рычащим голосом произнёс он. — Побегали и славно. Всё кончено, смиритесь. Особенно ты, Синайя.

Он произнёс всё предложение на одной ноте, ни разу не отвлёкшись или дёрнув прицелом. Твёрдый как кремень, он, похоже, имел относительно сестёр самые, что ни на есть «серьёзные намерения».

— Если только ты или твои сёстры попытаетесь сделать хоть что-то, подчёркиваю, вообще хоть что-нибудь — я немедленно стреляю на поражение. Без предупреждения, — предупредил офицер.

Молчание вновь наполнило свежий ночной воздух. После оглушительных выстрелов в здании мотеля оно казалось даже громче, чем речь человека, стоявшего сейчас напротив сестёр. Грослин была начисто парализована создавшимся за пару секунд положением, и уже ничего так сильно не хотела, как просто сдаться и получить шанс выжить. О чём и заявила открыто, предварительно посмотрев умоляющим взглядом на Ромиреза:

— Хорошо, мы сдаёмся. Окончательно! — выкрикнула она толпе вооружённых солдат. — Прошу вас, не стреляйте! Моя сестра без сознания, мы не будем совершать никаких действий!

Ромирез скептическим взглядом окинул Грослин с головы до ног. Но оружия не опустил.

— Не думаю, что вам можно доверять, мисс Кроу, — сомневающимся тоном произнёс он. — В прошлый раз вы доказали мне, да и всем другим, — он легко повёл головой, подразумевая окружающих, — Таким женщинам как вы доверять опасно. Смертельно опасно, — добавил офицер.

— Ваш прошлый фокус «вдохновил» весь наш отдел, — продолжал он, — Мы долго гадали, каким образом вам удалось уйти — такое мастерство исполнения, — произнёс он, обращаясь к Син. — Удивляюсь, когда вы смогли всему этому научиться? На вид такая юная девушка…

Он медленно развернул прицел в сторону самой младшей из сестёр.

— Ты теперь мой личный «спортивный трофей», поэтому советую тебе оставаться в положении «носом в землю» как можно

дольше — для всеобщего блага.

Голос Ромиреза дрожал от удовольствия. Никто из его команды не подозревал о том, что детектив хочет «собственноручно» допросить младшую Кроу. «В целях повышения собственной квалификации», — мысленно отрапортовал он начальству. Его терзало нешуточное любопытство относительно того, когда, где и, самое главное, как она научилась так драться за собственную жизнь и жизнь своих сестёр. И упустить такой уникальный шанс он просто не мог. Не имел на это права.

— «Носом в землю», говоришь? Похоже, у кого-то сдают нервишки, офицер Ромирез?

Грослин покосилась на сестру краем глаза. Она ещё никогда не слышала таких зловещих, по-настоящему зловещих ноток в голосе младшей сестры. Казалось, он звенит точно острый серебряный кинжал, рассекающий в полёте воздух. Но в то же время было в нём и нечто глубокое, затаённое, словно рык готовящегося к атаке зверя. И именно этот последний оттенок вызывал у старшей сестры Кроу чувство «гусиной кожи» по всему телу.

— Син? — дрожащим голосом шепнула Грослин.

— В прошлый раз вы были куда добрее и вежливее — играете в «плохой коп — хороший коп»? — с издёвкой в голосе обратилась к офицеру Син.

— В прошлый раз я не успел как следует подготовиться. В отличие от нынешнего, — чётко отпарировал тот в ответ. — И советую попридержать свой длинный язык, а то как бы раньше времени не угодить на собственную казнь — уверен, в «Ривер Бридж» вынесли бы именно такой приговор.

Ромирез ещё раз улыбнулся — на сей раз уголком рта, что придавало выражению его лица ещё больше неуместного, дикого самодовольства. Грослин с нескрываемым ужасом слушала их с Син, и чувствовала, что всё на этот раз заходит слишком далеко. Конечно, в прошлый раз всё тоже было ужасно, но не до такой степени. И Ромирез действительно ведёт себя гораздо грубее, нежели тогда. Словно играет роль, призванную устрашить преступников и в то же время внушить уважение к нему со стороны подчинённых. Однако результат такой «словесной игры» между Син и Ромирезом обещал быть весьма печальным. Особенно, если Синайя не соизволит заткнуться в ближайшие же несколько секунд!

Грослин надоело испытывать на прочность терпение офицера, держащего её и Минни на мушке: если Син так торопится на тот свет — скатертью дорога! Она, в конце концов, не обязана вот так

глупо погибать из-за того, что кое у кого окончательно поехала крыша!

— Прекрати! — прошипела она Син. — Наплевать на себя, так хоть Минни дай шанс — она же умрёт, не приходя в сознание!

Но Син и не думала замолкать. Учитывая, что обе девушки не могли позволить себе даже малейшего намёка на движение, их положение было действительно мучительным. И что было ещё хуже, Гро чётко понимала, что у этой маленькой дряни на уме опять есть какой-то план. Вот только вопроса — поможет это им или нет, не стояло — сегодня их убьют раньше, чем можно будет в принципе предпринять что-либо. Ромирез не шутил — он выстрелит. И не раз — это уж «как пить дать».

— Вы гордитесь тем, что поймали трёх хрупких девушек, офицер Ромирез? Или это говорит в вас ваша мужская неудовлетворённость? — нараспев произнесла Син.

Глаза Гро округлились от ужаса — эта дура намеренно его доводит! Она реально хочет, чтобы он в неё выстрелил? Но тогда начнётся полномасштабный обстрел, и под огонь попадут все трое — Син, видно, окончательно рехнулась?! Это было уже выше всех её сил. Наплевав на родственные связи, Грослин выкрикнула в лицо офицеру:

— Зачем вы вообще её слушаете? Это какая-то игра, да? Вы же видите, что перед вами — обдуманная провокация, так для чего же вам всё это? Не поверю, что вам самому нравится! Офицер Ромирез, прикажите увести нас или взять под стражу, или что там вы ещё должны сделать? Только не ведитесь у неё на поводу — так мы все избежим ненужных жертв!

Доналд смутился. Действительно, вся эта погоня, выслеживание и нежданная удача в виде звонка Квинси — сильно вскружили ему голову. Адреналин от слов светловолосой девушки постепенно начал спадать, и к мужчине стала возвращаться его прежняя холодность и рассудительность. Минутой раньше, если бы Гро не подала голос, он бы без сомнений выстрелил прямо в Син, и, девушка вновь оказалась бы права, этот выстрел неизбежно повлёк бы за собой череду других. Из них троих никто не выжил бы, а они пришли сюда не за этим. В конце концов, его задача здесь — восстановить справедливость, следуя букве закона, а не устраивать бесцельную бойню, чтобы потешить собственное самолюбие.

«Выключив», таким образом, бойца внутри себя, Доналд вновь вернулся к образу порядочного, спокойного детектива, в чьи обязанности входит задержать сбежавших преступников и передать их в надлежащие места — не более того. Идея с персональным допросом Син теперь также не казалась ему

удачной — кто знает, чем всё это закончилось бы? Даже подумать страшно, сколько людей могло пострадать, если бы той вздумалось устроить драку прямо в участке. Мысленно поблагодарив Грослин за своевременное «отрезвление», офицер опустил винтовку и кинул последний взгляд на Син. Когда его глаза встретились с глазами девушки, та снова ему подмигнула. «Может, я ей нравлюсь? — невзначай подумал детектив, — А то с чего бы ей вдруг так часто меня злить? Как в детском саду, ей-богу». Эта мысль вызвала на лице мужчины очередную улыбку, но, очевидно, было в ней что-то такое, чего Син никак не могла вытерпеть. Её лицо буквально побелело от злобы словно она вдруг смогла прочесть его мысли.

Глубоко вздохнув, чтобы окончательно успокоиться, Ромирез произнёс ровным голосом чисто заученную фразу:

— Грослин, Минерва и Синайя Кроу. Вы задержаны по обвинению в многочисленных преступлениях, среди которых покушение на убийство и причинение вреда здоровью среднего типа тяжести. Вы имеете право хранить молчание — всё, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде. Грослин и Минерва Кроу — вам предоставляется право на один телефонный звонок. Синайя Кроу — вы обвиняетесь в повторном побеге с места вынесения приговора, а потому вы лишены данного права. Завтра же вы будете переданы властям, после чего вас под усиленной охраной переправят в тюрьму «Ривер Бридж», где и будет осуществлено ваше окончательное наказание.

Грослин опустила глаза. Слава богу, всё закончилось хотя бы так! Она опустила голову и поглядела на лежащую на земле Минни. В то же время к ним мелкой рысью двинулись солдаты. Памятуя о том, что они всё ещё находятся под прицелом, Гро и не думала опускать руки. Но в этот момент Минни вдруг стала издавать невнятное мычание и, приходя в себя, коснулась левой кистью своего лба. Гро дёрнулась было, чтобы помочь сестре, но вовремя вспомнила, что бойцов лучше не злить.

— Не двигаться! — напомнил кто-то из них.

Син была белее мела. По её лицу было видно, что она из последних сил борется с собой, сдерживая внутри себя нечто. Гро отлично могла представить себе её чувства — не зря же она психолог: момент свободы и последующее понимание обречённости на вечное её отсутствие. Такое могло «уничтожить» кого угодно, что уж говорить о человеке, психика которого испытывает постоянное давление со стороны эмоций. Син глубоко дышала короткими вдохами-выдохами, казалось, ей вот-вот станет плохо. Гро приготовилась к тому, что сейчас станет свидетелем одного из приступов эпилепсии сестры, которые

наблюдала когда-то в детстве. Обычно их сопровождало нечто похожее на реакцию Син сейчас. Однако никакого приступа не последовало. Вместо этого, пригвождённая десятками лазерных лучей к земле, Син резко выпрямилась.

Дальше всё происходило словно в замедленной съёмке. Син явно на что-то решилась, но на что?! Гро в ужасе и полном онемении следила за происходящим. Между ними и бойцами расстояние сокращалось так, словно и те и другие двигались сквозь толщу воды — настолько медленными стали все их движения. Гро не могла понять этого — расстояние было не более тридцати-сорока метров. По идее, они уже давно должны были бы лежать в наручниках «носом в землю», как только что красноречиво выразился офицер. Девушка подумала, что, скорее всего, у неё от пережитого стресса проявляется эффект «растянутости во времени», когда все молниеносно происходящие события кажутся как бы «застрявшими» в некоем вакууме близкого к панике сознания.

Однако Син не выглядела «застывшей». Напротив, она повернулась к Грослин в обычном для неё режиме времени. Старшая сестра явственно прочитала на лице самой младшей гнев и звериную ярость, причём обращённую не на полицейских, а на неё — Гро! Внезапно, в левой руке Синайи появился маленький перочинный нож, скрытый, очевидно, в одном из кроссовок. Гро испугалась, что сейчас Син осуществит то, ради чего и затевалась вся эта поездка — убьёт и её, и Минни! Светловолосая девушка инстинктивно вскинула руки в попытке защититься, но Син лишь холодно приказала ей:

— Падай на сумки, иначе останемся вообще без вещей. И возьми Минерву за левую руку, не отпускай.

— Что ты делаешь? Что вокруг нас происходит?

В ответ Син посмотрела на офицера Ромиреза — его лицо беззвучно скорчилось в крике, отдающем какой-то приказ. Серые глаза готовы были «сжечь» Син живьём — если бы такое было возможно. С другой стороны, то, что происходило в данный момент, тоже вряд ли можно было назвать «реальным». Испытывая необыкновенную смесь злости и удовлетворения, продолжая смотреть на Ромиреза, Син демонстративно, плавным движением вскрыла себе вены на левой руке.

Гро сама упала на землю, чувствуя, что вот-вот лишится и сознания и рассудка одновременно. Слава богу, Минни этого не видит, иначе это был бы полный хаос. Сгребая в охапку правой рукой сумки, а левой сжимая холодный кулак Минни, Гро из последних сил старалась оставаться в сознании. Не выдерживая натиска собственных чувств и мыслей, она истерично выкрикнула

в сторону стоящей на ногах Син:

— Я всё сделала! Ну и что, что дальше!? Ты убьёшь себя, а потом нас? Ради чего?!

Тут она заметила стекающую по руке сестры струйку крови. Кровь на вид казалась вполне обыкновенной, только её цвет был гораздо темнее. Это походило на то, как если бы вам показали блестящий чёрный кристалл, но изнутри отсвечивающий красным светом — примерно так выглядела кровь младшей из сестёр Кроу. Подобно благородным тёмным рубинам, капли крови падали на землю, образовывая небольшую гладкую лужицу, отражающую к тому же ещё и лунный свет. Когда крови набралось достаточно, Синайя вновь опустилась на корточки и, макнув в неё пальцы, обвела вокруг девушек широкий круг.

— Что у тебя с кровью? Что ты сейчас вообще делаешь? — удивлённым, но слабым голосом спросила Грослин. — Это всё Ричард? Он что-то сделал с тобой в Италии, так?

Син начертила внутри круга простой символ, напоминающий морской трезубец, а затем подсела к сестре и взяла её окровавленной рукой за левую ногу. Когда она обратилась к Грослин, лицо её было уже гораздо спокойнее, а голос звучал вполне обыденно. Обыденно, то есть с известной долей иронии:

— Грослин, у меня к тебе огромная просьба: в следующий раз, когда захочется проявить благородство — никогда, ты слышишь? Никогда так не делай. Если бы он выстрелил, всё было бы проще раз в десять…

— Что проще? Проще нам всем умереть?!! Ты хоть понимаешь, на что всё это похоже?!

— А на что, по-твоему, это похоже — «Мадам Гросселинда»? — Син закатила глаза. — Стандартная чёрная магия и ничего больше. Всё просто. Только теперь об этом знают вон те «плывущие» посреди заднего двора ребята в форме, — она махнула здоровой рукой в сторону мирно «бегущих» в замедленной съёмке солдат. — А если бы кто-то не «расслабил» пыл нашего героя, мы бы уже бежали отсюда вполне нормальным способом, естественно после того, как я отвлекла бы их внимание.

Син коротко улыбнулась сестре.

— «Отвлекла внимание»? Ты имеешь в виду — поубивала бы всех как на шоссе? — Грослин удивилась сама себе, но сейчас её поразило не столько то, что её сестра — ведьма (притом злая), сколько то хладнокровие, с которым она вновь собиралась оставить за собой шлейф из свежих полицейских трупов.

— И вообще, что ещё за колдовство? То, что я «Мадам Гросселинда» — всего лишь бизнес. Ты прекрасно знаешь, я не верю в магию, её просто не может быть! Думаешь, я не

догадываюсь, что ты подсыпала нам с Минни в еду какую-то отраву, вызывающую эти галлюцинации? Я, к твоему сведению, дипломированный специалист в области психиатрии и психологии!

Гро быстро приходила в ярость. Да какого же чёрта тут делается?!

— Угу. То-то ты каждый вечер раскладываешь свои Таро, и они «говорят» правду. Притом, что ты — «дипломированный специалист».

Син произнесла фразу, подражая голосу старшей сестры, а потом спокойно отпустила её ногу и стала перевязывать распустившиеся шнурки на кроссовках. Закончив, она заметила, что испачкала кровью свои носки.

— Блин, придётся их потом зарыть где-нибудь…

И снова хотела было взяться за ногу Гро, но та резко отодвинулась. Стоны Минни становились всё громче — она постепенно приходила в себя.

— «Зарыть»??? В каком это смысле — зарыть? Ты и с нами поступишь так же, как и с носками? Тоже «зароешь» нас с Минни где-нибудь в лесу?…

— Грослин? Синайя? Мы… мы живы? Где мы?…

Минни хотела было приподняться на локтях, но слишком ослабела, а потому со стоном осела обратно, почувствовав сильную тошноту.

Гро обратила внимание на стремительно приближающихся солдат. Они хоть и медленно, но всё же бежали, а это значит, что бы там Син не задумала, ей пора воплощать это в реальность. Снова.

— Ты сказала, что мы могли уйти «нормальным» способом, а как насчёт «ненормального», если уж на то пошло?

— Я бы не сказала, что он «ненормальный», скорее, «экстремальный», — произнесла Син, глядя на солдат. — «Лягушка» всё ещё стоит на парковке с южной стороны?

Гро кивнула.

— Мы сможем забрать и машину? — девушка немного воодушевилась.

— Если успеем, — в свою очередь кивнула Син.

— Рука сильно болит, сознание не теряешь, голова не кружится?

Только сейчас Гро заметила, что рана на руке сестры довольно глубокая, и ей стало неловко.

— Ногу давай, — только и попросила девушка.

Гро с сомнением разогнула ногу в колене, и Син аккуратно взяла её в месте, где ахиллесово сухожилие соединяет голень со

стопой. Грослин покрепче сжала руку Минни, та по-прежнему была дезориентирована в пространстве. Когда физически все три девушки были соединены, Син и Гро в последний раз взглянули на ничего не понимающих стражей порядка.

— Закрой глаза и представляй парковку, надеюсь, всё пройдёт быстро.

В следующее мгновение Синайя здоровой рукой прижалась к земле, накрыв ладонью символ:

Плоть к плоти,
Кровь к крови,
Замкни нас в цепь.
Плоть к плоти,
Кровь к крови,
Открой мне землю-мать,
Нас проведи.
Пусть будет так.

Гро почувствовала, как мягкая земля под ними становится сначала рыхлой, а потом превращается в сыпучий песок. В то же время «замедление времени» прекратилось, и солдаты «рванули» к ним так, что девушки всерьёз испугались за свои жизни. Они не стали стрелять, но один из них тут же с размаху кинул какой-то предмет, который упал точно в центр круга, оказавшись в опасной близости рядом с сёстрами. Девушки переглянулись — что такое боевая граната им объяснять смысла не было.

В следующую секунду одновременно произошло две вещи: земля под ними раскрылась, и сёстры, не успев даже взвизгнуть, провалились вниз вместе со всеми пожитками. Почти в то же мгновение «лимонка» взорвалась: на том месте, где только что сидели девушки, образовалась лишь чистая ровная площадка, без каких бы то ни было признаков изменения почвы.

Зато ударная волна полностью разнесла стену мотеля, и теперь от неё осталась лишь груда голых кирпичей, обнажающая за собой все внутренности захолустной трёхэтажной гостиницы. Сквозь комнаты на первом этаже просматривался маленький холл, посреди которого стоял мистер Квинси в голубом халате и шлёпанцах. Он мелко тряс своей почти лысой головой и повторял вслух одну-единственную фразу, застрявшую в его горле точно пластинка в старом патефоне: «Дадут денежки — построим новое. Отстроим новое — получим денежки». Видимо, единственным утешением для него было обещанное полицией вознаграждение, которого, впрочем, вряд ли хватило бы на восстановление душевного равновесия старика.

Между тем офицер Доналд Ромирез пребывал в таком бешенстве, какого не припоминал у себя с момента рождения. Он не мог, не хотел и не верил собственным глазам. Когда дым от взрыва рассеялся, он первым делом кинулся на то место, где ещё недавно держал сестёр «на прицеле». Но там никого не было и не было признаков, каким образом все три девушки, а также предусмотрительно выкинутые ими вещи, могли исчезнуть.

Выражение «провалиться сквозь землю» в данном случае не являлось метафорой, а то физическое состояние, в котором он и его парни находились незадолго до этого, иначе, чем «ступор» не назовёшь. Бойцы, постепенно отходившие от силы ударной волны, были в полной растерянности: никто из них никогда не признался бы, что его глаза видели нечто сверхъестественное. Однако они это видели. И их непосредственный командир это видел. И был удивлён не меньше, но в гораздо большей степени он злился. Злился на самого себя за то, что не может понять происходящего, а ведь понять этот феномен — значило разгадать дальнейшие замыслы преступниц. Таким образом, логическая часть его мозга вновь одержала победу над чувственной. Теперь для его ума появилась новая увлекательная загадка, и он планировал решить её в самый ближайший срок, независимо от того, кто здесь замешан: маленькие зелёные пришельцы или феи-людоеды с «базукой».

Ещё раз осмотрев местность рядом с мотелем, группа Ромиреза обнаружила лишь старую машину сестёр — маленький бледно-зелёный «Пежо». Вызвав на место специальный полицейский автоэвакуатор, офицер вместе с другими бойцами отправился обратно в город — на сегодня с них и без того хватило достаточно дерьма из разряда «секретных материалов». И чтобы завтра всё это разрешить, сегодня его людям надо было отдохнуть. А Ромирезу надо было отдохнуть тем более.

* * *

— Ещё раз, как это называется — «Разрыв во времени»? И когда же ты собиралась сообщить нам о своих уникальных способностях?

Минни тащила одну из сумок на плече, и всё ещё не могла поверить в происходящее. Сразу же после того, как все трое провалились сквозь землю на заднем дворе мотеля — им удалось «вынырнуть» прямо на парковочной площадке, с совершенно противоположной стороны здания. Вокруг было абсолютно тихо — время «застыло» и на этот раз. Девушки быстро подбежали к

машине и, наскоро покидав вещи в багажник, сами забрались внутрь.

— Я не настолько сильна, чтобы останавливать время на больших расстояниях, — виновато призналась Син, на ходу захлопывая дверцу пассажирского сиденья. — Поэтому максимум, что удаётся — «замораживать» время «точечно».

— То есть как — «точечно»? — спросила Гро, пристёгивая ремень безопасности. Она, как всегда, была за рулём.

— То есть — с той стороны сейчас, наверное, творится «чёрте что», но зато у нас — полная тишь да гладь. И есть пара минут, чтобы убраться отсюда, — пояснила темноволосая сестра.

— Кроме того, у нас появляется территориальная «фора», — продолжила Син. — Когда Ромирез и его компания начнут осматривать здешние «достопримечательности», они, безусловно, обнаружат и нашу пустую машину…

— Эй, мы же уезжаем прямо сейчас, верно? — чувствуя небольшое волнение, уточнила Минни.

— Вот именно, — мрачно произнесла Грослин, одновременно поворачивая в замке ключ зажигания. Машина весело забурчала, «радуясь» возвращению сестёр.

— Машина, которую они найдут — не совсем «наша» машина, — ещё раз пояснила Син. — То, что они обнаружат, это, своего рода, мираж. Временная проекция того участка времени, в котором они находятся в данный момент. Уж простите за каламбур.

«Пежо» выехал с парковки и, стремительно набирая скорость, помчался по асфальтированному шоссе в восточном направлении. Грослин молчала, следя за спидометром, и только время от времени переключала передачи.

— А мы тогда где находимся? Уж не в будущем, я надеюсь? — в свою очередь спросила Минни. Она уже более-менее пришла в себя и теперь сидела, абсолютно босая, на заднем сиденье вместе с Син.

— Конечно нет, Мин. Как только мы преодолеем порог в три километра, чары рассеются — и пространственно-временная ткань снова затянется, встанет на своё место.

— Почему именно три? — сухо спросила Гро. Она всё ещё злилась на сестру.

— К сожалению, это мой максимальный предел в смысле удерживания эффекта, — просто ответила Синайя. — И распространяется он только в ту сторону, куда движемся только мы.

Заметив настроение сестры, она нерешительно добавила:

— А ещё… Видимо, на этом месте мы вынуждены будем

«замести следы».

— Это ещё что значит? — тут же вскинулась Гро. — Нет, Син, мы не будем бросать машину на дороге. Точка.

Минни тем временем затягивала на руке младшей сестры жгут, сымпровизированный из собственного кожаного ремня. Надо было хоть как-то остановить кровь, а на швы времени категорически не было. Девушка с интересом взглянула на Гро — та впервые проявляла протест по отношению к предложениям Синайи.

— Я не оставлю автомобиль, даже не мечтай. — Ещё раз повторила Гро, скорее убеждая саму себя, чем доказывая свою непреклонность Син.

— На «Лягушке» мы более уязвимы, чем на своих двоих, — попыталась объяснить ситуацию Син. — Нам повезло, что ноги Минервы в порядке…

— А вот моим кроссовкам повезло куда меньше, — вклинилась Минни, продолжая обматывать вокруг её руки бинт — со жгутом она уже покончила.

— Пешком мы сможем уйти дальше, и это будет гораздо безопаснее, чем на машине, которая вскоре исчезнет со стоянки и вновь попадёт в категорию «План — Перехват». Засада может поджидать нас где угодно, а предвидение в список моих талантов не входит, — закончила свою мысль Синайя.

— И что же ты предлагаешь — тащиться с багажом по лесу, пока не наткнёмся на голодного медведя? — Гро упрямилась, не желая сдаваться и расставаться со своей любимой машиной. К тому же, это единственный способ передвижения на большие расстояния. Бросить «Лягушку» на радость полицейскому патрулю было бы непростительной глупостью.

— Представь, что мы в турпоходе, — пошутила Син. — И потом, всегда есть автостоп…

— Ага, и наши портреты на каждом фонарном столбе, — закончила за сестру Гро. — Ты в своём уме, Синайя?

— Там, куда мы направляемся — дорог нет, и автомобилей, соответственно, тоже. — Син была не менее упряма в том, что касалось споров. — А насчёт портретов — ты преувеличиваешь, сестрёнка. Далеко не каждый водитель разглядывает доску объявлений на заправке, что же касается радио… Всегда можно сослаться на «случайное» или «удивительное» сходство, плюс пара хлопков ресницами — и можешь быть уверена: взорви ты хоть целый город, усталый лохматый парень за рулём будет уверен в том, что ты — ангел, и ни в чём не виновна. По определению.

Син позволила себе устало улыбнуться — сказывалась хоть и

не большая, но всё же потеря крови. Минни, в свою очередь, скептически посмотрела на сестру:

— Вот то-то и оно, что «удивительное»…

Гро вновь овладели сомнения. С одной стороны, теория Син не была лишена здравого смысла, но с другой… Грослин старалась не задумываться о паранормальной природе возможностей Синайи. Только не сейчас, иначе она просто сойдёт с ума. Но и не думать об этом совсем тоже было нельзя: необходимо узнать предел возможностей сестры до того, как они попадут в такую переделку, из которой им будет уже не выбраться. Или до того, как её замечательная сестрица, всласть наигравшись с ними, точно кошка с мышью, решит, наконец, их проглотить. Гро подозревала, что необыкновенная сила и трюк с изменением времени — далеко не единственное, на что способна эта девушка на заднем сиденье её машины, безуспешно пытающаяся выдать себя за её младшую сестру.

Между тем, свою точку зрения по данному вопросу решила озвучить и Минни, которой надоело сидеть и слушать препирания двух своих одинаково упёртых сестёр. Машину оставлять было жалко — это факт, но и Син была права, когда говорила о возможной засаде со стороны полиции. Что-что, а выследить их автомобиль с камер тех же видеорегистраторов было не так уж и трудно. И когда полиция, зная, какими умениями обладает их «команда», в очередной раз попытается взять их троих «на крючок» — не факт, что не будет молчаливого пускания боеголовки в их адрес. И тогда уже никто не поднимется, даже Син с её супер-друпер магической силой (о которой, кстати, она так и не успела как следует расспросить). Однако то, что Син как-никак спасла Минни жизнь, возымело на девушку определённое действие. В этом случае она решила поддержать свою странную «подругу по несчастью».

Высказав, таким образом, вышеозначенное мнение, Минни получила, с одной стороны, одобрительный взгляд Син. С другой — недовольное бурчание со стороны Грослин, чей удивлённый взгляд на себя успела заметить в зеркале заднего вида.

— Ну, Гро — поздравляю, ты на этот раз в меньшинстве! — торжественно произнесла Син, изобразив при этом «бурные» (насколько позволяла больная рука) аплодисменты.

— В последнее время я только и делаю, что оказываюсь «в меньшинстве», — огрызнулась Гро. — Ладно, тормозим тогда, что ли?

И машина начала постепенно сбрасывать скорость. К тому моменту, когда «Лягушка» полностью остановила свой ход, девушки уже миновали расстояние, равное приблизительно трём

с половиной километрам. Несколько больше, чем рассчитывала Син, но вполне безопасно, чтобы успеть осуществить задуманное ею дело. Гро и Минни не знали, что с каждым лишним метром, который они проезжали после отметки «три километра», время, задержанное Син «наматывало» своё — убыстряясь в два раза. К тому моменту, как все трое вылезли из машины и вновь собрали свои вещи (сопровождая всё это аханьем и оханьем по поводу того, как им всё это уже надоело), время текло своим обычным чередом, оставляя девушкам запас из, не более, чем пары часов. И ход свой оно начинало ровно с того самого момента, когда спецгруппа Ромиреза уже окончательно покинула очередное место не состоявшегося ареста, вызвав предварительно оборудование для оставленной на стоянке «Лягушки».

Син понимала, что если она прямо скажет Гро, что именно она сейчас собирается сделать с её машиной, старшая сестра не то, что не согласится, но и, возможно, просто откажется сотрудничать с нею дальше. А этого Синайя допустить не могла.

— Мы точно не можем придумать что-нибудь получше, чем просто оставить её на дороге? Скажем, как-то сменить номера или перекрасить её в другой цвет? — с надеждой спросила Гро, в последний раз осматривая салон на предмет забытых там вещей.

— Конечно, можем! — жизнерадостно ответила Син. — У тебя же наверняка в карманах есть пара-тройка сотен баксов, а то ты знаешь, я как-то не привыкла экономить за время своего пребывания в «Скай Стоун». Да и зарабатывать там толком смысла не было — всё равно деньги ушли бы на выплаты компенсаций моим «пострадавшим». — Девушка язвительно улыбнулась сестре, давая понять, что пора бы уже кончать со всякого рода глупостями и двигаться дальше.

Гро пристыженно умолкла. Действительно, на всех троих у девушек было, наверное, долларов шестьсот-семьсот, не больше. И эти деньги они успели забрать из мотеля, пообещав друг другу, что будут пользоваться ими крайне экономно. Смена же номеров или перекраска «Пежо» сокращала их общий бюджет вдвое, и кроме того, это могло повлечь за собой ненужные подозрения со стороны тех людей, кто вызвался бы оказать им подобные услуги.

Вздохнув, Грослин в последний раз окинула «Лягушку» прощальным взглядом. «Ну вот, и пришло время нам с тобой пойти разными дорогами. Жаль, что этот момент наступил так скоро. Но ты послужишь нашему спасению, поэтому я надеюсь, что ты простишь меня и не будешь сильно расстраиваться. Прощай, дорогая моя „Лягушечка“», — мысленно попрощалась с машиной Гро.

— Милая, ты готова? — ласково спросила её Минни,

прекрасно понимая, какие чувства испытывает девушка к этой машине. Гро не расставалась с ней вот уже несколько лет, и за это время успела по-настоящему «сродниться» с бледно-зелёной малолитражкой. Минни и самой было ужасно жаль автомобиль — он столько раз выручал её в различных жизненных ситуациях, как хороших — так и не очень. Но выбора действительно не было — уйти пешком было самым разумным решением в данной ситуации, и приходилось согласиться с Син в том, что только так им удастся сохранить свои жизни.

— Да. Наверное, да. Уйдём отсюда как можно скорее, не хочу растравлять душу ещё сильнее.

С этими словами Гро вскинула на плечо одну из спортивных сумок и начала осторожно спускаться с дороги. Минни, чуть помедлив, последовала за ней. Первые пару секунд она морщила нос от мелких камушков, впивающихся в её голые ступни. Но вскоре, приноровившись, она уже шагала вниз по насыпи довольно уверенными мелкими шажками, стараясь при этом удержать равновесие.

Син остановилась чуть поодаль, наблюдая «лирическую» с её точки зрения, сцену прощания с «Пежо». Зная, что девушек сейчас, наверняка, переполняют эмоции, и им не так важно, насколько быстро за ними спускается младшая сестра, Син воспользовалась данным моментом для осуществления плана. Дождавшись, пока сёстры спустятся как можно ниже, Син быстро расстегнула свою сумку и достала оттуда припрятанную накануне маленькую бутылочку с бензином. Прикинув, что подобное развитие ситуации неизбежно, она купила его вчера в том же магазинчике на заправке, где «обзавелась» готовой замороженной уткой с овощами для ужина.

Открутив колпачок, девушка старательно облила кузов машины, не забыв при этом плеснуть пару раз и на капот. «Для подстраховки», — подумала Син, после чего закинула пустой пузырёк как можно дальше, в противоположном от сестёр направлении дороги. Шоссе в этих местах окружал густой хвойный лес, поэтому опасность, что деревья загорятся — была довольно существенной. Посмотрев на забинтованную руку, Син решила не рисковать больше своим здоровьем. Во всяком случае, пока. Поэтому сделала то минимальное, чему учил её Ричард: сконцентрировалась и, произнеся пару латинских строк, создала вокруг машины защитное поле. «Плазменный щит» призван был оградить всё остальное пространство от того места, где будет гореть машина. Син не собиралась становиться кроликом, загнанным в угол «огненной лисой», а потому решила «позаботиться» о сохранности здешней природы.

Со стороны щит был практически незаметным — лишь лёгкая рябь воздуха как в жаркий день, когда гудрон на дороге плавится и искажает своим жаром окружающий пейзаж. «Слава богу, настоящее плазменное поле не такое яркое и эффектное, как это показывают в телевизионных шоу, — успокоилась девушка, — Хотя, может быть, это моя сила не настолько масштабна для того, чтобы вызывать какие-либо видимые изменения в реальности. Нет цветов и звуков, но как бы там ни было — главное, чтобы оно сработало». Выйдя из зоны действия «щита», Син достала из кармана крохотную чёрную зажигалку и, прокрутив старомодное колёсико, получила так желаемый ею язычок пламени.

Бросив зажигалку в салон, она увидела, как тут же вспыхнуло оранжево-синее пламя, мгновенно разрастаясь и «пожирая» внутренности автомобиля. Син благоразумно не стала ждать, чем всё это закончится, а только молниеносно подхватила сумку и спрыгнула в кювет, где в паре метров от начала насыпи её уже ждали сёстры. Грослин недоумённо посмотрела на Син:

— Ты где была так долго? Мы уже хотели обратно за тобой подниматься, ты в порядке?

— Да уж, скатилась точно как снежный ком! — позволила себе беззлобно пошутить Минни. — Ты ногу подвернула и соскользнула, да?

Син и вправду немного подвернула ногу в прыжке, а потому не стала разубеждать сестру, а только подтвердила её слова:

— А вообще, я вдруг страшно захотела пописать, — соврала она. — Ну что, продолжим наш нелёгкий путь?

Последние слова Син произнесла с напускной беззаботностью, так, словно они отправились в соседний город с целью отчаянного «шопинга». Понимая, что уже не сможет уговорить сестёр отбежать как можно дальше в лес, синеглазая преступница только и смогла попросить, виновато улыбаясь:

— Девочки, а может, вы пригнётесь, а?

В этот момент с оглушительным хлопком взорвалась «Лягушка»: снизу было видно лишь огромный столб пламени, поразительный для машинки столь малых габаритов, да светло-зелёные части покрышки и того, что когда-то было её дверьми. Благодаря «щиту» машина продолжала гореть, но все её части не покидали периметра в пару метров, сдерживаемые силой плазменного поля. А потому просто и красиво «распластывались» по дороге.

Когда раздался взрыв, все трое инстинктивно прижались к земле — всё-таки ударная волна чувствовалась весьма ощутимо. Несколькими мгновениями позже, увидев, что им ничто не угрожает — девушки быстро поднялись на ноги. Минни стояла с

открытым ртом — её каштановые волосы ветер разметал в разные стороны, от чего она была похожа на давно не расчёсываемую собаку породы «Колли». Грослин же была мрачнее тучи и, похоже, вот-вот должен был грянуть гром. Не трудно было догадаться, что внезапная кончина «Лягушки» — дело рук Синайи. Гро больше не могла сдерживать свою ярость, поэтому «попёрла» на сестру как танк: решительно подошла и ударила Син по лицу наотмашь:

— Это так ты там наверху писала, дрянь?! Бензином?!

Син сделала вид, что не удержалась на ногах, и упала. «Сейчас главное — дать Грослин выговориться, она слишком долго держала всё в себе, а это, как известно, вредно для здоровья. И потом — пару пинков и затрещину вполне можно вытерпеть, лишь бы она побыстрее успокоилась», — думала про себя Синайя. Что же до Минни, то та, сама от себя не ожидая, бросилась оттаскивать Гро от младшей сестры.

— Гро, Гро — успокойся! Не делай того, о чём потом пожалеешь! Она же чокнутая — прирежет нас потом под кустом и всё! Гро, уймись!

Но Грослин только оттолкнула Минни в сторону, отчего та, слегка охнув, также повалилась на землю. Самозабвенно предавшись «делу мести», Гро с наслаждением пинала младшую сестру ногами в живот:

— Это тебе за мою разбитую жизнь!.. Это — за жизнь Минервы!.. А это — за мою машину, чёрт тебя подери!!!

Распалившись настолько, что уже больше не могла контролировать свои действия, Грослин ухватила Син за тугую чёрную косу и начала таскать её по влажной земле, на ходу высказывая все «претензии», накопившиеся у неё к младшей сестре:

— Да с чего это ты решила, что можешь вот так запросто распоряжаться нашими жизнями, и вообще — человеческой жизнью в целом?! Думала, пообещаешь мне «горы золотые» в этом твоём сраном городишке — и я безропотно побегу за тобой, словно беспомощная собачонка?! Этого не будет, Син! Не-будет! — по слогам произнесла Гро последнее слово.

— Я больше не собираюсь терпеть твою долбаную «загадочность» и сраные супер-силы, слышишь!?? Ты достала меня уже со своими «тайными планами» и импульсивными поступками!! Я из-за тебя вообще уже не понимаю, где я нахожусь — в реальной жизни, или в грёбаном фантастическом триллере!!! Хочешь искать своё наследство? — Прекрасно, ищи его сама!! А нас с Минни не трогай! Плевать я хотела на то, что будет с тобой — мне важнее то, что будет со мной и моей сестрой, ясно!? Поэтому я сейчас же отправлюсь обратно и расскажу всё

Ромирезу, а он пусть поступает «по уставу», и сажает меня, и тебя!! Слышишь меня, ты — эгоистичная сука??!!

Гро сопровождала всю истерику смачными ударами Син по лицу и по животу, размахивая кулаками точно крыльями. На самом деле, в этот момент Грослин больше всего походила на разъярённого лебедя, если такое сравнение можно считать уместным. Прекрасная злая птица, готовая до последнего вздоха защищать себя и того, кто ей дорог. В данном случае, это была Минни.

Пнув напоследок ещё пару раз молчаливо терпевшую удары Син, Гро отпустила её волосы и отошла на несколько шагов — отдышаться. Заряд ярости иссяк, и на его месте осталась лишь каменная решимость прекратить раз и навсегда чересчур затянувшийся «цирк». Неожиданно, в своих собственных волосах Гро ощутила чьи-то руки, с силой дёрнувшие её шею вниз. От неожиданности Гро охнула, и почувствовала, как голова запрокидывается назад. В ту же секунду над ухом она услышала яростное шипение Минни:

— То, что ты сделала — в корне неправильно, Грослин. Эта «эгоистичная сука» пару часов назад спасла твою жизнь. И мою, кстати, тоже. И не раз уже. И если ты сейчас пойдёшь и прекратишь всё это таким способом — то подставишь всех нас, и вот тогда логичным будет спросить: «ради чего», собственно, всё это затевалось? Я её не оправдываю и не доверяю ей, как и ты. Но это не значит, что нужно «травить зверя», и злить её. Повторяю — она не в себе, так что ты сейчас увеличила возможность нашей смерти от её руки в сотни и сотни раз.

Син между тем медленно приподнялась с земли и попыталась сесть. Кровь тоненькой струйкой стекала из-под жгута на левой руке и сочилась из ранки во лбу. Голова раскалывалась — оказывается, когда тебя таскают за волосы, это действительно больно! И не просто больно, а адски больно, да ещё и обидно! В ушах шумело, а в животе гнездилась тупая боль. «Да-а, сестричка поработала на славу, — с досадой подумала Син. — Только и не хватало мне, что по дороге в Дарквилль мучиться от приступов гастрита и повышенного артериального давления!».

Однако Син понимала, что теоретически — действия сестры являлись вполне оправданными. Она и Минни доверили свои жизни особо опасной преступнице, она же не просто «играла» ими, но и до некоторой степени подвергала их регулярному и крайнему риску. Син потёрла голову здоровой рукой (на левой съехал жгут и поэтому снова пошла кровь), и попыталась сфокусировать взгляд в одной точке. Когда расплывчатая картинка, наконец, прояснилась, Син с удивлением увидела

вцепившуюся в волосы Грослин Минни. Кареглазая сестра с остервенением шептала что-то на ухо золотистой блондинке:

— Поэтому успокойся, и давай не будем совершать одних и тех же ошибок? Если бы ты знала, как мне хочется всё бросить — ничуть не меньше, чем тебе. Но мы увязли в этой заднице уже настолько глубоко, что двигаться в обратном направлении просто не имеет смысла. В конце концов, это была всего лишь машина — так что подумай, Гро, чего ты хочешь больше: выбраться отсюда и забыть всё как старый ночной кошмар, или… Или провести остаток жизни в камере для умалишённых в «Ривер Бридж», потому что тому, что ты собираешься рассказать Ромирезу — поверит только он как непосредственный свидетель. И больше никто.

Гро с яростным воплем вывернулась из рук Минни и обвела обеих сестёр безумным взглядом:

— Господи, да вы посмотрите только — в кого мы превращаемся!? Откуда в нас это тупое насилие??? Что ты делаешь с нами Синайя, что ты творишь!?? Я не узнаю тебя — Минни, я не узнаю себя!!! Я больше не могу так, простите меня… Простите меня — все.

Громко всхлипывая, Грослин опустилась на колени и закрыла лицо руками. Через секунду всхлипы превратились в полноценный плач. Нервы Гро не выдержали, и все эмоции, скопившиеся у неё внутри за прошедшие несколько дней — выплеснулись наружу, словно неудержимый водопад. Она плакала и только бормотала невнятно: «Простите…О-о-о… прошу, простите меня…».

Минни не выдержала первой и подошла обнять сестру. Заключив Гро в объятия, девушка попыталась утешить светловолосую «жертву нервной системы»:

— Я прощаю тебя, Грослин. Конечно, прощаю. Мы все перенервничали сегодня, погорячились немного. Давайте успокоимся и соберём костёр, устроимся где-нибудь в лесу (только чтобы федералы нас не увидели раньше времени). — Минни улыбнулась и вытерла слёзы сестры тыльной стороной ладони. Гро попыталась улыбнуться, но тут же вспомнила о том, что только что натворила. Высвободившись из объятий Минни, Гро посмотрела в ту сторону, где ещё недавно лежала Син, жестоко избитая своей старшей сестрой. Она хотела попросить у неё прощения и как-то загладить получившийся конфликт, однако черноволосой девушки и след простыл.

Грослин позвала Син по имени несколько раз, но ответа не получила. Внезапно, девушка сама показалась из — за близлежащих деревьев. Вид у неё был угрюмый.

— Не кричи так — привлечёшь внимание с наручниками у пояса, — посоветовала Син сестре.

Девушки уставились на Синайю странным взглядом, так как она невозмутимо поправляла джинсы и водолазку — как будто и не было драки между ней и Гро. Та удивлённо приподняла брови:

— Что??? Сейчас мне действительно нужно было пописать — после такой «разборки»-то. Знаешь, Гро, я не уважаю людей, дерущихся не по правилам. А бить «лежачего» в живот — это не по правилам, запомни.

Спокойно взяв одну из двух больших сумок, которые девушки успели забрать с собой, Син перекинула её ремень через плечо — и, не говоря сёстрам ни слова, прихрамывая, направилась в чащу леса.

— Она права, — задумчиво произнесла Минни. — Скоро будет светать, надо найти какое-то место для отдыха и придумать — что делать дальше.

Схватив вторую сумку, Минни закинула её за спину и побежала догонять младшую сестру. «Да притормози ты хоть немного! Надо же посмотреть, не попала ли в раны грязь?! Эй, Синайя Кроу — ну, хватит уже!» — громким шёпотом на ходу звала её Минни.

Грослин сложила руки на груди и какое-то время стояла молча, обдумывая произошедшее. Ещё никогда, ни-ког-да — она не позволяла себе настолько сильно выходить из себя. Казалось, на неё влияет какой-то безмерный источник злобы и внутренней неудовлетворённости. Он словно дремлет в обычное время, но когда наступает ситуация подобная этой — начинает просыпаться, всё сильнее и сильнее источая на девушку свой мерзостный яд. Что это за источник — Гро не могла объяснить, но единственное, что ей оставалось — это надеяться на его «неземную» природу. В противном случае пришлось бы признать, что это она сама — Грослин Кроу, стремительно меняется в дурную сторону…

Глава 12 Долгая история

Девушки продирались сквозь густую растительность, когда Минни заметила, что вокруг них довольно много маленьких чёрно-белых берёз. Все деревца были тонкоствольными и низенькими. «Судя по всему, здесь недавно прошёл большой пожар, — заметила Минни. — Обычно первыми на месте „пепелища“ вырастают такие вот хилые берёзки». Она слегка кивнула головой, указывая на очередное крохотное деревце, только-только начавшее «обрастать» светлыми листочками.

— Я здесь ни при чём, — угрюмо буркнула Син.

— Да я не об этом, — закатила глаза Минни. — Раз в этом месте так много берёз, значит, очаг возгорания был где-то неподалёку. Пожарище, видимо, началось с запада и двигалось в направлении юга. Взгляните на кроны деревьев, — девушка указала вверх, и сёстры подняли головы как можно выше. — Вся хвоя на вершинах — жёлтая, она сильно обгорела. Новые ветки успели вырасти только на нижней части деревьев. Что же касается стволов — они все потемнели у корней. Обычно это означает, что пожар прошёл не менее, чем два-три года назад…

— Ну и что нам дают эти «невероятные» сведения из мира живой природы? — саркастически усмехнулась Син.

— Ничего особенного, — спокойным голосом произнесла Грослин, которая догадалась — к чему клонит её «первая младшая» сестра. — Только то, что где-то здесь находится ровная местность. Поляна, на которой и случился пожар… Минерва — ты просто умница! — Секундой позже воскликнула Гро. Она с уважением смотрела на кареглазую девушку, и, надо сказать правду — Минни заслуживала этого.

Девушка смогла вывести сестёр на небольшую, но абсолютно гладкую поляну. Место было окружено узким кольцом из невысоких молодых берёз, за которым открывалось второе — более широкое, состоявшее из огромных выгоревших елей и пары пихт. С западной стороны огромные ели отдавали угольной чернотой — многие из старых деревьев так и не смоги восстановиться после настигшей их волны огня.

— Поздравляю, «юный натуралист». Видимо, не зря ты пять лет «тусила» в походах со своими подружками-гёрлскаутами. Хоть какой-то опыт выживания в чрезвычайных ситуациях, — как всегда, с иронией в голосе пошутила Син. Однако смотрела она в этот момент на среднюю сестру с явным одобрением.

— Ты хоть раз можешь обойтись без «колкостей»? — резко спросила Грослин. — Право, Синайя Кроу, это становится уже до

скуки банальным. — Сострила старшая из сестёр.

— Оставь её, Гро, — в свою очередь вмешалась Минни. — Пора бы уже привыкнуть к тому, что Син такая — какая она есть. И не раздувать каждый раз скандал из-за её паршивого характера…

Минни, почувствовав себя лидером в данной ситуации, уверенно прошла вперёд, разгибая оставшиеся на пути кусты чертополоха, «вымахавшего» в человеческий рост. Остановившись в центре сымпровизированного природой круга, она развернулась вокруг собственной оси, оглядывая место. После чего удовлетворённо кивнула — и скинула с плеча успевшую натереть его сумку.

— Да, — решительно кивнула она, — Мы можем остановиться здесь на какое-то время. Это относительно безопасное место, — заключила она, присаживаясь на корточки, чтобы ощупать землю. Та была сухая.

— И относительно ужасное, учитывая, что здесь произошло, — добавила Син.

— Может, заткнёшься, а? — не выдержала Гро. — Я уже просто слышать тебя не могу!

— И не слушай, — ледяным тоном ответила та. — В конце концов, у меня же паршивый характер, как удачно изволила заметить Мин. Так что смирись уже. Или, может, ты снова хочешь опробовать на мне своё дрянное кунг-фу? — Девушка злорадно усмехнулась. — Имей в виду, на этот раз я не стану «поддаваться».

С этими словами Синайя гордо прошествовала мимо сестры к Минни, которая с озабоченным видом по-прежнему продолжала ощупывать землю у себя под ногами, не обращая внимания на очередную перепалку между своенравными девицами.

— Эй, гёрлскаут — что-то не так?

Син также сбросила сумку и присела рядом с другой девушкой, однако решительно не понимала, в чём дело.

— Не совсем ясно, но… Похоже, здесь ещё кто-то был после пожара, — нерешительно произнесла Минни.

— С чего ты решила? — вновь спросила Син.

— Смотри, — Минни взяла незабинтованную руку сестры и приложила её к земле сначала в одном месте, потом в другом — чуть подальше.

— Чувствуешь? — обратилась она к сестре. — Это следы. Человеческие следы, от ботинок или кроссовок — точно сказать не могу.

Син почувствовала в тех местах, что показала ей сестра определённые углубления продолговатой формы. Но ей даже в

голову бы не пришло, что это — след человеческой ноги.

— Ну, ты даё-ё-шь, — присвистнула черноволосая сестра. — Мне со всем моим «криминальным» опытом до тебя, с твоим скаутским — всё равно что до луны лететь! Откуда ты так хорошо разбираешься в следопытстве? Ты же вроде всю «студенческую молодость» провела с учебником по юриспруденции?

Синайя откровенно восхитилась сестрой. Впервые с момента своего «возвращения» в семью, она испытывала неподдельное уважение по отношению к Минни. В то время, как Грослин в её глазах практически утратила свой былой авторитет после случая с «лягушкой».

— В старшей школе мне всегда нравилась геология и «почвоведение», — смутилась Минни, — А что касается учебников — это же всего лишь средство, чтобы получить потом нормальную работу. С нормальной жизнью… Жаль, что последнее не так-то легко приходит, — смущённо хихикнула она. Минни удивил неожиданный интерес к собственной персоне со стороны Синайи. И ещё, почему-то, Минни мучало чувство вины за избиение Син. Та, в свою очередь, посмотрела на среднюю сестру из-под слипшейся от пота и грязи чёлки и, помолчав секунду, искренне произнесла:

— Мне тоже очень жаль.

Теперь пришла очередь Грослин со стороны оценить сложившуюся ситуацию. Увиденное немало удивило её: казалось, её любимая Минни решила вдруг, ни с того, ни с сего — взять сторону Син? Она, кто так сильно ненавидел свою младшую сестру, теперь пытается наладить с ней контакт, найти какой-то общий язык! В то время как сама Гро с каждым часом всё больше и больше ненавидела Синайю, хотя умом понимала, что это неправильно. Син спасала им всем жизнь не единожды, но это всё равно не убеждало Гро в том, что ей можно доверять. Напротив, подозрение в коварном плане сестры, в котором должны участвовать все трое, росло в голове Гро с невероятной скоростью. Она словно бы поменялась местами с Минни, испытывая за неё всю горечь прожигающих душу отрицательных эмоций. И как бы Гро не стыдила себя за побои Син — её формальное извинение не меняло сути дела: она не могла избавиться от убеждения, что поступает правильно и должна остановить всё до тех пор, пока им просто не останется иного выхода, как полностью изменить свою жизнь. И не факт, что эти изменения будут положительными.

Чтобы хоть как-то отвлечься, она поспешила вступить в разговор сестёр:

— Ты сказала, что здесь были люди — но как давно?

— Несколько месяцев назад — это точно, — ответила Минни. — Другое дело — что они тут забыли? Местность-то непролазная, надо очень сильно постараться, чтобы забраться в такую «глушь».

Минни посмотрела на Син. Та лишь приподняла плечи и развела руками:

— Меня не спрашивайте, я бегала только по пересечённой местности. Но, — добавила она, — Это вполне могли быть и беглые преступники. Если они, допустим, бежали бы из «Ривер Бридж», то лучшего направления, чем на юг — по диагонали, через лес и огибая реку, им просто не придумать.

— Во всяком случае, это не те люди, что были на этом месте во время пожара, — заключила Минни, — Следовательно, задерживаться здесь более, чем на сутки — нежелательно. Раз кто-то нашёл эту поляну два раза (не считая нас) — найдут и в третий. Так что давайте передохнём пару часов, а потом — в путь.

Син вскинула руки, обращая внимание на ту, что была ранена:

— Нет-нет-нет, Минни. Я, конечно, ценю твою решительность и то, что ты так дальновидна в вопросах временной безопасности, но, — девушка демонстративно уселась пятой точкой прямо на сухую поверхность лесной площадки. — Но, я и с места не сдвинусь до тех пор, пока как следует не отдохну и не подлечусь малость…

— Но ты же сама сказала, что полиция скоро начнёт искать наш след, и они непременно выйдут на сгоревший «Пежо», — возразила Минни, произнося последние слова, она виновато покосилась на Гро. Та лишь удостоила обеих девушек равнодушным взглядом.

— Конечно. Но раз прошлым «счастливцам» удалось забрести сюда только пять месяцев назад, то, если мы будем крайне осторожны с огнём (а мы будем) — нам вполне удастся протянуть тут до завтрашнего полудня. Тогда и начнём движение — уверена, лётная техника будет готова только к этому времени.

— Откуда ты знаешь? — холодно поинтересовалась Гро.

— Оттуда, что когда я «бежала» первый раз, они смогли подготовить вертолёты только через три часа. Здесь не настолько «упакованный» гараж как в больших городах — это только в Лос-Анджелесе, или Сан-Франциско технику предоставляют через десять минут. У них же вертолётные площадки чуть ли не на каждом доме. А вот чтобы сесть где-нибудь в нашем городке — это надо очень хорошо ориентироваться в пространстве, кругом маленькие домики и зелёные лужайки — особо не «разгуляешься». Кстати, — неожиданно добавила она, — Гро, не

хочешь помочь мне собрать «зелёный урожай» для костра?

Син всё ещё сидела на земле, вытянув в полный рост свои ноги в грязных синих джинсах. Грослин решила не обращать внимания на поведение Син, которая явно желала «подразнить» свою недавнюю мучительницу. В конце концов, на сегодня Гро интересовал только один, сугубо житейский вопрос: «Как выжить в лесу до полудня, и чтобы не „засветить“ себя для копов?». «Хм, начинаю мыслить словами Син? Впрочем, немного её жёсткости мне сейчас не помешает», — подумала про себя Грослин, но вслух лишь равнодушно бросила Син:

— Пойдём — если ты не боишься…, - и недобро улыбнулась.

К удивлению Минни, Син не побелела от злости и не бросилась на старшую сестру. Она только поднялась, отряхнула одежду и, показав ещё раз на спустившийся жгут, серьёзно ответила:

— Ты подождёшь пару минут?

Минни неодобрительно покачала головой:

— Прости, Син, но по-моему, парой минут здесь не обойтись — ты же не дала мне обработать руку и лоб, а сейчас в них, наверное, могла попасть инфекция. Так что, — грустно усмехнулась девушка, — Придётся тебя всю как следует продезинфицировать. О, не бойся, — поспешила она ответить на изумлённый взгляд сестры, — Я просто протру рану на лбу и наложу пару швов на запястье, ну, ещё укол от столбняка поставлю — благо, в аптечке мистера Квинси была пара вакцин «на всякий случай».

— Слушай, это же просто царапины, ну, может, руку и впрямь лучше зашить, но укол…

— Кажется, кто-то боится иголок? — иронически пропела Грослин. — Так ты поэтому не сделала себе татуировку, несмотря на то, что всерьёз увлекалась рок-музыкой?

— Кажется, у кого-то случился острый приступ злословия? — таким же ироническим тоном пропела Син.

— Что, Синайя, не нравится, когда кто-то другой всё время пытается тебя «задеть»? — уперев руки в бока спросила Гро.

— Грослин, ты что? Хватит уже — ты сама на себя не похожа в эти пару часов, что с тобой такое — машину жаль, но…

— Да не в машине же дело, как ты не понимаешь, Минни!? С каких пор ты вообще стала её защищать? Или наш разговор в гостинице не навёл на тебя и доли того страха, который испытываю я?! Думаешь, я могу извиниться перед ней за содеянное?? Да, я хочу, но не могу — понимаешь, не-мо-гу этого сделать!!!

Грослин со всей силы пнула сумку, которую несла Минни, и

не оглядываясь пошла обратно, всё быстрее удаляясь от злосчастной поляны.

— Гро!!!

Минни хотела броситься вслед за сестрой, однако Синайя ухватила её чуть выше локтя и остановила:

— Не надо, Мин. С ней сейчас что-то нехорошее творится, но, думаю, мы во всём разберёмся, все вместе. Позже. А сейчас ей лучше побыть наедине с собой…

— Как ты можешь такое говорить, Син? Мы в непроходимом лесу, чудом нашли поляну — а вдруг она заблудится?!! — Минни попыталась высвободиться из пут Син, но та лишь сильнее сжала ей руку:

— Не заблудится. Думаешь, она уйдёт куда-то за километр? Сейчас пройдёт метров десять и сядет на том вот пенёчке, помнишь? Рядом с диким клёном. Успокоится, поорёт на меня немного — потом вернётся, и будет в уже более адекватном состоянии. Не переживай, лучше помоги мне с рукой. Пожалуйста.

— Но…

Минни осеклась. Несмотря на то, что Грослин ушла, девушка не чувствовала особого волнения за неё. Возможно, она просто привыкла к тому, что в отношении поведения других людей её младшая сестра нередко оказывается права. А может, это и есть таинственное влияние на них Синайи? Она стала более доброжелательна к младшей сестре, зато Гро стала её нещадно винить во всех их бедах, хотя раньше было наоборот. И, вдруг, то, что она испытывает сейчас — это эмоции, вложенные ей в голову Син, а не её собственные? Минни минуту концентрировалась на своих ощущениях, а затем посмотрела Син в её глаза цвета морской волны, и спросила:

— Скажи, если я помогу тебе, ты расскажешь мне — что с нами происходит?

Син словно прочла мысли Минни, потому что когда она ответила, девушка поняла — Син знает причину этих странностей наверняка, но не скажет, если они с Гро не будут ей доверять:

— У меня есть на этот счёт определённая теория… А о чём вы с Гро говорили в гостинице? — в свою очередь спросила она.

— Давай будем отвечать на вопросы по мере их поступления, — уклончиво ответила Минни. — А заодно, подлатаем, наконец, твои раны. Прошу, присаживайтесь обратно — мисс Кроу.

Минни изобразила изящный поклон, словно средневековый врач, предлагающий свои услуги знатному господину. Син улыбнулась, и со вздохом плюхнулась обратно, на ходу

расстёгивая сумку, в которой находилось всё необходимое для «лечения».

— Глупо спрашивать, уверена ли ты в том, что собираешься делать, да? — спросила Син с лёгкой опаской.

— Точно, Син. Глупо спрашивать об этом того, кто три месяца проходил курсы экстренной помощи в полицейской академии, — в свою очередь улыбнулась Минни, разматывая бинты и раскладывая одноразовые ампулы с инъекциями против «бешенства» и «столбняка»…

Когда Минни закончила с Син, девушки направились обратно в лес, чтобы поискать старшую сестру и собрать немного сухих веток для костра. Синеглазая девушка оказалась права — они нашли Грослин в двадцати метрах от поляны — она плакала, сидя на срубе старого дерева, вероятно, поваленного здесь когда-то молнией — во время грозы. Кое-как успокоив сестру, Минни убедила её в том, чтобы она вернулась с ними на поляну и отдохнула. Гро долго упорствовала, прежде чем согласиться — она испытала серьёзный нервный срыв. Однако в итоге согласилась, выдвинув условие, что с этого момента Син будет рассказывать им с Минни всё, что те захотят узнать. И о магии в том числе. Син не оставалось ничего иного, кроме как согласиться. Она уже и сама порядком подустала от царившего между сёстрами напряжения, и, в некотором роде, была даже рада тому, что всё дошло до столь критической отметки, когда страх открыть правду становился слабее страха полностью «потерять» сестёр…

Через пару часов действительно начала заниматься утренняя заря, и девушки, собрав приличное количество хвороста, состоявшего из сухих еловых и берёзовых веток — развели небольшой костёр. Чтобы хоть как-то согреться после нелёгкой ночи. Кого-то из них трясло от нервного перенапряжения, а кому-то просто стало холодно оттого, что ей пришлось изрядное количество времени «проваляться» на сырой земле. Кроме того, в предрассветных сумерках свет от костра был не так заметен, как в ночное время. У них оставалось не так уж много времени на то, чтобы поспать и составить дальнейший план действий, но именно сейчас все трое наслаждались долгожданными минутами покоя.

В восприятии Минни всё было как-то дико и неромантично: они должны были бы узнать о существовании некой чудесной силы постепенно — двигая взглядом карандаш или случайно вызвав дождь силой воли, когда в них будет преобладать чувство тоски. На деле же выходило, что магия представляет собой не что иное, как набор жестоких ритуалов и возможность голыми

руками двигать автомобиль. «Какой-то „увечный“ Супермен получается…», — думала про себя Минни, подбрасывая мохнатые еловые лапы в огонь.

Син уселась поудобнее на полупустой спортивной сумке, поджав под себя ноги по-турецки и задумчиво смотрела на огонь. В свете рыжего пламени кожа девушки излучала красивое бледное сияние. Оно немного отливало розовым и голубым — словно лунный камень, покоящийся в центре чёрного атласа её распущенных гладких волос цвета воронова крыла. Перевязанная рука и промытая рана на лбу темнели в бликах, отбрасываемых огненным полотном. Син словно дремала, опустив пушистые ресницы, отчего нижняя половина её лица стала «прочерчена» тёмно-серыми стрелами теней. На самом деле она ждала, ждала расспросов со стороны двух девушек, сидящих сейчас по ту сторону костра от неё.

К собственному удивлению Гро и Минни, вопросов у которых накопилось на целую справочную энциклопедию — они не знали, о чём спросить в первую очередь. Понятно, что надо бы начать с вопросов относительно новых способностей сестры, но как это лучше сделать? Грослин быстро смутилась, так как поняла, что обсуждение этой темы может быть весьма «личным» для Син, а как деликатнее спросить: «Откуда у тебя сила десяти человек и почему ты можешь проходить сквозь землю?» она почему-то не знала. Какое-то время девушки сидели молча. В тишине раздавался только лёгкий хруст жареной картошки, которую Минни уплетала за обе щеки, обнаружив это лакомство на дне одной из сумок, в мешке с припасами. Она жевала больше от волнения, чем от голода, но через некоторое время после начала трапезы (две другие девушки отказались от еды, сославшись на смертельную усталость и переутомление) сама отбросила успевший почти опустеть пакетик, почувствовав при этом лёгкое раздражение.

Она взглянула на Грослин, но та лишь молча подтянула колени к груди — словно желая спрятаться в собственном теле от мучивших её сомнений. Она тоже прикрыла глаза, но в отличие от Син, которая сидела абсолютно спокойно будто «замёрзла» в «позе лотоса», Гро явно нервничала, трясясь мелкой дрожью от пережитого стресса. Белки глаз под её веками мелко подёргивались, это означало, что девушка напряжённо обдумывает что-то, снова и снова «проматывая» в голове варианты начала предложения.

— О, кто-то перестал жевать — закончились чипсы, Мин? Если что, во второй сумке ещё должна была оставаться пара упаковок — я тогда, в магазине, не знала, что лучше взять с собой

— поэтому решила остановиться на картошке. Это же не вызовет подозрений у продавца, верно?

Син заговорила настолько неожиданно, что Минни чуть не подпрыгнула от страха — её нервы тоже давали знать о себе. Гро встрепенулась, мимолётом взглянула на младшую сестру с чёрными волосами — и снова уткнулась лицом в собственные колени. Она была похожа на маленькую девочку, остро переживающую потерю любимой куклы. Только в роли куклы на этот раз выступал разум самой Грослин.

Минни откашлялась и спросила голосом, больше похожим на карканье охрипшей вороны, чем на человеческий:

— Хм, Син… Кхм-хм… Давно хотела тебя спросить — почему ты зовёшь меня «Мин», а не «Минни», как это делают другие?

— Но ты же не цирковая мышь? Или я ошибаюсь? — Син приоткрыла один глаз, но тут же и закрыла, продолжая наслаждаться теплом, идущим от пламени.

— Диснеевская…, - поправила Минни.

— Что? — Син открыла оба глаза и недоумённо уставилась на сестру.

В такие моменты она всегда казалась средней Кроу какой-то… Беззащитной, что ли? Словно она снова была той старшеклассницей, резко бросившей школу после трагедии с родителями, и покинувшей отчий дом, чтобы долгое время носиться по чужбине как оторвавшийся от материнского дерева лист. Недостаток образования всегда ставил Синайю в тупик, сильно «смущая» её самолюбие.

— Минни Маус — это мышка, подруга Микки из мультипликационных фильмов компании Уолта Диснея, — разъяснила миловидная шатенка.

Секундное замешательство на лице Син исчезло, и оно снова приняло своё обычное — иронично-ледяное выражение.

— Не важно. Какая разница? У тебя красивое имя — ты названа в честь древней римской богини мудрости, так что не стоит калечить столь ценный подарок природы, ты так не считаешь?

Син с интересом смотрела на Минни, словно только сейчас разглядела в ней нечто, явно заслуживающее подробного изучения.

— Я тебя совсем не понимаю, Син. — пробормотала та. — Ты то ненавидишь меня, а то вроде бы хочешь подружиться. Что тобой движет?

— По-моему, я никогда не говорила о том, что ненавижу тебя. Напротив, это ты с Гро орёшь об этом на каждом углу. И потом, что в твоём понимании значит «подружиться»? Мы же всегда

были сёстрами — это гораздо более сильная связь, нежели просто какие-то там «подруги». В нас течёт одна и та же кровь…

— Только ты почему-то каждый раз пытаешься эту самую кровь «пустить» нам с Минни, — неожиданно вклинилась в разговор Грослин. — Серьёзно, Син — ради чего мы так рискуем, а? Почему наша жизнь для тебя не значит ровным счётом ничего?

Гро смотрела младшей сестре в глаза — каменное лицо светловолосой девушки было неподвижно. Она была полна решимости выяснить всё до конца, и прямо сейчас. Син спокойно выдержала взгляд старшей сестры. Переменив положение, она улеглась на землю, облокотилась на локоть и приняла позу подростка, собирающегося рассказать своим друзьям «страшную байку» у костра.

— Начнём с того, что твоя жизнь и жизнь Мин — единственное, ради чего я вообще рискнула пойти на это дело, — не торопясь, начала свой рассказ девушка. — Поэтому твой первый вопрос напрямую связан со вторым — я рискую ради вас самих, ради вашего будущего. Ну, и моего заодно.

— Но всё, что происходит с нами в последние двое суток — это просто невероятные, жуткие события…, - недоверчиво произнесла Минни. — И ты так спокойно подставляешь нас под удар…

— Постой-ка, это ведь не я вызвала полицию в мотеле? И не я застряла в толчке, так? Обстоятельства, которые сложились в последнее время — это просто обстоятельства — не самые удачные, но самые обыкновенные — без всякой мистики. — Спокойно сказала Син.

— Ты сбежала из тюрьмы, и пришла прямиком к нам, а это уже само по себе выглядит странно — учитывая, как мы расстались с тобой в последний раз. После экспертизы, — продолжила допрос Грослин.

— А к кому мне было идти, по-твоему? У меня здесь нет никого, кроме вас двоих — естественно, я понадеялась на вашу помощь в первую очередь. Это должно быть один из первых случаев, когда у меня не было «запасного» плана, — грустно усмехнувшись, добавила Син.

— Что же до экспертизы, — продолжала она, — То мне действительно жаль, что всё так вышло. Но, без того, чтобы тебя уволили — мне было не обойтись. Будучи безработной — ты была более свободна в своих действиях, и не вызвала бы «косых» взглядов со стороны сослуживцев, если бы попыталась помочь мне…

— Вот именно, если бы попыталась помочь… С чего ты вообще решила, что я стала бы помогать тебе, даже если бы

осталась в должности? Ты совершила столько преступлений, естественно я стала подозревать тебя в полной неадекватности. Прими правду, Син: ты — психопат, причём со стажем. Не знаю, что уж с тобой сделали в Италии, но…

Со стороны младшей из сестёр раздался стон:

— Боже, и далась вам двоим эта Италия! Да не было там ничего особенного, кроме того, что мне удалось познакомиться с неплохими и неглупыми людьми. Да-да, Ричард тоже был из их числа, он во многом открыл мне глаза на то — как на самом деле устроен этот мир…

— И как же он устроен? — в свою очередь задала вопрос Минни.

— А так: ничто, кроме чистой жестокости не может остановить зло на этой земле. Единственное, что непогрешимо, и за что человек может держаться в этом мире — это родственные отношения. Единая кровь — единая сила. — лаконично объяснила Син.

— Ты говоришь прямо как «Тёмный рыцарь», — рассмеялась Минни.

— Но, к сожалению, это так и есть — поэтому-то я и стала искать тех, кто слишком сильно «наследил» в этой жизни, чтобы остаться безнаказанным, — с грустью в голосе ответила девушка.

— Но то, что ты натворила — это же в голове не укладывается! — воскликнула Гро. — Тебе самой неужели не было жаль всех тех людей, которых ты уничтожила? Неужели не противно было смотреть — как они мучаются, погибая от твоей руки?

На глазах Грослин снова выступили слёзы. Син перекатилась на живот, чтобы быть поближе к сёстрам, и спокойно ответила:

— А как ты думаешь? Конечно, мне было противно — но не оттого, что эти крысы нашли свой бесславный конец от моей руки, а оттого, что они успели изнасиловать, убить — и их никто, совершенно никто не посмел остановить. Видите ли, они — порядочные граждане, обвинять которых — уже само по себе чистое преступление против нравственности. Нравственность, — девушка с отвращением сплюнула в огонь. — Да кто вообще в курсе — что такое эта нравственность?…

— Хочешь сказать, — вытерев слёзы, твёрдо произнесла Гро, — Что у тебя «в рукаве» нет никакого «дьявольского» плана? И ты так просто убила этих людей с целью «почистить» мир? — Гро покачала головой, — Извини, Синайя, но я не верю тебе. Так не бывает, ты не мститель в матроске и никогда не отличалась излишней тягой к справедливости, так что…

— Дело твоё, — отозвалась Син. — Но, знаешь, как говорят:

«Теория заговора существует только потому, что люди хотят в неё верить». Подумай над этим, Гро.

Снова воцарилось молчание. Костёр уже почти догорел, когда первые лучи солнца открыто заявили о своём намерении освободить мир от ночи на следующие двенадцать часов.

— А как же магия? — вспомнила Минни свой главный вопрос. — Как ты стала… Такой? — Минни поёжилась от внутреннего озноба.

— Ах, это… — Син улыбнулась уголком губ. — Это всё временно, так сказать средство для достижения цели. Причём весьма недешёвое, — мрачноватым тоном закончила фразу Син.

— То есть как это временно? — переспросила Гро. — Ты хочешь сказать, твои трюки имеют «срок годности»? Как это может быть, ты что — заключила сделку с дьяволом?

Синайя уловила тревожные нотки в голосе старшей сестры. Ей не очень-то хотелось рассказывать, но выбора не было — она устала постоянно «откладывать на потом» этот разговор, тем более, что он был напрямую связан с её преступной деятельностью. Она боялась лишь одного — что сёстры не поймут её.

Набрав побольше воздуха в грудь, девушка произнесла:

— Ну, вот мы, наконец, и подошли к основному вопросу. Нет, девочки, не с дьяволом, но кое с кем, кто может быть пострашнее него… Ричард — тот парень, о котором я упоминала в последнем письме…

Минни фыркнула — «письмом» она, видите ли, называет крохотную жалкую открытку, которую соизволила прислать им когда-то на Рождество!

Син сделала вид, что ничего не заметила.

— Ричард привёл меня в секту. «Снежная кость» — так она называлась. Поначалу всё было довольно невинно — мы вместе с другими «посетителями сообщества» (как себя позиционировали сектанты), изучали старинные рукописи местных римских библиотек. Нам даже удалось достать пару свитков из самого Ватикана — не знаю уж, каким образом это удалось Ричарду, но он уверял меня, что просто заплатил библиотекарю — и всё. Но я-то понимала, что главный библиотекарь Ватикана по определению не может брать взяток, поэтому начала подозревать их в некоей деятельности, скажем так, не совсем совместимой с законом.

— Ты всё время говоришь «они», «им» — но кто же были эти люди? — не выдержав, прервала рассказ Минни.

— Я так до конца и не знаю, — честно призналась Син. — Я видела, что это были состоятельные господа, желающие с пользой

для ума провести время — но их профессии или должности для меня — дело абсолютно «тёмное»… Ричард как-то обмолвился, что я — самая юная представительница клуба, поэтому ко мне и относятся с меньшим доверием, чем к остальным. Недоросла… — Син горько усмехнулась.

— Так этот Ричард, он был намного старше тебя? — аккуратно спросила Гро.

— Ему вроде бы был сорок один год, — задумчиво ответила Син, — А мне тогда было — что-то около двадцати, кажется…

— Мда-а, порядочная разница, — медленно вымолвила Минни.

— Ну, Ромирез тоже был старше тебя, и намного, — резко отозвалась Син.

— Давайте вернёмся к клубу, — попросила внимания Гро. — Так как же ты стала… м-м-м, ну, в общем, получила свои способности?

Светловолосой девушке почему-то показалось, что она спрашивает сестру о чём-то неприличном.

— Хочешь сказать, когда я официально оказалась в полной…?

Син засмеялась тоненьким голоском кокетки, так подходившим к её хрупкой внешности:

— Это был грандиозный эксперимент, — хихикая, произнесла она. — Только меня о нём известили в последнюю очередь…

— Что ты хочешь сказать? — с тревогой в голосе спросила Минни.

— То и хочу — я не просила обо всём этом. Просто меня поставили перед фактом, а потом — когда всё произошло, деваться было некуда. Вот и пришлось играть в «мстителя в матроске» как ты изволила выразиться, Гро.

Гро с нескрываемым страхом смотрела на Син. Та поняла, что скрывать правду дальше — не имеет смысла, придётся идти до конца.

— В один из солнечных дней после Рождества, я обнаружила в своей комнате письмо от Ричарда. Мы тогда ещё только встречались — так что ночевала я в своей собственной комнате в здании общины. В письме мой драгоценный наставник, — она особо ядовито подчеркнула слово «драгоценный», — приглашал меня на так называемую «вечернюю службу». Она должна была проходить тем вечером в нижней части здания. Подземной её части, — отдельно уточнила Син.

— Ну, я думаю, вы уже догадались, кем являлись эти «Снежные кости» вне стен библиотеки? — заговорщическим тоном спросила синеглазая девушка.

— С-с-сатан-н-нистами? — заикаясь, кое-как выговорила

Минни.

— Очко в твою пользу, Мин. — весело сказала Синайя. — Не буду в подробностях всё описывать, скажу лишь, что меня официально «принесли в жертву» ради долголетия и процветания «клуба». — Быстро закончила повествование Син.

Она не хотела говорить об этом, одно произношение фразы далось ей нелегко, хотя она и попыталась скрыть свои чувства. Но всё и так было понятно. Гро вдруг охватило страстное желание подскочить к сестре и крепко её обнять — что бы там ни было, а это действительно было похоже на правду. С такими вещами никто не додумается шутить, даже душевнобольной. А Син таковой не являлась, во всяком случае, Гро очень сильно на это надеялась.

— Что, как в «Тело Дженнифер», с Меган Фокс? — дрожащим голосом спросила Минни.

— Не совсем. Парней я не ем, — уточнила Син. — А вот убийства я совершила, теперь придётся признаться, не только из альтруистических побуждений.

Синайя посмотрела на Грослин. Та была бледна, и даже слегка отдавала зелёным цветом — казалось, её вот-вот вырвет. Но она стойко держалась из последних сил.

— Мне пришлось «взять взаймы» жизни нескольких людей, чтобы выжить самой, — призналась Синайя. — И я посчитала, что закономерным будет забрать их у людей, чей «уровень дерьма» зашкаливает до неприличия.

— К-к-как же так? — только и смогла произнести Грослин. — Ты, получается, не живая? — с подозрением спросила она.

— Э-э, не паникуем, девочки, — поспешила оправдаться синеглазая девушка. — Меня, конечно, «пропустили через мясорубку»…

— «Мясорубку»? — с ужасом пролепетала Минни.

— … И всё такое, но это не значит, что я превратилась в зомби, оборотня или кого там ещё сейчас активно «пропагандируют»? Я — нормальный человек, просто мне пришлось «подзарядиться» от пары уродов, чтобы продлить свою никчёмную жизнь. А все эти штучки — ну, когда всё случилось, Ричард, перед тем, как выпустить меня «в свет» — дал мне пару советов да обучил четырём простеньким заклинаниям, этим и ограничился. А сила и «мастерство» ведения боя — это, оказывается, стандартный набор новоиспечённого мертвеца. Как в «Вороне»…

— Значит, всё-таки мертвеца…, - одними губами произнесла Грослин.

— Чистая формальность, — легко произнесла Син, понимая,

что это бесполезно, но пытаясь всё же успокоить сестёр: — Я из плоти и крови, следовательно, я — живая. А мертва я только по договору…

— Твоя кровь…, - начала Минни.

— Другого цвета, да. Но это — часть «адаптации» к жизни после смерти — если можно так выразиться, — попыталась объяснить Син.

— Что за договор? — более-менее внятным голосом спросила Грослин. — Есть шанс исправить… это?

Син помрачнела. Ей было неприятно вспоминать об этом, но именно на этой части рассказа концентрировалась вся, как говорится, соль.

— Договор имеется, — подтвердила Син. — Ричард — только посредник между нашим миром и тем, что находится по другую сторону…

— В Аду, ты хочешь сказать? — трясясь от ужаса, спросила Минни. Она сложила нервные пальцы «замком» на коленях, и в данный момент молила Бога только об одном: не закричать и не описаться.

— Наверное, меня не особо «просветили» по этому поводу, — медленно ответила Син. — Факт в том, что моя жертва не могла быть «оконченной» пока я не «утащу» за собой ещё, как минимум, пятерых людей. — Девушка смешно почесала затылок.

— А времени у меня не так уж и много — всего два года, с момента убийства.

— Стой, значит, твой… «срок» истекает этой зимой? — удивлённо спросила Грослин.

Костёр давно потух, и серо-зелёный дымок вился в воздухе причудливыми восточными колечками, словно арабская вязь. Син сконцентрировала своё внимание на дымке, чтобы не смотреть старшей сестре в глаза:

— Ага, сейчас август, значит — приблизительно через пять месяцев мне пора будет отправиться «в гости» к червякам. На этот раз — по-настоящему.

— Но ты же уже собрала свой «покос», верно? — Минни начала что-то усиленно соображать. — Так почему у тебя ещё так много времени в запасе? Это что, вроде как, «насладись последними месяцами земной жизни, ни в чём себе не отказывая»?

Син усмехнулась:

— Тоже чувствуешь здесь какой-то подвох, да? На самом деле, всё так и должно происходить — только Ричард не учёл одного маленького пунктика в своём плане…

— Какого? — хором спросили Минни и Гро.

— Мне неплохо даётся предмет «мифология», — гордо заявила Синайя. — Я вычитала в одной книжечке, что у таких как я есть возможность вернуться в живое тело «официально» — но для этого необходимо выполнить один несложный ритуал.

Сёстры молча уставились на неё, с нетерпением ожидая продолжения.

— Необходимо будет найти в своём роду того, кто и в прежние времена занимался колдовством. Затем следует отыскать его останки, и — прикоснуться к ним, только и всего!

— Так просто? — усомнилась Минни. — Никаких огненных шаров, путешествий сквозь время и пространство за таинственным артефактом, и «боёв без правил» с демонами?

Лицо девушки вытянулось от удивления.

— Знаю-знаю, я тоже была разочарована, когда узнала о банальности такой великой силы как Магия. Но, с другой стороны, я же практически ничего не знаю об этом — что я имею? Два-три трюка и несколько заклятий без спецэффектов, словом — это вам не «Зачарованные» со всей красотой их исполнения, — с ноткой лёгкой грусти в голосе закончила Син.

— Значит, теоретически, то, что показывают в кино — всё-таки существует, просто ты этого ещё не пробовала? — глаза Минни горели от любопытства.

— Кто знает — я же говорю, ведьмой меня можно назвать с о-о-чень большой натяжкой, — кивнула ей Синайя.

— Девочки, Алло?! Наша сестра — проклятая душа, шансов на спасение которой — ноль без палочки, а вы тут обсуждаете подробности магических фокусов??? — Гро негодовала, — не правильнее ли будет попытаться найти какой-то выход из создавшейся ситуации?!

— Так я же говорю — надо найти останки старого колдуна из нашего семейства, и тогда — я стану свободна. Теоретически.

— Стоп. — Остановила её Грослин. — Что значит «теоретически»? Ты же сказала, что читала об этом ритуале в древней книге, так? Второй вопрос: откуда нам взять «старого колдуна»? В нашей семье никто не занимался ворожбой…

— То-то оно и видно…, - усмехнулась Минни, вспоминая о последнем, «гадальном» поле деятельности Гро и начиная понимать, в какую сторону клонит Син.

— Я не в счёт. — Резко оборвала сестру блондинка.

— «Теоретически» значит — я не уверена до конца в том, что это сработает. Всё-таки, это же народное предание, фольклор, — пояснила Син. — Но, надеюсь, всё получится. Тем более, что у нас полно времени, чтобы найти наше «наследство»… — загадочно закончила синеглазая сестра.

— Так ты хочешь сказать, — начала понимать Гро, — У тебя есть информация о наших предках? Мы едем искать «старого колдуна» из рода Кроу???

— Абсолютно верно, — кивнула Син. — Пора бы уже показать вам кое-что…

С этими словами девушка вытащила из сумки, покоящейся под ней, толстую серую папку из картона, тиснение которой имитировало (впрочем, весьма дурно) кожу рептилии.

— Я только одного не понимаю, — подняла руку вверх Минни, — Эти сволочи столько с тобой сделали — как ты после этого можешь называть их «неглупыми» или «неплохими» людьми? Как их вообще можно назвать людьми? А этот Ричард — он же просто «запудрил» тебе мозги, чтобы отдать твоё молодое сердце чёрт знает кому! Заметь — цели он при этом преследовал весьма и весьма меркантильные: долголетие и процветание своей секты! Ха! И, конечно, не преминул попросить богатства и вечной молодости, наверное?

Минни разошлась не на шутку. Ей было обидно за младшую сестру и ещё больше — стыдно за себя и Гро, ведь они совершенно не интересовались жизнью Син за границей, и даже представить себе не могли, что той может понадобиться их помощь…

— Почему ты их не убила в качестве «окончания» жертвы?! — Продолжала бушевать девушка. — От этого мир бы точно стал только лучше!

— Тихо-тихо, не кипятись! — прикрикнула на неё Син. — Я же рассказала только часть истории, самую важную. Не логично ли предположить, что всё, что касается чувств и «промывания» мозгов — это моё личное дело, и я пока не хочу делиться этим с вами. Вам и так уже хватило изрядно… — предупредила она возражения со стороны сестёр.

— Безусловно, я ненавижу человека, обрекшего меня на такое существование… Но это не значит, что в данном опыте не было положительных сторон. То, что я получила в «Снежной Кости» можно сравнить только с годами обучения в престижном университете, — заключила Син. — За этот год я узнала столько, что мой язык просто не поворачивается назвать моё времяпрепровождение там «бесцельным»… Убить же их всех — значит, проявить неуважение по отношению к Силе, какой бы источник та не имела. И закончим на сегодня обсуждение данной темы. Сейчас у нас есть дела поважней, — закончила свою «речь» Синайя.

После этого девушка вернулась к своему занятию — стала распаковывать папку, внутри которой оказалось множество

старинных бумаг, пожелтевших и истончившихся от времени.

Грослин знаком показала Минни промолчать, так как скандалы сейчас были ни к чему. Син рассказала (пускай и под «небольшим» давлением) хотя бы часть истории. Когда она захочет рассказать продолжение — они его услышат, в этом она не сомневалась. Проявить сейчас свои материнские чувства по отношению к младшей сестре, или извиниться за нанесённые ей побои — Гро не могла. Стыд и чувство вины душили её. Она пообещала себе, что сделает это позже, когда представится более благоприятный момент. Что же касалось Минни, то та просто пребывала в тихом бешенстве. Надув губы, и еле сдерживая рвущийся наружу поток эмоций, она намеренно дотянулась и взяла отброшенный ранее пакетик чипсов. И демонстративно начала хрустеть, прекрасно зная, что этот звук раздражает Син не меньше, чем красная тряпка — быка. Однако черноволосая девушка не настроена была на очередную словесную перепалку. Ей, как и Гро, хотелось скорее перейти к делу — поделиться имеющимися у неё сведениями относительно найденного недавно «скрытого» архива их деда, который ей удалось обнаружить в их старом доме.

Через пару минут сёстры Кроу выяснили, что их бывшее жилище отнюдь не пустовало прошедшие пару лет. Напротив, оно активно использовалось Син по прямому своему назначению, а именно — служило девушке временным пристанищем, и заодно убежищем в тот период, когда она, вернувшись из Италии — искала приют и одновременно составляла план действий относительно своей дальнейшей жизни.

— Мне было страшно, я толком не понимала — что со мной происходит, спросить, ясное дело, было не у кого. А ключ… Ключ всегда лежал на том же месте — под старым горшком с высохшей туей. Грех было не воспользоваться родным домом, пускай и ненавистным. — Син опустила глаза вниз, уставившись в содержимое одной из бумаг.

— Хорошо, что мы тогда сразу не выставили его на продажу, — заметила Минни. — Приятно осознавать, что старый особняк Кроу так или иначе — но всё-таки жил…

Син рассказала, что долго изучала старую библиотеку матери — там ведь полным полно было разных книг по мифологии и обрядам народов Севера. Кроме того, ряд книг представлял собой чистые сборники заклинаний и ритуалов, используемых в праздниках поклонения тем или иным божествам. Мама сестёр всерьёз увлекалась древнегреческой и римской культурой, ей нравилась оригинальность и «теплота» образов фантастических

существ, созданных разумом эллинов и, в частности, великого Гомера.

— К сожалению, ничего подобного своему случаю — я так и не обнаружила, — с досадой произнесла Син. — Зато нашла нечто более любопытное, и — подарившее надежду не только мне, но, возможно, и всем нам троим. Надежду на обеспеченное будущее. — В голосе черноволосой девушки прозвучали торжественные нотки.

— Вытащив одну из книг, я захотела переписать оттуда кое-что, что могло бы пригодиться мне в дальнейшем, — продолжала девушка. — Однако когда я попробовала открыть старый мамин секретер — нижний ящик, в котором мама обычно хранила все письменные принадлежности, не поддался.

— Дай-ка я угадаю, что было потом, — неожиданно прервала рассказ сестры Грослин. — Не найдя ключа, ты банально сломала замок, так?

В глазах светловолосой девушки поблёскивали недовольные искорки.

— Нет, не так! — Парировала Син. — Я всего лишь дёрнула этот чёртов ящик ещё сильней — но, клянусь, в тот момент я ещё не подозревала, что моя физическая сила может увеличиваться в несколько раз! Замок был хлипкий — естественно, он вывалился вместе с замочной скважиной…

— Секретер начала двадцатого века, Франция! — Вознегодовала Гро, — Мы собирались продать его с аукциона и рассчитывали выручить, как минимум, восемьсот долларов! Это была, можно сказать, фамильная драгоценность! — Гро на секунду овладел праведный грех меркантильного человека.

— Ну, так надо было сразу продать эту «фамильную драгоценность», а не опечатывать дом и уезжать на другой конец Вэлриджа. — Син была спокойна как удав. — Хотя нет, постойте, — вдруг спохватилась девушка. — Тогда, если бы вы его продали — мы бы сейчас остались без законного состояния на общую сумму… Приблизительно, около трёхсот тысяч.

— Тысяч чего? Долларов? — удивлённо переспросила Минни.

— Нет, евро. Конечно, долларов — триста тысяч баксов, так понятней?

Син засмеялась, а Гро потеряла дар речи. Минни была более осторожна в своих восторгах, а потому уточнила:

— Погоди. А почему именно триста тысяч? Я имею в виду, откуда ты знаешь, что в этом… Как его, Дарквилль? В этом Дарквилле действительно что-то есть? И не проще ли тебе самой было стать обладательницей этого состояния, не привлекая к участию нас — твоих «ненавистных» сестёр, если уж на то пошло?

Син хмуро улыбнулась.

— Наверное, это оттого, что у меня есть страшная и порочная страсть — делиться всем со своей семьёй, — последнее слово девушка подчеркнула особо, выразительно посмотрев на обеих девушек, сидящих в этот момент перед окончательно потухшим костром.

Гро сглотнула, Минни заёрзала по земле, словно пытаясь устроиться поудобнее. Новость была шокирующей — по-другому и не скажешь.

— Так вы разрешите мне закончить? — вежливо поинтересовалась девушка.

Сёстры согласно кивнули.

— Короче, благодаря этому старому комоду, мы сможем благополучно прожить на Багамских Островах до конца нашей жизни, ни в чём себе при этом не отказывая. Я говорю — абсолютно ни в чём. Гро, ты хотела бы вернуться к изучению психологии — сможешь завести свой личный кабинет. Уверена, крупным шишкам, приезжающим на остров отдохнуть от своих занудных жён — всегда может понадобиться квалифицированная «фрейдистская» помощь.

Минни хмыкнула, посмотрев на Гро так, словно собиралась сказать: «Теперь ты видишь — эта девчонка абсолютно не в своём уме!». Однако Гро только сильнее сконцентрировалась на выгоревших углях посреди поляны. Она старалась спрятать от самой себя мечты, начинавшие рождаться сразу же, как только Гро услышала цифру их возможного наследства.

Син повернулась к Минни:

— Не смотри на меня так. Ты вообще сможешь заниматься всем, чем захочешь. Главное — сменить документы и имидж, тогда нас точно никто не узнает. Девушек с такой внешностью как у нас — полстраны, поэтому максимум, чем придётся пожертвовать — это волосами. Но с другой стороны, новая причёска всегда означает начало чего-то интересного и удивительного в жизни женщины, правда?

С этими словами, Син кинула на колени Минни несколько листков полуистлевшей бумаги. В руки к Грослин, напротив, направилась порядочная стопка, документы в которой, на первый взгляд, напоминали что-то вроде денежной сметы или же «чёрной бухгалтерии». Одно было ясно наверняка — эти документы не были предназначены для «широкого круга» читателей.

— Всё это я обнаружила случайно, когда ящик выпал и развалился надвое прямо у меня в руках, — пояснила Син. — Сначала я не поняла, что это такое, но когда вчиталась…

— О, Господи! — Воскликнула Гро. — Это же списки

контрабандных бриллиантов, переправлявшихся через всю страну нашим дедом!

— И, похоже, не только им одним, — удручённо добавила Минни. — Троюродная тётя Маргарет, по маминой линии, помогала оформлять документы на перевозку. Она работала на таможне — контролировала провоз багажа и проверяла его на предмет наличия запрещённых предметов. Не могу поверить — получается, что наши родственники были преступниками!?

Минни грустно улыбнулась Грослин:

— Видимо, не так уж мы были и неправы, когда думали, что у нашего агрессивного поведения есть скрытая причина. Вот она, — девушка кивнула на расписки. — Наследственность. Самая, что ни на есть, прямая наследственность!

Грослин молча изучала список драгоценностей, провозимых её дедом в Испанию и Россию под видом консервированной рыбы и икры. В качестве перевалочной базы во всех этих сделках как раз и фигурировал крошечный городок под названием Дарквилль. Этого города, кстати сказать, даже не было на официальных картах Штатов. Всё, что о нём было известно, так это только то, что располагался он в районе, близком к тюрьме «Ривер-Бридж» и строился на месте старой военной базы лётчиков ВВС. Как правило, туда отправляли «на поселение» преступников, чья вина была не столь тяжела — убийства и изнасилования в данном списке не значились. Или же там отбывали «условный срок» те, кому больше некуда было идти. В таком случае, заключённым предоставлялась работа и временное жильё — благо, городок отличался наличием нескольких фабрик и одного текстильного завода по производству мягкого полотна. Но всё это было больше сорока лет назад, кто знает, остался ли вообще этот город там, где стоял прежде? Или его уже устранили за ненадобностью?

Из задумчивости Грослин вывели голоса сестёр. Те громко спорили, не боясь повысить голос:

— Это было практически полвека назад! Откуда нам знать, что там вообще что-то осталось? Если судить по сводкам — все бриллианты были успешно «доставлены» своим владельцам. Я не собираюсь лезть под землю, чтобы узнать то, что и так понятно — там будет пусто, вот увидишь!

Лицо Минни раскраснелось, она размахивала руками, стараясь как можно выразительнее дать понять Син, что такой план её не устраивает. Син, напротив, покрылась зеленоватыми пятнами — казалось, её вот-вот вырвет от напряжения:

— Мин, ты что, ослепла?! Вот же завещание деда, в котором он ясно даёт понять, что «наследие Кроу ожидает своих достойных приемников»! А кто здесь, по-твоему, имеется в виду?

Ясное дело тот, кто обнаружит все эти бумаги! Они же не просто так сложены все в одну папку! Естественно, это намёк на то, что Балтимор Кроу кое-что сумел-таки припрятать для себя и своих близких — он же не такой дурак, чтобы занимаясь контрабандой драгоценных камней, не быть при этом, как говорится, «в доле»!? А что, по-твоему, могло быть в могиле? Естественно — камни, что же ещё?

Разговор о могилах Гро не понравился. Однако она не успела возразить, так как Минни, пытаясь доказать свою правоту, заорала в ответ ещё громче:

— Так ведь он мог специально составить это мнимое завещание — для подстраховки! На случай, если его найдут конкуренты или, ещё хуже, полицейские. Сыграв на человеческой жадности, дед Балтимор мог устранить последних свидетелей истории, и всё — тайна его незаконной деятельности окончательно ушла бы в могилу. Вместе с теми, кто всё это найдёт!

Грослин тем временем подобрала один из соскользнувших на землю листков бумаги — это было непосредственно то самое завещание, из-за которого и начался спор. Написанное от руки, начиналось оно следующими словами:

> «Я, Балтимор Дэвид Кроу, находясь в здравом уме и крепкой памяти, пишу следующие строки.
>
> Находясь в положении человека, вынужденного постоянно скрываться и скрывать, я должен также и постоянно лгать. Будь то моя семья или люди, близкие мне по духу — они не смогут понять глубинных мотивов моих поступков, и не в силах оценить ту опасность, которой подвергаются — находясь ежедневно рядом со мной. Поэтому я вынужден буду передать всё, принадлежащее мне лишь тому, кто действительно достоин этого. Тому, кто не только напрямую причастен к роду Кроу, но и является выражением его истинной сути. Наследие, которое я завещаю — полностью изменит жизнь того моего потомка, кто его найдёт. И лишь в его власти будет принять эти дары, или целиком и полностью их отвергнуть, выбрав жизнь тихую и спокойную — но пустую, как глазницы истлевшего черепа. Знай же, ты — тот, кто получит сокрытое мною: если решишься причаститься к Чёрной Чаше, вкусив её сияющий блеск, то уже никогда не сможешь быть таким же человеком, как все другие. Камни, что лягут в твои ладони — лягут и в твоё сердце, и ты уже не в силах

будешь что-либо изменить. Но как только ты станешь обладателем оного сокровища — тебе откроется мир совершенно невероятный и завораживающий — как своим великолепием, так и той опасностью — что скрывается внутри него. Будь же благоразумно — моё грядущее дитя, и не бери на себя того, что позже не в силах будешь унести с собою.

Искренне желающий тебе добра — Балтимор Кроу».

«Туманная формулировка. Дед, видимо, всерьёз решил запутать того, кто найдёт эти документы. И при чём здесь чёрная чаша? Что это вообще такое, хотелось бы знать?», — подумала Грослин. Подняв глаза, она увидела, как Синайя тычет пальцем в старую, местами слегка прорванную, но ещё вполне читабельную карту. Она по-прежнему пыталась доказать Минни состоятельность своей теории, которую средняя Кроу почему-то вдруг приняла в штыки:

— Ежу понятно, что искать бриллианты надо на кладбище — причём в фамильном склепе Кроу — он же отмечен здесь особым значком, видишь? Так что тебя смущает? Ладно, дедушка «шлёпнул» эту тётю Маргарет бог знает когда, ну так не оставлять же тело у всех на виду, так? Тем более, они сотрудничали и находились, пусть и в дальнем, но всё же родстве. Так зачем же искать последнее прибежище для трупа в окрестных лесах, когда можно одним выстрелом убить двух зайцев: похоронить официально члена семьи, а заодно, по-тихому, подложить туда пару банок с тунцом, в которых-то и спрятаны камни на триста штук? Сама подумай, Минни: Последняя сделка и документы на вывоз камней в Россию остались незавершёнными. Бумаги — чистые, документы — с пропущенной графой. Неужели не понятно — именно эти камни и завещал дед тому, кто додумается посмотреть «второе дно» секретера! О них-то и упоминается в завещании!

Син трясла картой перед носом Минни, она уже успела пересесть поближе к сестре, чтобы «на пальцах» объяснить той — что к чему. Грослин ловким движением выхватила из рук сестры карту и сама решила её изучить.

Карта также представляла собой нечто, нарисованное от руки, и была поделена как бы на две части — тем самым экономя место на бумаге и одновременно отражая важнейшую информацию для того, кто решит ею воспользоваться.

В верхней части были условно изображены лес и дорога,

проходящая сразу же за холмом, который носил странное название «Лысая гора». Дорога упиралась в небольшой прямоугольник с нарисованным внутри него гвоздём. «Дарквилль» — гласила надпись прямо под ним. Значки, указывающие направление, отчётливо вели на Север — прямо к реке, сразу за которой и располагалась знаменитая тюрьма «Ривер-Бридж». Однако перед горой снова был изображён лес и стоял значок черепа и скрещенных между собой костей, ясно дававший понять, что это место — «опасно для жизни».

В нижней части было изображено кладбище в виде поля, усеянного крестами, с соответствующей надписью в правом нижнем углу. Само кладбище было поделено на две части, поименованные почему-то «Тюремщиками» и «Вояками». Между ними была прочерчена толстая вертикальная чёрная линия, указывающая, что в этом месте пролегает стена. Однако присмотревшись, Гро заметила ещё одну линию, параллельную первой — гораздо бледнее, но, тем не менее, довольно отчётливую — а это значило, что имелась ещё одна стена. Таким образом, посреди кладбища пролегал своеобразный «коридор», чьё назначение для Грослин (да и остальных сестёр) оставалось неизвестным. На половине, отмеченной как «Тюремщики» был ярко выделен один крест, под которым красноречиво была выписана фамилия Кроу. Рядом стояла пометка «Склеп. Узнай у смотрителя». Больше на бумажном листе не имелось абсолютно никаких указаний. Как и признаков того, что в этом месте сестёр ждал давно зарытый старым контрабандистом клад.

Грослин подняла вверх указательный палец, призывая сестёр обратить на себя внимание.

— Син, — обратилась она к синеглазой девушке. — Правильно ли я поняла, что мы сможем разбогатеть, если найдём часть не оформленных по сделке драгоценных камней? Камни находятся в нашем фамильном склепе — на городском кладбище Дарквилля, так?

Та молча кивнула.

— И она предлагает нам разграбить могилу, понимаешь?! Но это же отвратительно! Даже если представить, что в склепе что-то есть (в чём я, лично, сильно сомневаюсь) — то сам факт вандализма всё равно отбивает у меня желание его искать. Напрочь! — вновь встряла в разговор возмущённая Минни.

— Минни, дорогая, прости, если я буду груба с тобой, но — не могла бы ты заткнуться хоть ненадолго? — спокойным тоном попросила её Гро.

Минни осеклась, хотела было что-то ответить, но вовремя закусила губу. Грослин вновь обратилась к Синайе:

— С «материальной» частью всё ясно. Теперь следующее: каким образом это захоронение поможет тебе снова обрести своё человеческое воплощение? И что такое «Чёрная Чаша»?

Син смутилась. Она рассчитывала, что разговор о возможных денежных перспективах отвлечёт сестёр от истинного смысла этого «путешествия». «На месте» она смогла бы им всё объяснить. Как-нибудь. Но только позже, сейчас девушка не была готова «выкладывать» сразу все карты. И Син не ожидала, что Гро сразу же обратит внимание на «Чашу», хотя следовало бы догадаться — Грослин всегда была самой умной и наблюдательной из них троих.

— Ты действительно хочешь узнать об этом прямо сейчас? Это не может подождать, скажем, м-м-м… До послезавтра?

— Я требую правду прямо сейчас, — твёрдым голосом произнесла Гро. Таким тоном, в детстве, она всегда «припирала к стенке» нашкодивших в чём-то сестёр. — Пойми, я не хочу весь оставшийся путь провести в неизвестности. Тем более, что ты должна была рассказать нам обо всём сразу же, как только мы помогли тебе бежать. Откладывание же тех или иных сведений каждый раз заканчивается для нас «сносом мозга». И страшным риском для жизни. Мне надоело играть с тобой в «угадай, кто следующий», Син. Поэтому выкладывай всё, что там у тебя в голове осталось — и мы вместе решим оставшиеся проблемы.

Син поняла, что деваться некуда, и, хотя это не входило в её изначальный план — решилась всё же «выложить» оставшуюся часть правды.

— «Чёрная Чаша», — тихим голосом произнесла Син. В горле у неё вмиг пересохло, как будто прошлись наждачной бумагой. Каждое последующее слово причиняло девушке ощутимую, почти физическую боль. — «Чёрная Чаша» — это враждебный нам клан…

— Кому это — «нам»? — уточнила Минни.

— «Нам» — это клану «Снежная кость», — выдавила Син. — «Чаша» официально является вторым по силе кланом после нашего. В смысле магического могущества. Ну, это как «Масоны» против «Мормонов», — попыталась пояснить девушка.

— И кто из вас кто? — с интересом спросила Грослин.

— «Снежная кость» — это, условно говоря, «Мормоны». Сила «Чаши» слабеет с каждым годом — им не хватает сильных колдунов, но они виноваты в этом сами — кровосмесительные браки никогда не приводят ни к чему хорошему, — заключила синеглазая сестра Кроу.

— Кровосмесительные? Ты имеешь в виду… Инцест? — с удивлением переспросила Гро.

Син взяла в руки тесёмки от картонной папки и начала усиленно наматывать их на указательный палец правой руки.

— Да, они… Не хотели, чтобы их способности передавались «левым» людям, — пояснила девушка. — «Чаша» считает, что их Сила древнее, во много раз древнее, чем наша. И поэтому распространяться она должна только среди кровных родственников.

— Но ведь… Постой. Если дед Кроу принадлежит к «Чаше», то тогда получается, что… — начала потихоньку соображать Минни.

— Это значит, что он сам был колдуном и, судя по всему, зачатым в межродственных отношениях с кем-то из наших родных по отцовской линии. — Закончила за сестру Грослин.

Минни охнула. Она перекатилась на колени и во все глаза уставилась на Син:

— Но мы ведь никогда не замечали за дедушкой ничего подобного. Я имею в виду — он же и виду не подавал, что владеет чем-то сверхъестественным! А как же мама, и папа — он, что же, тоже, получается, был колдуном? И всё знал? И ничего об этом не говорил — ни маме, ни нам?

Её глаза заблестели. Минни сморгнула, пытаясь прогнать навернувшиеся слёзы, но всё было тщетно — две мокрых дорожки уже успели оставить на её загорелой коже мутно-серые следы от размазанной туши.

— Получается, мы всю свою жизнь прожили в одном сплошном, беспросветном обмане? — вымолвила она, закрывая ладонями лицо.

Син положила здоровую руку ей на плечо:

— Это не совсем обман. Я же сказала, что «Чаша» сегодня — практически распалась. Как такового, этого сообщества уже нет. У дедушки, вероятно, уже и вовсе не было силы — она выдохлась, завершив на нём цикл своего существования. Всё, что осталось от «Чаши» — это пятеро дряхлых стариков, которые, впрочем, ещё обладают некоторыми возможностями. Но и те скоро исчезнут — нет «новой крови», — попыталась утешить сестру Син. — Что же до папы — я вообще склонна думать, что он ничего не знал о своём происхождении. Дед выбрал другую, человеческую жизнь. Ему ни к чему было «засорять» мозг своего сына знаниями, которые уже давно потеряли своё реальное воплощение в этом мире.

— Но, Синайя, зачем-то ведь он написал это завещание. И, мне кажется, «Чёрная Чаша» упомянута здесь неспроста, — отметила Грослин. — Если бы дело касалось только наследства — зачем тогда было упоминать о «сообществе»? Тем более, что оно

на грани вымирания? Нет, — покачала головой светловолосая сестра, — Здесь явно что-то нечисто, Син. И не думаю, что нам вообще стоит во всё это ввязываться.

Грослин со вздохом отложила бумаги. Синайя же откинулась на спину и начала перебирать воздух руками, словно рассуждая о чём-то сама с собой:

— Никто не исключает наличие у деда особых возможностей, — рассуждала она, — Но он мог не пользоваться ими, считая их или ни на что не годными, или, банально, не подходящими ему по образу мыслей.

— Что значит «не подходящими по образу мыслей»? — вскинула голову Минни.

— Это когда твои способности напрямую несовместимы с твоей природой. Проще говоря, это означает, что ты не в силах их контролировать — сколько бы ни учился этому. Такое иногда бывает, в этом случае их вообще лучше не применять «на практике». Но я сейчас говорю о другом, — вернулась к своей мысли Син. — Я говорю, что, может быть, какие-то остатки силы у Балтимора всё-таки были. А раз так, то должна была остаться способность «заклинать» вещи — она для всех колдунов стандартная.

— Что-то вроде «перечня обязательных бесплатных услуг» в больнице? — уточнила Гро.

Син коротко рассмеялась:

— Странное сравнение, — сказала она. — Но, в целом, да — это что-то вроде того.

— Ты тоже так умеешь? — спросила Минни на всякий случай.

— Я — нет. Я же колдую нелегально. Только «на птичьих правах». А у «пиратской версии» и список возможностей жёстко ограничен, — пояснила сестра.

— То есть суть в том, что теоретически Балтимор мог «заклясть» камни в могиле? — уточнила Грослин.

— Переложить в них свою силу — возможно, — откликнулась на вопрос сестры Син. Она разглядывала светло-голубое небо. Утро стремительно наступало, а они так и не успели поспать. «Досадно», — подумала про себя Син.

— Или просто «проклясть» их, — спокойно заметила Минни. — А что? — ответила она на укоряющий взгляд черноволосой сестры. — Наложил проклятье, и дожидайся себе спокойненько, пока случайный коп или неудачники, вроде нас, найдут камушки и все вместе сгинут с лица земли.

— Может и так, — со вздохом произнесла Грослин. — Никто не знает, что было на уме у старого контрабандиста. Вполне возможно, что это — ловушка, и мы прямиком идём на

собственную смерть. У меня уже голова идёт кругом от всего этого.

Грослин со стоном упала на спину, рядом с потухшим костром.

— Эй, а я ведь, кажется, поняла, — почти вскрикнула Минни. — Склеп-то семейный, а, значит, тот, кто в нём лежит — тоже вполне может оказаться колдуном из нашего рода. — Минни откровенно радовалась своей догадке. — А это значит, что есть шанс «починить» Синайю, так ведь, девочки? Вот он — «старый колдун», которого ты ищешь, Син?

— Ну, пока мне больше не на что надеяться, — негромко ответила младшая из сестёр. — В любом случае, если не получится со мной, так хоть вы двое будете иметь шанс на достойное существование в какой-нибудь тёплой и красивой стране.

Последние слова Син произнесла почти шёпотом, после чего, пробормотав что-то невнятное, перевернулась на другой бок — отвернувшись таким образом от сестёр, и крепко заснула.

— А? Что ты сказала? — переспросила Минни, но Син уже не слышала ни её, ни вообще ничего вокруг. Она настолько вымоталась, что её мозг, будто почувствовав «перерасход энергии», автоматически перешёл в «режим сна».

Минни посмотрела на Грослин — та тоже безмятежно улыбалась чему-то прекрасному, что видела в этот момент во сне.

— Превосходно, — пробурчала себе под нос Минни. — Я тут сижу, переживаю вся, что мы, вероятнее всего, просто умрём по окончании данного «мероприятия», а они — отключились в самый интересный момент. Даже будильник завести не соизволили…

С этими словами, Минни порылась в кармане своих джинсов и извлекла оттуда на свет Божий ультратонкий сотовый телефон. «Чудо, что он цел и невредим — после такого-то», подумала девушка и потыкала в чувствительный экран мобильника. Тот пару раз «хрюкнул», но всё же загорелся, и на дисплее отчётливо высветились дата и время «10.00». «Так, значит времени у нас — два с половиной часа до отхода», — разговаривала сама с собой девушка, попутно заводя будильник на половину первого. «Попробую немного вздремнуть — вдруг повезёт?», — мрачно подумала про себя девушка, прекрасно осознавая, что после всей, услышанной сегодня информации — ей вряд ли удастся нормально заснуть. Однако стоило ей коснуться головой папки, которую она решила использовать в качестве подушки (тем более, что все документы уже были аккуратно сложены ею обратно внутрь) — как она «отключилась», и всё последующее время блуждала в кромешной тьме, пытаясь найти в ней хоть какой-то

мало-мальский источник света. Но его почему-то не было.

* * *

Дон Ромирез сидел в своём старом кресле, уронив большую квадратную голову на руки. Он только что получил очередной выговор от МакДонахъю и теперь пытался сделать «отчаянный» выбор между чашкой кофе с цианидом, и девятимиллиметровой пулей в лоб. «Мне надоело слушать ваши жалкие оправдания, Доналд! — за полчаса до этого орал на него начальник, в гневе не стесняясь брызгать слюной. — ЦРУ уже не просто дышат нам в затылок, они нас готовы с дерьмом сожрать, только бы мы не раскрыли это дело самостоятельно! А вы предлагаете передать этих Кроу другому отделу??? Вы в своём уме, капитан?… В общем так, Ромирез: мне эти ваши сказки про паранормальную херню уже порядком поднадоели, но… Я даю вам ещё один — последний шанс: или вы выходите, наконец, на след этих соплячек, или можете попрощаться со своим значком и званием. Другого выбора у меня нет — подумайте, офицер». Это были его последние слова, прежде чем он, молча указав Ромирезу на дверь, с раздражением закурил дорогую кубинскую сигару. Мужчина сидел и думал о том, что, возможно, и вправду легче сдать это дело на хрен кому-нибудь из вышестоящих — тогда он с удовольствием поглядит, как они будут надрывать свою пятую точку, пытаясь найти то, что до сих пор непонятно — чем является.

С другой стороны, для Доналда это был уже, скорее, вопрос принципа, нежели нежелание довести дело до конца. Понятно, что он не собирался жертвовать карьерой из-за того, что пока не был в силах объяснить. Но он не один такой — вся спецгруппа готова была под присягой подтвердить, что в ту ночь они столкнулись с чем-то необъяснимым, сверхъестественным. Задача заключалась в другом — теперь, когда они точно знают, что сёстры (одна по крайней мере) — не люди, встаёт вопрос о том — как поймать не людей?

Ромирез никогда не был склонен романтизировать происходящее с ним, и в сказки про вампиров и оборотней, а уж тем более — магию (на что, как ему казалось, этот «акт» походил больше всего) верил с трудом. Представить себе, что он — взрослый мужчина, будет сидеть с ружьём в засаде, или того хуже, обтёсывать кол в ожидании нападения нечисти — для Ромиреза было всё равно, что рано утром подкраситься и, вырядившись в платье одной из своих бывших подружек, выйти в

таком виде на улицу. И после этого у всех на глазах купить кофе, а потом пойти на работу. В общем, факт полной бредовости данного расследования, как и факт столкновения его, офицера полиции и капитана спецподразделения, с потусторонними силами — был, то, что называется, налицо. Отсюда — вопрос о способе самоубийства в данной ситуации, был, как нельзя более, уместен.

Пытаясь оторваться от странных мыслей, офицер взглянул на свои наручные часы. Большой круглый циферблат, выполненный в классическом стиле, отливал серебром — его поверхность была отполирована часовщиком до блеска, поэтому мужчина частенько использовал эти часы одновременно и в качестве зеркала. Обычно, ему хватало быстрого поверхностного взгляда, чтобы понять — следует ему побриться сегодня вечером или нет. На этот раз ответ был отрицательным, что, как правило, являлось исключением из правила. Стрелки указывали на половину третьего, что странно — он точно помнил, как их группа возвращалась домой на рассвете. Когда же он выходил из дома — солнце стояло где-то в районе девяти часов, не позже. Из любопытства, он сравнил время на своём хронометре с показаниями маленьких электронных часов, стоявших на одной из полок в кабинете. Те показывали ровно половину первого. «Какого…», только и успел подумать Ромирез, когда в дверь без стука влетел капитан Хоспек — его помощник по этому делу, работающий в соседнем — Третьем Участке. Он любезно предоставил свою помощь в ведении расследования, тем более, что был первым заочным свидетелем бесчинства Синайи Кроу, пытаясь, в тот раз, помочь Доналду через портативное переговорное устройство.

Берни Хоспек был отличным детективом, и не раз помогал Ромирезу в распутывании довольно «пикантных» делишек. Порой Доналд считал, что если бы Берни не стал полицейским — он бы обязательно написал книгу о том, как поймать преступника без ведома его самого, и обязательно получил бы за это Пулитцеровскую Премию. Сейчас Хоспек, запыхавшись от долгого бега (всё-таки он бежал сюда от самой полицейской автостоянки-«отстойника» для машин, подозреваемых в угоне или участии в каком-либо преступлении) бесцеремонно плюхнулся на стул, стоявший по соседству с креслом офицера Ромиреза. Лицо у него было красное как у свежеприготовленного омара, а седые усы казались спутанными, впрочем, как и его «воздушная», такая же сизо-серая, шевелюра.

— Ты уж прости, что без приглашения, Дон. Но тут такое дело — думаю, нам пора заводить в штате личного экстрасенса.

По-другому, как «телепортацией» нашу с тобой хрень и не назовёшь, — прогудел низким густым басом Хоспек.

— Что там опять у нас? — со стоном переспросил Дон.

— Да вот, есть у меня для тебя две новости: одна дерьмовая, а вторая, так сказать — полное говно. Выбирай, — вежливо предложил пожилой мужчина и сделал рукой пригласительный жест в сторону бумаг, зажатых в его правой руке.

Ромирез с отчаянием бросил на стол карандаш, который до этого бессознательно теребил пальцами левой руки.

— Так чего ты ждёшь? Давай уж, начнём сразу со второго, — произнёс он усталым тоном.

Кивнув, Хоспек веером разложил перед Доналдом имеющиеся у него документы. На фотографиях с места ночного происшествия красовалась стоянка позади мотеля. На одном из фото на ней стояла пара одиноких машин, среди которых «засветилась» и бледно-зелёная малолитражка сестёр Кроу. На второй, сделанной на полчаса позже первой — машины уже не было. Словно она там и не останавливалась.

— Та-а-к, — протянул Ромирез. Он старался сохранять присутствие духа, хотя на самом деле в этот момент с удовольствием разорвал бы фотографии на мелкие клочки.

— Мы же вроде посылали туда отряд сразу же после всей этой стычки на заднем дворе, разве нет? И автоэвакуатор должен был прибыть не позднее, чем через пятнадцать минут после «вызова», — уточнил офицер.

— Он и прибыл, — кивнул в ответ Берни. — И отряд прибыл — через десять секунд после того, как ты их отправил — мы перепроверили всё три раза, поверь. Но «Пежо» к тому моменту уже на стоянке не было. Вот так.

— В этом я не сомневаюсь, — откликнулся Дон. — Но, раз уж на то пошло — есть у тебя на этот счёт какие-то предположения? Не испарился же он, в конце концов!

— В этом-то и загвоздка, Дон. Если бы только ты один задался этим вопросом. Сегодня утром у всех наших парней приключились проблемы с наручными часами — думаю, у тебя тоже было что-то подобное?

— Ты имеешь в виду разницу во времени? — уточнил Дон.

Седовласый детектив довольно улыбнулся.

— Все, кто в ту ночь был с тобой на операции, отмечают одну и ту же странную деталь: в какой-то момент люди почувствовали некий «провал во времени», словно кто-то или что-то замедлило его ход. На утро же после возвращения с задания, все бойцы обнаружили, что их часы «обгоняют» цифровые циферблаты на два часа. Из чего следует, что мы столкнулись с чем-то в высшей

степени неординарным, Дон.

Хоспек нервно теребил обручальное кольцо на безымянном пальце левой руки. В отличие от Ромиреза, он рано женился и даже теперь, на склоне лет, испытывал к своей жене — Фелиции, самые тёплые супружеские чувства. Ромирез беззвучно выругался:

— Ты бы обратился с этой информацией к МакДонахью, Берни. Может, он хоть твоему авторитету поверит. А так, знаешь ли, я и без тебя уже догадался, что дело здесь попахивает сраным триллером — босс мне прямо так и сказал: «Или ловишь этих „лапландских оленей“ или — прощай служба». Всё, с меня хватит.

Берни опустил глаза и замолчал. Доналд же достал из кармана пачку сигарет «Oven», и, не смущаясь своего соседа, затянулся парой долгих и глубоких затяжек. Одновременно с этим, он откинулся на спинку кресла и тут, вспомнив, спросил у Хоспека:

— А как насчёт положительной новости?

Тот усмехнулся, попутно взяв в руки валявшуюся поблизости, на столе, зажигалку напарника, выполненную в форме массивного чёрного коробка с позолоченным орнаментом в виде хищной птицы, отдалённо напомнившей Хоспеку сокола.

— Ты про ту, что я обозначил в своём списке как «дерьмовую»? Ну, так это просто отчёт о том, что нашли неподалёку от мотеля Квинси — в трёх с половиной километрах к Югу. Ты, главное, дыши глубже, Дон. И не злоупотребляй этим, — мужчина кивнул в сторону сигарет. — Хотя, — признался он, — Зажигалка и впрямь отменная. Я бы приобрёл такую для своей коллекции…

Ромирез уткнулся в бумаги, бросив при этом:

— На блошином рынке купил, пару месяцев назад. Не понимаю людей, коллекционирующих утварь, которой и не думают пользоваться…

— В этом весь смысл собирательства, — хохотнув, произнёс детектив Хоспек. — Когда она тебе надоест — продашь?

— Да забери ты её себе даром — только не проси потом следующую, иначе очень скоро я разорюсь, — попытался пошутить офицер.

— Благодарю, — сказал пожилой детектив, и тут же засунул зажигалку во внутренний карман своего серого твидового пиджака.

Минуту Доналд изучал отчёты, но потом вновь отбросил их, и достал ещё одну сигарету. Вспомнив, что его зажигалка теперь у Хоспека, Ромирез махнул рукой и сунул сигарету обратно в пачку.

— Что это всё значит, а? Машина найдена полностью выгоревшей — ни следов, ни останков погибших — только

бутылка из-под дешёвого бензина. Его используют-то, в основном, чтобы разжечь костёр…

— Вот именно, Доналд. Ребята из химотдела говорят, что на ёмкости присутствуют отпечатки пальцев двух человек. Один из них — продавец в супермаркете, который расположен в нескольких километрах перед мотелем Квинси. Второй — сама Синайя Кроу. А это значит, что изначально бензин должен был использоваться по своему прямому назначению. Продавец говорит, что на вопрос об этом, девушка, покупавшая бутылёк, ответила: «Хотим с подружками разжечь костёр на природе. Устроим пикник».

— И этот придурок, что, поверил ей? Он совсем радио не слушал или телевизор не смотрел?

— Что ты хочешь — простой работник, говорит, разгружал товар, когда они подъехали. Ему некогда было обращать внимание на «списки разыскиваемых» в новостях.

— Н-да, вот тебе и гражданская позиция — наплевать, кто заходит в твой магазин, лишь бы побольше покупал да не забывал платить за всё.

Ромирез почесал в затылке.

— Это ещё не всё, — продолжил Хоспек. — В прилегающей лесополосе были обнаружены следы крови, прямёхонько под тем самым местом, где находилась сожжённая машина. Кровь странная — не характерная для нормального человека. Слишком много оксида меди.

— То есть она свёртывается? — уточнил Ромирез.

— Точно так, — кивнул собеседник. — Теоретически, человек с такой кровью должен испытывать дикие боли, примерно как больные лейкемией…

— Или быть заведомо мертвым. — Мрачно предположил Доналд.

— Или так, да. — Хоспек нервно хохотнул. — Ну, как тебе мысль, что мы охотимся за Милой Йовович из «Обители Зла»?

— Не смотрел такое. Погоди, так что нам это даёт?

Пожилой капитан заёрзал на стуле, он явно побаивался говорить Ромирезу остальное. Однако дело есть дело. Подёргав себя за усы, Хоспек немного успокоился и ответил:

— Штука в том, что пару минут назад заработал GPS в телефоне одной из сестёр…

— Как?!!! И мне до сих пор об этом не доложили??? — Ромирез аж подскочил в кресле, как будто его окатили ледяной водой. — Быстро формируем группу и отправляемся на место! Берни, чёрт тебя дери, почему ты так долго молчал??? Нельзя было с этого сразу и начать, мать твою!!?? Куда они

направляются???

Ярости офицера Ромиреза не было предела. Он готов был сейчас же «рвануть» на то злополучное шоссе на своём старом «рабочем» драндулете, и лично «нюхать след» за сбежавшими девицами. Однако Хоспек очень быстро охладил рвение офицера.

— Вот потому-то мы и не стали сообщать тебе об этом сразу, — как можно спокойнее пояснил детектив. — Ты уже два раза пытался взять девочек штурмом…

— «Девочек»? Да они же не…, - вскипел Доналд.

— Не важно, — осадил его Берни. — Большим количеством их не взять, это очевидно. Так почему бы не попробовать «качеством»?

Бернард Хоспек хитро подмигнул своему собеседнику. Тот изумлённо уставился на него.

— Ты в какую сторону клонишь, приятель? — с недоверием спросил офицер. Он не собирался играть «в прятки» с особо опасными существами.

— Всё очень просто, мой друг. Конгениально просто, — хищный оскал Бернарда не оставлял сомнений в том, что его план отличается особой изощрённостью. — Мы просто отправили к девочкам проверенного человека. Того, кто сумеет найти к ним уникальный подход, и при этом не разоблачить своих истинных целей…

— Хватит играть в Шерлока, Берни. Кого ты к ним подослал? — нетерпеливо переспросил Ромирез.

— Всего лишь нашего «Принца», Дон. Но, поверь мне, этого будет достаточно, чтобы девушки пришли к нам «с повинной» сами, да ещё и написали «чистосердечное» на всю свою семью. И никаких перестрелок и жертв. Всё благородно и цивилизованно, как и надо действовать в подобных случаях.

У Доналда перехватило дыхание. Заикаясь, он попытался выдавить из себя:

— Ты… Берни, ты…Решил рискнуть жизнью Медичи???

Тот в ответ лишь нежно погладил карман, в котором надёжно покоилась зажигалка Ромиреза.

— Всё в порядке, Дон. Вот увидишь, этот ловелас сумеет «обаять» их настолько, что они сами будут умолять его надеть на них наручники. А нам такой исход дела — как раз на руку, или я ошибаюсь?

Доналд невесело улыбнулся — да, все были в курсе любовных похождений «Принца», но обычные женщины — это одно, а троица буйных… Словом, он был не уверен, что молодой полицейский сможет справиться с поставленной задачей, не рискнув при этом собственным здоровьем. Им он, кстати, весьма

и весьма дорожил.

— И какие гарантии есть у нас относительно того, что твой план сработает? — спросил он Хоспека.

— Ли будет круглосуточно находиться на связи с нами — мы «нашпиговали» его микрофонами и парочкой камер. Если что — мы всегда будем знать, где и с кем он в данный момент. Кроме того, мы прикрепили к нему несколько толковых ребят — они будут следовать за ним по пятам, и в случае чего — не дадут причинить ему боль.

— А как же сёстры? Они ведь могут заметить, что за ними следит целый отряд?

— Предоставь это Ли. Он у нас — мастер «пускать пыль в глаза», никто из девочек даже не заподозрит, что он из «наших». Медичи своё дело знает, да и ты, Дон — дай парню шанс…

Ромирез сцепил пальцы «замком» и мрачно облокотился на стол. Настроение у него сейчас было самое, что ни на есть, паршивое. Хмуро взглянув на Хоспека, офицер громко выдохнул:

— Ладно. Вы ведь всё равно его уже отправили, так какой смысл имеет теперь спрашивать о чём-то меня? Посмотрим, что из всего этого выйдет…

Глава 13 Побег

Нона нетерпеливо прядала ушами, пока её хозяин — Диего Мануэль, как можно туже затягивал стремена. Проверив в последний раз седло и удила, он с лёгкостью вскочил на спину Ноны словно завзятый наездник. Верпетий, топтавшийся рядом, искренне восхитился горделивой осанкой монаха, восседающего на своей сильной лошади:

— Святой Отец, да вы будто сам граф или барон какой-нибудь — так ловко держитесь в седле! Неужели такому искусству наездника учат в монастырях дальнего Севера?

— Молчание — вот истинное качество, отличающее прилежного ученика, — уклончиво ответил Мануэль. — Скажи мне лучше, ты тщательно проверил узлы с вещами? Мы точно ничего не забыли?

— Нет, господин мой. Всё уложено и тщательно просмотрено мною ранее — все документы на месте, а все наши вещи в перемётных сумах, — ответил Верпетий, завязывая тройной узел на последнем из мешков. Перекинув и его через спину своего старого коня, любезно предоставленного конюшней монастыря, юноша неловко взобрался в седло (всё-таки при работе в монастырской библиотеке нечасто приходится выезжать куда-либо).

Мануэль был страшно недоволен тем, что к нему приставили местного шпиона. И хотя Верпетий внушал ему определённое доверие, всё же он не мог забыть того, какие мысли посетили его бренный разум при первой встрече с молодым монахом. Когда отец Диего Хорхе, наконец, пришёл в себя в монастырском лазарете, монах-врачеватель сразу же предупредил его, что придётся навсегда отказаться от дальних переездов и ночных бдений над книгами — это, де, изматывает его и без того уставший организм. Но он не принял во внимание, что именно эта деятельность и занимает большую часть времени инквизитора. Что бы там ни говорил лекарь, отлов и изучение нечестивых были центром жизни Мануэля. Отказаться от этого значило бы — отказаться от себя самого.

Однако самой больной новостью, вызвавшей негодование священника, стало предложение епископа Корнетти принять у себя его нового ученика — молодого монаха по имени Верпетий. Того самого, что встречал его у врат монастыря Святого Себастьяна. Оказалось, что именно он передал епископу все сведения касательно ведьмы Альберты, и эта новость настораживала Мануэля не менее первой. Корнетти предложил

услуги Верпетия по части помощи в организации опытов над испытуемыми (слава Богу, хоть здесь поездка прошла для него удачно), а также попросил обучить его азам инквизиторского ремесла. «Как видно, Его Святейшество желает удостовериться в объективности моих экспериментов. Ну что же, я готов честно выстоять в этом поединке, но зачем обучать мальчишку искусству пыток?! Этот вопрос мне интересен более всего: Верпетий большую часть жизни провёл в подземной библиотеке монастыря, он — всего лишь книжная крыса, не способная всей душой постичь смысл деятельности инквизитора. Но тогда какой ему будет прок от моих занятий? Остаётся только одно предположение — как и положено крысе, Верпетий станет вынюхивать всё о моих личных целях в области данного дела, а это может серьёзно сказаться на его результатах. Он вполне может попытаться сорвать эксперимент, или преподнести его Совету „не в том свете“, не поняв его истинной сути. И тогда мне не узнать секрета колдовской Силы этих существ… Что ж, постараюсь этого не допустить…»

— Отец Мануэль! Святой отец, вы меня слышите!?

Инквизитор вздрогнул. За размышлениями он совсем не заметил, как его юный «ученик» зовёт его во всю силу своего молодого голоса.

— Не кричи так, прошу тебя! — откликнулся Мануэль. — Твой крик способен спугнуть всех Ангелов, наблюдающих сейчас за нами с высоты Небес. Чего тебе?

Верпетий стыдливо опустил глаза:

— Прошу прощения, отче. Вы задумались, и я подумал, что вы, возможно снова…

— Что? Впал в то странное состояние? — резко оборвал юношу Мануэль. — Я уже говорил тебе, что это происходит от чрезмерной усталости со всеми людьми. Независимо от их сана или положения в обществе. Любой может на мгновение потерять ориентацию в пространстве, даже ты — Верпетий. — Имя молодого человека Мануэль произнёс с ноткой лёгкого презрения в голосе.

Верпетий смутился, и какое-то время оба всадника ехали молча. Наконец, юный монах вновь осмелел и спросил своего нового Учителя (именно так епископ Корнетти приказал ему расценивать этого странного, вечно нервничающего, человека):

— Позвольте узнать, отче — как давно вы занимаетесь этим?

— Чем именно? Пытаю ведьм и тех, кто одержим злым духом? — с кривой усмешкой переспросил Диего Хорхе.

— Я думал, дело инквизитора — дознание, а не пытки несчастных тел…, - с досадой протянул Верпетий.

Мануэль заметил, как юноша с силой вцепился в уздечку своей лошади — словно сам вопрос страшил его больше, чем ответ, который предстояло услышать. Взглянув на его побелевшие костяшки пальцев, он снисходительно вымолвил:

— Полно, Верпетий. Отпусти вожжи, а то конь может почувствовать твой страх и «понести».

Монах послушался, попутно оглянувшись по сторонам, как будто на пустой дороге их мог кто-то увидеть. Мануэль продолжал:

— Дело дознавателя состоит не только из разглядывания бумажек с протоколами. Свидетели зачастую — неграмотные крестьяне, готовые принять ночью свинью на дороге за самого чёрта. Без того, чтобы лично допросить подсудимого, не обходится ни одно серьёзное заседание.

— Да, но как же боль? Неужели всех людей, хоть каплю подозреваемых в колдовстве, обязательно нужно испытывать? — не выдержав, прервал его Верпетий. — Разве Господь не призывает нас к милосердию? Разве мы не должны пожалеть несчастных, что томятся в темницах души и разума? Ведь одержимый не виноват в том, что его тело было захвачено насильственным способом? — «засыпал» молодой монах вопросами.

Щёки Верпетия раскраснелись на морозе, изо рта мелкими облачками вырывался пар. Он заметил, как голубые глаза святого отца заблестели острыми искорками «теологического» интереса. Спор был как нельзя кстати для Мануэля — ничто так не согревало его кровь, как возможность доказать собственную правоту.

— А ты вспомни Спасителя, брат мой, — сдержанно начал Мануэль. — Разве он не испытывал телесную боль, чтобы доказать, что дух его невиновен? Разве не страданием искупил он вину всего человечества? Только лишь через страдание тела возможно доказать правоту и первозданную чистоту своего духа. Самобичевание ведь указывает на то же самое, — отрывисто добавил он.

— Хотите знать моё мнение? — спросил Верпетий. — Самобичевание — это великое заблуждение Святых отцов-основателей, ибо невозможно выгнать из тела порочную страсть, предварительно заменив её другой. Нам часто говорят о страшном грехе рукоблудия, — всё более распаляясь продолжал Верпетий, — Но никто из настоятелей никогда не признавался в том, что и сам пробовал этим заниматься. Они боятся осуждения за это. Но не страшнее ли осуждение за намеренное изувечивание тела Божьего, что даровал нам Господь. Он сказал: «Все мы

сотворены по образу и подобию Его», не значит ли это, что мы должны оберегать своё тело и всячески его развивать и удовлетворять его потребности, если это тот Храм, в котором покоится наивысший дар Бога нам, неразумным тварям — Кристальная Душа???

Мануэль задумался. «А голова у этого малого варит, даже если и это — лишь намеренная провокация со стороны слуг Совета», — подумал он. Но вслух ответил:

— Тело — Божий Храм, это так. Но не забывай, что оно было сотворено из земли, по которой не раз ступала и нога Нечистого. И Ева также осквернила плоть, отведав яблоко Познания, так что говорить о безоговорочной правоте тела мы не можем, не правда ли? Далее, — продолжал разъяснять Мануэль. — Развивать возможности организма никем не возбраняется — возбраняется этому организму во всём потакать. Очень часто «думает» наше тело, в то время как душа, имея бестелесную структуру — не в силах существенно повлиять на него. А телом управляет разум — то самое, что «даровал» человечеству его злейший Враг. Как думаешь, способна ли чистая, но немая душа остановить пускай и тяжёлое, но «действующее разумом» тело?

Заметив замешательство Верпетия, Мануэль довольно кивнул:

— Действительно, среди простых смертных распространено мнение, будто самобичевание и рукоблудие (как и самый блуд) есть страсти, схожие по своей природе. Так как и от первого, и от второго человек получает примерно одинаковое удовлетворение. Следовательно, как и всякое удовлетворение (включая и духовное, но оно несравнимо более чистое и высшее по своей сути) — оно несёт в себе угрозу зависимости от оного. А зависимость достигается путём повторения действия, в основе которого лежит страсть. Отсюда нелегким будет разделить страдание и наслаждение, испытываемое одновременно от обеих из них. Однако истинный смысл самобичевания — всё же страдание духовное, ибо проливая кровь во время обряда — мы проливаем кровь не свою, но Спасителя, отдавшего её за нас…

Верпетий не мог не согласиться с инквизитором, но всё же он не был уверен в том, что пытка — наилучший способ дознавания правды. Должно быть некое мирное средство — средство, с помощью которого можно было бы освободить от беса гнетущееся им тело. И вместе с этим — спасти душу невинного человека. Если колдовство — «подарок» Нечистого людям, то нельзя ли расценивать факт колдовства также, как и факт одержимости? И отсюда, возможно ли «изгнать» колдовской дух из тела человеческого, освободив при этом и его душу, без применения

костра? Молодой монах не постеснялся поделиться своими мыслями с инквизитором.

— Оригинальное предположение, — одобрил тот Верпетия. — Но в том-то и проблема, что мы не до конца ещё можем разделять эти два понятия. «Бесовщина» — это одно явление, ярко-выраженное и имеющее свои описания в трудах отцов-основателей и великих Пророков Божиих. Оно ведёт свой род от самого Великого Сражения Архангелов Люцифера и Михаила. Того же нельзя сказать и о колдовстве, чья природа до конца не изучена, и чьё существование составляет, возможно, тысячи лет до появления на Земле Дьявола.

— Что значит «до появления Дьявола»? Разве мы не имеем в виду историю от Сотворения Мира Господом? — удивился Верпетий.

— Имеем, — хитро улыбнулся Мануэль. — Но не исключаем возможности того, что в Великой Пустоте, существовавшей до прихода Бога на нашу землю — было, возможно, что-то древнее самого Господа. Что-то, что жило там всё это время, а позже, после акта Творения мира, тщательно скрывалось, давая знать о себе лишь намёками и полузвуками.

Спина у Верпетия вмиг покрылась мурашками. Ему стало не по себе от слов Мануэля. Такое предположение для догматично настроенного инквизитора было не то, что откровенно смелым, но, по правде сказать — еретичным до ужаса, до стука зубов! И, даже узнав о неординарности мышления своего нового учителя, Верпетий в который раз усомнился в его собственном душевном равновесии и здоровье. «Этот человек страшен не столько своим отношением к людям — несчастным осужденным, сколько своим отношением к Богу и Слову Его об устройстве земного мира», — в страхе подумал бывший писарь монастырской библиотеки.

— Поэтому всё, что касается «мирного средства» — загадка не менее сложная, как и истинная природа этого явления. Пока что мы не имеем таких познаний, что позволили бы сотворить акт очищения без применения пламени площадного костра. Но вскоре, я думаю, мы сможем найти гораздо более гуманное решение. «Изгнание» же — это грязное дело экзорцистов, пособников небезызвестного тебе чёрта, и оно — Святой Церковью абсолютно неприемлемо, — заключил свою «проповедь» Мануэль. — Считай, что это суть то же шарлатанство и «околпачивание» простого народа, как и в случае со странствующими фокусниками.

Священник хорошо согрелся, пока велась беседа, и теперь был доволен как собой, так и дорогой и погодой, и всем, что окружало путников в данный момент. Один лишь комментарий

Верпетия немного расстроил Мануэля, когда тот осторожно уточнил, что изгнанием занимаются и некоторые уважаемые Святой Церковью священнослужители. «Порой бывают случаи, в которых обесчестить свою душу — единственное средство спасения другой души. И покончим об этом», — мрачно оборвал он юношу. Верпетий предпочёл не пререкаться с новым наставником, тем более, что за разговором они незаметно достигли конечной цели своего обратного путешествия — большого поселения, больше похожего на маленький городок, которое и находилось в ведении отца Мануэля.

Увидев дом священника, молодой библиотекарь в очередной раз восхитился тем, как живут люди, достигшие в своей области солидных высот. Уважение и прилежная работа, по мнению Верпетия, неизменно приносили в жизнь человека достаток и хорошо устроенный быт. В тайне сетуя на своё собственное, не совсем усердное, рвение к познанию и наукам, юноша позавидовал небывалой целеустремлённости Мануэля. «Хотя он и довольно странный человек, — думал Верпетий. — Но зато он точно знает, что желает получить в конечном итоге. И нельзя не признать за ним верное служение Святой Церкви. Судя по всему, все эти богатства достались ему за особо важные заслуги перед Господом». И тут же молодой монах перекрестился и попросил у Бога прощения за свой грех завистничества. Но поделать с собой, увы, ничего не мог. Глаза молодого человека, проведшего полжизни в условиях крайнего аскетизма и отречения от всего мирского, теперь, увидев за стенами монастыря столь пышное изобилие, не могли насытиться — не представив своему обладателю соблазна жить таким же образом.

Мануэль выделил ученику большую просторную комнату на верхнем этаже дома. Она находилась прямо напротив библиотеки — «святая святых» господского дома, как нередко называли её слуги Мануэля. Войдя в свои новые апартаменты, Верпетий был поражён тем контрастом, который представился ему, едва он позволил своему воображению сравнить узкую монастырскую келью, ещё недавно служившую ему домом — и это совершенное, как ему казалось, творение архитекторской мысли.

Дело было в том, что комната, в которой предстояло «гостить» юному монаху, прежде использовалась Мануэлем совсем для иного рода нужд, а именно, служила инквизитору оружейной, где он в идеальном порядке хранил все те немногие «орудия смерти», что были освящены и одобрены Наивысшим Советом. Диего Хорхе редко самостоятельно охотился на особо несговорчивых представителей «бесовской гильдии», однако считал своим долгом знать о них как можно больше — в

частности, всегда иметь при себе пару-тройку освящённых стрел (на всякий случай). Исходя из этого, комната была спроектирована таким образом, что высокие стрельчатые потолки всегда пропускали с крыши достаточно света и воздуха (это было необходимым условием сохранения качества и боеспособности оружия), из-за чего помещение казалось гораздо больше своих истинных размеров.

Со временем, Мануэль решил, что расположение оружейной напротив «очага познаний» является, в глазах его собственной прислуги — также весьма религиозной, в какой-то степени варварством. Поэтому он перенёс все боеприпасы и технические приспособления в подвал — туда, где находились узники, и где их удобнее всего (и, что ещё важнее, спокойнее) можно было использовать по прямому своему назначению. Оставленное без своей «сердцевины» помещение скоро обросло слоем пыли, и Мануэль как человек с натурой практической, хоть и несколько экстравагантной в своём проявлении, обустроил её в качестве «комнаты для гостей». Это давало, во-первых, покой его совести, так как комната, пускай и пустая, но предназначалась всё-таки для благого дела. А во-вторых, свободное помещение в доме отводило от него очередные подозрения в человеконенавистничестве, которыми часто грешили языки местной деревенской черни.

В какой-то момент Верпетию представилось даже, что эта комната была когда-то чем-то вроде алтаря, но он почти сразу же отбросил эту мысль, заведомо зная, что будь это на самом деле правдой — такому как он вовек не грозило остановиться здесь. Пусть и на весьма короткий срок.

Закинув в свободный угол свой вещевой мешок, юноша устало рухнул на скромных размеров кровать. Впрочем, она была весьма велика — если сравнивать её с бывшим ложем, состоявшим из кучи соломы на холодном каменном полу. Такое «ложе» представлялось Верпетию вполне достойным самого короля — в том случае, если бы он вдруг решил остановиться в хорошем, богатом трактире, с чем и можно было сравнить дом инквизитора.

Подняв глаза на потолок, Верпетий увидел деревянные перекрытия, сконструированные в виде церковных арок — настолько высоко были соединены между собой балки. Крышу буквально пронизывали солнечные лучи, оставлявшие за собой пепельно-серые дорожки, внутри которых мелкими искрами вилась пыль. «Если, не дай бог, пойдёт дождь — меня ждёт весьма „мокрый“ приём, — подумал между тем Верпетий. — Остаётся надеяться только, что в следующие пару недель погода будет к

нам милостива». Под «нами» монах, разумеется, подразумевал себя и своего учителя, однако он тут же вспомнил, что комнаты Мануэля располагаются этажом ниже и, следовательно, ему подобная беда явно не страшна.

Вытянув ноги и ощутив прилив бодрой энергии вкупе с хорошим аппетитом, Верпетий приподнялся на локтях и оглянулся вокруг: что касалось убранства комнаты, то оно было столь же прекрасно в своей простоте, сколь и практично. Средних размеров гардероб прочно стоял на крепко сколоченных дубовых ножках (он, насколько хватало знаний Верпетия, был явно французского происхождения). Стол и пара стульев были изящно вырезанными из вишнёвого дерева и, казалось, прибыли сюда прямиком из столовой самого Папы Римского. Рядом с кроватью стоял маленький комод из дерева простой породы, имевший, однако то преимущество, что оснащён он был редким для того времени «секретным» механизмом: каждое из четырёх его отделений имело потайной отсек, куда в экстренном случае, можно было спрятать все ценности.

Повозившись с парой отсеков, юноша бросил это занятие и решил подойти к большому окну, выходящему на западную сторону улицы. Из окна открывался прекрасный вид на деревенскую площадь, и даже сейчас, в снежное время года, она ярким пятном выделялась среди остальных серых построек простых бедных крестьян. Там и тут мелькали пёстрые палатки торговцев, предлагавших каждую неделю новый товар. Сейчас день был будничный, и оттого весёлых зазывных криков было почти не слышно, а те же, что изредка долетали до уха молодого монаха — принадлежали людям явно недовольным качеством купленного ранее товара. Ибо представляли они собой, в общем массиве, отборную брань чернорабочих крестьян, перемежавшуюся, время от времени, гневным женским повизгиванием.

Особенно «приметной» частью площади являлась возвышавшаяся посреди неё виселица, трансформировавшаяся в случае необходимости — в высокий помост для костра. На высокой перекладине «петли свободы», как частенько называли виселицу бедняки, развевалась длинная красная лента, символизировавшая предупреждение о том, сколь опасными могут быть «игры с дьяволом» и обычным человеческим законом.

Верпетия слегка передёрнуло от отвращения — он никогда не любил зрелища прилюдной казни, и не понимал тех людей, которым вид крови или корчащегося в предсмертных судорогах тела доставлял удовольствие. Он быстро отвернулся, почувствовав внезапный приступ дурноты. Взгляд его упёрся в

противоположную стену, целиком затянутую гобеленовым холстом, изображавшим сцены из жизни великомучеников. Поделённое на восемь частей, каждая из которых имела сходное с соседней сюжетное наполнение, полотно заканчивалось внизу одной широкой атласной полосой серебристо-чёрного цвета. Эта полоса символизировала тайную границу между земной жизнью и дорогой в загробный мир. Что же до «сюжетов», изображённых на холсте рукой неизвестного мастера, то они, как было сказано, особым разнообразием не отличались. В каждом из «окон» прочитывалась жизнь того или иного святого, начинавшаяся с Рождения и Посвящения в сан церковнослужителя, и заканчивавшаяся символичным изображением мучения и смерти, после чего мученик возвышался над своими гонителями. Попутно эти святые совершали чудеса, некоторые из которых продолжались и позже — уже после их кончины.

«Подобный холст как раз благоговеет к вопросу о самобичевании, — с иронией подумал Верпетий. — Если гость не испытывает мук телесных, то пусть хоть полюбуется на мучения известных святых отцов. Да, отец Мануэль явно сам человек не без чувства юмора. Как раз то, чего порой так не хватает перед сном», — внезапно съязвил разум молодого человека. Верпетий боязливо перекрестился и инстинктивно огляделся по сторонам — словно в комнате был ещё кто-то, способный подслушать нечестивые мысли библиотекаря. Вздохнув, молодой монах ещё раз упрекнул себя в неподобающих сыну церкви мыслях, и, пошептав «Отче наш» три раза, с силой прислонил стоявшую неподалёку ставню к окну, закрыв его. Избавившись таким образом от ненавистного ему пейзажа, Верпетий с облегчением присел обратно на кровать, стараясь при этом не смотреть на внушающий отнюдь не религиозный трепет гобелен. Растянувшись на кровати, он стал бесцельно наблюдать за вьющимися в дневном свете столбцами пыли до тех пор, пока его разум, заполненный мешающимися разговорами прошедшего дня, не начал плавно соскальзывать куда-то в мягкую, тёмную пропасть.

Когда в дверь вежливо постучали, Верпетию показалось, что это звучит у него в голове огромный церковный колокол — настолько громким показался ему этот стук. С трудом разлепив глаза, юноша не сразу вспомнил, где он находится. Однако быстро сообразив, в чём дело, он поспешил ответить слегка заплетающимся ото сна языком: «Входите, прошу вас. Не стойте там».

Вошедший оказался скромно одетым молодым человеком, примерно одних лет с Верпетием. Он был помощником повара, и

помогал накрывать на стол. Извинившись, слуга доложил, что ужин уже накрыт и сеньор Мануэль ожидает его в столовой зале — на первом этаже. После чего бесшумно удалился, также вежливо притворив за собой дверь.

Монах не представлял себе, который сейчас час, и сколько времени он вообще проспал. Он помнил, что когда они приехали, солнце стояло ещё довольно высоко, то есть было около половины четвёртого. Опасаясь, что отец Мануэль, возможно, уже давно дожидается его внизу, Верпетий одним движением спрыгнул со своего нового ложа и попытался найти в своей сумке хоть что-нибудь, что дало бы ему представление о собственной внешности. В монастыре их учили аккуратности и тому, что за столом, особенно в присутствии важных гостей — нужно всегда выглядеть опрятно и скромно, не поддаваясь соблазну украшательства. Об украшательстве, понятное дело, речи не шло — однако в данный момент Верпетий сам являлся гостем в доме инквизитора, а потому считал своим долгом выглядеть наиболее «серьёзным» образом. Отыскав в мешке деревянный гребень, он наскоро расчесал свои короткие густые, вечно путающиеся, волосы. Не найдя никакой отражающей поверхности, Верпетию пришлось довольствоваться тем, чтобы просто оглядеть себя сверху-вниз, и немного умыться из стоявшей тут же на комоде чаши с водой.

Юноша хотел уже выйти из комнаты, когда вспомнил, что так и не узнал, сколько сейчас времени. Хоть это было и не особенно важно, но Верпетию всё-таки хотелось узнать, как долго он пребывал в сонном оцепенении. В монастыре он привык выделять на сон столько времени, сколько было положено по «Часослову», иными словами — он спал от молитвы до молитвы. Здесь же он абсолютно забыл об этой своей обязанности честного Сына Господня. Открыв ставню, юноша застал практически окончившийся закат. «Боже Всемилостивый, значит, я проспал целых пять с лишним часов — и пропустил Вечернее богослужение и Всенощную молитву!?». Изумлённый произошедшим, Верпетий в очередной раз принялся укорять себя за неслыханную наглость по отношению к своему делу. Злясь на себя за чрезмерное увлечение праздностью, монах пообещал, что всю эту ночь отстоит на коленях в ближайшей часовне — молясь и прося прощения за свою глупость у Высшего Судии. В доказательство верности собственному решению, Верпетий даже пару раз больно хлопнул себя по спине тем самым мешком, в котором хранились все его бедные пожитки. «Так тебе, Верпетий, так тебе! Усмири же свою плоть, о, несчастный и нерадивый раб Божий!».

Когда юноша, наконец, спустился в столовую, то

почувствовал, что совсем не хочет есть. Мануэль, сидя за столом в тончайших кожаных перчатках телесного цвета, внимательно изучал какую-то рукопись. Очевидно, она была настолько стара, что нуждалась в особо бережном к себе отношении — вследствие чего инквизитору и пришлось надеть перчатки из телячьей кожи. Тарелка священнослужителя была пуста, он давно закончил трапезу.

— Что-то ты совсем «заспался», друг мой, — недовольным тоном произнёс отец Мануэль. — Видно, ты сильно устал с дороги — раз пропустил все службы, какие только возможно. — Священник с укором взглянул на молодого человека.

Заметив, что тот пребывает в мрачном расположении духа, Диего Хорхе догадался о муках совести Верпетия, и немного смягчился — он взял в руки стоявший рядом с ним на столе колокольчик и легко позвонил в него четыре раза подряд. На звон из соседней со столовой комнаты, являвшейся кухней, вышел тот самый слуга, что разбудил Верпетия. Учтиво поклонившись Мануэлю, слуга уточнил, что именно подать к столу.

— Принеси ещё рябчиков и цветистой капусты, — попросил Мануэль. — Да, и не забудь того сухого вина, что привезли нам вчера из Палермо, — добавил священник.

— Я не голоден. — Угрюмо сказал Верпетий. — Еда, что вы употребляете, явно не соответствует сегодняшнему посту — или Вас это не сильно волнует?

Неосознанно, молодой библиотекарь попытался пристыдить инквизитора, чтобы его собственные промахи не казались настолько уж тяжкими. Мануэль понял, в какую сторону клонит монах из монастыря Святого Себастьяна, а потому лишь зло усмехнулся уголком тонкого рта:

— Съесть плотью не то, что положено не так уж страшно в сравнении с тем, чтобы пропустить «питание» своей собственной души. Не пытайся устыдить меня, Верпетий — ты ещё слишком юн, чтобы понять всю истинную суть Духовного процесса.

Верпетий скривился — он не понимал отца Мануэля, его взгляды были слишком радикальными, сложными для восприятия простого монаха, взращенного на основах Святых Догматов. Понимание своей «отсталости» от этого человека ещё больше злило библиотекаря.

— Может и так, — бросил он. — А может, вы просто не хотите быть зависимым от взглядов Святой Церкви и это даёт вам чувство восхищения самим собой. Но Гордыня — великий грех…

— Прикуси-ка язык, сын мой! — прошипел Диего Хорхе. — Ты думаешь, я не в курсе, что тебя подослал ко мне Корнетти — контролировать мои опыты над осужденными в колдовстве? Если

хочешь — можешь присутствовать, мне всё равно. Но ни ты, ни твои возможные «покровители» не добьются того, что так им желанно…

В этот момент принесли еду, и лицо отца Мануэля мгновенно приняло своё обычное — проницательно-холодное выражение. Кивнув на блюдо с прекрасно приготовленной птицей, священник спокойно произнёс:

— Ешь. Ешь и не мешай мне, ты слишком поздно пришёл, чтобы можно было поделиться с тобой моими планами на завтрашний день. Да и настроение, прости Господи, как-то испортилось. Так что всё, что от тебя требуется сегодня — как следует отдохнуть, ибо завтра нас ждёт очень много работы. И запомни, — вдруг добавил он. — Я не должен отчитываться пред тобой, и ты не смеешь упрекать мою совесть в чём-либо. Для этого прежде нужно разобраться со своей.

После чего отец Мануэль вновь углубился в чтение свитка. Верпетий с трудом заставил себя отщипнуть от блюда несколько кусочков. Сделав крохотный глоток вина, и ощутив на языке его пикантно-острую сладость, монах осмелился высказать своё решение наставнику:

— Я хотел бы узнать, отче, — серьёзным тоном начал он. — Нет ли где здесь поблизости часовни или церкви? Я собираюсь посвятить нынешнюю ночь служению Господу…

— Прости, сын мой, это невозможно, — резко оборвал Мануэль. — Я сказал — у нас завтра много дел. Ты нужен мне свежим и способным протрудиться большое количество времени — тем более, что твоим нервам тоже следует дать отдых. Можешь помолиться в моей комнате — там имеется небольшой алтарь, но о выходе из дома не может быть и речи, до завтра — отсюда ни ногой. Уже стемнело. — Закончил свою речь Диего Хорхе тоном, не терпящим никаких возражений.

В гневе Верпетий резко поднялся из-за стола:

— Вы едите пищу, не пригодную в пост. Молитесь тогда, когда Вам будет угодно. Попираете заветы Божии на каждом шагу, и вы — главный инквизитор провинции Марло-Сеньтьоре?! Как это возможно? Если вы знаете, с какой целью я здесь и вам это неприятно — то почему же не могли отказаться от моих услуг в тот же день, как только вам разрешено было покинуть монастырь??? К чему же эти игры в неортодоксальные взгляды, когда вы отвергаете авторитет Святой Церкви как таковой, и даже имя самого Его Святейшества епископа Корнетти для вас — пустой звук. Не скрою, епископ рассказал мне много чего такого, от чего кровь в жилах простолюдина застыла бы, не дожидаясь вечера Святого Крещения. Но это не значит, что я не в силах

постигнуть всего того, о чём вы тут рассуждаете — не прибегнув для этого к отречению от Святых Истин. Наш мир земной — загадка, это верно. Однако столп, на котором он держится — заслуга Бога и Его Святого Сына, и только их. Ничто не сможет убедить меня в обратном. Спокойной ночи, сеньор Мануэль.

Подчеркнув голосом обращение к священнослужителю как к человеку светского мира, Верпетий, не дожидаясь упрёков и окриков инквизитора — покинул столовую, а заодно и сам его дом.

— Посмотрим, как ты запоёшь завтра — мой мальчик, — вполголоса сказал Мануэль. — Ну что ж, ты хотя бы честно раскрыл свои карты — несдержанность не в числе твоих плохих черт, — ухмыльнулся про себя инквизитор. — Интересно, что сказал бы Корнетти, узнай он, что ты раскололся словно гнилой орех, в первый же день. Наверняка, не ожидал бы такой прыти от затхлого библиотекаря. Однако следует его остановить — он не знает, как опасно на здешних улицах с наступлением темноты, ещё наделает глупостей. А мне всё же может понадобиться ассистент — не хотелось бы переплачивать наёмнику, тем более что юнец более осведомлён в том, что ему предстоит увидеть, и это — весьма ценное его достоинство. Будем надеяться, он не закричит.

С такими мыслями, Мануэль стянул со своих, загрубелых от частого письма и экспериментов с химическими веществами рук тонкие перчатки и, окликнув слугу и попросив отнести свиток обратно в его кабинет, вышел из дома, прихватив с собой тёплый плащ на меху. После чего отправился искать нерадивого монаха-библиотекаря на улицах своей деревни.

* * *

Ночью Мануэль спал скверно. Впрочем, как и Верпетий, чьи пьяные выкрики оглашали дом инквизитора вплоть до самого рассвета. Священнику удалось найти монаха целым и невредимым, но не в церкви, куда он так хотел попасть — а в распивочной, где к нему успела пристать некая девица лёгкого поведения, когда Мануэль вовремя подоспел и успел-таки «спасти душу» своего «лжеученика» от падения. Досталось монаху по дороге назад порядочно — одних только оплеух и подзатыльников он получил не меньше десяти порций, а уж как инквизитор ругался… Скажем так, Верпетий не ожидал, что столь уважаемый Церковью человек может употреблять такие выражения. Свалив несчастного библиотекаря на постель словно

куль со старой мукой, Мануэль поклялся себе, что лучше он в старости станет стричь овец на городском скотном дворе, чем когда-нибудь заведёт себе настоящего ученика.

— Подъём в пять утра, и чтобы ты к этому времени был умыт, сыт и говорил членораздельно — не то, отправлю тебя обратно к Корнетти с сопроводительным письмом известного содержания, — пригрозил инквизитор молодому монаху. — О, не переживай, я тщательно опишу Его Святейшеству все твои подвиги, без исключения! Так что уж будь добр — протрезвей поскорее! — Рыкнув, инквизитор ещё раз пнул мямлящего какую-то околесицу библиотекаря, после чего, сплюнув на чисто подметённый пол, покинул опочивальню Верпетия.

Утро было тяжёлым для обоих.

Верпетий, потупив взор, молча следовал за Мануэлем по длинному коридору, напоминавшему сточную трубу. Запах был невыносимым, но монах стойко держался и терпел все неудобства, не решаясь даже заикнуться о чём-то, не говоря уже о том, чтобы выразить своё недовольство каким-либо иным способом. Протрезветь до конца он так и не успел, как и не успел умыться или позавтракать. Инквизитор сам пришёл за ним, и буквально за шиворот вытащил из постели ничего не соображающего юного библиотекаря. Когда тот, ещё находясь, вероятно, под воздействием вина попробовал возразить Мануэлю и залезть обратно под одеяло — то получил от своего новообретённого наставника такой удар по уху, который заставил бы содрогнуться даже самого Святого Себастьяна — не меньше. Сейчас Верпетий только молча потирал разбухшее и покрасневшее ухо, и всерьёз начал задумываться над тем, что путь священнослужителя, скорее всего, не предназначен ему свыше. И по-хорошему, следовало бы оставить всю эту затею с постижением истины, а стать, как его батюшка — простым и честным крестьянином, вернуться в свою провинцию и заняться ведением домашнего хозяйства, в частности, Верпетий всегда считал, что у него имеются неплохие склонности к земледелию.

Коридор, в котором пахло так, словно все фекалии деревни спускались в него, являлся ничем иным как знаменитым «Подземельем Мануэля», находившимся аккурат под самым его домом. Верпетий был наслышан об этом туннеле и о том, сколько безвинных душ провели по нему прежде, чем заставить их мучиться сначала в камерах и так называемых «опытных комнатах», а затем — на виселице или, что выбиралось чаще всего, на костре. Но, как говорилось выше, монах не смел ничего ни возразить, ни спросить у своего учителя, а потому единственное что ему оставалось — хранить «обет молчания» до

тех пор, пока они не придут туда, куда им следовало прийти.

Дойдя до конца коридора, Мануэль вытащил из кармана своей длинной шерстяной сутаны увесистый ключ, и, открыв находившуюся в конце пути дверь, знаком пригласил Верпетия следовать за собою. За небольшой овальной дверью находился ещё один коридор — гораздо шире и длиннее предыдущего. Но если первый был пуст, то второй — часто усеян маленькими крепкими железными дверцами, тянущимися ровными рядами по обеим сторонам коридора. Верпетий догадался, что это были те самые камеры, в которых и содержали приговорённых к смерти, и над которыми проводил свои бесчеловечные опыты инквизитор. К удивлению монаха, сейчас камеры были абсолютно пусты — ни страшных криков, ни подозрительных шорохов слышно не было, кругом царила абсолютная тишина. И только дикий, не похожий ни на один другой — терпкий запах смерти давал понять вошедшему, какое это было место.

Остановившись рядом с одной из камер, Мануэль, ставшим уже привычным движением, перебрал ряд ключей и, не глядя, выбрал один из них. После чего вставил его в замочную скважину и повернул. Лёгкий хруст ключа в механизме говорил о том, что замок давно не смазывали, и окончательно подозрения Верпетия подтвердились, когда Мануэль начал медленно отворять тяжёлую дверь — она поддавалась очень неохотно, с жалобным, разрывающим душу скрипом. Это была первая из «опытных комнат» Мануэля.

— Почему вы не ухаживаете за петлями и замочным механизмом? — решился задать вопрос монах.

Инквизитор улыбнулся, проходя внутрь:

— Очевидно, это сделано для того, чтобы тот, кто сюда попадёт — не мог сразу выбраться…

— Но ведь это очень опасно, — неуверенным голосом возразил Верпетий. — Раз не сможет выбраться пленник — значит, и вы окажетесь, в некоторой степени, запертым наедине с ним. Что, если он от отчаянья решит напасть на вас — совершить последнюю, горькую попытку освобождения через убийство?

Верпетий прошёл вслед за священнослужителем. Внутри камера была полностью превращена в лабораторию — посреди помещения возвышался широкий длинный стол из железа. С него свисали четыре стальных цепи (довольно толстых) с правой стороны, и — четыре кожаных прочнейших ремня — с левой. Повсюду были маленькие столики и комоды с различными стеклянными и глиняными колбами, в некоторых из которых можно было разглядеть жидкости самых разных цветов: от фиолетового до ядовито-зелёного. Несложно догадаться, что

внутри комода, в ящиках, находились некие химические или (как подозревал Верпетий) алхимические вещества, при помощи которых и достигался подобный эффект.

Стены были полностью обиты листовым железом — невероятно дорогим и редким для того времени материалом. Как видно, Мануэль действительно получал хорошее жалованье от Совета, раз мог позволить себе оборудовать собственную лабораторию не хуже, чем королевские учёные. Однако более всего Верпетия впечатлили орудия пыток, разложенные на одном из низких деревянных столиков, рядом с «основным» местом для опытов. На гладкой, до блеска отполированной деревянной поверхности были аккуратно разложены хирургические инструменты — по большей части ланцеты разных форм и размеров, а также несколько видов молотков, щипцов или зажимов, и парочка настоящих стальных пил. На кончиках зубцов одной из них монах заметил маленькие, едва заметные тёмно-бурые капельки — его чуть не вывернуло наизнанку прямо на глазах у Мануэля.

Подняв глаза, Верпетий обнаружил десять крюков различных размеров, семь из которых свисали на огромного размера цепях и имели специальные, также железные, крепления. Очевидно они служили для того, чтобы можно было регулировать высоту, на которую подвешивалась словно кусок окорока — жертва. Что же касалось бытовой утвари, то на каждом из столов неизменно присутствовали глиняные и фарфоровые мисочки: от крохотных — для «сыпучих» смесей — до больших и глубоких блюд, способных вместить в себя не менее двух куриных тушек зараз. Верпетий сглотнул подкативший к горлу липкий, кисло-солёный ком, и попытался не думать о том, для каких целей могли эти блюда предназначаться на самом деле.

— Добро пожаловать во Дворец Истины и Правосудия Божьего, — нарочито вежливо вымолвил Мануэль. — Прекрасное оборудование, как ты находишь, сын мой? И, отвечая на твой вопрос — нет, пленники не нападают. Им это становится не нужно к концу эксперимента, — загадочным тоном добавил инквизитор.

И Верпетий понял, что те, кто роковым образом оказываются здесь — не доживают до момента, когда их могут выпустить из камеры. Либо они становятся настолько слабы и изувечены, что уже не в силах сопротивляться и единственное, чего хотят — это попасть обратно в свою сырую темницу, только бы не видеть горящих фанатичным огнём исследования глаз инквизитора.

— Не будем терять времени, нам многое сегодня предстоит успеть, — сказал бодрым голосом Мануэль, и, подойдя к одному

из высоких шкафов, открыл его и легким движением достал из него что-то длинное и тёмное. — Сейчас от тебя будет больше пользы, если ты займёшься вот этим. — Добавил инквизитор.

Верпетий испугался, вдруг отец Мануэль решит пронзить его прямо здесь одним из своих ужасных орудий? Недаром же он был так торжественно-молчалив во время пути сюда — вероятно, давал возможность неразумному монаху попрощаться с жизнью и попросить у Бога прощения за все совершённые в своей недолгой жизни грехи? Но его опасения были напрасны — Мануэль обернулся, и кинул что-то в руки молодого библиотекаря. Юноша растерялся, но природный рефлекс взял верх — и он невольно поймал предмет. Каково же было его облегчение и счастье, когда он понял, что у него в руках — самая обыкновенная метла. Инквизитор выразительно посмотрел на него, но, увидев за секунду до этого неподдельный страх — громко рассмеялся:

— Верпетий, друг и ученик мой, ты что же — решил, что я собираюсь тебя убить?!

Он снова захохотал, и громкие раскаты его смеха разнеслись по камере словно хлопанье крыльев множества больших птиц. Верпетию стало стыдно за священнослужителя, стоящего перед ним — всё же они находились в месте, где боль и страдание требовали свою умеренную цену за спокойствие находящегося здесь человека. И тишина являлась той самой «золотой монетой», что смерть получала в уплату за уважение к узникам. Даже если их здесь сегодня и не было.

— Мне нужно убраться здесь? — невинно спросил юноша.

— Всё верно, сын мой. Подмети здесь всё, в соседней же камере (она открыта сегодня) — ты найдёшь ведро с чистой водой и пару тряпок. Вымой хорошенько все рабочие поверхности: стол, шкафы и все инструменты не забудь протереть — нам нужна идеальная чистота, — с особым ударением на последнее слово произнёс Мануэль.

— Вы собираетесь проводить здесь сегодня какой-то эксперимент? — чуть дрогнувшим голосом уточнил монах.

— Не я, а мы — сын мой. Мы проводим сегодня вечером эксперимент, и притом — весьма и весьма важный, — взволнованным голосом ответил старший священник. — Поэтому постарайся сделать всю работу хорошо, не пропусти ни одного пыльного угла — это может оказаться залогом спасения твоей жизни.

Диего Хорхе усмехнулся, а по спине Верпетия от этой усмешки резвой «рысью» побежали мурашки. Корнетти предупредил молодого монаха, что Мануэль собирается проводить опыты над очень могущественной представительницей

колдовского рода, и его прямая обязанность — присутствовать во время этого действия. После чего подробнейшим образом описать всё увиденное и отправить эти записи Корнетти. Отдельным пунктом, в письме следовало описать реакцию самого Мануэля на всё, что будет иметь место происходить в этой жуткой камере. И выразить личное, Верпетия, мнение — объективна ли реакция инквизитора, либо здесь угадывается сугубо личный интерес к делу? Верпетий, в свою очередь, абсолютно не представлял себе, каким образом он сможет понять чувства и мысли отца Диего Хорхе — слишком уж непредсказуемым было его поведение в повседневной жизни. Оставалось только догадываться, как он себя поведёт во время эксперимента, который, впрочем — очень важен для него, так он сказал. Не может ли уже это служить одним из признаков того, что отец Мануэль заинтересован в этом деле больше, чем то следует его сану?

Все мысли промелькнули в голове у монаха не более, чем за секунду. Единственное, в чём он был твёрдо уверен сейчас — это необходимость присутствия во время опыта. А потому, ему не следовало вызывать в отце Мануэле гнев, раздражение и иные плохие чувства, способные разубедить его в том, что Верпетий необходим ему сегодняшним вечером. Напротив, стоило проявить усердие и покорность, и тогда, возможно, он сможет достичь своей цели. Смиренно склонив голову, молодой человек произнёс:

— Я исполню всё, что вам будет угодно. Учитель, — скромно добавил он.

Инквизитор вновь усмехнулся, но на этот раз — снисходительно:

— Вот это верный разговор, сын мой. — Довольным тоном произнёс он. — Спокойствие и Смирение прокладывают нам надёжную дорогу на пути постижения Мудрости, — напутствовал священнослужитель.

Перекрестив склонённую голову монаха, отец Мануэль благословил его на «праведное дело», а сам ушёл проведать испытуемую — как он называл заключённую в здешних стенах ведьму. Верпетий заранее ощутил волну сочувствия к пленнице — каким бы страшным существом она ни являлась, он был уверен — пытки, приготовленные для неё отцом Мануэлем были ещё страшней.

Глубоко вздохнув, монах монастыря Святого Себастьяна приступил к уборке «опытной комнаты».

Подходя к камере Альберты — колдунья всё ещё находилась взаперти в построенном специально для неё бункере, отец

Мануэль был на удивление спокоен. Открывая четырёхгранным ключом тяжёлые железные ворота, он как обычно, ощутил лёгкий трепет удовольствия — однако на этот раз это было скорее восхищение самим помещением, нежели тем, кто в нём находился. Инквизитор дал себе слово не вести больше с ведьмой долгих разговоров, а всего лишь сухо и быстро известить её об участи, что ждала её в будущий вечерний час. Перекрестившись по обыкновению три раза перед тем, как войти внутрь, Мануэль почувствовал себя целиком и полностью под защитой Божией и воля его стала тверда как камень. «Всё, хватит с меня дьявольских чар — довольно Альберта уже наигралась со мною. Пришёл мой черёд — устанавливать правила игры», — подумал инквизитор, входя внутрь и окидывая взглядом гигантских размеров стеклянный куб. Венецианское закалённое стекло, как и всегда, выглядело великолепно. Литые стены куба едва слышно звенели от наложенных на них древних молитвенных заклинаний. Со времени отсутствия священнослужителя мало что изменилось, ведь как он и обещал, его не было не более чем три дня. И вот — разрешение на проведение «эксперимента» получено, а козни Нечистого, что грязная ведьма посылала вдогонку слуге Божьему — не возымели над ним необходимого ей действия. Пришло его время — время узнать всю правду об истинном источнике ведовства.

Когда священник бегло оглядел пространство стеклянной темницы, ему на миг показалось, что она пуста. Тяжёлые занавески балдахина были распахнуты настежь, однако на кровати никого не было. Пустовало и место за дубовым обеденным столиком, где обычно принимала пищу осужденная. Мужчина запаниковал. Обежав куб по периметру во второй раз, Мануэль окончательно убедился — там никого не было. Вне себя от удивления, инквизитор стоял посреди камеры, глядя пустым взглядом внутрь куба. Он утратил дар речи. Простояв таким образом несколько долгих минут, Мануэль резко развернулся на каблуках и уже готов был «вылететь» из камеры в поисках узницы, когда услышал вдруг нежное, тихое пение, раздававшееся откуда-то из глубины темницы.

Мануэль не смел верить своим ушам. Послушав пару мгновений, и убедившись, что голос принадлежит тому, кому он должен принадлежать — священник медленно обернулся обратно к кубу. Напряжённо вглядываясь в его пространство, он, наконец, смог различить среди прочих предметов тончайшую, серебристо-серую дымку, больше похожую на тень от призрака. Сосредоточившись ещё сильнее, мужчина смог определить, что дымка напоминает женский силуэт, причём силуэт этот явно

находился в движении.

Инквизитор потёр уставшие глаза, а когда вновь поднял их на кубическую комнату — обомлел: на полу, рядом с противоположной от него самого стеной сидела ведьма Альберта и, по-прежнему напевая, расчёсывала свои длинные чёрные волосы. Но не это так поразило Мануэля — тело девушки было полупрозрачным! Он понял, что женский силуэт принадлежал ей, но это было неправильно: в кубе полностью исключалась возможность проявления каких-либо паранормальных способностей! И всё же — он своими глазами наблюдал, как серебристая дымка постепенно сгущается, обретая всё более чёткую форму. А затем — как бы наполняется неким густым веществом, наподобие алхимического эфира. И вот перед ним сидит уже вполне оформившаяся фигура, с той лишь оговоркой, что выглядит она несравнимо более бледной и тонкой, нежели фигура обычного человека. Мануэль не мог с уверенностью утверждать — являлся ли представший ему образ живым человеком, или то был лишь мимолётный мираж, в то время, как его обладательница уже давно находилась в другом, далёком от провинции Марло-Сеньтьоре месте.

Альберта прекратила пение — её хорошенькая маленькая головка повернулась прямо к инквизитору, и, улыбаясь бледным, почти невидимым ртом, спросила тихим, очень ласковым голосом:

— Вы вернулись домой, Отче?

Мануэль молчал, чувствуя, как в его груди закипает ядовитый гнев.

— Это хорошо, — невинным голоском продолжила молодая женщина. — А то я уже начала скучать…

Глаза цвета антрацита внимательно смотрели на священнослужителя, словно пытались прочесть всё, что было у того на сердце. Инквизитор быстро опустил глаза и стал усердно разглядывать полу своей сутаны.

— Я пришёл сообщить, что всё готово для последнего эксперимента, — ровным чётким голосом начал он. — Скажу тебе правду: я не надеюсь на то, что твоя жизнь не прервётся во время моего исследования. Так что, если тебе дорого то, что праведные люди зовут душой или то, что вы — ненавистные Роду Человеческому, называете сущностью — настоятельно советую помолиться тому, кто у вас за неё в ответе. Подготовься — сегодня вечером судьба твоя будет решена.

В ту же секунду он скорее почувствовал, чем услышал, как внутри куба пронёсся лёгкий ветерок — и это ещё больше встревожило инквизитора. Она стояла, как и тогда, прямо

напротив него — её взгляд буквально заставлял Мануэля поднять на неё свои собственные глаза. Не удержавшись, мужчина подчинился, и — тут же пожалел об этом. Чёрные омуты сразу «заглотили» всё внимание священнослужителя, а маленькие синие огоньки внутри зрачков словно приковали к себе его бедный, не способный сопротивляться такой силе разум. В тот же момент Мануэль осознал, что руки его прижаты ладонями к стеклу, и ровно также были прижаты к нему ладони Альберты — они словно прошли насквозь, и Мануэль ощутил мягкое тепло, исходящее от ладоней прекрасной колдуньи.

— Я вижу всё, что тебе пришлось пережить по пути в монастырь и обратно, — голос Альберты раздавался не внутри куба, но внутри головы инквизитора. — Ты даже не представляешь себе, насколько порадовал меня…

Она легонько дыхнула на стекло, которое тут же запотело — однако на нём не проявилось ни одного старинного символа. Как будто и не было сотен и сотен древних молитв, намертво запечатывавших это место.

Сознание Мануэля отчаянно старалось вырваться из созданной ведьмой западни, но тело его словно окаменело, а ощущение позора за собственную слабость лишь усиливало чары колдуньи. Вдобавок, он совсем перестал чувствовать крестообразную отметину на левой руке, и ему просто физически не на что было опереться своей вконец истерзавшейся волей. Боль спасла его однажды, но почему же она не приходит на выручку сейчас, когда её сила так нужна Мануэлю, дабы суметь обратиться к Святой Молитве?

Всё было тщетно. Разум Мануэля не мог произнести спасительных слов, он лишь глубже и глубже погружался в то непонятное состояние, которое «насылала» на него Альберта.

— Ты — мой, — шептал голос у него в голове. — Не стоит сопротивляться, лучше прими ниспосланное тебе и сбрось эту глупую маску…

— Пусть лучше меня пронзит молния на этом самом месте, и Господь унесёт мою грешную душу, чем я подчинюсь воле выродка… — Попытался мысленно произнести отец Мануэль. — Не ты дала мне ум и волю — не тебе и отнимать их у меня…

«Почему же стекло не останавливает её силу?», — успело промелькнуть в голове инквизитора, как в тот же миг он ощутил, что его тело в прямом смысле «вдавливается» в стену куба, а стекло под ним постепенно начинает таять как сахар на разогретой сковороде. Притяжение Альберты становилось всё более устойчивым, пока Мануэль, наконец, не понял — его собственное бренное тело и воля целиком и полностью

управлялись волей чёрной ведьмы. И она, похоже, собиралась выбраться отсюда с его помощью. Точнее, с помощью его трупа, способного раздавить заговорённое стекло.

— Диего, — томно «произнёс» разум узницы. — Неужели тебе не хватило знаков, полученных на дороге и в том мерзком приюте лицемерия и ханжества?

— Каких знаков? То было искушение Дьявола, а уж никак не твоих рук дело — слаба ты для таких фокусов, ведьма…, - Слабым шелестом откликнулся мысленный голос священника. Тело его в это время уже практически наполовину погрузилось в стену куба, а ладони его рук полностью «срослись» с ладонями колдуньи — именно так она усиливала происходящий между ними контакт.

— Не спорь со мной, и не ври самому себе — это бессмысленно, — вслух произнесла Альберта. Её тело теперь не было прозрачным — оно словно черпало краски из угасающего инквизитора. — Взгляни правде в лицо — ты один из нас… Точнее, был, да только недолго тебе осталось топтать своими глупыми ногами эту прекрасную землю…

Ведьма услышала вопрошающую пустоту в мыслях священника. Её глаза были настолько близко к глазам отца Мануэля, что ресницы обоих «сплелись» в предсмертном объятии.

— Потому-то и ослабла сила куба, что рядом с ним находятся двое из нашего племени. А вскоре останется только один…, - загадочно произнесла она. — Я так ждала, когда моя сила найдёт отклик в ком-то, кто будет достоин разделить её со мной, но я совершенно не ожидала, что ею будет обладать тот, кто по своему роду занятий должен уничтожать себе и мне подобных… Священник, — прошипела она. — Зачем тебе это было нужно?! Мы могли бы связать две нити в одну и утроить мощь этого рода, но ты предпочёл убить меня, отчаянно выискивая во мне признаки себя самого! И ты ведь не остановишься, я знаю, пока ослеплённый неведением, не доведёшь начатое до конца. Поэтому мне так жаль, что придётся пожертвовать твоей жизнью, когда моя не столь ценна для клана…

Рука к руке, глаза в глаза — они были столь близко, как не бывают даже самые страстные любовники. Мануэль чувствовал непреходящее влечение к стоящей перед ним женщине, и в то же время — ощущал неведомую ему ранее мощь её и собственного своего тела. Они словно звенели в унисон, словно дрожали с одинаковой амплитудой внутренней страсти… Но её слова — какое богопротивное предательство и ложь!!! Смрадом повеяло в голове инквизитора, и он содрогнулся, когда понял смысл сказанного ведьмой. Куб был рассчитан на отражение и блокировку силы одного — самого мощного в стране колдуна. Но

он никак не был рассчитан на присутствие в помещении двух существ одинаковой породы — но этого не может быть!!! Он — Диего Хорхе Мануэль, от самого своего рождения знал точно и однозначно, что он — Человек. И осознание этого было одной из самых важных вещей в его жизни. И то, что говорит это отродье — всего лишь воспалённая ложь, стремящаяся сгубить его отходящую к богу (в чём он был уверен) душу.

Альберта ощутила натиск последней волны гнева и ненависти отца Мануэля. Говорить он уже не мог, а потому общался с ней только посредством обмена мыслями. Его тело уже почти полностью прошло трансформацию и насытило её энергетическое поле — сквозь него вполне можно было пройти, минуя телесную и ментальную оболочки. Пройти по пути к свободе. Мануэль был похож на плоскую бумажную куклу, как будто его сначала нарисовали цветными карандашами на бумаге, а потом неумело вырезали — по сути, он был уже почти мёртв. В нём не осталось ни жизненных, ни каких-либо сил вообще. Поэтому последняя волна эмоций считывалась девушкой особенно чётко — она явственно различила его последние мысли:

— Никогда, никогда я не поверю в то, что в моём теле не было и нет души — Божественного Дара нашего господа! И никогда я не относился к колдовству или магии иначе, как к чернокнижию и мракобесию. У меня для него один приговор — СЖЕЧЬ НА КОСТРЕ!!! И ты не смеешь, не смеешь сравнивать меня с собою или мешать со своим бесовским народцем. Я — НЕ КОЛДУН И НЕ ВЕДЬМАК, Я — ИНКВИЗИТОР, КАРАТЕЛЬ — понятно тебе??!!! Никогда я не позволял себе заходить дальше, чем то положено наукой и богом, а если и желал узнать корни твоей природы — то для того лишь, чтобы иметь возможность беспрепятственно уничтожать и очищать землю от таких как ты!!!

Бескровные губы отца Диего Хорхе Мануэля скривились, и из последних сил «выплюнули» из себя чуть слышный вздох. И вздох этот являл собой одно лишь слово: «Ненавижу». После чего свободомыслящий инквизитор испустил дух. Краем угасающего сознания он успел услышать:

— Ты совершенно прав, Отче. Никакой ты не колдун — как и я…

Испустив душераздирающий крик, который способен был пошатнуть стены подземной крепости, Альберта «прорвалась» сквозь бумажное тело Мануэля — оставив позади себя лишь ошмётки чего-то пёстро-красного, похожего на разорванную шёлковую ткань. Оказавшись вне стен куба, Альберта упала на колени, тяжело дыша — в висках и запястьях дико пульсировала кровь. При выходе из нейтрализующей среды это ощущалось

особенно остро. Как и то, что теперь в её теле силы больше, чем когда-либо.

Наконец-то она сможет уйти из этого страшного селения и вернуться к себе на Родину — в Рим! Пускай она не выполнила задания так, как то было необходимо — не привела с собой Мануэля, но у неё на это имелась весьма веская причина: он хотел препарировать её живьём, точно лягушку, и иного пути к спасению, кроме как отнять его жизнь, она в тот момент не видела. Но всё же — часть его скрытых способностей теперь у неё, а это значило, что она может попытаться его воскресить. Что было очень рискованно, ведь она теперь точно знала его будущую реакцию: он не понимал, кто он, и не хотел принимать свою новую сущность. С другой стороны, теперь у него уже не будет выбора — как и силы, которую он вполне мог бы применить против неё, если бы знал, каким образом «запускается механизм». Альберте нравилось быть любимой дочерью и единственной представительницей своего вида, конкуренты (а уж тем более «уготованные Судьбой» мужья) были ей совсем ни к чему. Но…

Отец наверняка расстроится, если узнает, что она не смогла сохранить его новому Сыну жизнь, а потому у неё не остаётся иного выбора, кроме как… вернуть этому глупцу часть Силы. Остальное он сделает сам, только потом долго будет гадать над тем — как же так получилось, что он словно Лазарь восстал из мёртвых. Впрочем, это уже не её задача, пусть отправят сюда того, кто сможет ему всё объяснить, не прибегая к помощи ланцета и крюков…

С этими мыслями, Альберта наклонилась к тому, что когда-то было отцом Мануэлем, и аккуратно собрала все останки в один небольшой ком. Протирая его сквозь пальцы таким же образом, как если бы она замешивала тесто, молодая женщина произнесла длинное и витиеватое заклинание на одном из забытых языков прошлого. Когда слова мерным потоком лились из её ярких губ, стены куба начали звенеть всё громче и громче, одновременно с ними начал дрожать и замысловатый, свинцово-деревянный пол. Обитые железом стены камеры будто вибрировали, издавая мерное гудение. Альберта улыбнулась:

— Хм, похоже, вы и впрямь личность незаурядная, Отче. Мы с вами как два противоположных магнита — создаём гармонию в диссонансе, — сказала она, обращаясь к жалкому комку алого цвета. Крови на её руках он не оставлял, однако был влажным и липким — как только что выстиранная простынь.

Гудение усиливалось, и Альберта боролась с сильным желанием поместить то, что осталось от инквизитора, в стеклянный куб — в стене, что была прямо напротив неё,

очерчивался широкий овал. Как раз такой, чтобы в него мог пройти человек столь же высокого роста, как и отец Мануэль. Края его были оплавлены — именно отсюда и вышла злополучная красавица. Но, ощутив маленький болезненный укол совести, девушка не стала осуществлять задуманного, а просто перенесла заговорённый ком подальше от входных врат — чтобы инквизитор, когда «придёт в себя», не смог сразу же выбежать за ней наружу.

Как только она опустила кровавый клубок на каменную поверхность темничного пола, внутри него сразу же началось некое движение. Собранные ранее вместе, лоскутки стали быстро разворачиваться и увеличиваться в размере — точно лепестки некоего хищного растения, распускающиеся ради удачной охоты. Медленно, на них начали образовываться белые прожилки — таким образом отрастала мышечная ткань. Через каких-то полчаса должны были полностью сформироваться кости, а затем новообретённый скелет Диего Мануэля покроется мягкой тканью и эпителием, вернув его владельцу первозданный облик. Единственное, чего не будет хватать, так это одежды — но она, к сожалению, не восстанавливалась, поэтому появиться перед своими слугами Мануэлю грозило в полном неглиже. И этой части Альберта была особенно рада.

Не желая дожидаться полного восстановления священника, Альберта подняла с того места, где произошёл их с Мануэлем контакт, толстый четырёхгранный ключ-стержень. Она направилась к воротам с явным намерением запереть священнослужителя и оставить ключ рядом — «Если он будет хорошо кричать, его быстро найдут», — рассудила девушка.

Запирая ворота, и проворачивая ключ в скважине на шестой раз, Альберта неожиданно услышала за своей спиной голос, принадлежащий, естественно, удивлённому до глубины души Верпетию:

— Так это вы и есть великая жрица Альберта де Валуа??? А где же отче Хорхе Мануэль?…

Девушка повернулась, и Верпетий заметил на её правой руке татуировку чуть выше запястья. Она была выполнена чёрными, угольными чернилами и представляла собой широкую чашу, покоящуюся на длинной ножке с поперечной косой перекладиной посредине — весьма отчётливо напоминавшей крест. «Прямо как Святой Грааль», — почему-то подумалось монаху…

Глава 14 Побег (продолжение)

Верпетий протирал большой стол для пыток в тот момент, когда услышал, как из дальнего конца коридора раздался пронзительный женский крик. Испугавшись, что это отец Мануэль раньше срока решил причинить вред несчастной женщине, монах не раздумывая, бросил вымоченную в спиртовом растворе тряпку, которой работал за пару секунд до этого, и огляделся вокруг в поисках какого-нибудь оружия. Вспомнив, что видел в деревянном комоде большой нож для разделывания мясных туш (страшной загадкой оставалось его истинное предназначение) — молодой монах мигом бросился к изъеденному термитами шкафу, и уже через мгновение в его руке красовался длинный нож с костяной ручкой и широким, плоским лезвием.

Бросившись назад по коридору — туда, откуда по его предположению исходил жуткий крик, Верпетий мысленно молил бога о том, чтобы не опоздать и не дать совершиться страшному злодеянию в его присутствии. Добежав до камеры с высокими, выше человеческого роста дверями, юноша остановился точно вкопанный. Ворота были раскрыты настежь, но ни наёмной стражи, ни отца Мануэля поблизости не было. Крепко сжимая костяную ручку потными ладонями, монах тихо прижался спиной к левой открытой двери, зажмурившись, он повторно прочёл основную молитву всех христиан «Отче наш» и быстрым движением вытер мокрые руки о свою холщовую сутану. Ручка перестала выскальзывать из его пальцев, и он несмело пододвинулся к самому краю ворот, за которым начиналось пространство камеры.

Изнутри по-прежнему доносились какие-то тихие, хлюпающие звуки, однако никто больше не кричал. Представив себе самое страшное, Верпетий осторожно выглянул из-за широкой створы дверей — ожидая увидеть гору трупов из подписавшихся на охрану узницы воинов. Однако ничего подобного там не было: посреди камеры возвышался знаменитый «куб Инквизиции», в южной стене которого зияла огромная дыра, по форме напоминающая человека. Края провала имели янтарно-коричневый, близкий к коньячному, цвет, они были словно оплавлены под высокой температурой. Неподалёку от куба стояла девушка небольшого роста, Верпетий мог видеть лишь её спину, но по тому, насколько изящной она была и по тому, как сияли в свете факелов длинные и волнистые волосы, ниспадающие по этой спине тяжёлым водопадом — легко было сделать вывод о весьма привлекательной внешности сей молодой особы. Молодой

человек знал, кто эта женщина на самом деле — епископ Корнетти ясно дал ему понять, что ни к бесовству, ни к какому-либо из проявлений идолопоклонства она отношения не имеет. А потому любая попытка Мануэля выяснить путём своих диких экспериментов природу ведовского дара — заранее обречена.

Хотя девушка стояла к нему спиной, монах чётко видел, как двигаются её белые руки — казалось, она что-то разминала в них. Верпетий понимал, что причинить вреда этой прекрасной женщине он не имеет права, однако крепче сжал нож, переложив при этом левую руку прямо на внешнюю сторону лезвия, так, чтобы удар (если не приведи господи, но придётся его нанести) попал как можно точнее в цель. Заметив в пяти шагах от себя открытую маленькую камеру, монах решил подождать в ней удобного случая, чтобы заговорить с таинственной девушкой и, чтобы не напугать её и не получить вперёд по собственной голове, юркнул в тёмную сырую нору скорее, чем это делает мышь, почуявшая неподалёку голодную кошку.

Когда Альберта вышла из камеры, Верпетий обомлел, увидев, как прекрасно было её бледное призрачное лицо. Она не была похожа на красивых женщин (в привычном смысле этого слова), но от неё исходило некое внутреннее свечение, окрашивающее всю её хрупкую, грациозную фигуру в «невинно-чувственные» и «открыто-сдержанные» тона. Волны внутреннего контраста и вместе с тем простой, физической красоты — сильно взволновали Верпетия. Иначе как «чарами» он не мог назвать те невероятные, но откровенно приятные чувства, овладевшие им в тот момент в маленькой тесной камере.

Дождавшись мгновения, когда девушка начала запирать ворота, Верпетий осмелился выйти из своего укрытия. Щелчки от поворотов ключа в замке были достаточно громкими, чтобы Альберта не могла заметить Верпетия, медленно подходившего к ней сзади.

Когда монах громко спросил её о том, кто она такая и где сейчас находится отец Мануэль, девушка не торопясь обернулась, но, казалось, не была удивлена приходу юноши в той степени, в которой этого следовало ожидать от застигнутой врасплох узницы, собирающейся сбежать из-под стражи. Она посмотрела на Верпетия своими прекрасными чёрными глазами, зрачки которых словно сияли голубым светом далёких звёзд. Монах ощутил странное чувство, подобное тому, как если бы его на минуту подвесили над землёй за ноги, а затем резко поставили обратно. Голова его закружилась, однако он был в состоянии понять, что колдунья пытается подвергнуть его тому же воздействию, которое, очевидно, и оказывалось всё это время на отца Мануэля.

К удивлению молодого библиотекаря, он не почувствовал той странной одержимости, что заставляла его уважаемого наставника видеть безумные образы Нечистого, и отчаянно желать чего-то порочного и недоступного. Единственное, что он испытал и что мог определить наверняка — так это разочарование, с малой примесью отвращения к тому, кто старается проникнуть в его голову, и кого он явно не желал там ощущать.

Внезапная боль заставила его осесть на колени, прямо на каменный ледяной пол. Схватившись одной рукой за свой ноющий затылок (ему казалось, что глаза девушки буквально «пробуравливают» его насквозь), другой он инстинктивно принялся размахивать перед лицом Альберты. Вид дрожащего в руках юноши огромного ножа вновь не произвёл на ведьму никакого впечатления, однако она, видимо, была слегка удивлена реакцией, которое произвело на юношу её колдовство.

— Значит всё, что говорят о вас на проповедях — чистая правда! — Сквозь стиснутые зубы сумел произнести Верпетий. — Вы действительно способны пожирать разум любого — от мужчины и женщины, до зверя и младенца! Вы — дикое создание Бога!!!

Внезапно боль в голове юноши прекратилась. Со стоном, он попытался открыть глаза и взглянуть наверх — туда, где над ним нависло прекрасное лицо его мучительницы. Она чуть присела и взяла его левой рукой за подбородок, правую же она положила на оружие и опустила его остриём вниз — таким образом давая ему понять, что не причинит ему вреда. Юноша снова увидел странную татуировку, так сильно напомнившую ему о Святом Граале. Альберта перехватила его взгляд, и, удивлённо подняв брови, радостно воскликнула:

— Не может быть! Ты — первый человек, который столь быстро понял истинное значение символа! И первый, — добавила она уже спокойным голосом, — кто не называет меня «ведьмой» или «прислужницей Дьявола».

— Это лишь потому, — попытался как можно невиннее произнести Верпетий, — что вы слишком красивы для слуги Врага рода нашего…

— Напротив, так всегда и должно быть, — возразила Альберта. — Потому-то нас и ненавидят и считают пособниками Нечистого, что наша внешняя оболочка во сто крат совершеннее, нежели то приличествует доброму христианину.

Верпетий понял, что кем бы или чем бы ни являлась эта молодая женщина, она явно находится в курсе того, насколько её внешний облик притягателен для всех представителей мужского

пола. «Ведьма» улыбнулась, очевидно весьма довольная собственным остроумием — она и не подозревала, что именно тщеславие и гордыня выдавали в её внешнем виде то существо, которым она была на самом деле. Пусть это существо и не было бесовского племени или колдовской породы. Но это был не человек, в этом Верпетий убедился окончательно.

— Мне нравится твоя лесть и то, что твой разум остаётся для меня закрытым. Это интересно, хоть и возбуждает во мне недоверие, но чем опаснее — тем интереснее, так ведь?

Она погладила монаха по голове, и подняла его с колен.

— Значит, ты говоришь, обо мне болтают на проповеди? — С нескрываемым любопытством поинтересовалась она. — И что же именно они говорят? Небось, рассказывают, как я летаю по ночам над селением в виде огромной чёрной птицы и похищаю маленьких сопливых детей, чтобы потом тайком съесть их на местном кладбище?

Колдунья стала обходить молодого монаха, стараясь получше рассмотреть его с обеих сторон.

— Честно говоря, вы правы — подобной чепухи там хватает с избытком. Но попадаются люди, рассказывающие о вас несколько иначе… Не так, как принято. — Монах смутился, понимая, что сейчас девушка догадается — о ком идёт речь.

— Да ну? И кто же этот «реформатор», позволь узнать? Уж не отец ли наш Мануэль, милый мой юноша?

Альберта остановилась и театрально закатила глаза, прижав при этом обе руки к своей пышной груди.

— Наверное, рассказывал, как прекрасно было бы познать мой дар, и обратить его во благо Верующих? Сколь многого можно было бы достичь, используй он и всё человечество некие особые возможности, присущие моему роду? Как легко стало бы убедить еретиков в том, что только избранным христианам открываются все сокровенные познания, и коль далеко продвинулось бы дело об очищении христианских земель от воинствующих с вашей религий — крестовые походы терпели бы меньше поражений, и, как следствие, больше бы денег оставалось в карманах Святой Церкви…

Альберта изобразила какое-то танцевальное движение, словно кружилась в хороводе, а затем посмотрела в глаза Верпетия самым наглым взглядом, каким только могла смотреть на мужчину женщина.

— Ты и твой отец Мануэль — все вы сосёте грудь Папы, ожидая, когда он снизойдёт до вас и кинет вашей затхлой обители хоть какой-то кусок, — мрачно произнесла она, при этом плавно наступая на Верпетия. — Так кто же из нас «любовник

Нечистого»? Я — родившаяся абсолютно свободной от пут ваших божественных и религиозных папских догматов, или вы — не способные прожить и дня без того, чтобы не свериться с молитвенником? Вся правда в том, что вы думаете, будто служите Богу и таким образом защищаете свою душу от посягательств на неё Дьявола. Но на самом деле, задумайся, быть может ваш бог и дьявол — это одно лицо, коль скоро и тот и другой требуют к себе безоговорочного поклонения и желают контролировать каждый ваш шаг на земле, чтобы потом иметь возможность забрать себе вашу душу в ином мире?

Девушка вплотную подошла к монаху, она с интересом смотрела в его чистые серые глаза, не затуманенные, однако, елеем пыльных толстых догматов. Она видела, что он понимает её не хуже, чем Мануэль, но при этом относится к ней с трепетом — как к чему-то удивительному, чему-то, что не каждый день встречается на твоём жизненном Пути.

С замирающим сердцем слушал Верпетий речи этого загадочного существа. Он не знал, убьёт ли она его прямо сейчас или захочет выслушать его скудный ответ. Кроме того, оставался ещё отец Хорхе Мануэль, чья судьба для него до сих пор оставалась неизвестной. Аккуратно отойдя от девушки назад на пару шагов, юноша остановился — в душе он уже был готов к тому, что прекрасная колдунья кинется сейчас на него и с радостным визгом вырвет у него из груди горячее, трепещущее сердце. Однако Альберта оставалась там, где и стояла — неподвижная словно статуя, она с интересом ожидала мнение Верпетия.

— Я…я… Я — слуга Господа нашего и Иисуса Христа, — неожиданно для самого себя сказал Верпетий твёрдым, уверенным в своей правоте голосом. — Не может быть такого, чтобы и Он, и Враг были суть одно и то же лицо — тогда в мире не было бы столько зла! — Монах храбро поднял тесак и выставил его перед собой, становясь в оборонительную позицию.

Альберта лишь досадно фыркнула — она была разочарована банальным ответом Верпетия.

— Ваш бог гораздо хитрее и умнее, чем вы себе представляете, — едким тоном произнесла она. — Если бы только вы захотели узнать правду, то сильно удивились бы — как вообще можно служить тому, кто сотворил весь этот хаос…

— А что же с Вами? — Резко бросил монах, — На чьей же стороне Вы, раз не хотите признавать своей сущностью — чистое Зло? За кого тогда воюет ваша порода?

Последние слова Верпетий произнёс таким же едким тоном, подражая странному выговору Альберты. Та лишь довольно

улыбнулась:

— Твоя правда, ты умеешь говорить на свободном языке…

— Что значит — свободном? — Вскинулся монах.

— Свободном от условностей твоего сана и твоей веры, — спокойно пояснила Альберта. — Я — на своей стороне. Мой род пришёл издалека, и наш бог — это Учитель, даровавший нам абсолютную свободу выбора — то, чего был сам когда-то лишён, в Великой Войне…

Верпетий молча смотрел на девушку вопросительным взглядом.

— Ты слышал о Люцифере? — неожиданно спросила «колдунья».

Епископ предупредил молодого монаха, что Альберта, вероятно, попытается обратить его в свою веру — если в том будет заключён залог её безопасности. А потому Верпетий, давно узнавший, к какой из сект принадлежит девушка и сделавший для себя все необходимые выводы — попытался изобразить искреннюю убеждённость в данном вопросе.

— Люцифер есть одно из имён Нечистого, и произнося его вслух, вы оскверняете сейчас землю, на которой стоите.

— Не строй из себя дурака, — неожиданно жёстко сказала девушка. — Мы оба понимаем, что такие как ты прекрасно знают всю «историю вопроса», связанную с именем Люцифера. И ты солжёшь мне, если скажешь, что в своей вонючей библиотеке в монастыре Святого Себастьяна не читал втайне от наставника «Легенду о Святом Граале» авторства Вольфрама фон Эшенбаха…

— Откуда Вам известно, где я проходил обучение? — изумлённо переспросил юноша.

— От Мануэля, конечно же, — с ехидной улыбкой произнесла девушка. — Он поведал мне все свои тайны перед тем, как… Ну, скажем так, начать свой новый жизненный путь. — Она подняла глаза, одновременно накручивая на указательный палец прядь волос, её вид словно говорил: «Я не виновата — всё произошло случайно».

Верпетий нацелил нож точно посередине груди узницы. Голосом твёрдым как алмаз и таким же чистым и холодным, он спросил:

— Что вы сделали с отцом Мануэлем? Где он? Отвечайте немедленно, или я вынужден буду применить силу…

Ведьма хитро подмигнула монаху и указала взглядом на камеру с кубом:

— Он там, где и надлежит быть ему подобным, — просто ответила она.

В это время из камеры донёсся сначала какой-то неприятный

шорох, словно на землю высыпали целую гору грецких орехов вместе со скорлупой, а затем раздался сдавленный стон, плавно переходящий в приглушённое оханье.

Верпетий разрывался между тем, чтобы посмотреть, в чём дело и Альбертой, готовой в любую секунду уйти.

— Что это? — только и спросил он.

— Перечитай на досуге «Парцифаля» и трактат «Сияющие» Павла Карпатского — возможно, это изменит твоё мнение, — сказала ведьма и, заволновавшись, поспешила пройти мимо Верпетия, ничуть не опасаясь того.

Однако юноша не мог допустить подобного исхода. Он быстро шагнул наперерез, намереваясь преградить девушке дорогу, и в этот момент случилось неприятное: лезвие ножа случайно скользнуло по руке Альберты, чуть выше предплечья, оставив после себя глубокий, кровоточащий след.

— О, простите, я не хотел, честное слово…, - пытался оправдаться библиотекарь.

Но ведьме, казалось, это было неинтересно. Она мельком заглянула поверх плеча Верпетия — в камеру, и, убедившись, что время на исходе, начала действовать. Не обращая внимания на серьёзную рану, она широко раскинула руки, словно птица, собирающаяся вот-вот взлететь — и в одно мгновение изменила форму. Это было подобно резкому хлопку: девушка «взорвалась» брызгами чего-то серого и в то же время переливавшегося всеми цветами радуги, уже через секунду взору Верпетия предстал бледный полупрозрачный призрак Альберты, парящий над полом на высоте трёх футов. Рана на её руке мгновенно затянулась, не оставив после себя и следа, а чёрные волосы стали неестественно развеваться вокруг маленькой головы, как если бы их законсервировали в бальзамическом растворе.

В последний раз заглянув в остекленевшие от ужаса глаза Верпетия с высоты своего полёта, ведьма повторила:

— Запомни, Павел Карпатский — «Сияющие». — Голос её при этом больше напоминал журчание воды, нежели голос человека, однако Верпетий чётко различал все звуки и слова, обращённые к нему.

Произнеся наставление, призрак бесшумно поднялся вверх, и исчез, «проплыв» сквозь высокий в этой части коридора потолок.

Вне себя от страха, молодой монах вошёл в камеру позади себя. Он по-прежнему держал наготове смоченный в крови ведьмы нож, ибо теперь не знал — чего ему следовало ожидать от этого места.

Стоны и оханье продолжались, но стали заметно тише — очевидно, их источник либо терял сознание, либо просто не мог

подавать признаки жизни громко от терзавшей его боли. Двигаясь на звуки, Верпетий прошёл вдоль южной стены куба, и, немного помедлив, обогнул её. Сквозь стекло не было видно — что или кто находится на западной его стороне, так как видимость преграждал огромных размеров бельевой шкаф.

Как только Верпетий оказался рядом с западной стороной куба, сердце его громко стукнуло и упало, а вместе с ударом сердца из рук его выскользнул и окровавленный тесак, громко звякнув о каменные плиты — в проёме между стеной камеры и венецианским стеклом лежал отец Диего Хорхе Мануэль — животом вниз. Он был абсолютно наг, и кожа его казалась пористой, как у жабы, что рождает своих детёнышей прямо из собственной спины. В образовавшихся на спине инквизитора дырах пузырилась бледно-розовая кровь, она противно хлюпала и разрывалась крохотными яркими каплями, орошая окружающую их плоть. Мануэль стонал, не в силах выдержать страдания, и только скоро перебирал пальцами по полу, как будто пытался что-то с него соскрести.

Верпетий рухнул рядом с Мануэлем и, невзирая на его изуродованное тело, попытался приподнять мужчину. Однако тот снова застонал, и Верпетий услышал, как в горле священнослужителя что-то булькает. Догадавшись, что это, должно быть, выходит скопившийся воздух, монах приподнял голову священника и аккуратно положил её себе на колени. Мгновением спустя, Мануэль громко отрыгнул, и из его рта хлынуло нечто серое, вперемешку с кровью — прямо на сутану юноши. Сдержав вздох отвращения, Верпетий попытался негромко позвать инквизитора по имени — он хотел узнать, помнит ли Мануэль хоть что-нибудь из того, что здесь с ним случилось.

В ответ инквизитор смог лишь прошептать слабым, еле слышным голосом:

— С…спа…спасибо тебе… В…верпетий. Позови сюда Ганса, он… поможет… мне.

После чего голова инквизитора безжизненно упала, и он вновь погрузился в забвение. Однако на этом развитие загадочного состояния священнослужителя не остановилось: челюсть молодого монаха невольно отвисла, когда он увидел, как страшные волдыри на спине отца Мануэля начинают постепенно затягиваться. Они зарастали — в прямом смысле слова! И сопровождалось это действие соответствующими, похожими на чавканье жующей лошади, звуками.

Верпетий не мог более выдержать созерцание этого тела, а потому решил поступить так, как и следовало, и как попросил

сам Мануэль — оставив инквизитора лежать на холодном полу, и предоставив регенерации делать своё дело и дальше, Верпетий стащил с себя сутану и, накрыв ею холодную плоть священника, бросился прочь из подземелья. Он бежал звать того самого, верного юношу-слугу Ганса из столовой. Очевидно, это был единственный человек, который мог помочь отцу Мануэлю в данной, далеко незаурядной ситуации.

Альберта смогла добраться незамеченной лишь до окраины селения. После чего с облегчением «воплотилась» в человеческий облик. На то, чтобы долгое время поддерживать «плазменное» состояние тела, требовалось очень много сил. Как и всякое существо, обладающее магическими способностями, Альберта черпала свою энергию из глубины собственных эмоций. Но сейчас моральный дух девушки был истощён — несмотря на то, что ей удалось произвести на инквизитора «правильное» впечатление, само нахождение в зачарованной стеклянной темнице далось ей нелегко. И опыты, которые Мануэль успел над ней провести, также давали о себе знать — все внутренности девушки ныли тупой болью: это давали о себе знать сера и соляной раствор.

Облокотившись на стену чьего-то старенького соломенного сарая, девушка переводила дух и думала, как поступить дальше. Выход у неё был только один — следовало во что бы то ни стало добраться до Рима, и рассказать обо всём отцу. Он найдёт решение и поймёт, почему ей пришлось поступить с инквизитором столь жестоко. Но, в конце концов, он остался жив, хотя его вера, без сомнения, теперь не была тем устойчивым, непоколебимым оплотом — на который священнослужитель мог опереться в трудный момент.

«Хорошо, этот пункт плана получил своё законное разрешение, — думала Альберта. — Сейчас следует заняться поисками того, кто помог бы мне вернуться домой. И это должен быть человек, далёкий от деревни и её базарных пересудов. Тот, кто редко появляется в самом селении, но при этом является его жителем». Секундой позже жрица нашла решение и этой головоломки. Она знала, что недалеко от деревни, за дальним полем расстилался небольшой лес — охотничьи угодья для частенько приезжающего сюда из столицы герцога. Тот любил поохотиться на местных фазанов и больших, откормленных самой матушкой-природой зайцев, водившихся здесь в изобилии и являвшихся несомненной гордостью лесника, в обязанности которого входило следить за обновлением популяции.

У Фергуса — так звали лесничего, всегда находилась еда и питьё для странствующего путника и он, насколько могла

надеяться Альберта, ни разу не видел её ни на площади — в момент официального оглашения приговора Мануэлем, ни потом — когда через два дня её «прогоняли» через «живой коридор» разъярённых крестьян в дом инквизитора. В селении он появлялся не чаще, чем раз в полгода — пополнить запасы продовольствия и бытовых снастей. И, как припоминала Альберта, последний раз Фергус был на ярмарке за четыре месяца до развернувшихся событий — она хорошо это знала, так как лесник иногда помогал ей собирать те или иные редкие травы. Альберта тогда жила как раз на окраине, за «золотым полем», так крестьяне называли лучший участок здешней плодоносной земли, а потому много раз бывала в лесу и встречала Фергуса. Тот иногда спрашивал её о здоровье и новостях, редко прибывающих из столицы. А порой даже помогал ей найти травы, которые можно было сыскать только в лесной чаще, и тогда Фергус являлся для ведуньи чем-то вроде проводника. В целом, они поддерживали между собой весьма хорошие отношения: он не трогал её, она не интересовалась тем, почему такой сильный и красивый мужчина как Фергус выбрал столь уединённый и монотонный образ жизни лесничего.

Однако главным достоинством лесника, без сомнения, было наличие в его хозяйстве двух отличных, породистых лошадей, на одной из которых он ездил сам — осматривая угодья герцога, а вторую держал «про запас», на тот случай, если конь самого герцога неудачно подвернёт ногу во время охоты (что нередко и происходило с важной персоной, любившей загонять своих длинноногих любимцев до полусмерти). На эту-то «запасную» кобылу и рассчитывала девушка — оставалось только придумать предлог, позволявший ей получить лошадь без особых подозрений со стороны лесничего. Главным для неё сейчас было добраться до Озорио — крохотного городка, от которого до Рима было «рукой подать». До него было три дня пути, после чего можно дать отдохнуть лошади лесничего в местном трактире, а там — продолжить путь и вернуть животное Фергусу в целости и сохранности с кем-нибудь из их слуг.

С этими мыслями Альберта поднялась на ноги в полной решимости тут же продолжить путь, однако громкое урчание в животе и внезапно закружившаяся голова остановили её. Нужно было утолить жажду и хоть немного поспать — иначе ей не пройти и половины дороги до леса Фергуса. Девушка осмотрелась и, не увидев вокруг ни души, вошла в сарай. Надеясь, что хозяевам лачуги не придёт в голову заглянуть сюда в ближайшие пару часов, Альберта забилась в самый дальний угол сарая — туда, где было темнее всего. Накрывшись валявшейся рядом

ветошью, девушка произнесла свою молитву и закрыла глаза, после чего мгновенно уснула.

* * *

Когда Альберта проснулась, на селение уже опустился вечер. На тёмно-синем бархате неба зажглись яркие звёзды, похожие на маленькие сверкающие бриллианты. Длинные перистые облака облегали небо то тут, то там подобно мягкой меховой накидке, небрежно наброшенной на плечи некоей загадочной красавицей.

Девушка осторожно поднялась со своего места, предусмотрительно вытянув перед собой левую руку — если в сарае кто-то был, то он рисковал остаться здесь навечно, если затаился в глубине тени с недобрыми намерениями. Вглядываясь в кромешную тьму соломенной крыши, изредка освещаемой серебряными нитями света только что взошедшего месяца — Альберта одновременно напрягала все свои человеческие (и не только) органы чувств — ей было очень важно знать, что именно находится в темноте. Превратившись в один сплошной сверхчувствительный комок нервов, девушка стояла посреди пыльного грязного сарая, стараясь всеми силами ощутить возможную опасность. Однако сколько она ни концентрировалась — ей так и не удалось ничего ощутить. И это удивило ведунью, учитывая, что отец Мануэль со своим помощником наверняка должны были уже пуститься во весь опор на её поиски.

Простояв ещё какое-то время в темноте, Альберта, наконец, решилась выйти на воздух — так или иначе, но надо было идти дальше. Даже если удача сейчас временно на её стороне, не стоит пренебрегать элементарной осмотрительностью — в любой момент могли подоспеть наёмники Мануэля, а сил, чтобы применить все имеющиеся у неё способности, могло не хватить.

Вновь ощутив противное чувство пустоты в желудке, девушка быстро осмотрела имеющиеся в сарае полки — пищи не было никакой. Тогда Альберта решила не тянуть более время и двинуться в путь, возможно, ей удастся перекусить в доме у Фергуса.

Выйдя наружу, девушка первым делом поела немного снега, чтобы утолить жажду. После этого она побежала мелкой трусцой вверх по дороге, а затем свернула прямиком на поле, рассчитывая пересечь его как можно быстрее и выйти к ночному лесу. Холодный снег обжигал голые ступни девушки, и, пробежав некоторое расстояние, она остановилась. Отодрав часть подола, она обмотала им ноги наподобие коротких чулок, в результате

чего её некогда длинная юбка стала короче вдвое, обнажая нежную кожу белых как молоко коленей. «Лучше выставить на свет немного наготы, чем подхватить воспаление лёгких», — рассудила про себя Альберта, и, наскоро заплетя из своих длинных волос крепкую косу — обмотала ею собственное горло, восполнив таким образом отсутствие тёплой шали. Заткнув свободный конец косы за ворот платья, жрица вновь двинулась по полю мелкой рысцой, словно спешащее куда-то в ночь по своим делам животное.

В лесу ориентироваться было гораздо трудней, чем на просторном белоснежном поле. Отсутствие света Альберта могла компенсировать своим умением видеть в темноте — это было несложно. Однако босые нежные ноги хоть и были надёжно обмотаны, но, тем не менее, отчётливо ощущали каждую веточку и корень, встречающиеся на своём пути. Вскоре ткань полностью изорвалась, и Альберта почувствовала, что оставляет за собой кровавый след. «Нельзя давать охотникам повод заглянуть в лисью нору, — думала девушка. — Придётся рискнуть, но другого выхода у меня нет — надо как можно быстрее добраться до избы лесничего». Закидав красные подтёки свежим снегом, Альберта остановилась и уселась прямо на холодную землю, поджав под себя саднящие ноги. Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, жрица расслабилась и попыталась остановить все мысли, имевшиеся на тот момент в её голове. Успокоив собственное дыхание и почувствовав в сознании приятную пустоту, Альберта стала ждать. Спустя пару мгновений она ощутила, как её тело и разум посылают в глубокую чащу леса тихие, но настойчивые сигналы призыва. Она словно превратилась в дрожащее зеркало водной глади — недвижимое, но наполненное мириадами внутренних потоков, мчащихся с дикой скоростью под поверхностью воды.

Постепенно чувство холода начало притупляться, как и боль в ступнях. Спустя короткое время Альберта добилась того, чего хотела — она полностью отрешилась от своего тела, и теперь её сознание стало абсолютно свободным, и как следствие, способным получить ответ на свой вопрос. И, может быть, удовлетворение поданной просьбы. Альберта смотрела впереди себя невидимым взором, пытаясь поймать тончайшие отсветы возможного ответного видения. Наконец, она узрела — словно вплывшая в поток реки рыба, засиял внутри неё крохотный, но яркий огонёк, означавший домик лесничего, спасительный маяк, возникший в темноте её ментального поля. Вскоре, она ощутила также и ответный импульс, исходящий от старенькой избушки, и это значило, что она двигается в верно выбранном направлении.

Узнав то, что нужно, Альберта начала обратный процесс — времени было не так уж и много, а возвращение в земное тело являлось процессом долгим и не слишком приятным. К тому же, он забирал немало сил. Когда все мыслительные потоки вновь были стянуты в единую точку, собраны под тонкую ментальную кромку сознания — Альберта начала постепенно утолщать её силой собственной воли, воздвигая таким образом внутренний барьер, отделяющий её физическое тело от духовного. Она поняла, что процесс завершился сразу же, как только в голове её промелькнула первая скользкая мысль, а под ногами вновь колючими иголками дал знать о себе снег.

Открыв глаза, девушка вновь увидела окружавшую её ночную тьму. Луна слабо светила сквозь тёмное кружево длинных, иссиня-чёрных веток, отбрасывая густую тень на белую поверхность снежного покрова земли, тем самым создавая ещё больший мрак. И хотя лес был небольшим, однако ночью любая, даже самая безобидная роща, становится пугающей и непроходимой, и этот лес не был исключением. Деревья всегда показывают заблудшему путнику свою другую — тёмную сторону, как только солнце закатывается за зелёную линию горизонта. Это заставляет человека уважать природу, и одновременно указывает на его собственное, совсем не значимое место в круговороте естественной, истинной жизни.

Вдруг, в пятнадцати шагах от девушки раздался громкий треск — казалось, ветки ломаются от сильнейшего порыва ветра, неведомым образом проникшего в эту часть леса. Следом за этим последовал тихий хруст снега — кто-то явно приближался к Альберте, и этот кто-то, судя по широкому промежутку между шагами, был большим и тяжёлым. Девушка вихрем вскочила на ноги, не зная, в какую сторону лучше бежать, чтобы противник не смог сразу её настигнуть. Силы слабели с каждым часом — к сожалению, все существа, имеющие физическую оболочку, должны подкрепляться, а молодая женщина тем более.

Внезапно тяжёлый, зычный, словно церковный колокол, звериный рык прорезал шуршащую тишину леса. Если до этого в воздухе и были какие-то звуки, присущие ночной жизни, то они вмиг стихли. Альберта не верила своему счастью — её просьба была услышана! «Да возблагодарит тебя Свет, о, великий Хозяин леса!», — мысленно произнесла девушка. Ветки впереди неё расступились, и, «разламывая» под лапами хрустящие, переливающиеся в отблесках лунного света снежинки, из чащи вышел медведь. Он был огромным — если бы встал на задние лапы, то в холке достигал бы роста поставленных друг на друга пяти рослых мужчин! И сам внешний вид его был не как у

обычных медведей — шкура имела серебристый оттенок, её цвет был ближе к чёрному, нежели к рыжевато-бурому, как у других представителей вида. И в то же время — на боках ясно различались рыжие подпалины вперемешку с седой шерстью. «Воротник» шкуры медведя был таким же снежно-белым как снег на открытых полях в начале января, а когти на грузных лапах поблёскивали словно стальные. Взглянув на морду животного, Альберта обомлела — глаза, смотрящие прямо на неё, были человеческими! Морда также имела вытянутую, сильно деформированную челюсть, из которой торчали длинные, неестественно острые клыки. Казалось, их заточили специально для того, чтобы живьём сдирать кожу с незадачливых путников, заблудившихся здесь в ночи.

Откуда в таком маленьком лесу такое крупное животное — ответить было трудно. Однако, даже если допустить, что это вовсе не животное, а бог-оборотень, хранитель леса — оставалось только догадываться, как он отнесётся к тому, что его вызвали насильно — против воли вызволив из Царства Вечных Краёв, куда после смерти уходили все люди по представлению Альберты и ей подобных.

Склонившись перед зверем, девушка медленно опустилась на колени и почтенно вытянула перед собой на снегу обе руки, чтобы показать, что она — безоружна и не может причинить ему вреда. Огромное животное фыркнуло, выпустив из пасти клубы зловонного пара, после чего опустило мощную шею и принялось обнюхивать голые по локоть руки ведуньи. Когда зубы медведя оказались в нескольких сантиметрах от её лица, Альберта еле сдержала крик страха — её часть натуры, близкая к человеческой, внутренне вопила от охватившего её животного ужаса перед гораздо более сильным видом. Обнюхав исцарапанные ветками руки, медведь слегка коснулся её кожи своим горячим влажным носом, и Альберта тут же почувствовала, как свежие длинные царапины нестерпимо зудят, покрываясь целебной коркой, обещающей скорое исцеление.

Затем медведь замер в дюйме от шеи девушки и чуть зарычал — Альберта буквально телом ощутила утробное урчание, плавно подкатывающее к пасти зверя. Высунув широкий, в два раза шире, чем у коровы, шершавый красновато-бурый язык, животное лизнуло волосы молодой женщины, попутно зацепив их торчащим клыком. Альберта поняла, что если даже попытаться сейчас перейти в иное состояние — она просто не успеет, ибо будет молниеносно растерзана зубами и когтями страшного зверя. В лучшем же случае, она лишится головы, и это будет милостивая смерть.

Подцепив волосы своеобразным «крюком» из языка и клыков, медведь медленно потянул за них — Альберта поначалу решила, что он хочет задушить её таким образом, однако вскоре поняла, что зверь желает лишь обнажить её шею, чтобы увидеть — не скрывается ли в волосах какое-либо оружие. Жрица тихонько склонила голову набок — помогая зверю освободить себя от пут тяжёлой густой косы, она мысленно молила его о пощаде. Наконец, когда зверь увидел, что ничего, кроме шеи и «пустых» волос у Альберты не имеется — он позволил себе отступить. Ещё раз взглянув на Альберту, медведь издал презрительное фырканье, как будто понял, какого рода существо находится перед ним. Ведунья же не смела не только поднять глаза, но и просто пошевелиться или вздохнуть — молчаливо ожидая, когда чудесный зверь вынесет ей свой приговор.

Краем глаза она увидела, как к ней протягивается когтистая лапа зверя-великана, и мысленно попрощалась с отцом и всем своим кланом. Но вместо того, чтобы одним ударом размозжить девушке голову, медведь тихонько коснулся её, «разрешая» посмотреть на него. Однако и силы «лёгкого касания» хватило для того, чтобы Альберта сильно покачнулась, чуть не упав навзничь перед своим «судьёй». Медленно подняв взгляд, Альберта не увидела в глазах животного ненависти, но и одобрения в них тоже не было. Всё, что она могла прочесть — это презрение и снисхождение к своей породе, и одолжение, высказанное молчаливо в ответ на её искреннюю просьбу.

Зверь наклонился на один бок и недовольно зарычал, давая ей понять, что она может сесть на него. Неловко ухватившись за шкуру, Альберта стала цепляться за шерсть, и то и дело слышала, как медведь недовольно ворчит, готовый вот-вот скинуть свою случайную наездницу. Когда молодая жрица устроилась на мощном загривке животного, то громко взвизгнула — зверь не стал церемониться и рванул что было силы сразу же, как только почувствовал, что она готова к дальнейшему путешествию. Грандиознейшими прыжками, зверь за пару минут преодолел расстояние, которое пешком можно было пройти разве что за ночь. Ветви крепких дубов и свисающие щупальца густой паутины то и дело касались лица Альберты, однако никакой боли или дискомфорта ей не причиняли. Она даже не могла толком сказать, движутся ли они — казалось, зверь летит над поверхностью земли, с такой огромной скоростью они бежали.

Путешествие окончилось весьма неожиданно — медведь резко остановился и скинул Альберту со своей спины так, словно она была надоедливой, досаждавшей ему птицей-чистильщиком, выклёвывающей у него из шкуры мелких паразитов. Жрица даже

пискнуть не успела, как оказалась в глубоком сугробе, головой в снегу. Когда же она высвободилась из холодных и мокрых «объятий», вокруг уже никого не было. Зверь исчез абсолютно бесшумно, как будто был порождением той самой тишины, из которой обычно рождаются жуткие легенды о лесных призраках-людоедах, в облике страшных зверей подстерегающих своих жертв тёмной ночью.

Не успев даже поблагодарить очевидного Хозяина здешних угодий, Альберта мысленно сделала то же самое по отношению к своему непосредственному покровителю — Всевышнему Свету. Кое-как поднявшись, женщина огляделась. К её удивлению и радости, прямо перед ней стояла та самая избушка Фергуса, к которой она так стремилась попасть. Оставалось всего лишь пройти пару шагов и выйти на опушку, огибая толстый ствол какого-то старого дерева, с незапамятных времён стоявшего на этом месте и не имевшего определённой породы. В нём было немного и от дуба, и немного от сосны, и пара веток подозрительно напоминали кленовые, хотя сам Фергус считал их больше похожими на липу — лучше определить не удавалось, ибо ветки эти никогда не обрастали листьями и не цвели. Совсем. Как и всё дерево.

Домик лесничего был небольшим, но крепким — Фергус регулярно обмазывал брусья сосновой смолой, в результате чего им не был страшен ни дождь, ни самая лютая вьюга. Изнутри все брёвна были законопачены овечьей шерстью — таким образом, в домике всегда поддерживалась более-менее сносная температура, и никогда не «водилось» сквозняков. Крыша и оконные рамы были также деревянными, а вот сами окна были затянуты отменным бычьим пузырём — на хорошее сырьё Фергус никогда не жалел денег. Надо сказать, что платили ему прилично — десять золотых в год. Герцог был доволен его работой и знал, что лесник деньги не разбазаривает направо и налево, не спускает на выпивку, но напротив — бережно складывает, задумав, очевидно, большую покупку или переезд в другую страну.

Альберта не знала — дома ли сейчас Фергус, свет не горел да и вокруг было очень тихо. Однако она решилась, и, взявшись за небольшой резной молоток (сделанный больше для красоты, чем для пользы) громко и отрывисто постучала в дверь избушки три раза. Сначала никакого ответа не последовало, но, после того, как девушка стукнула ещё раза два — в доме явственно послышался шорох и звуки разжигаемого огнива. Вскоре в окне загорелся свет и дверь отворилась…

Высокий мужчина смотрел на неё заспанным, ничего не понимающим взглядом. Его тёмные кудрявые волосы до плеч

были сильно всклокочены, а густая борода явно требовала гребня. На нём не было никакой верхней одежды, кроме ночной сорочки из грубого серого холста и укороченных, таких же холщовых брюк. С высоты своего роста он глядел на Альберту словно коршун на цыплёнка и, казалось, может вот так запросто её проглотить. Глаза у него были почти такого же цвета, как у Альберты — с той лишь разницей, что их цвет больше напоминал цвет орехового дерева, в то время как глаза девушки имели абсолютно угольный оттенок.

Альберта никогда не испытывала к лесничему ничего, кроме добрососедского расположения, однако в эту минуту в глубине её женской натуры шевельнулось нечто, отдалённо напоминающее звериную страсть. Она могла бы легко завладеть сердцем этого человека, стоило ей просто пожелать, но некое чувство солидарности одинокого существа по отношению к тому, кто живёт столь же уединённо, мешало ей предпринять какие-либо наступательные действия. Да и не особенно хотелось, ведь если бы Альберта являлась настоящим человеком, она бы предпочла, чтобы такой мужчина как Фергус полюбил её естественным путём — без применения обольстительных чар. Девушка мысленно «потушила» вспыхнувшее на долю секунды пламя, но Фергус, казалось, совсем не заметил дикого огонька, во всяком случае, сейчас его это не интересовало. Растерянность в его взгляде сменилась постепенным узнаванием, и, наконец, искренним удивлением:

— Сеньорита Альберта, что вы здесь делаете? Да ещё в такое позднее время — неужто опять собрались искать травку, что растёт только в полнолуние?

При этих словах мужчина наскоро, как бы невзначай, бросил взгляд за спину молодой женщины — как будто пытался разглядеть кого-то среди деревьев, скрывающегося в темноте.

— Фергус, молю, простите меня — но мне очень нужна ваша помощь. Дело, по которому я здесь — не требует отлагательств, умоляю — впустите меня скорее!

Фергус вновь сконцентрировался на лице собеседницы, затем окинул её с головы до ног одним скорым взглядом. Мелькнувшее в его глазах подозрение мгновенно растаяло:

— Боже мой, да у вас же все ноги в крови! И где же это вы успели так исцарапаться?! И почему без плаща и обуви в такой мороз? Проходите быстрее, сеньорита, пока не подхватили «летучую» болезнь.

«Летучей» болезнью Фергус именовал простуду, могущую перейти в серьёзное воспаление лёгких. Что же касалось обращения «сеньорита», то, насколько Альберта знала, сам

Фергус был родом из Испании и обращался так ко всем незамужним женщинам.

Войдя в тёплое жилое помещение, Альберта невольно расслабилась. Она тут же залюбовалась простотой и уютом, царившим в убежище этого молодого лесника. Большая каменная печь, чем-то напоминающая творения северных народов, давала достаточно тепла для того, чтобы в ней можно было не замёрзнуть всю ночь. Как видно, лесник как следует протопил её перед самым сном, поэтому в комнате стоял приятный дымный полумрак, освещаемый лишь светом большой бледно-жёлтой свечи, изготовленной из овечьего жира. Огромная кровать, рассчитанная на одного человека (но уместиться в ней могли бы и трое), возвышалась в углу рядом с печью — сейчас бельё на ней было смято, похоже, Альберта действительно разбудила незадачливого соседа. Тихонько улыбнувшись, она перевела взгляд на широкий стол, на котором стояли остатки от ужина. Несмотря на замкнутый образ жизни, Фергус был весьма аккуратен в том, что касалось устройства личного быта — на столе имелась чистая скатерть из какого-то недешёвого материала светло-оливкового цвета, а вся посуда хоть и была из простой глины, но в то же время украшалась ручной росписью синего и зелёного цветов. Возможно, лесник расписал её собственной рукой, а возможно — это был подарок его возлюбленной, которая, как догадывалась Альберта, непременно должна у него быть.

— Вы присаживайтесь, сеньорита, — неловко пригласил её мужчина, указав широкой, красной от мозолей ладонью на длинную лавку, вплотную приставленную к столу. — Уж извините, не ждал я гостей в такую тёмную ночь, так что не гневайтесь, что в тарелках осталась еда — я сейчас уберу всё.

Последние слова он произнёс с нескрываемой усмешкой, и Альберте это не понравилось. «А вдруг, Мануэль уже предупредил его, и вся эта сценка — искусно расставленная западня?» — подумала девушка, но вслух ничего не сказала, а аккуратно последовала приглашению Фергуса. Когда он отвернулся, чтобы затворить дверь на засов — Альберта в свою очередь наскоро окинула глазами помещение, одновременно пытаясь «услышать» внутренним чутьём присутствие заговорённого железа, или каких-либо иных особых предметов, призванных остановить действие её силы. Однако ничего такого, кроме разве что железной мотыги да пары лопат (у лесничего имелся крохотный огородик на заднем дворе) она не почувствовала. Усевшись за столом, жрица обратила внимание на множество трав, развешанных на западной стене дома точно так же, как было в её

собственной хижине. Спросив об этом у Фергуса, девушка получила неожиданный ответ:

— Да как же, сеньорита — надо же порой подлечить герцога и его дам, всё ж таки охота — дело хитрое: никогда не знаешь, где зверь свернёт, так что можно и с лошади упасть, и в свой — герцогский капкан угодить. Зверь — существо умное. — Объяснил лесничий, попутно убирая со стола тарелки и ставя на огонь новый котелок с какой-то ароматной жидкостью.

— Ну, а если по-честному говорить, сеньорита Альберта — то ведь и ко мне порой люди приходят — просят помочь от той или иной хвори. Травы-то собирать не только одна вы мастерица, да, видно, и не думаете о людях-то в последнее время — все ко мне бегут, будто другого травника на ближайшие десять миль не сыщется.

О том, что раньше к Альберте и впрямь обращались за помощью больные люди, Фергус знал не понаслышке. Однажды он сам угодил в один из капканов герцога, о которых только что говорил, и, не в силах вылечить себя собственными силами — обратился к девушке. У Альберты имелся особый способ для излечения тяжёлых рваных ран, но вряд ли Фергус пришёл бы в восторг, узнай он, что девушка обмазывала его настоем из жабьих шкурок и сшивала рану нитками, сплетёнными из собственных волос. Поэтому она сначала дала ему кое-какой настой, полностью лишающий памяти и имитирующий состояние глубокого сна, а уж потом провела «операцию». Но главное — лесник остался доволен скорым выздоровлением и о подробностях своего «чудесного» исцеления интересовался редко. Чего Альберте и нужно было.

Что же касалось других людей, то в основном это были странники — не местные жители, знавшие о существовании некоей травницы, ведущей замкнутый образ жизни и не любившей, чтобы о ней много болтали крестьянским языкам. Конечно, люди удивлялись, когда видели перед собой прекрасную молодую женщину вместо морщинистой старушки — но, никто из них не жаловался, когда получал желаемое (а на помощь Альберта, как ни странно, не скупилась). И потому единственную, кроме продовольствия, плату — гробовое молчание о том, что они видели и что с ними было — уплачивали легко и с удовольствием.

После ареста, естественно, никто не мог найти ведунью — её лачугу сожгли вместе со всем содержимым, чтобы ведьма уже никогда не смогла вернуться домой, даже после смерти. Поэтому, узнав о том, что Фергус взял на себя некоторые её функции, Альберта пришла в сильное удивление:

— Неужели вы изучили все травы, произрастающие в здешнем лесу, и знаете в точности — в какой последовательности и в какое время их между собою смешивать? — с долей лёгкого недоверия в голосе спросила удивлённая ведунья. При всём её уважении к леснику и тому, что он действительно был отличным проводником и знал кое-какие вещи о свойствах некоторых трав — Альберта не могла поверить в то, что этот необразованный человек мог быть хорошим целителем или иметь представление об основах взаимодействия с силой — колдовством, как выразились бы другие люди.

— Ну, дорогая моя сеньорита — не только вы умеете с травками обращаться, я тоже знаю кое-что, просто не хотел говорить. Зачем портить вам репутацию? Это ваш хлеб, а мне и своего достаточно. Однако людям нужна была помощь, и вместо вас они находили меня. А как же отказаться, если в силах помочь? Так вот один, второй человек пришёл… А там, гляди-ка, и поднабралось с десяток. — Закончил с улыбкой Фергус.

— Что же, так много? И как же это о вас стало известно всего за неделю? — с шутливой подозрительностью спросила Альберта.

— Так ведь зима на дворе — люди болеют…, - мужчина налил в чашку прекрасно пахнущий чай — именно он грелся в том котелке. — Да я ведь особенного ничего такого и не делаю, в основном, от этих самых лёгочных хворей и лечу. Приходят, приносят детей или девушек молодых — в таком состоянии плохом, просто жалко смотреть: все бледные, исхудавшие — тоньше, чем вы, ей-богу сеньорита Альберта!

Фергус отхлебнул из своей чашки, а Альберта при его последних словах сразу опустила глаза — изящный комплимент, ничего не скажешь! Впрочем, теперь она могла немного успокоиться — судя по всему, простодушный лесничий не был в сговоре с Мануэлем или Святой Инквизицией — иначе его давно выдало бы неестественное поведение. Фергус же был вежлив и обходил опасные темы — как всегда.

Отпив пару глотков чаю, девушка почувствовала, как по телу разливается приятное тепло. Она поняла, что кроме ягод и трав в напитке также присутствует какое-то спиртное. Однако сейчас она была не против того, чтобы немного отпустить собственную бдительность и потому попробовала пошутить:

— Говоришь, привозят много молодых девушек? О, Фергус, да вы должно быть только ради того и вызубрили весь травник, чтобы иметь право беспрепятственно осматривать тех юных особ, что так часто стали нуждаться в вашей помощи в нынешнюю зиму. Хотя, главное, что они не против такого привлекательного «целителя», как вы. Тем более что я уверена — муж из вас

получится просто превосходный…

Альберта почувствовала, как язык её «расплетается» под воздействием приятного чая, а голова начинает кружиться — на голодный желудок этот напиток сильно «ударял» в голову. Что было опасно — девушка могла не успеть воспользоваться силой, или могла, но способности её при этом будут сильно заторможены, и в этом вновь кроется большой риск.

Что же касалось Фергуса, то он отнёсся к шутке ведуньи как-то странно: вся его дружелюбность мгновенно улетучилась, а лицо и взгляд стали вдруг резко «закрытыми» — как будто в один миг лицо его превратилось в лик каменной статуи — красивое, но ничего не выражающее. Альберта заметила этот переход, а потому поспешила извиниться за свою оплошность, ведь ей всё также была необходима лошадь Фергуса.

— О, прошу прощения Фергус, я сказала что-то не то? Извините, если посмела вас обидеть — это всё чай: он слишком крепкий, а я со вчерашнего вечера ничего не ела. Простите моё бесстыдство, милый сеньор…

Девушку снова понесло куда-то тёплым течением, и она почувствовала, что готова остаться здесь на всю ночь исключительно в качестве «больной», которую лесничему непременно следовало бы «осмотреть» на предмет болезни. Фергус взглянул на ведунью холодным, немного отталкивающим взглядом, а потом вдруг резко встряхнулся и поднялся из-за стола:

— Я думаю, нам с вами обоим не следует терять осмотрительность — особенно это касается приходящих в наши дома путников: никогда не знаешь, кто может скрываться за маской больного простолюдина — человек, нуждающийся в нашей помощи или агент Святой Церкви, чьей целью является подтверждение инквизиторского протокола.

Такой отличный от обычного тона лесничего разговор резко вывел Альберту из состояния опьянения. Она неуверенно взглянула на стоявшего перед ней человека и ей на ум вновь пришла аналогия с коршуном и цыплёнком. Возвышавшийся над ней мужчина действительно мог оказаться кем угодно и, судя по всему, тайна, которую он пытается сохранить — не менее опасна, чем тайна самой Альберты. Следует проявить к нему известное уважение, если девушка желает добраться до Рима на хорошей лошади и притом живой. Искра разврата мгновенно затухла, и Фергус, смотревший всё это время ей в глаза и увидевший, наконец, вменяемый взгляд разумной женщины, заговорил с ней уже совсем другим голосом:

— Я отнюдь не хочу, чтобы вы боялись меня, Альберта. Но и

терпеть ваши своеобразные «ухаживания» я также не намерен. Понимаю, вы оказались в тяжёлой ситуации — побег из дома инквизитора ещё не удавался ни одному, мало-мальски здоровому человеку, а вы — хрупкая девушка, всё-таки умудрились сделать это. Не знаю, каким образом вам удалось так далеко уйти, ведь обычно отец Мануэль имеет наготове целый взвод боевой стражи, и если в его голове рождается хотя бы самый ничтожный намёк на то, что кто-то из его пленников готовится «освободить» подземные комнаты — он со скоростью гончей борзой реагирует на такие выходки. Но, — он сложил руки на мощной груди и с интересом посмотрел на девушку. — Раз уж он дал вам фору в целые сутки, значит для него эта «охота» имеет особую прелесть.

И уже более тихим голосом пробормотал себе под нос: «Хотелось бы мне знать, чем вы представляете для него такую ценность?».

Альберта сначала смотрела на него своими огромными чёрными глазами, которые с каждым словом, произносимым этим странным мужчиной, становились всё больше и больше. Но, когда он закончил свой монолог, молодая жрица вскочила из-за лавки с громким криком:

— Откуда вы знаете про побег и отца Мануэля!? Кто вы такой, сир, извольте мне ответить!? Учтите, со мной лучше не играть во все эти игры!

Альберта предупредительно выставила перед собой обе руки, но, как только она попыталась сконцентрироваться и перейти в безопасное плазменное состояние — с досадой поняла, что не может этого сделать.

— Ах ты, мерзкий человек! Ты подсыпал что-то дурное в этот чай, верно? Почему я не могу применить свою силу???

В ответ Фергус молчаливо подошёл к котелку и оценивающе взглянул на его содержимое. После этого он спокойно прошёл мимо Альберты в дальний конец комнаты и, не стесняясь, достал из-под куска крепкой ткани внушительных размеров арбалет. Положив на тетиву одну из множества лежащих тут же стальных стрел, мужчина до упора натянул рычаг и направил оружие на женщину. В его глазах не было ничего, кроме абсолютного спокойствия и уверенности в своей правоте.

— Если я не ошибаюсь, вы не сумеете заживить свои раны, не превратившись в духа, — тоном знатока произнёс он. — Следовательно, та ваша часть, которую косвенно можно назвать человеческой — вполне подлежит уничтожению. И не пытайтесь бежать, сеньорита, — остановил он порыв Альберты ринуться к входной двери. — Засов тоже не вполне обычный. А вот с чаем вы

ошиблись — в нём действительно не было ничего такого… ну, или почти ничего. Всего лишь капля рябиновой настойки, поразительная вещь — не даёт явного привкуса, но эффект имеет потрясающий: полная неспособность к контролю над сверхвозможностями, — пояснил человек с арбалетом.

«Так вот почему я ничего не заподозрила! — думала в смятении девушка, — О, Святой Люцифер — банальная рябина! Как же я могла быть такой простофилей!?». Вслух же она вымолвила голосом, полным яда:

— А вы мастер разыгрывать простачка, сеньор Фергус. Или — это ваше ненастоящее имя, а на самом деле вы кто-то другой? Кто вас подослал — отец Мануэль?

— Никто из тех, с кем вы были бы хоть как-то знакомы, сеньорита Альберта, — ровным голосом ответил собеседник. — Как я узнал о вашем побеге — уже не важно. Важно то, что всё это время, что мы с вами «ходили» друг у друга в соседях, я постепенно узнавал вашу сущность, а позже — после вашего ареста, вконец убедился в состоятельности своей теории.

— Теории? — переспросила девушка. — Какой же?

— Вы ведь представительница вымирающего вида жриц-хранителей Святого Грааля, последняя из сорока «Сияющих Дев», в чьи обязанности входило контролировать мощь и силу священного артефакта. Я прав?

— Ха! Вы не в своём уме, Фергус (вы ведь Фергус, вы так и не ответили)? Если бы я была одной из сорока Дев, то это значило бы, что мне больше трёх тысяч лет! А это, простите меня, сир, полный абсурд!

Альберта рассмеялась в лицо мужчине. Брови последнего приподнялись, изогнувшись в хищном выражении:

— Тогда откуда у вас эта татуировка? — кивнул он на руку женщины. — Я много читаю, сеньорита, есть за мной такой грех. И в некоторых источниках говорится, что только по сему отличительному знаку можно установить причастность человека к данному, если хотите, сообществу.

— Неужели? Тогда спешу разочаровать вас, сир — я сделала эту татуировку в приюте, куда рано или поздно попадают все бездомные женщины с определённым родом деятельности, — попыталась соврать девушка елейным голосом. — И, если бы вы не тыкали мне в лицо этим чудовищем, то тогда, возможно, смогли бы оценить все мои умения по достоинству. Мой гордый лесник, — попыталась «поддразнить» мужчину ведунья.

Взгляд Фергуса (или того, кто так себя называл) стал вдруг мягким и, можно даже сказать, снисходительным. Он вновь повёл бровью, в то время как лицо его оставалось каменно-спокойным.

У Альберты захватило дух: в этом человеке больше не осталось ничего из того, что было в добродушном простаке Фергусе, но оттого он выглядел ещё более мужественным и прекрасным. Наличие у этого человека образования делало его фигуру в глазах ведуньи практически идеальной. Она молча укорила себя за неподобающие в такой момент мысли. «Он хочет убить меня, или сделать то же, что и Мануэль — другого варианта я не вижу» — подумала она и приготовилась к продолжению.

Фергус же сделал в направлении Альберты один шаг, не забывая при этом крепко держать в руках свой жуткий механизм:

— Классический приём для «прикрытия», описанный Павлом Карпатским — девственница, изображающая шлюху. Умно, — констатировал он. — Идеально для тех, кому не следует быть в курсе ваших дел. Но только и с этим я знаком — так что не стоит утруждать себя игрой в «плохую девочку» Альберта. Тем более, ни вам, ни мне это не приносит удовольствия. Мы оба с вами знаем — кто вы на самом деле, и любое ваше слово или намерение лишь подтверждает мою уверенность в этом.

Мужчина продолжал внимательно изучать женщину, как будто перед ним была редкая картина или красивое, но обречённое на смерть от руки богатого охотника животное. Минуту спустя Альберта не выдержала и задала свой главный вопрос:

— Тогда, может, вы уже ответите — что вам от меня нужно, сир?

Видя, что девушка окончательно сдалась, Фергус улыбнулся — его улыбка была столь нежной, что Альберту невольно замутило. Таким взглядом обычно смотрят на дичь, которую собираются подать к столу в собственном оперении.

— Полагаю, вы пришли сюда не из сильного желания повидаться со своим добрым глупым соседом? — резонно заметил он. — И я думаю, объектом вашего вожделения стала одна из моих кобыл, та, что предназначается для его Светлейшества — герцога Нюрнбергского.

Он начал плавно обходить Альберту по кругу, постоянно держа несчастную девушку «на прицеле».

— А затем, я полагаю, вы намерены отправиться в свою вотчину — в Рим?

Сердце Альберты сжалось от неприкрытого ужаса:

— Откуда вам это известно?

Теперь она держала руки высоко поднятыми — этот человек явно не любит, когда с ним шутят, а потому лучше быть наготове и не давать ему повода исполнить молчаливую угрозу.

— «Чёрная Чаша» уже давно ожидает вас, не так ли? И, даю

голову на отсечение, они пойдут на всё, лишь бы вернуть вас целой и невредимой. Ведь если не будет вас — не станет и всего клана в целом?

— Вы безумны…, - только и смогла вымолвить напуганная до смерти Альберта. Она совершенно не представляла, чего ей ждать от человека, которого, как оказалось, она абсолютно не знала, но в чьей доброте когда-то была абсолютно уверена. Как выяснилось, напрасно.

— Я дам вам еду и ночлег, и дам вам лошадь, чтобы вы смогли вернуться к своей семье, — неожиданно сказал лесничий. — Но…

Альберта напряглась. Что он попросит взамен? Ясно, что её невинность ему не нужна, тогда она не представляла бы для него такого интереса. Что же у него на уме?

— Продолжайте, — произнесла девушка.

Внезапно Фергус выстрелил. Стрела насквозь пронзила правое плечо Альберты и девушка, не успев даже вскрикнуть, ничком повалилась на пол. Затем она почувствовала, как сильные руки лесничего перевязывают её щиколотки чем-то грубым и колючим — это была верёвка из конского волоса — идеальная вещь для ловли куниц и лис с близкого расстояния. Накинув петлю из такой верёвки на шею жертве, охотник мог одним лёгким движением лишить её жизни, ибо, когда петля затягивалась — жертва моментально лишалась кислорода, а вместе с ним и сознания — ибо верёвка надавливала на сонную артерию.

От ног злодей перешёл к рукам и, наконец, добрался до вожделенной шеи жрицы — она оказалась полностью связанной, а длинный свободный конец верёвки покоился в руках Фергуса, получившего, таким образом, совершенный контроль над телом беззащитной Альберты. Через мгновение, девушка почувствовала, как ей на лоб капает какая-то жидкость. По мерзкому запаху она без труда догадалась — что это было. Лесник облил её той самой рябиновой настойкой — из-за неё Альберта больше ничем не отличалась от обыкновенной крестьянской девушки: она не могла контролировать своё сознание и не могла управлять собственными силами. Это было жестоко и унизительно.

— Поймите меня правильно, сеньорита, — говорил тем временем негодяй. — Я два года потратил на то, чтобы как следует разузнать всё о вас, и, не дай бог, не совершить самую ужасную ошибку в своей жизни. Но сейчас, когда всё открылось — поймите, мне просто непозволительно не воспользоваться таким моментом! Удача сама плывёт мне в руки! Вы только представьте, — заливался «соловьём» Фергус. — Десять лет, вот

уже целых десять лет я охочусь на разных потусторонних существ. Ну, вы понимаете — вурдалаки, оборотни, сжирающие тощих коз на пастбищах. И не поверите, сеньорита — ни одного сколько-нибудь выдающегося случая за всё это время. Ни одного: ни русалки, ни даже самой обыкновенной ведьмы — ведь их всех извела «благородная» инквизиция!

Последним аккордом в связывании Альберты стал красный шёлковый платок, который Фергус, безо всякого зазрения совести — грубо засунул девушке в рот. Она не то, что закричать, даже промычать что-либо могла с большим трудом. Сам лесник быстренько сходил в погреб и принёс оттуда бадью с водой и несколько чистых тряпок. К удивлению Альберты, он сел на пол рядом с ней, и стал обмывать её окровавленные ноги и одновременно продолжал жаловаться девушке на свою несложившуюся карьеру «охотника на монстров».

— Самое противное в моей работе то, — рассказывал Фергус. — Что за неё же не так уж и много платят. Нет, бывают, конечно, и довольно удачные заказы — это если попадётся зрелый оборотень или интересный призрак. Тогда платят порядочно — три месяца можно не нуждаться ни в чём, но такая удача — крайне редкий случай, сеньорита. В основном же всё уныло и совершенно не захватывает. Но вы, — оживился он. — Вы — полная противоположность. Жрица такого уровня, да ещё в этой глуши — поймать такую птичку будет не просто, решил поначалу я. Но потом, пообщавшись с вами, я понял — главное, это чтобы вы чувствовали себя в полной безопасности. В полной — это значит, никакого намёка на мою истинную сущность. Следовательно, надо было всего лишь прикинуться безмозглым лесником и войти к вам в доверие путём редких, но дружелюбных бесед и совместных походов за травами. Всё просто, моя дорогая — женщина есть женщина, и порой она не в силах устоять перед элементарным мужским обаянием. Вот так, — сказал он, закончив перевязывать стопы девушки.

Потом Альберта увидела, как он что-то достаёт из-за спины. Первая мысль её была, что это нож, которым он сейчас отрежет ей голову. Но, к её полной растерянности, Фергус вынул из-за спины маленькие бархатные сапожки фиолетового цвета с надёжными каблучками, подбитыми стальными пластинами для большей надёжности. Нежно надев ей их на ноги, он с улыбкой произнёс абсолютно дружелюбным голосом: «Мы ведь не хотим простудиться по дороге, правда, сеньорита Альберта?»

Фергус нежно взял Альберту на руки и перенёс на свою кровать. Укрыв её тёплым пледом из волчьей шерсти, он протянул конец связывавшей её верёвки через центр комнаты и

привязал его к большому круглому кольцу в полу, которое до этого было скрыто простым вязаным ковриком. Присев на краешек своей огромной кровати, мужчина нежно погладил девушку по нежной бледной щеке и ласковым голосом произнёс:

— Вы считаете меня сумасшедшим. В этом, безусловно, есть доля истины. Но, поймите, это мой шанс — «Чёрная Чаша» заплатит мне за вас большие деньги. Может быть даже — маленькое состояние, и тогда я сам смогу купить себе титул какого-нибудь герцога или барона, и смогу построить себе прекрасный домик на берегу реки — ничуть не хуже, чем у вашего отца Мануэля.

Альберта презрительно замычала и стала извиваться, пытаясь освободиться от его мерзких ласк. Но Фергус только потянул за торчавший из-под одеяла конец верёвки, как девушка вмиг притихла — шершавые нити больно впились в нежную кожу, а воздуха вдруг стало резко не хватать.

— Не стоит, — только и произнёс он. — Вспомните, ваша семья ждёт вас, и ждёт живую, — последнее слово он особенно подчеркнул. — Утром я покормлю вас, а потом мы вместе отправимся в Онозрио, а оттуда — в Рим. Не бойтесь, я не причиню вам вреда — мы просто совершим приятное путешествие, по окончании которого я получу свой выкуп за вас, а вы — вернётесь в родные края, и больше ни о чём не будете волноваться. Само собой, если за нами начнётся преследование, я буду защищать вас от поползновений отца Мануэля и его наёмников. Всё же, что я прошу от вас — ведите себя спокойно и позвольте мне доставить вам эти неудобства. Зато когда вы будете дома, тем ценнее для вас будет казаться вновь обретённая свобода.

Фергус в последний раз погладил сопротивляющуюся и мычащую что-то Альберту (на этот раз по ноге), после чего спокойно направился к кольцу, намереваясь откинуть широкую крышку люка и переночевать в погребе. Уже готовясь опустить за собой дверь-крышку, он, вспомнив что-то, высунулся и обратился к девушке:

— Ах да, на всякий случай: засов смазан дьявольской смолой, так что как ни крутите — выйти вы не сможете, лучше не пытайтесь. Второе — верёвку я привяжу к внутренней стороне, вот сюда, — и он перевязал узел на внутреннюю сторону люка, оставив немного свободного расстояния — чтобы за него удобнее было тянуть. — Если что — я быстро узнаю, а нам это не нужно. И, наконец, третье, — он снова мило улыбнулся. — Вы спрашивали, как меня зовут. Думаю, я могу сказать вам правду — ничего страшного не случится, так ведь?

Он весело подмигнул девушке. Та глядела на него глазами, распахнутыми от ужаса.

— Меня зовут… Фергус Джованни, — весело сказал он. — И на ближайшие три дня я превращусь в вашего законного супруга для всех, кого мы встретим на дороге по пути в Рим.

После этого, сделав изящный жест рукой, словно он снимает невидимую шляпу — Фергус резко расслабился и, сбросив свою дикую маску, снова стал «каменным рыцарем». В последний раз бросив оценивающий взгляд на Альберту (всё ли он хорошо сделал), Фергус удовлетворённо кивнул и, громко звякнув железным кольцом, исчез в проёме погреба.

Девушка отчаянно замычала, не в силах сопротивляться чарам рябины. Поняв, что ей не остаётся иного выбора, кроме как исполнять все приказы этого прекрасного безумца, она устало уронила голову на кровать. Не чувствуя никаких желаний, девушка вновь погрузилась в глубокий, но беспокойный сон.

Глава 15 Спущенное колесо

— Мне кажется, или действительно холодает? — Минни поёжилась, плотнее запахивая серую стёганую куртку спортивного кроя.

— Так и должно быть — мы же движемся на Север, — резонно заметила Гро. Она тоже уже успела натянуть тёплый шерстяной свитер тёмно-бордового цвета. Что же касалось Син, то она лишь молча предпочла ещё ниже надвинуть свою чёрную спортивную кепку на глаза, заодно убрав внутрь неё длинные тёмные волосы, собранные в конский хвост.

Вот уже несколько часов все три девушки шли, не останавливаясь, по густому хвойному лесу, следуя за Минни, которая временно превратилась в лидера их маленького отряда. Причиной тому стало её неожиданно отличное умение ориентироваться в сложном пространстве — среди нескончаемых деревьев и растений, то и дело норовивших выцарапать сёстрам глаза. Знания девушки-скаута как нельзя кстати выручили троицу Кроу, которая до того момента совершенно не представляла себе, каким образом выйти на старую заброшенную дорогу, ведущую через высокий холм — к автобусной остановке, от которой ходил один-единственный автобус до бывшего военного городка, где их ждало некое, неопределённое ещё самими девушками до конца «наследство».

Минни как будто знала, куда именно им нужно идти, но не могла объяснить даже самой себе (не то, что остальным) — откуда она это знает. Что-то вело её вперёд, подсказывая, на каком повороте лучше свернуть, а на каком — следовать прямо. Она держала перед собой карту, с которой время от времени непременно сверялась. Но даже это не давало ей точной гарантии в том, что все трое благополучно выйдут на так называемое «сухое шоссе», откуда шёл автобус — не заблудившись где-нибудь по дороге.

Почему шоссе называлось «сухим» — было ещё одной загадкой, числившейся в бесконечном списке аналогичных вопросов сестёр Кроу. Ответа на половину из них не могла дать даже Син, которая угрюмо плелась в самом конце родственной «цепи», не вступая ни с кем из девушек в разговор. Накануне отхода, у них с Гро вышел небольшой очередной скандал по поводу того, кто из девушек будет нести вторую спортивную сумку: Грослин, конечно, считала, что ей как-то следует загладить свою недавнюю вину перед Син, поэтому предложила сама понести увесистую ношу, тем более, что по мнению Минни,

Син пока что следовало воздержаться от каких бы то ни было серьёзных нагрузок на раненую руку. Син, естественно, не была согласна с тем, что её превращают в бесполезный социальный элемент, хотя бы и временно. На этой почве у них со старшей сестрой и возникли «разногласия», закончившиеся очередным психом Грослин и обещанием Синайи хранить молчание до тех пор, пока все трое не попадут в Дарквилль.

Минни была рада отдохнуть от многословия обеих, несмотря на то, что её очень беспокоило недоверие, возникшее с недавних пор между старшей и младшей сестрами. Конечно, как такового истинного доверия между ними никогда и не было, но коль они оказались в такой «щекотливой» ситуации — надо было держать ухо востро и во всём доверять друг другу, хотя бы ровно настолько — насколько обе они могли себе это позволить. Отношения же между сёстрами охладевали с каждым часом всё больше и больше, и Минни не могла найти явной причины, с чем это могло быть связано. Сейчас она чувствовала себя тем невольным рефери, которому приходится по долгу службы разнимать разъярившихся боксёров и успокаивать их в те моменты, когда оба, окончательно «слетев с катушек» готовы растерзать друг друга у всех на глазах. То, что в глубине души Грослин испытывает сильное чувство стыда по отношению к Син, и маскирует его отчаянным гневом по поводу её действий — Минни ещё как-то могла понять. В конце концов, Гро действительно виновата, но — какого чёрта Син постоянно упрямится в отношении Грослин и её, Минни? Почему не может положиться на них двоих до конца, если считает, что те неспособны нормально защитить себя и всем им угрожает какая-то невероятная опасность?

Короче, размышлений подобного рода у Минни было предостаточно, поэтому в некотором роде она была благодарна создавшемуся «вакууму» в общении между сёстрами. Ей многое нужно было осмыслить и, несмотря на то, что в обычное время она не стала бы тратить время на такие вещи — сейчас ей приятно было порыться в собственной голове (что она делала крайне редко). И это ничуть не мешало процессу определения ею правильного пути. «Эволюция позволила человеку свободно управлять двумя руками — так почему бы не попробовать дать своему мозгу возможность мыслить обоими полушариями?», — подумала девушка, и, улыбнувшись самой себе, продолжала двигаться в выбранном направлении.

Наконец, лесной массив начал понемногу редеть, и всё чаще стали проглядывать куски старого асфальтового шоссе, то тут, то там поросшего густым лопуховым листом и подорожником

размером с нож для разрезания торта. Когда девушки уже почти миновали густую листву, из-за которой со стороны дороги их трудно было разглядеть, Минни вдруг резко остановилась и подняла правую руку вверх, давая девушкам сигнал, чтобы они тоже прекратили движение.

— Что такое? — Син приподнялась на цыпочки, так, чтобы суметь рассмотреть из-за плеча сестры то, что явилось препятствием на их пути.

Грослин, смотревшая до того момента преимущественно себе под ноги, также резко встала, чуть не уткнувшись в спину Минни. Увидев причину остановки, она резко обернулась к Син и прижала к губам указательный палец.

— Тсс! — только и прошипела она. — Там кто-то есть — прямо на дороге, — пояснила высокая блондинка.

— Откуда на лесном шоссе мог взяться автомобиль — здесь же непроходимая чаща, добраться можно только пешком? — Минни нервно закусила губу, пристально вглядываясь в светло-голубой «Корвет», торжественно припарковавшийся на пыльной заброшенной дороге.

— Давайте-ка лучше пригнёмся — так, на всякий случай. — Син уже лежала на земле ничком, призывая сестёр последовать своему примеру.

— Кажется, кто-то пообещал хранить обет молчания до самого прибытия в Дарквилль? — Грослин не смогла удержаться, чтобы не «задеть» младшую сестру, однако в её тоне не было ни малейшего намёка на сарказм. Скорее, добродушное «подтрунивание».

— Думаю, это исключительная ситуация, — спокойно ответила Син. Сейчас её гораздо больше волновал красивый автомобиль посреди глухого леса, нежели язвительные шуточки старшей сестры.

Несмотря на некоторое «недопонимание» между девушками, Гро не горела сейчас желанием испытывать судьбу, а потому, молча потянув Минни за капюшон куртки, знаком приказала ей опуститься на землю, рядом с Синайей. Лёжа в сырой траве, все трое с опаской разглядывали машину. В салоне отчётливо был виден мужской профиль, он активно размахивал одной рукой, другая же была неестественно прижата к уху — очевидно, он разговаривал с кем-то по телефону. Слов слышно не было, так как стёкла, поднятые до предела, прижимались к раме вплотную.

Наконец, загадочная фигура закончила телефонную «тираду», и, отцепив ремень безопасности, открыла дверцу салона и вышла на свет.

— Какой «милашка», — не удержалась, произнесла Минни,

невольно залюбовавшись внешностью незнакомца.

Вышедший из авто оказался действительно симпатичным молодым человеком. Брюнет с чуть раскосыми зелёно-голубыми глазами и стройной, по-спортивному подтянутой фигурой. Было видно, что он тщательно следит за собой, о чём ясно говорил идеально гладко выбритый подбородок и дорогой серый костюм из качественного твида, дополненный сияющими чистотой, чёрными замшевыми ботинками.

— О да, — протянула Син. — Этот парень, видать, собрался на приём к самому президенту — не меньше, — саркастически добавила она.

— Он вполне тянет на «федерала», — задумчиво произнесла Гро, старательно разглядывая мужчину. — Скорее всего, они прочёсывают с вертолётов всю площадь, вплоть до самой Канады. Наверняка идут по следу, «подкинутому» им Квинси — хозяином мотеля, где мы ночевали.

— Ага, «прочёсывают» лес на «Корвете»? Не говори ерунды, — пламенно возразила Минни. — И потом, они же не могли нас вычислить именно здесь — мы ни словом не обмолвились Квинси, что собираемся ехать на Север.

— Но всё-таки наличие этого «мажора» в столь дремучей области — выглядит несколько подозрительным, ты так не считаешь, Мин? — поддержала идею Грослин Синайя.

Черноволосая девушка внимательно вглядывалась в лицо странного красавца. «Забавно, — подумала она. — Почему-то мне кажется, что я уже видела его где-то раньше, но только не могу понять — где?». Она поделилась своими мыслями с остальными сёстрами.

— Наверняка ты видела его в сериале «Полиция Майями: специальный корпус», — пошутила Минни. — Такие красавчики только и могут, что сниматься в высококачественном кино! — Девушка глупо захихикала.

— Я серьёзно, Минни — этот парень может быть опасен. Кто его знает, какие связи у нашего мэра — он ведь обещал посадить нас любой ценой! — горячо возразила ей Грослин. — Не время западать на кого попало, сестрёнка…

— Это кто тут на кого «западает»?! Лично я — ни на кого не собираюсь «западать»! — вспылила Минни. — Просто надо же нам как-то добираться до этого проклятого города, а такой привлекательный молодой человек точно не может быть маньяком или «копом» — он как раз может довести нас, хотя бы до «Лысой горы», — поспешила разъяснить свою позицию Минерва Кроу.

— Мин, ты чего — с Луны свалилась??? — спросила

ошарашенная Синайя. — Как раз такие ребята в конце и оказываются или матёрыми убийцами, или полицейскими, работающими «под прикрытием» — наряжаются во всё штатское для отвода глаз и подстерегают преступника…

— Кстати, может в этом и есть доля правды, — обратилась к Минни Грослин. — Нередки случаи, когда агенты ЦРУ пытаются «слиться с толпой», чтобы преступник начал им доверять. С другой стороны, — блондинка повернула голову к Син. — Он слишком хорошо одет даже для гражданского лица, не то, что для важного копа. Если бы здесь была засада, какой смысл намеренно выдавать себя? Понятно, что такой явный «закос» под простого «богатенького сынка» раскроет любого полицейского?

Девушки на миг замолчали. Син хотела что-то сказать, но низкое шипение Минни остановило её:

— Я знаю смысл термина «работа под прикрытием», алло, я же четыре года сама так проработала! — гневно прошипела Минни.

Син не выдержала:

— Так какого чёрта тебе понадобилось именно сейчас включать свои «эротические фантазии» по поводу этого типа?! Всё ведь ясно, как на поверхности воды! — Син не заметила, как сама стала яростно размахивать руками. Не заметила она и того, что Грослин старательно пытается утихомирить её пыл, поминутно хватая девушку за руки и пытаясь как можно ниже прижать их к земле.

— Ясно как Божий день! — автоматически поправила её Минни.

— Да какая раз…

— Заткнитесь вы обе! — воскликнула Гро, её терпению пришёл конец. — Разорались на весь лес как две…О, нет! — простонала она. — Ну что, довольны?! Он нас заметил! Похоже, идёт прямо к нам! — В голосе Грослин проскальзывали нотки отчаянья.

— Так, поднимаемся и делаем вид, что мы — банально заблудившиеся туристки. — Сказала Синайя мгновенно посерьёзневшим тоном.

— Ох, уж молчала бы, — пробурчала себе под нос Минни, поднимаясь с коленей.

— Кто бы говорил, — мрачно отпарировала Син, и легко вскочила на ноги вместе с сёстрами, одновременно «включив» на лице одну из самых своих обаятельных улыбок — ту, от которой появлялись ямочки на щеках. Гро и Минни также не замедлили «выдать» со своей стороны по лучезарной улыбочке, призванной охарактеризовать их как легкомысленных городских девчонок,

случайно заблудившихся в здешних лесах. Ход, конечно, был не самый удачный, но это хотя бы давало им крохотную фору во времени. Так они надеялись.

Девушки сделали вид, что обсуждают какую-то чепуху, попутно выходя из своего укрытия на дорогу — заодно целиком попадая «в поле зрения» незнакомца, также идущего навстречу им. Тот жизнерадостно улыбнулся, обнажив при этом ряд абсолютно ровных, сияющих жемчужной белизной зубов — и помахал девушкам. Грослин изобразила на лице удивление, как будто первой из троих заметила привлекательного мужчину.

— Привет! — дружелюбно сказала она. — Такая удача, что мы встретили вас в этой глуши — вы себе даже не представляете!

Гро театрально закатила глаза, стараясь как можно натуральнее изобразить мнимую «недалёкость». Остальные сёстры также поздоровались, однако воздержались от каких-либо комментариев, предоставив действовать красивой блондинке.

— Привет! — отозвался незнакомец таким же дружественным тоном; его голос был очень приятным, хотя и не низким — но и не писклявым, одним словом таким, какой требуется, чтобы расположить к себе незнакомого человека. Он держался уверенно, словно и не представлял себе, кого именно встретил. В глазах парня Гро не увидела ничего, что могло бы рассказать ей о том, что он догадался об их личности.

— Честно говоря, девушки, это мне повезло, — мужчина повёл рукой в сторону машины так, словно играл в рекламе дорогого автомобиля. — Не поверите, но на этих дрянных колдобинах у меня колесо спустило! А в одиночку мне его не сменить — ирония, потому что в Нью-Йорке я владею целым автосалоном, а как поменять колесо — до сих пор запомнить не могу…

На его лице появилось растерянное выражение, как будто ему было неловко за свою недальновидность в этом вопросе.

— Надо же…, - пробормотала Син, которой столь откровенный «подкат» показался весьма подозрительным. Она тут же получила толчок локтем в живот — от Минни.

— Простите? — молодой человек удивлённо поднял глаза на девушку в спортивной кепке чёрного цвета.

— Ой, не обращайте на неё внимания, — защебетала Минни. — Энжи просто сильно устала в дороге — мы уже часов восемь, как мотаемся по этому чёртову лесу туда-сюда, уже вконец заблудились! — Кареглазая шатенка мило улыбнулась красавцу, показав ему свои — такие же белоснежные зубы.

— Правда? — в глазах незнакомца промелькнул явный интерес. — А откуда вы идёте? — Он слегка переступил с ноги на

ногу, словно ему не терпелось услышать ответ.

— Э-э-э… Да мы, в общем-то, не местные, — поспешила ответить за Минни Гро, попутно одарив ту испепеляющим взглядом. — Знаете, едем из Бостона — у нас здесь живёт кузина, в Дарквилле. К ней и направляемся, но только вот сбились с дороги — автобус высадил нас вчера вечером в Вэлридже, и оказалось, что до этого Дарквилля ехать — как до Москвы! Целую вечность, представляете?

Грослин поправила свои длинные золотистые волосы, стянутые на затылке в пучок неловким движением — затянув их так, что на причёске появилась пара солидных «петухов». Она всеми силами старалась изобразить отчаянную провинциалку. Молодой мужчина присвистнул от удивления:

— От самого Бостона?! Ничего себе, девушки, как вас «занесло»-то — я хотел сказать, Бостон и так очень далеко от наших краёв, а уж Дарквилль…И что, у вас здесь одна кузина — на троих?

— О, нет-нет, — быстро заговорила Минни. — Кузина не наша, в смысле, не моя, — она смешно ударила себя по лбу, словно завзятая «простушка». — Это Элисон — кузина Элисон, — поправилась она, махнув рукой в сторону Грослин. — Это её, её кузина… — Девушка смущённо замолчала, поняв, что сказала глупость. Однако её почему-то непреодолимо влекло к этому прекрасному незнакомцу, и никакая опасность не могла сравниться с тем, что у неё была сейчас возможность познакомиться с парнем, который впервые заставил её сердце биться чаще с момента расставания с Доном Ромирезом.

Молодой человек вежливо улыбнулся, сделав вид, что ничего не заметил.

— Вы сказали: «из наших краёв», — неожиданно подала голос Син, представленная незнакомцу как «Энжи». — А как вы сами оказались в этой непролазной тайге, да ещё и на такой дорогой машине? Наверное, жаль будет, если она пострадает, пока попробует преодолеть местное бездорожье? — язвительным тоном добавила она, намекая мужчине, что по шоссе в таком убогом техническом состоянии передвигаться на автомобиле просто не имеет смысла. Ей бы хотелось также легко, как сёстрам, выдать себя за миловидную «пустышку» — но, к сожалению, в последний момент она поняла, что у неё решительно ничего не выйдет — осторожность взяла в ней верх над женским флиртом.

Мужчина посмотрел сначала на Син, потом на свой «Корвет», потом снова на Син — и неожиданно рассмеялся:

— А-а, я всё понял, — сквозь смех произнёс он. — Вы решили, что я один из тех парней, что похищают на дорогах хорошеньких

девушек, а потом продают их в рабство арабским шейхам? Нет, можете расслабиться — я не опасен. — Он ловко прокрутил на пальце ключи от машины.

— Я сказал «из наших краёв», потому что действительно живу здесь, в Вэлридже, — продолжал он. — И, как я сказал, у меня свой автобизнес в Нью-Йорке. Но я не любитель больших городов, поэтому предпочитаю жить вдали от суеты. В «большой дали», — добавил он. — На самом деле, эту машину я собирался перегнать в Дарквилль — для своего младшего брата. У него День рождения на следующей неделе, вот я и решил пригнать машину заранее, сделать сюрприз.

Незнакомец обезоруживающе улыбнулся:

— Так что, — подбодрил он девушек. — Если нам с вами по пути, то, может, вы поможете мне с колесом, а я в благодарность подброшу вас до Дарквилля? Кстати, это закрытый город, вы в курсе? Главе города очень важно, чтобы все въезжающие непременно получали пропуска, просто так вам туда не попасть. Ну, а я вам помогу, скажу, что вы со мной — друзья и всё прочее. Не придётся объяснять насчёт кузины — так гораздо быстрее. Ну как, по рукам?

Син решила промолчать. Она всё ещё сохраняла уверенность, что с этим красавчиком что-то неладно. Но он предлагал довезти их до Дарквилля и получить без проблем пропуск, который им было не достать, учитывая, что имя вымышленной кузины могло и не совпасть с реальной жительницей городка, что, как подозревала Син, они не преминут проверить.

Минни готова была подпрыгнуть от счастья, но и её мозг тоже не совсем был «в отключке» — она понимала, чем может грозить им опрометчивый поступок, поэтому из осторожности решила озвучить вопрос, мучивший её на протяжении последних двадцати минут:

— А как же мы попадём в Дарквилль на машине, если добраться до него можно только пешим ходом? — Лысая гора не предполагает объездных путей, — пояснила кареглазая девушка. — Как вы сможете доставить машину своему брату? Туда ведь только автобус ходит…

Она чуть склонила голову набок, словно глупая птичка, невинно заглядывающая в окно. Мужчина немного смутился — похоже, он не ожидал подобного вопроса. Но его колебание длилось не более секунды: опустив глаза вниз, он что-то быстро обдумал, а потом вновь посмотрел на Грослин, которая в этот момент пристальным взглядом изучала его автомобиль — оценивая, может, или не может позволить себе такую роскошь местное отделение полиции. Наконец, она пришла к выводу, что

всё-таки это перебор — даже для «копов» Вэлриджа. И версия незнакомца выглядит вполне обычной — многие предпочитали работать в больших городах, приезжая сюда на выходные — в конце концов, это его дело: где жить, а где только работать.

Вопрос Минни заставил её снова сконцентрироваться на лице мужчины — действительно, об этом пункте она даже не подумала: дорога-то упирается в гору, как же тогда этот тип решил переправить в Дарквилль машину — уж не по воздуху ли?

— Вам, должно быть, дали старую карту? — переспросил он у Грослин. — Сейчас на Лысой Горе построили подземный туннель — там вполне можно проехать. И потом, — добавил он. — В Дарквилле всё-таки тоже двадцать первый век: у многих есть машины, и они выезжают на них в соседние города. Их не так много, да, но этот вопрос регулируется местным правлением — автомобили можно иметь лишь строго определённым людям, но это не значит, что их там нет вовсе. Поэтому — никаких проблем! — весело закончил он, обратив, наконец-то, взгляд на Минни.

— Не знала, что у них там всё так сложно, — томным голосом протянула Гро. — Но, если вы уверены, что мы сможем помочь вам с колесом, и вы не против нас подвезти, то… — Грослин обольстительно улыбнулась.

— Абсолютно уверен, тем более, что не могу же я оставить таких милых леди на произвол судьбы в этом страшном лесу? — Незнакомец хитро подмигнул Минни.

— Спасибо, — пробормотала Минни, при этом сильно покраснев.

— Да не за что, — добродушно отозвался мужчина, отворачиваясь от них и направляясь к багажнику, чтобы извлечь оттуда «запаску». Внезапно он остановился и, развернувшись на каблуках обратно к девушкам, с удивлением произнёс:

— О, простите ради Бога, но мы, кажется, так и не познакомились?

Гро спохватилась и, наматывая на запястье ремень от сумки, быстро познакомила мужчину с их маленькой компанией:

— Да, конечно! Я — Элисон Блэк, а это мои подруги: Кортни Фуллс, — сказала Гро, указывая рукой на Минни. — И — Анжела Чоппард.

— Хм, прямо как ювелирная марка? — не удержавшись, пошутил мужчина.

— Точно так, мистер…? — откликнулась Син, в свою очередь, предлагая незнакомцу представиться.

— Медичи. Ли Медичи. А вы темпераментны — мисс Чоппард, — странным голосом добавил он.

— Благодарю, мне многие это говорят. — С достоинством произнесла Син и прошествовала мимо их нового знакомого, прямиком к машине.

— Вы позволите моим подругам ненадолго положить наши сумки в ваш багажник? — вежливым тоном спросила Син.

Медичи, обратив внимание на её перебинтованную руку, извинился, и тут же забрал вещи у Гро и Минни, временно впавшей в приятное оцепенение.

— Я стал таким забывчивым, — виновато произнёс он. — Наверное, это оттого, что в моём доме уже давно не появлялось особ женского пола…

Все трое натянуто посмеялись над неуклюжей шуткой «автомагната», после чего приступили к починке машины. Гро как самая высокая и «сильная» из девушек, помогала Ли держать колесо в то время, как он надувал его специальным мини-насосом. Минни помогала с инструментами, а Син как временно «нетрудоспособную» — посадили в салон «Корвета», где она наслаждалась неспешным потягиванием минералки из любезно предложенной их «дорожным рыцарем» бутылки.

Прошло ещё около получаса, прежде чем светло-голубой автомобиль тронулся и, вместе с четырьмя пассажирами на борту, плавно покатился по заросшей лесной дороге, подскакивая время от времени на образовавшихся за долгие годы «кочках». Сёстрам казалось, что они едут по дну вечнозелёного каньона — настолько высокими казались деревья, высоко над которыми, в невероятной синеве полуденного неба, реял огромный, с богатым пёстрым оперением — коршун.

До Лысой горы они добрались приблизительно через три часа, и Гро внутренне поблагодарила их нового знакомого — если бы девушки шли своим ходом, то их путь в Дарквилль занял бы, как минимум, около суток. А так они, можно сказать, «прокатились с ветерком»: на пустынной дороге шанс встретить другой автомобиль был очень низок, поэтому Ли спокойно включил «третью передачу» на своей приборной доске и скорость плавно увеличилась.

За время пути четверо молодых людей практически не разговаривали: Грослин, сидевшая впереди, рядом с водителем, полностью отдалась во власть своих мыслей, и только изредка спрашивала — далеко ли ещё до пункта назначения; Минни и Син молча переглядывались, ведя таким образом «ожесточённый» диалог, предметом которого, естественно, было глупое поведение Минни. Что же до Медичи, то его мысли вообще блуждали где-то далеко, сопровождаемые приятной тихой музыкой, лившейся

расслабляющими волнами из стереоколонок.

Первая часть задания была выполнена успешно: он «познакомился» с сёстрами и даже расположил к себе одну из них. Кроме того, ему удалось выяснить, куда эта троица направлялась, и этот факт несколько удивил его, поскольку он не думал, что их цели могут совпадать. В любом случае, теперь они находятся у него в руках, и если соблюдать известную осторожность (особенно с недоверчивой Синайей) — он сможет выгодно воспользоваться этой ситуацией. Во всех смыслах.

Возможно, ему удастся «проработать» Минерву Кроу — тогда задача существенно облегчиться, но, до поры до времени он не должен вызывать никаких подозрений со стороны сестёр. «Что ж, поиграем в вашу игру, девочки, — довольно подумал Медичи. — Я уверен, это будет очень занятно. Ромирез и Хоспек получат то, что им нужно, а уж все последствия я, так и быть — беру на себя». Думая об этом, он невольно подкрутил ручку автомагнитолы — как будто хотел высокой громкостью заглушить собственные мысли, чтобы другие их не услышали. Он продолжал размышлять о нескольких, также интересующих его вопросах, когда случайно заметил в зеркале заднего вида пару внимательно наблюдающих за ним синих глаз. «Чего же тебе надо, а, сучка? Что ты так на меня пялишься?!», — злобно подумал Ли. Словно прочитав его мысли, «Энжи-Син» вдруг спросила:

— Вам так нравится Шопен?

На непонимающий взгляд светло-зелёных глаз франта, Син пояснила, кивнув в сторону радио:

— Вы увеличили уровень громкости — любите классическую музыку?

Тут до красавца дошло, что он незаметно для себя выкрутил ручку магнитолы до предела. Ему не оставалось ничего другого, кроме как подыграть:

— О, да! — воскликнул он, одновременно понижая громкость. — Мама моя работала в консерватории — оттуда и нахватался! Вы тоже испытываете необъяснимый трепет при звуках рояля? — Медичи щёлкнул выключателем, и музыка плавно сошла на «нет». Он улыбнулся в зеркало, ожидая услышать положительный ответ.

— Не совсем. Предпочитаю «тяжёлый металл», — и её нос столь же плавно устремился в сторону окна. Теперь Медичи мог видеть лишь её прекрасный профиль, терпеливо разглядывающий виды природы за окном.

— Ваша подруга всегда такая странная? — Спросил он Грослин, никак не отреагировавшую на внезапно усилившийся звук в салоне авто. Она слишком глубоко «ушла» в себя и, как ни

странно, даже задремала.

Усмехнувшись, золотоволосая девушка ответила:

— Почти. У неё — тяжёлый характер, особенно когда она устаёт, — пояснила Гро.

— Хм-м, понятно. — Только и ответил Ли, после чего продолжил следить за дорогой, которая с каждым метром «демонстрировала» всё новые и новые повороты.

Минни, гневно сверкнув глазами в сторону Син, тут же обратилась к Медичи, стараясь, чтобы её голос звучал как можно более кокетливо — с момента, как она села к нему в машину, ей отчаянно хотелось о чём-нибудь поговорить с этим прекрасным мужчиной. Но она никак не могла придумать, о чём можно разговаривать с человеком, имеющим свой бизнес в «Большом Яблоке». Сейчас, изучая извилистую дорогу, она вспомнила, что он говорил о каких-то родственниках в Дарквилле. На этом она и сыграет, тем более что между ним и девушками завязался хоть и короткий, но всё же — диалог, а заговорить первой она всё равно стеснялась.

— Вы сказали, у вас брат в Дарквилле? — скромно начала она, — А чем он там занимается? В смысле, почему не переехал в Вэлридж, как вы, например?

— Ну-у, — протянул Ли. — Видите ли, мисс Фуллс…

— Прошу, зовите меня просто Кортни, — мягко перебила его Минни.

Син опустила козырёк ещё ниже и негромко зарычала. Минни сделала вид, что не заметила этого, продолжая с воодушевлением глядеть «в затылок» водителю. Гро тоже с интересом повернулась к Медичи.

— Хорошо, Кортни, — поправился Ли и тут же продолжил, широко улыбнувшись. — Итак, вы спрашиваете, почему мой брат выбрал местом своего обитания такую дыру как Дарквилль? Всё очень просто: любовь. Любовь привела его сюда когда-то, когда мы всей семьёй ещё жили в Нью-Йорке, она же всё ещё удерживает его там.

— Как это мило, — произнесла Грослин. — У него в Дарквилле жена?

— И да, и нет, — ответил уклончиво Ли, сверкнув кошачьими глазами. — Они предпочли не оформлять свои отношения официально — им кажется, что таким образом их собственная семья станет гораздо крепче. Если женщина постоянно чувствует себя невестой, а мужчина ощущает некую долю свободы — обоим есть, что терять. — Ли на мгновение задумался.

— Как итог — сегодня у них превосходные, крепкие отношения, и пара очаровательных двойняшек, — гордо добавил

он.

Глаза Минни увлажнились от восторга:

— Так вы теперь — настоящий «дядюшка»? — Поздравляю!

Медичи рассмеялся низким смехом:

— Спасибо, Кортни. Да, у меня отличные племянники, но порой они, как и все дети — просто невыносимы! — с деланным драматизмом произнёс он. — А вы? — неожиданно спросил Ли. — У вас есть детишки?

Он обратился к Минни, но в то же время подразумевал и всех девушек.

— Не-е-ет, это пока не для меня, — медленно промолвила Минни. — Слишком много хлопот, — быстро добавила она.

Медичи повернул голову к Гро:

— Простите мне мою бесцеремонность, просто мне кажется, что вы — самая опытная из подруг, — Он чуть приподнял брови, а Гро в ответ густо покраснела — не зная, что на это ответить.

— Нет-нет, я хотел сказать, у вас у всех нет обручальных колец — только и всего! — спешно уточнил он, видя, как неловко себя почувствовала Грослин.

— Мы — холостая компания, — чопорным тоном ответила за Гро Синайя, не удостоив при этом Медичи взглядом.

— Извините, я не поняла вопроса, не знала, как реагировать…, - заикаясь, выговорила Гро, снова обретшая дар речи.

— Да что вы, это моя вина — нескромные вопросы составляют приличную часть моей профессии: никогда не знаешь, для каких целей приобретается та или иная машина. Знаете, кто-то хочет произвести «ударное» впечатление на свою подружку, а кто-то покупает крутой автомобиль, чтобы иметь возможность свободно заниматься в нём любовью со своей секретаршей… Одним словом, случаи бывают разные, поэтому вызов на откровенность — не более, чем ещё один способ выгодно продать товар. К сожалению, эта черта нередко преследует меня и в свободное от работы время…

Мужчина грустно улыбнулся, и эта улыбка сделала его лицо особенно привлекательным. Он ещё раз извинился перед Грослин, а Минни, в свою очередь, поспешила извиниться вообще за то, что начала эту тему. «Это ведь я первой полезла в вашу личную жизнь», — спешила оправдаться она. Син молча смотрела в окно, про себя поражаясь внезапному «ослеплению» средней сестры. «Пусть делает что хочет, — думала Син. — В конце концов, нам опять придётся спасать её задницу — только и всего», — синеглазая девушка зло усмехнулась своим обычным мыслям.

Тем временем, компания достигла входа в Лысую гору.

Минни поразилась тому, насколько высоким был холм — и на нём при этом не росло ни одного дерева! В некоторых местах виднелась редкая травка, но и она имела какой-то болезненный, жёлто-злёный цвет. «Растительность обходит стороной это место», — пояснил Ли, который и сам не знал, с чем было связано отсутствие жизни на странном холме. Земля здесь была желтовато-красного, песчаного оттенка и также не внушала доверия.

Проезд через «гору» представлял собой аккуратный, новенький туннель, предназначавшийся исключительно для легковых автомобилей. Сам въезд был выложен художественной гранитной плиткой и напоминал арку при входе в старинные часовни — проём действительно по форме был схож со стрельчатым окном, не хватало только цветного витража. Все три Кроу удивились: по всему было видно, что отделка (да и сам проезд) созданы недавно, однако впечатление от туннеля создавалось такое, словно он был здесь с каких-то стародавних времён — просто его только недавно обнаружили местные власти.

Внутри туннеля царила кромешная тьма, изредка разбавляемая слабыми пучками света, исходившего из крохотных ламп, висящих, впрочем, очень редко даже для такого небольшого проезда как этот.

— Хм, похоже, кто-то забыл о практичности в погоне за красотой и «винтажностью»? — задала сама себе вопрос Син, намекая на недешёвую отделку парадного фасада туннеля.

Медичи резко сбросил скорость при въезде в тёмное пространство, однако не преминул ответить на вопрос девушки:

— Это не самая большая странность, Энжи. В некотором роде, Дарквилль — удивительное место. Кстати, — заметил Медичи. — А вы не взяли с собой никаких тёплых вещей, когда отправились сюда из Вэлриджа?

Син удивлённо посмотрела на него из-под своей чёрной кепки:

— Что вы имеете в виду? Чем Дарквилль так уникален?

Гро поспешила перебить сестру, её куда больше интересовал вопрос об одежде:

— Зачем нам тёплые вещи? Мы же вроде и так не слишком легко одеты…

Тут Грослин увидела просвет в конце туннеля и, как ей показалось, поняла причину обеспокоенности зеленоглазого брюнета их внешним видом. Она не могла поверить своим глазам, но когда они почти выехали, её челюсть (как и нижняя челюсть всех сестёр) просто отпала: на другой стороне Лысой горы шёл

самый настоящий снег! И не какой-то там мелкий снежок, а самые что ни на есть реальные крупные белые хлопья, какие можно увидеть разве что в январе!

— Собственно, я вот что имел в виду. В обоих случаях, — пояснил Ли.

Он протянул руку в сторону Гро и, сделав короткое движение, открыл бардачок, из которого в тот же миг появилось маленькое серое кепи из твида — в тон костюма мужчины. На ходу надев кепи одним ловким движением, Медичи взглянул в зеркало заднего вида глазами, полными сочувствия.

— Очень жаль, что кузина забыла предупредить вас об особенностях этой территории, — промолвил он.

В ту же секунду, как машина выехала из туннеля, три сестры почувствовали жуткий холод. У Минни застучали зубы, в то время как Син и Гро автоматически обняли себя за плечи. Медичи поспешил включить в салоне печку, чтобы девушки могли хоть немного согреться.

— Ч-ч-что же эт-т-то за чертовщина? — стараясь говорить внятно, спросила Синайя. Она с надеждой посмотрела на Грослин, но та лишь растерянно глянула на неё через плечо.

— Поэтому в туннеле так мало света, — пояснил Медичи. — Я уже говорил, что вы едете в закрытый город, и это — одна из причин, по которой здесь не очень-то жалуют гостей.

— Ж-жуткий мороз? — переспросила дрожавшая от холода Минни.

Медичи улыбнулся:

— И это тоже. Дарквилль стоит на разломе земной коры — здесь очень сильное электромагнитное поле, все приборы зашкаливают. Излучение, выходящее из недр земли, влияет, в том числе, и на здешний климат. Отчего погода в городе и на близлежащей территории часто не соответствует настоящему сезону.

— Ничего себе, а я-то полагала, что это может быть некий мираж…, - растерянно сказала Гро.

— Не знаю, как насчёт миража, но холодина здесь определённо дьявольская! — воскликнула Син. — И я не собираюсь её терпеть. Ли, вы не могли бы остановиться? Пока мы доберёмся до города и найдём твою сестру, Элисон, — сквозь зубы процедила брюнетка, обращаясь к Гро. — Пройдёт немало времени, а в ледышку превращаться в мои планы точно не входит.

Ли удивился, но кивнул и остановил машину у обочины. Перед ними открывалось широкое шоссе — очень широкое для маленького городка, из которого редко кто выезжает и в который ещё реже кто приезжает. Когда девушки вылезли из машины, Син

первая кинулась к багажнику, несмотря на то, что раненая рука плохо её слушалась. Медичи помог им открыть машину, Гро вытащила обе сумки и расстегнула их. Минни боялась, что Ли может спросить, почему у них так мало одежды, когда они отправились в столь дальнее путешествие. Но Медичи повёл себя как истинный джентльмен и отошёл к старой автобусной остановке, на которой в данный момент не было ни единой живой души, если не считать пару маленьких серых птиц, копошащихся в снегу рядом с ней. Он аккуратно присел на рассохшуюся от времени зелёную деревянную скамью и устремил взгляд своих светло-зелёных глаз в серое небо.

Син и Гро натянули поверх своей одежды ещё пару тёплых кофт, найденных среди скудного содержимого сумок. Минни повезло больше всех — у неё была куртка, но и ей пришлось добавить к своему «модному» образу большой вязаный свитер чёрного цвета, ранее принадлежавший Син. Все трое экипировались дополнительными парами носков и, более-менее одетые, готовы были продолжать путешествие.

— Мне здесь не нравится, — откровенно призналась Гро, плотнее затягивая шнурки на кроссовках. — Надеюсь, здесь хоть люди живут нормальные, — выразила она общее для всех троих желание.

— Не переживай, Гро, — шепнула ей Минни — она всё ещё не могла справиться с молнией, не желавшей застёгиваться поверх толстого свитера. — Пока с нами Ли, я уверена, мы будем в безопасности — он обязательно поможет, если кто-то захочет причинить нам вред. — Девушка находилась в приподнятом настроении, несмотря на дикий, пронизывающий до костей холод.

— Господи, ты прямо как ребёнок, Мин! — возмутилась Синайя. — В безопасности мы будем только тогда, когда у нас в сумке окажется триста тысяч, и мы будем попивать мартини в салоне первого класса на пути в Австралию! — Громко прошептала в ответ черноволосая девушка, одновременно пытаясь протиснуть больную руку в длинный рукав плотного свитера голландской вязки — серая шерсть облегала ткань надетых до этого водолазок неуклюжими «косами», перекручиваясь и доставляя младшей Кроу массу неудобств.

— Тихо, — напомнила Грослин, помогая Син справиться с ажурными рукавами свитера. — Не привлекай к себе излишнего внимания, Синайя — этот парень и так, наверное, думает, что ты сбежала из психдиспансера — так не заставляй его проверять свою догадку, уж будь любезна? — Попросила Грослин, выразительно глядя в глаза младшей сестре.

— Ты тоже, Минни, — обратилась она к средней сестре.

— Что? — не поняла та.

— Постарайся не флиртовать с Ли так откровенно — нам твоё «разбитое сердце» радости не принесёт — поверь.

— Ты говоришь это как сестра или как женщина? — в свою очередь спросила Минни. — Он тебе тоже понравился, скажи правду?

— Не будь дурой! — искренне попросила сестру Гро. — Даже если бы мне и нравились типы вроде него, я не стала бы рисковать нашей безопасностью ради мимолётных отношений — которые, кстати, всё равно бесперспективны.

— С чего это ты решила, что мои отношения с Ли — «бесперспективны»??? — вспылила Минни, удивляясь, впрочем, что старшая сестра не поддерживает её в этом вопросе, учитывая, что Гро мечтала бы видеть рядом с ней любого парня — только если это не Дон Ромирез.

— Тсс! Девочки-девочки, давайте оставим «разбитые сердца» на потом, — Син умоляюще посмотрела на двух старших сестёр.

— Да, ты права, Син — всё потом. — Минни демонстративно отвернулась от Гро и вышла из-за поднятой крышки багажника, так, чтобы Медичи увидел её первой.

— Боже, только с ней ещё проблем нам не хватало! — пробурчала себе под нос Гро, и, окончательно надев свитер на Син, предложила ей тоже «покинуть укрытие». Та понимающе взглянула на высокую блондинку и последовала за ней.

— Так быстро? — притворно удивился Медичи, открывая перед девушками переднюю и заднюю двери. — Как славно, что у вас всё же нашлось, что надеть, — как бы между прочим заметил он, после чего, сделав всем троим комплимент по поводу их предусмотрительности, надавил педаль газа до упора — унося сестёр Кроу вперёд по заснеженному белому шоссе, прямиком мимо высокого указательного столба, на вершине которого был установлен щит, где серебристо-белыми буквами на сером фоне было выведено причудливым готическим шрифтом: «Уважаемые гости города — Добро пожаловать в Дарквилль!».

Глава 16 Добро пожаловать в Дарквилль

Сёстры Кроу не знали, что в багажнике «Корвета» было установлено прослушивающее оборудование, а в ухе их «дорожного рыцаря» покоился очень маленький — но очень мощный микрофон. Всё, что говорили Син, Гро и Минни тут же передавалось в уши Медичи, а заодно становилось предметом обсуждения Ромиреза и Хоспека, сидящих «на том конце» провода и анализирующих всю поступающую к ним на компьютер информацию.

— Нет, ты слышал, Берни? Малявка собирается пить мартини в салоне первого класса — вот тварь! — Ромирез был вне себя от негодования. — Хорошо же, я ей такой «Дюти фри» устрою, попадись она мне только…

— Дон, Дон — расслабься, — умиротворяющим голосом произнёс Хоспек. — Ну что ты, ей-богу, ведёшь себя как дикий мужлан? Это же обыкновенные женские выражения, призванные описать несбыточные фантазии их хрупкой души… Подождём, друг мой — Медичи смышлёный парнишка, я больше чем уверен, что у него в голове уже созрел какой-нибудь гениальный план по части их соблазнения…

Хоспек нервно облизнул свои спёкшиеся, от длительного пребывания без жидкости, губы. Доналд молча подвинул к нему стакан с минералкой без газа — они уже четыре часа сидели, не отрывая зада от кресел: оборудование работало нормально, но и сёстры попались «на крючок» довольно быстро — сейчас они не могли отлучиться не то, что на обед, им даже пописать было некогда! Сидя в огромных наушниках, они поочерёдно записывали в блокнот интересующие их детали, вычлененные из диалогов Ли с девушками.

Небольшой монитор, стоявший тут же, на столе, показывал помимо звуковых дорожек и амплитуду сердцебиения Медичи — таким образом, полицейские «подстраховались» на тот случай, если основная «прослушка» даст маху, и они не смогут реально слышать напарника в тот момент, когда ему может потребоваться их незамедлительная помощь. Сейчас диаграмма на экране показывала спокойный динамический рисунок — Ли был в порядке и вёл машину, предоставив Берни и Дону разбираться в «бабской» болтовне.

Услышав, как Хоспек говорит о возможном соблазнении Медичи одной из сестёр, Ромирез резко нахмурился:

— Берни, ты не говорил, что нам может понадобиться неограниченное либидо Медичи. Зачем ему проводить ночь с одной из сестёр?

— Сынок, мы здесь не в «братьев милосердия» играем, а ловим серьёзных преступников, так? — недовольно хмыкнул Хоспек. — А как, по-твоему, он сможет заручиться их полным доверием? Принесёт им кофе в постель — и дело сделано, потом не отвертеться, — злорадно добавил седоусый детектив.

— Ли — не проститутка, — с оттенком упрёка в голосе произнёс Ромирез. — Он не для того в полицию работать пошёл, чтобы иметь возможность вести «грязную» игру. Он хоть сам-то знает, какую роль вы ему отвели?

Хоспек не выдержал, и, сняв наушники, громко расхохотался. При этом его двойной подбородок весело запрыгал на месте, словно желе.

— Ромирез, ну ты шутник…., - задыхаясь от смеха, выговорил он. — Ты меня порой так удивляешь, что ей-богу… — Мужчина закашлялся и поспешил отпить глоток воды из предложенного ему стакана.

— Конечно, конечно он знает — это входило в инструктаж, — успокоившись, сказал пожилой коллега. — Кроме того, думаю, я не открою перед тобой Америку, если скажу, что Ли Медичи — отъявленный «женский угодник» во всём, что касается хоть какого-то общения с прекрасным полом, — добавил он, красноречиво подняв вверх свой большой, морщинистый палец.

Доналд с хрустом перекусил деревянную зубочистку, до того момента покоившуюся в его зубах.

— Всё равно, то, что вы затеяли с МакДонахъю — это как-то…не по-человечески, что ли? — неуверенным голосом произнёс молодой полицейский.

— А убивать и калечить людей — это, по-твоему, как? По-человечески?

Хоспек внимательно посмотрел на Ромиреза.

— Только не смей им сочувствовать, слышишь, Дон?! Твой значок не стоит и мизинца этих чокнутых пигалиц, ясно!? И я не позволю тебе вот так просто «просрать» твоё будущее — только из-за того, что на тебя вдруг нахлынул приступ жалости…

— Да успокойся ты, Берни! Хватит! — предупредительно вскинул руки мужчина. — Я им нисколько не сочувствую, напротив, ты же знаешь, какую радость я испытаю, когда посажу их всех «под замок»… Но — они же так похожи на людей… На женщин. Одним словом, не хотелось бы поступать с ними подло, вот и всё. — Опустив глаза, закончил Доналд.

Хоспек наклонился к нему настолько близко, что усы старого

детектива слегка защекотали подбородок Ромиреза.

— Чем бы они не являлись — наша с тобой работа состоит в том, чтобы раз и навсегда пресечь то, что они творят на свободе. — Сообщил Хоспек доверительным шёпотом. — Ты готов к тому, что нам придётся убить их? Всех? — чуть помедлив, добавил он.

Ромирез задумался. Как бы сильно ему не хотелось поймать Синайю, он не готов был рискнуть жизнью остальных двух девушек. Всё же, он в какой-то мере знал Грослин (по работе), и даже пробовал встречаться с её младшей сестрой — Минни. Они были неплохими людьми и не заслуживали того, чтобы их расстреляли на месте при попытке к бегству. Дон был уверен — в том, что девушки вынуждены сейчас подчиняться младшей сестре, наверняка виноват гипноз или что-то в этом роде. Он не хотел убивать. Никого из них. Должен быть какой-то иной выход, в конце концов — не его право решать, жить таким существам как Синайя Кроу или умереть — этот пункт должен быть окончательно определён правительством штата.

Выплюнув изо рта сломанную зубочистку, Доналд выпрямился и, сильно оттолкнувшись ногами от пола — откатился в кресле подальше от Хоспека.

— Хорошо, что я додумался с утра заварить кофе, — переменив тему, сказал Ромирез. — Давай-ка нальём себе по чашке и продолжим наблюдение — как тебе такой план, напарник?…

Как и предупреждал Медичи, на въезде в Дарквилль стоял контрольно-пропускной пункт. Правда, он несколько отличался от того, что представляли себе сёстры: длинный облезлый шлагбаум и старый синий трейлер на колёсах грязно-серого цвета — вот всё, чем могла похвастаться «первейшая оборона» Дарквилля. Рядом с импровизированным «пропускным постом», являвшимся, по совместительству, и местом жительства для исполнителя роли здешнего «контролёра» стояла крепкого вида собачья будка. Как только автомобиль подъехал, из неё сразу же выскочила огромная кавказская овчарка, чей лай красноречиво сообщил девушкам, что в случае опасности «оповестительная система» городка сработает на все сто процентов.

По-прежнему шёл нескончаемый снег, и сёстры даже успели задремать в тёплом салоне за то время, пока «Корвет» Медичи катил по широчайшему обледенелому шоссе со странным названием «Сухое». Как позже сообщил водитель, эта дорога когда-то являлась взлётно-посадочной полосой для гражданских самолётов, привозивших в Дарквилль долговременные запасы

воды и продовольствия.

Вздрогнув от громкого лая, Гро моментально проснулась, впрочем, как и две её младшие сестры. Увидев «пропускной пункт», Грослин немало удивилась:

— Ли, вы хотите сказать, что вот эта разваливающаяся на части машина — и есть въезд в полностью закрытый город???

Ли посмотрел на девушку с таким видом, словно стыдился обнаруженного положения.

— Да, к сожалению, это одна из самых острых проблем благоустройства Дарквилля на сегодняшний день. У городской казны не хватает денег на то, чтобы обеспечить блокпост современными технологиями…

— «Современными технологиями»? Да они хотя бы начали с нормальной подсобки для контролёра! — возмутилась Синайя. — Эгей, ребята — здесь же «Ривер Бридж» неподалёку, чем вы будете отстреливаться от сбежавших преступников — собачьим кормом?

Син была искренне возмущена — всё же в этом городе жили обычные люди, и если, не дай бог, заключённые тюрьмы устроят бунт — мало этим дарквилльским бедолагам не покажется. Отсутствие же элементарной «проходной» системы безопасности приводило беглую преступницу в состояние шока.

— Надо написать на ваше правительство официальную жалобу, — продолжала негодовать брюнетка. — Подумать только, и на что тогда вообще тратятся средства из городского бюджета?

Ли обернулся к Син и спокойным голосом ответил:

— Поверьте, мисс Энжи, средства городского бюджета более чем тратятся на безопасность Дарквилля. Что же касается «Ривер Бридж», то у здешних жителей нет оснований для какого-либо опасения с их стороны. Половина современных жителей города — как раз оттуда.

Син замолчала. Она слышала что-то такое, ещё когда находилась под арестом в «Скай Стоун» — мол, рядом с тюрьмой есть отдельный посёлок, где заключённые по «лёгким» делам спокойно могут прожить назначенные им год-два. Но она не могла поверить в то, что под «посёлком» подразумевался целый город, в котором часть жителей находилась то, что называется, «на поселении»! Однако излишний интерес к этому делу мог невольно выдать их с сёстрами, а потому синеглазая Кроу предпочла ничего не отвечать на этот счёт.

Зато Грослин не собиралась излишне «конспирироваться», а потому прямо спросила:

— Не значит ли это, что и ваш брат также — временно осужденный?

Минни забилась в угол мягкого салона, понимая, что разговор принимает весьма опасный оборот. Она боялась сказать что-нибудь не то, чтобы не подвести сестёр и в то же время — не обидеть Ли. Тот, в свою очередь, вновь посмотрел на Грослин — на сей раз, он заглянул ей в глаза и столь же прямо ответил:

— Вы совершенно правы, Элисон. Джонатан — мой брат, совершил преступление ради любви, и оказался здесь. Но это было очень давно, сейчас у него нет проблем с законом. Вы довольны?

Грослин почувствовала, что начинает краснеть — второй раз за нынешний день. Коротко извинившись, она тоже замолчала, не зная — как исправить неловкую ситуацию. К счастью, Минни наконец-то нашла, что сказать, и тихонько подтолкнула ногу Син, чтобы та подыграла ей:

— Что вы, мистер Медичи — всё нормально, кузина Элисон тоже ведь оказалась в Дарквилле неспроста: такая глупая история приключилась, Элисон даже стесняется вспоминать об этом, вот и уточняет, кто есть кто — на всякий случай. — Минни громко захихикала, пытаясь изобразить глупенькую «Барби».

Гро повернулась к сестре и посмотрела на неё взглядом, полным благодарности. Син тут же подхватила тему, попытавшись, как и Минни, легкомысленно «проболтаться» о «тайне» Гро:

— Точно-точно. Ладно тебе, Элисон, раз уж такое дело — чего скрывать-то? Её кузина — Молли, проигралась вдрызг одному воротиле из Лас-Вегаса, — сочиняла на ходу Син, — Ну и вот. Деньги-то проиграла, а как возвращать — непонятно: парень её, конечно же, сразу бросил, а куда ей было деваться — на руках ведь маленький ребёнок…

— Ребёнок? — Медичи смотрел на девушек с искренним изумлением. Минни казалось, он начинал понемногу «проникаться» к ним. Однако на самом деле, Ли просто изображал крайнюю заинтересованность, в то время как его самого буквально «распирало» от смеха: надо же было придумать такую импровизацию! Однако Медичи был в этом плане «опытным игроком» — его эмоции уже давно исправно подчинялись деятельности разума, и потому он легко мог «переключаться» между кнопками своих чувств. Сейчас он делал вид, что честно верит во весь тот бред, что рассказывали ему девушки.

— В результате, племянника пришлось на время отдать маме, а Молли посадили в «Ривер-Бридж» — отбывать срок за мелкое мошенничество. — Минни закончила историю с нескрываемым удовольствием от их с Син выдумки.

Медичи сидел на переднем сиденье, сложив на груди руки, и наблюдал за падающими на капот и тут же испаряющимися от тепла мотора снежинками. Понимающе взглянув на Гро, он произнёс — обращаясь ко всем девушкам:

— Очень интересная история. Значит, вы приехали в Дарквилль навестить свою осужденную кузину? Элисон, я не в обиде на вас, поверьте. Просто не стоит вам, когда в следующий раз встретите незнакомого человека, вот так сразу критически его оценивать. — Ли очаровательно улыбнулся: — Сейчас я попрошу вас всех ненадолго остаться в машине — мне нужно поговорить с контролёром и достать нам всем пропуска.

С этими словами, Медичи легко выскользнул из автомобиля и направился к микроавтобусу, по пути потрепав за ухо не переставшую надрываться в громком лае собаку. Собака же, успокоенная знакомой лаской, перестала лаять и улеглась рядом с будкой, смиренно положив большую голову на лапы. Подойдя к трейлеру такой походкой, словно он бывал здесь чуть ли не каждый день, мужчина быстро взбежал по ступенькам и начал бесцеремонно барабанить кулаком в хлипкую дверь «поста».

— Мэдисон! Мэдисон! Эй — открывай, старый выпивоха! К тебе гости! — Голос Ли звучал при этом так, будто он приветствует своего старого знакомого.

— Мэдисон!? Ну так что — нам проезжать без пропуска!? Или попросить выписать его Зевса???

При упоминании своего имени, овчарка тут же подняла морду, но, поняв, что её этот вопрос напрямую никак не касается, продолжила созерцать снежинки, падающие на её большой мокрый нос.

Спустя несколько секунд в трейлере раздался шум, отдалённо напоминающий бряцанье пустых бутылок из-под пива. Ещё через мгновение послышался голос, произносящий некие грубые ругательства в адрес того, кто посмел, очевидно, разбудить хозяина данного места. Нетвёрдые шаги по комнате, наконец, приблизились к двери и, крякнув, на Свет Божий предстал Мэдисон Аркетт — чернокожий мужчина лет пятидесяти с заплывшими, как у бульдога, багровыми веками. Красные глаза сначала долго водили по периметру дверного косяка, прежде чем, сфокусировавшись, опознали перед собой приезжего. Мэдисон стоял перед Медичи в одних семейных трусах в полоску и в посеревшей от грязи, бывшей когда-то белого цвета, майке — «алкоголичке».

— Ли!!! Дружище?! Ты почему снова здесь оказ…

В дружественном порыве темнокожий мужчина раскинул руки в разные стороны, тем самым отпустив дверную раму, но

мгновенно потерял равновесие — и рухнул прямиком в «объятия» к Медичи. Тот не растерялся и, ловко подхватив приятеля, занёс его обратно внутрь помещения.

— Так, Мэд, не волнуйся — тебе лучше не выходить на улицу в таком виде, а то мороз нынче ударил — жуть! — Ли уложил старого негра на узкий одноместный диван, служивший тому постелью, и огляделся.

С момента, когда он был здесь в прошлый раз, практически ничего не изменилось — разве что увеличилось количество пустых пивных банок под ногами. Они стали непременным атрибутом этого места: с тех пор, как Мэдисон запил, никто так и не смог объяснить ему, что его обязанности пограничного досмотрщика всё ещё налагают на Аркетта некоторую степень ответственности. Когда же ему предложили покинуть эту должность, он словно взбесился — кричал, что кроме него никто точно не сможет определить — следует пускать в Дарквилль нового человека или нет. Мол, только ему — Мэду Аркетту по силам это понять и всё такое.

Зная местный менталитет, мэр города с трудом, но всё же согласился оставить Мэда. Однако выдвинул при этом условие, что его трейлер будут постоянно проверять — не менее двух раз в неделю. И Мэдисон честно держался — эти самые два дня, которые он заранее выяснял у городской булочницы — жены проверяющего его инспектора. Та дамочка проявляла к старине Мэду «адюльтерный» интерес, и в то же время ненавидела своего мужа — поэтому ей приятно было угождать своему пожилому любовнику в частности тем, что она могла предоставить ему точные сведения относительно следующей проверки. О том, чем такое легкомысленное поведение может грозить городу — булочница не задумывалась, так как была одной из тех современных женщин, что живут, как это принято говорить сегодня «последним днём».

Услышав шум за спиной, Медичи обернулся — в проёме двери виднелась высокая стройная фигура Грослин. Она робко топталась на пороге, не решаясь зайти внутрь. «Очередная проблема с понятиями, — подумал Ли. — Ох уж, эта женская логика — стоит попросить их чего-то не делать, как они сразу же совершают обратное. А ещё бывший психолог…». От Гро не ускользнула презрительная искра, на мгновение промелькнувшая в зелёных глазах полицейского. Но, не зная, чем может быть вызвана подобная реакция с его стороны, девушка списала всё на неприятный разговор в машине.

— Мне кажется, я попросил вас не выходить из авто? — с лёгким раздражением в голосе произнёс Ли.

Гро провела рукой по волосам, она почему-то испытывала тревожное чувство, словно ощущала скрытую в полицейском опасность. Стараясь не слушать глупые мысли, блондинка обратила внимание на «разгромный» интерьер трейлера:

— Похоже, некоторые предпочитают в обстановке стиль «Арт-хаос», — попыталась пошутить она. — Вам не кажется, что для охраны городской границы этот человек несколько…

— Беспомощен? — с ехидной улыбкой закончил за неё мысль Медичи.

Гро провела в воздухе рукой, как бы говоря, что он в точности угадал.

— Мэдисон очень умный человек. — Как ни в чём не бывало ответил Ли, мимоходом подняв с пола промасленную куртку контролёра, после чего накрыл ею бормочащего что-то невнятное мужчину.

— То, что он патологический пьяница ещё не значит, что он — плохо исполняет свои обязанности. У кого в наше время нет маленьких слабостей? — иронично добавил Ли. Гро почему-то показалось, что говоря о слабостях, франтоватый мужчина имел в виду прежде всего её.

— Вы считаете пристрастие человека к алкоголю лёгким недостатком? — спросила Гро.

— Я считаю, что никакая зависимость не может уничтожить в человеке то, для чего он был рождён, — резонно ответил Медичи. — Миссия Мэдисона на этой земле — охранять границы Дарквилля, и пока никто лучше него справиться с этой задачей не в силах.

Такой странный ответ зеленоглазого проводника насторожил Грослин.

— О чём это вы? Почему охранять город — это миссия? И что такого в этом уставшем от жизни человеке, чего нет в остальных жителях?

Ли только слабо улыбнулся, очевидно, сомневаясь в женской способности аналитически оценивать высказывания других людей. В особенности мужчин.

— Милая Элисон, не забивайте свою белокурую головку ненужными загадками — всё равно вам не понять… Давайте ограничимся тем, что вместе доедем до города, а там — спокойно разойдёмся в противоположных направлениях…

— За кого вы меня принимаете, Ли? Откуда в вас столько снобизма? Считаете, что раз вы привлекательны — любая женщина скорее предпочтёт переспать с вами, чем попытается поговорить на серьёзные темы? Боюсь, что вы будете сильно разочарованы, узнав, что ни я, ни мои подруги не проявляем к

вам того интереса, какой вы себе придумали… — Гро прикусила язык, поняв, что её несдержанность может вот-вот выдать их. Однако высокий брюнет лишь от души рассмеялся в ответ на огненную тираду Гро:

— А знаете, вам действительно гораздо больше идёт ваше истинное лицо, нежели то, что вы старались изобразить там, на дороге, и позже! Но, давайте признаем правду — женщинам нравится придуриваться, если цель, ради которой они это делают — личная выгода.

Гро побледнела. Не то, чтобы она была удивлена резкой переменой настроения Ли, но ей всё время казалось, что он чего-то недоговаривает — как будто знает их с сёстрами секрет, и получает удовольствие от этой утончённой «светской» игры. Грослин подошла вплотную к Медичи и так же прямо, как сделала это в машине, спросила его:

— Мистер Медичи — кто вы?

Тот нежно взял её руки в свои, но когда Гро попыталась выдернуть их — Ли только сильнее стиснул её длинные тонкие пальцы.

— Что вы делаете? Мне больно, — сквозь зубы произнесла девушка. — Немедленно прекратите или я закричу — посмотрим тогда, что вы задумали…

Медичи притянул Грослин к себе, так что его губы оказались как раз напротив её уха, и тихим шёпотом произнёс:

— Я — всего лишь бизнесмен, жаждущий подвезти трёх симпатичных цыпочек до города. А ты, — продолжил он. — Не задавай вопросов больше, чем сможет разрешить твой крохотный умишко. Не пытайся доказывать мне свою индивидуальность — я знаю всю твою подноготную…

Грослин дёрнулась, пытаясь отстраниться от Медичи как от противного паука, но тот лишь плотнее прижал к себе «муху»:

— Ты сейчас пойдёшь и сядешь обратно в автомобиль, и не скажешь сёстрам ни слова — ты меня поняла? Иначе в город вы — ни ногой, это я гарантирую. Я доступно объясняю? Кивни, если поняла, но ни звука вслух.

Светловолосая Кроу не знала, как поступить. Всё её тело объял ступор в тот момент, когда Медичи произнёс слово «сёстры». Шок — естественная реакция, последовавшая за этим, заставила девушку подчиниться требованиям полицейского. Она кивнула. Медичи довольно посмотрел в её расширившиеся от страха глаза и испытал неподдельное удовольствие от её эмоций:

— Прекрасно, милочка. Иди, а я пока достану нам пропуска, — сказал он, отпуская её. Девушка бросилась к выходу, когда услышала за своей спиной резкий голос:

— Иди спокойно. Шагом, — уточнил он. — И не думай, что я поверил во весь этот бред с кузиной… Я слежу за тобой — одно «случайное» слово сестричкам, и вам конец.

Грослин остановилась и, обернувшись, ответила тихим голосом:

— Я не знаю, что вам от нас нужно и кто вы на самом деле, но один вывод я для себя сделала точно. Ты — сукин сын, Ли Медичи, и у тебя ничего не выйдет!

— Удачи, — спокойно сказал полицейский. — Ты промолчишь сейчас и будешь молчать после — ради своих сестёр. А в городе — нас ждёт совместное времяпрепровождение, и от твоего закрытого рта будет зависеть — будет оно приятным или нет.

С этими словами Медичи достал из внутреннего кармана пиджака сначала чёрные кожаные перчатки, которые не спеша натянул на свои узкие изящные руки. А потом, как по волшебству, в его руках появилась тёмно-серая корочка, открыв которую — он продемонстрировал блондинке блестящий золотом полицейский значок. Гро так и застыла в дверях, не в силах пошевелиться — коп! Господи, она ведь так не хотела, чтобы он заметил их — полицейский!!!

— Твою мать…, - только и смогла выговорить девушка на выдохе, устало опустив голову и посмотрев себе под ноги. Старые, истёртые от времени кроссовки снова развязались.

В этот миг темнокожий контролёр заворочался на диване и, временно придя в себя, вновь обрёл дар речи. Протерев глаза, он сконцентрировался сначала на фигуре Медичи, потом — на светловолосой девушке в дверях. Секунду он смотрел на молчаливую сцену, не мигая, потом медленно заворочал языком, нечётко выговаривая слова после пьяного сна. Грослин не стала его слушать, только едва сдерживая слёзы сбежала вниз по ступенькам и кинулась обратно в машину, в то время как Мэд Аркетт за её спиной пытался выговорить, обращаясь к Медичи:

— Н-н-нельзя… Пускать н-н-… её н-нельзя пускать…

Мужчина обернулся к пожилому приятелю и ласково сказал:

— Мэд, дружище — давай-ка поболтаем…

* * *

Медичи незаметно щёлкнул выключателем микрофона в тот момент, когда заносил пьяного «в усмерть» контролёра обратно в трейлер. Он не собирался доносить до широкой общественности свои личные интересы касательно данного дела, а потому

предпочёл просто отключить оборудование — временно, конечно. До того момента, когда оно ему снова понадобится. Придёт время отчитываться — он сошлётся на постоянные в этой геомагнитной зоне помехи, сейчас же — что Хоспеку, что Ромирезу — не стоит слышать всего того, что намеревается говорить Ли. Именно поэтому весь разговор Медичи с Грослин остался только между ними — к великому неудовольствию его старших коллег, оказавшихся в полной неизвестности на целых сорок минут на «обратной» стороне «провода».

— Что за фигня? Почему звука нет? — Ромирез нервно переключал рычажки на широкой панели, отвечающей за регулировку чистоты и качества поступающего сигнала.

— Не понимаю, — растерянно произнёс Хоспек. — Когда мы подключались, всё было идеально. Может, какие-то сбои в работе наушников?

— Рискну предположить, что дело здесь в чём-то другом…, - Доналд выразительно взглянул на пожилого мужчину с усами. Тот в ответ пожевал губами, словно не знал — что это могло означать.

— Намекаешь, что уже пора вызывать спецподразделение? Видимых признаков опасности-то — нет. Повременим пока, — успокаивающим тоном добавил Хоспек.

— А если его жизнь в этот момент висит «на волоске»? Учти, ты сам будешь объяснять его родным — как решил «повременить», когда их сына и брата жестоко убивали. — Ромирез закурил третью сигарету, и неторопливо выпустил серое облако едкого табачного дыма.

— А-а-а, Дон — не драматизируй! — вскипел Хоспек. — Вечно ты всё усложняешь, предполагаешь сразу же самый худший вариант… — Детектив Хоспек сделал большой глоток минеральной воды.

— Нет, худший вариант — это если мы потом вообще не сможем его опознать, — спокойно ответил Ромирез. — То, что я говорю — реальная ситуация, и преследуем мы, как ты точно выразился, «опасных рецидивистов». Так что, — мужчина снова сделал глубокую затяжку. — Так что сейчас только от нас зависит — вернётся Ли с этого задания живым, или мы обнаружим его в канаве, неподалёку от Дарквилля — порезанного на мелкие кусочки.

Детектив Хоспек неспеша вытащил из кармана упаковку мятной жвачки и, намеренно долго возясь с обёрткой, вынул, наконец, одну пастилку и с наслаждением закинул её себе в рот. Сделав два-три жевательных движения, седоусый мужчина посмотрел на молчаливо курящего напарника.

— Спецгруппа подождёт, — изрёк наконец он. — Медичи себя в обиду не даст — это точно.

Ромирез безразлично пожал плечами — так он пытался скрыть охватившую его злобу.

— Как хочешь, — выпустив очередную порцию дыма, сказал он. Затем поднялся с кресла и долго потянулся, разминая вконец затёкшие мускулы.

— Дай знать, когда сигнал снова появится — я иду в кафе, хочу чего-нибудь пожевать. Тебе взять?

— Черничный пирог и овощное рагу, если будет. Спасибо, Дон. — Ответил Хоспек, стараясь, однако, не смотреть при этом в глаза Ромирезу.

Доналд кивнул, и, подхватив пальто, с облегчением вышел из кабинета. По пути он с силой швырнул пустую пачку из-под сигарет в мусорную урну. Ему нужно было чуток развеяться, иначе он тут сойдёт с ума.

Что до Хоспека, то он остался неподвижно сидеть на своём стуле — ожидая вновь услышать в ухе голос молодого офицера, и взвешивая попутно всю тяжесть свалившихся на него решений.

Голубой автомобиль скользил по дороге, всё быстрее приближаясь к воротам серого городка, и сидевший за рулём человек весело болтал со средней из сестёр Кроу. Она была единственной, с кем у него завязался более-менее «лёгкий» разговор, так как никто, кроме неё не был расположен к дальнейшей беседе с брюнетом. Грослин, как только села в машину, сразу же замкнулась в себе, и, насторожив этим Синайю — невольно заставила и её на время забыть о каких-либо разговорах. У Син не было возможности расспросить Гро как следует — Ли вернулся практически сразу после того, как блондинка оказалась в салоне «Корвета». На вопрос — видела ли она в трейлере что-нибудь подозрительное, девушка лишь отмахнулась, сказав, что «ничего особенного, кроме старого пьяницы» там нет и быть не может. Такой ответ совсем не понравился Синайе, зато абсолютно устроил Минни, в тот же момент восхитившуюся «бытовым героизмом» Медичи, не оставившего своего невменяемого друга замерзать на улице. Син хотела было накричать на Минни, но в этот миг случайно заметила в зеркале заднего вида блеснувшие в глазах Грослин бусинки слёз. Та сделала рукой короткое движение, словно потирает уставшие от обилия белого снега веки, после чего отвернулась к стеклу и не произносила больше ни единого слова до самого выхода всех сестёр из машины. Медичи, практически в ту же секунду появившийся на водительском месте — гордо

продемонстрировал девушкам четыре картонных пропуска, с печатью и подписью Мэда Аркетта. После чего, с чересчур довольной физиономией продолжил путь, вступив с Минни в непринудительную беседу о какой-то ерунде.

Через несколько сотен метров показались высокие чугунные ворота, возвышавшиеся над землёй на высоте, равной двухэтажному жилому дому. Причудливое литьё расползалось по всей площади ворот длинными, перекручивающимися между собой листьями, которые отдалённо напоминали не то лианы, не то ядовитый плющ. Среди бесконечной «зелёной изгороди» местами проглядывали какие-то непонятные рисунки, больше походившие на условные изображения цветов на средневековых гравюрах. Они были вытянутыми кверху, но оканчивались при этом пышным соцветием из нескольких мелких цветков. Одним словом, всё это выглядело одновременно и красиво, и жутковато. Рядом с воротами стоял на посту бледный, прямой как палка, молодой мужчина в серой военной форме.

Сёстры с удовольствием вылезли из машины, и стали потирать затёкшие от долгого сидения ноги. Медичи также вышел из авто, и с вежливой улыбкой достал из багажника сумки девушек.

— Добропожаловать в Дарквилль! Предъявите, пожалуйста, ваши пропуска. — Скороговоркой произнёс «привратник».

— Непременно, Уэсли. — С той же вежливой улыбкой, словно «приклеившейся» к его лицу, откликнулся Ли.

Медичи показал ему четыре пропуска, а Уэсли, в свою очередь, внимательно проверил каждый из них, после чего вручил их сёстрам Кроу по отдельности — так сказать, вверил «каждой сестре по серьгам».

Син задрала голову и прищурилась, стараясь лучше рассмотреть витиеватое литьё из чёрного чугуна. К её удивлению, она не смогла найти ни одной полоски света на всей протяжённости врат (во всяком случае, насколько хватало глаз) — казалось, они абсолютно цельные, без признаков каких-либо зазоров или щелей. Но что было самое странное — в них не было и намёка на висячий замок или замочную скважину! Ворота представляли собой сплошную стену! Син тихонько присвистнула, комкая в руке свой пропуск:

— Ух ты! А я смотрю, здешнее правление — большие любители готики и барокко в смысле оформления фасадов? Где же вход? — поинтересовалась синеглазая брюнетка.

Гро и Минни, занятые багажом, сперва не поняли, о чём идёт речь. Но вскоре и они заметили удивительную особенность дарквилловских врат. Уэсли переглянулся с Медичи, и

понимающе улыбнулся:

— Леди первый раз в нашем городе? — мягко спросил он.

«Леди» кивнули. Ли поспешил ответить прежде, чем кто-то из них открыл рот:

— Мы тут проездом — по общему делу, — быстро пояснил он. — Ну, а я вновь хочу навестить брата — всё-таки глупо вышло, что я в тот раз без подарка. Неудобно, сам понимаешь…

— Да-а, ничего — со всяким бывает, это ж жизнь! — Уэсли явно «оживился», увидев знакомого. — Простите за формальность, мистер «М» — это ваши подруги? — Молодой человек повёл рукой в сторону сестёр. Брови его при этом изогнулись в приступе неприличного любопытства.

— Да, хотят повидать родственницу…, - уклончиво ответил Ли.

— Правда? Здорово, а кого? — вновь поинтересовался «часовой». Однако Медичи прервал дальнейшие расспросы вежливым тоном, в котором угадывались нотки раздражения:

— Уэс, ты извини нас — ещё так много дел впереди…

Парень смутился, поняв свою оплошность, и торопливо достал из нагрудного кармана тонкую пластиковую карточку с золотыми горизонтальными, и серебряными вертикальными краями.

— Простите, сэр. Я совсем не хотел вам докучать, просто знаете — стоишь тут как пень половину дня, и поговорить-то не с кем…

— Всё нормально, — сухо ответил Ли. — Ты молодец, Уэс — так держать.

И Медичи легко похлопал его по плечу, пока тот, повернувшись к воротам, совершал с помощью карточки какие-то манипуляции. Син с сёстрами не удалось разглядеть из-за его спины — что именно он делал. Однако через несколько секунд раздался высокий звуковой сигнал, и Уэсли свободной рукой (в другой была короткоствольная винтовка) толкнул ту часть стены, которую «охранял». Узорчатое полотно стены поддалось, и перед девушками образовался рельефный проём, в который спокойно можно было пройти. Вот почему нигде не было видно спаек — они в точности повторяли цветочный рисунок стены!

Поразившись столь оригинальному механизму открывания двери, сёстры вместе с Медичи прошли внутрь. Сразу же после того, как они переступили невидимый в снегу порог, створка ворот автоматически закрылась за ними — издав при этом всё тот же звуковой сигнал, что и на входе.

— Ой, а как же машина?! — Спохватилась Минни, пройдя пару шагов.

— Всё в порядке — её сейчас загонят с другого входа, — как ни в чём не бывало ответил Ли.

— Другой вход? Специально для автомобилей? — удивилась Синайя.

— С этим здесь очень строго — машины должны проходить отдельную проверку, — пояснил Медичи.

— Особый досмотр? — Спросила Минни.

— Кажется, теперь я начинаю понимать, что вы имели в виду, говоря, что большая часть «городских» денег уходит на его охрану, — сказала Син. — Но к чему такие крайности? Этого я не могу понять.

— Благодарю, я надеялся на ваше понимание, — с ноткой иронии произнёс Ли. — Всё дело в стратегической ценности этого места, — ловко «ушёл в сторону» от ответа полицейский. — К сожалению, я не в праве разглашать всю информацию, — загадочно добавил он.

— Шифруетесь? — шутливо переспросила Син.

— Предпочитаю термин «конспирация» — это правильнее отражает суть дела, — вновь попытался «увильнуть» зеленоглазый. — А, вот и наше «средство передвижения», — протянул он довольным голосом, увидев, как его «Корвет» возвращается к своему владельцу.

Машина остановилась в пяти метрах от героев. Из кабины вышел человек в такой же серой форме, как и у Уэсли, и знаком подозвав Медичи, стал активно о чём-то с ним перешёптываться. Парочка отошла довольно далеко, так что девушки не могли слышать их разговора, однако Медичи стал сильно размахивать руками, очевидно, объясняя что-то военному.

— Интересно, о чём они разговаривают? — Минни с тревогой глядела на своего новоиспечённого «рыцаря в сияющих латах». — Надеюсь, мы нигде не прокололись — вдруг у него из-за нас будут проблемы? — добавила девушка с озабоченным видом.

Грослин по-прежнему ничего не говорила, только смотрела на Медичи грустными глазами. Син перехватила этот «безысходный» с её точки зрения взгляд, и помахала перед носом сестры здоровой рукой:

— Алло! Эй, сестричка — «Земля вызывает Гро»! — громко прошептала она. — Только не говори, что и ты вдруг ни с того, ни с сего влюбилась в этого хитроглазого крота?!

Грослин поймала руку сестры и посмотрела ей в глаза с горестным видом:

— У нас проблемы, — только и успела она сказать, когда заметила, как к ним вновь приближается Медичи. На этот раз он был чем-то сильно недоволен.

— Так, девушки — нам придётся ненадолго расстаться… У вас всё в порядке? — спохватившись, спросил он — заметив выражение лиц Синайи и Грослин.

— Всё отлично. — Сухо ответила Гро, развернувшись и подхватив лежавшую на земле сумку с вещами. — Мы можем остановиться в какой-нибудь гостинице, если они тут вообще есть? — деловым тоном спросила светловолосая сестра.

Медичи внимательно посмотрел сначала на Грослин, потом — на Син. Догадавшись по растерянному лицу последней, что старшая сестра не успела ничего сообщить ей — Медичи заметно расслабился. Он даже слегка улыбнулся и ответил, имитируя добродушный тон гостеприимного хозяина:

— Конечно же, здесь есть постоялый двор. Он, правда, не очень большой (сами понимаете, приезжих по своей воле тут не так уж много), но… Вполне приличный.

— Как его найти? — тем же официальным тоном спросила Грослин.

— «Постоялый двор»??? Что, как в стародавние времена!? — неожиданно воскликнула Минни. Видимо, до неё только сейчас дошёл смысл сказанного Медичи — до этого она «с пристрастием» изучала глазами его мягкие, плавной линии губы.

«Господи, он что — ходячий сгусток афродизиаков? С чего же она так внезапно отупела?! И почему на нас с Гро его очарование никак не действует?», — подумала про себя Синайя. Она открыто толкнула локтем Минни, чтобы та хоть на мгновение «пришла в себя». Медичи, как всегда, сделал вид, что ничего не видел. Однако на вопрос Гро ответил:

— В Дарквилле не так много улиц, и все они упираются в круглую Площадь. Идите прямо, потом направо — рядом со школой увидите маленькую развилку и указатель с вывеской «Славный моряк», вот это-то и будет наша гостиница, далее следуйте указателю — на нём всё подробно написано. — Завершил объяснение Ли.

— Я же пока отгоню машину к брату — заодно и передохну у него. Вечером можем встретиться в баре «Весёлый костыль» — он стоит прямо на площади, — весело добавил мужчина и подмигнул Грослин. Та отвернулась. Син удивлённо перевела взгляд сначала на Гро, потом на Медичи, но решительно ничего не поняла — кроме того, что Ли, очевидно, избрал объектом своего вожделения отнюдь не Минни, а Гро, ей же это пришлось не по нраву.

Минни, наблюдавшая за развернувшейся сценкой, недовольно надула губы. Значит, Гро всё-таки успела пофлиртовать с Ли, и теперь он отдаёт своё предпочтение ей! «В

трейлере определённо что-то было», — «рассудила» средняя сестра. Такого поворота Минни допустить не могла, а потому решила «переключить» внимание Медичи с персоны златовласой Гро на «себя любимую»:

— Как вы смотрите на то, чтобы нам всем встретиться в этом баре в семь вечера? — Минни улыбнулась своей лучезарной улыбкой. — Элисон, — внезапно обратилась она к Гро. — Если ты устала или не хочешь — ничего страшного, мы прекрасно можем посидеть втроём, правда же Энжи?

У Син свело челюсть от неутолимого желания свернуть сестре шею.

— Спасибо, но я бы тоже предпочла отдохнуть с дороги. К тому же — нам ещё искать здесь кузину, ты не забыла — Кортни? — Сквозь зубы процедила синеглазая сестра.

В глазах Грослин промелькнула тень страха:

— Нет-нет, мы придём — только нам действительно нужно отдохнуть, хорошо? — спросила она Ли чуть ли не умоляющим голосом.

Синайя с непониманием взглянула на Грослин. Казалось, та чего-то боится, и практически «спрашивает разрешения» у этого странного франта! Она — Грослин Кроу, которая ведёт себя с мужчинами максимально независимо, буквально «вымаливает» разрешение на уединение у какого-то первого встречного мужика??? Тут явно было что-то не то, и Син горела желанием как можно скорее во всём разобраться — а для этого им троим непременно следовало остаться наедине — хоть на какое-то время отделаться от Медичи.

— Замечательно. Тогда вечером, в семь. «Весёлый костыль» — не забудьте. — Медичи сделал театральный прощальный жест рукой, словно провожал прекрасных принцесс в дальнее путешествие, после чего сел в свою «сказочную» голубую машину и, взвизгнув тормозами — умчался в ближайший переулок, предоставив троицу Кроу самим себе — впервые за этот день.

Син потопталась на месте, но обе её сестры и не думали никуда идти. Грослин находилась в какой-то непонятной прострации, а Минни стояла напротив — сверля старшую сестру пламенным взглядом. Они держали сумки, но словно «примёрзли» к земле. Син не выдержала, и, подойдя к Грослин — стащила с её плеча спортивную сумку, вместе с тем больно зацепив обнажённую кожу на её руке своей жёсткой шиной.

— Ай! Син, нельзя ли поаккуратнее? И вообще — тебе пока нельзя нагружать руку, — «очнувшись», произнесла Гро бесцветным голосом.

— Надо же — разговорилась, — буркнула Син, закидывая

сумку на плечо.

— Так мы пойдём уже искать этого «Моряка» или как?? — спросила она, обращаясь одновременно к Минни и Гро.

Грослин согласилась и пошла вперёд, одновременно озираясь вокруг в надежде отвлечься от мрачных мыслей. Минни гневно топнула ногой и двинулась вслед за остальными сёстрами. Как только она поравнялась с Син, то услышала тихий, полный стальной прохлады голосок:

— А с тобой мы поговорим в номере. Отдельно, — угрожающе предупредила сестра.

* * *

Дарквилль был не самым «радостным» местом, в котором Син когда-либо довелось бывать. Шагая по мощёным серой брусчаткой улочкам, девушке казалось, что она попала в прошлое — причём в очень далёкое прошлое, как минимум, лет двести, а то и все триста (Синайя была не слишком сильна в истории). Абсолютно всё вокруг было словно «выкрашено» в чёрно-белую гамму, изредка разбавляемую оттенками серого (если такое вообще могло быть). Дома, старые кирпичные постройки, в высоту насчитывали всего три-четыре, иногда пять этажей. Не только у Синайи, но и у остальных сестёр складывалось впечатление, что эти здания — студенческие общежития или дома для самых бедных жителей, которые администрация городка позабыла в своё время снести.

Иногда среди однообразия и серости «проскакивали» вдруг яркие краски: так, например, девушки очень удивились, встретив на своём пути красивый рекламный плакат, на котором изображались несколько молодых симпатичных моделей в ярких разноцветных чулках. Жёлтый, синий и зелёный — цвета колготок в буквальном смысле «ослепляли» зрение сестёр, успевших было немного привыкнуть к основной «палитре» этого места. Под плакатом некий «энтузиаст» додумался прибить фанерный лист, на котором угольным карандашом была сделана следующая надпись: «Дарквилль гордится своими чулками и талантами — Трейси Сокс, мы тебя обожаем!». Не менее красочной являлась и реклама местного похоронного агенства «Имэйдж»: растяжка занимала одну из фронтальных стен трёхэтажного жилого дома. В шикарном гробу из явно дорогой древесной породы сидела одна из тех моделей, что ранее щеголяла в зелёных чулках. На этот раз, на ней было надето пышное бальное платье из многочисленных слоёв тюля и

«газовой» ткани, украшенное стеклярусом и горным хрусталём. Девушка была бледна и держала в левой, прижатой к груди руке, распустившуюся до самой сердцевины белую розу, в то время как её длинные золотистые волосы (явно крашеные) томным водопадом спускались на атласный лиф бледно-розового платья. Губы были намазаны искрящимся блеском, а веки подведены лиловым карандашом. Над головой модели гордым готическим шрифтом было выведено название агенства, а непосредственно под фотографией «вилась» шёлковая красная лента, из которой постепенно «расплетался» слоган фирмы: «Смерть? Жизнь? Красота — вот что превыше всего».

— О, да — кто-то пресмотрел слишком много фильмов Тима Бёртона! — воскликнула Минни. — Я даже не знаю, как это воспринимать: как искусство или издевательство?

Грослин опустила глаза и только тут заметила, насколько сильно «контрастируют» люди, медленно бредущие по улице, с «кричащим» рекламным «билбордом». Почти все, кто попадался им по пути, одевались в простую, чуть ли не «крестьянскую» одежду, преимущественно тёмных тонов. Женщины носили длинные пальто, похожие на старинные сюртуки, и были застёгнуты на все пуговицы — вплоть до самого горла. Иногда на них можно было видеть белый накрахмаленный воротничок, или даже фартук — совсем как в девятнадцатом веке! Из-под подола длинных юбок выглядывали носки чёрных туфель, и абсолютно все дамы этого города носили на голове или косынку, или любой другой головной убор. Пока Грослин отметила лишь шляпы и старомодные женские чепцы на завязочках. Они точно попали не в своё время, потому как на сестёр всё чаще падали «нездоровые» взгляды мужчин и порицательные — женщин.

Кстати о мужчинах: представители сильного пола в Дарквилле как раз-таки выглядели вполне современно, за исключением того, что и их наряды тоже не «баловали» взгляд обилием красок. Они, скорее, напоминали костюмы мужчин из тридцатых-сороковых годов двадцатого века, когда царил элегантно-простой стиль, и бессменным атрибутом любого выхода в свет являлся жилет и кепи. Всё это было тем более странно, что как раз по соседству с тем домом, где висела провокационная реклама агенства «Имэйдж» — спокойно размещался магазин электротоваров и бытовой техники, чьи ярлыки таких брендов как «Самсунг» и «Тошиба» открыто заявляли о царившем вокруг веке двадцать первом.

Поймав на себе очередной суровый взгляд какой-то пожилой дамы, Син не выдержала:

— Не знаю, почему, но здесь в джинсах я себя чувствую

абсолютно голой, — девушка издала нервный смешок. — А вам, случаем, ничего такого не чудится? — Син непроизвольно натянула чёрную кепку как можно ниже, закрыв, таким образом, для посторонних свои ярко-синие глаза.

Грослин повернулась к младшей сестре и посмотрела на ту вопросительно. Син в ответ удивлённо развела руками:

— Я-то тут при чём? Ещё скажи, что я всё знала, и как всегда специально — ничего не рассказала вам об этом месте. Клянусь, — девушка быстро перекрестилась. — Мне и в голову прийти не могло, что мы окажемся в такой… Хм-м, в такой ситуации. — Неуверенно закончила брюнетка.

Гро по-прежнему смотрела на неё с недоверием.

— Ах, ну конечно! Что же скрывать — давайте начнём с самого Великого Потопа — да, признаюсь — это я его спровоцировала…, - начала драматическим голосом Синайя. — Потом был ещё этот, ну как же его… Содом и Гоморра, вот! И я лично заказывала через один сайт самые горячие Огонь и Серу Небесную, они ещё поразились: зачем мне так много надо? Но сделали всё же оптовую скидку…

— Ладно, ладно — хватит паясничать, — осадила её Грослин. — Просто… Это реально странное место — не нравится мне здесь. — Блондинка провела рукой перед своим лицом, как будто пыталась отогнать дурные мысли.

— А по-моему, так здесь очень даже клёво! — Тряхнула головой Минни. — Мы с вами словно попали в старое кино — помните, тогда ещё вся плёнка была почти бесцветная?

Син застонала.

— Естественно, тебе «клёво» — здесь же твой ненаглядный Ли разъезжает на своём новеньком «Корвете», — съязвила Синайя. — Я решительно не понимаю, что такого ты в нём нашла, что…

Син заметила, как Грослин невольно передёрнуло при упоминании имени их нового знакомого.

— Эй, Гро — ты в порядке? Что-то неважно выглядишь в последнее время, — участливо отметила самая младшая из Кроу.

Гро выдавила слабую улыбку — она получилась настолько фальшивой, что это бы разглядел даже жуткий плакат на соседнем доме.

— Син, не тебе за меня переживать. Всё нормально — пойдёмте дальше. Найдём, наконец, гостиницу — выспимся, и решим, как быть дальше. — Гро пыталась говорить обычным голосом, но он то и дело вот-вот готов был сорваться. Светловолосая девушка нечеловеческим усилием воли держала себя в руках — внутренний голос подсказывал ей, что рано пока

ввергать в панику сестёр. Она должна убедиться, что их никто не сможет услышать, и только тогда, возможно, ей придётся рассказать правду о Медичи — если, конечно, что, что она видела — было правдой. Сердце начинало усиленно выстукивать в её груди, но она сделала глубокий вдох — и попробовола успокоиться.

— Знаешь, что мне не нравится? — едким голоском спросила блондинку Син. — Ты.

Девушка обиделась и прошла мимо сестры вперёд, даже не выслушав то, что она собиралась сказать ей. Минни подошла к Грослин и положила той руку на плечо:

— Прости. Я не хотела, чтобы вы снова поссорились. Это всё из-за меня — знаю, у меня немного «снесло башню» от Медичи, но это вовсе не значит, что я не понимаю — где нахожусь, и ради чего мы здесь. Просто я давно уже не испытывала таких эмоций, какие чувствую рядом с ним. Не знаю — может, это паранойя какая-нибудь или шизофрения, — кареглазая шатенка улыбнулась. — Каков твой диагноз, а, шеф?

Грослин похлопала сестру по руке и грустно рассмеялась:

— Влюблённость — это навязчивая идея, следовательно — у тебя шизофрения! — торжественно объявила Гро.

— Как ты думаешь, мы сможем когда-нибудь найти с Син общий язык? Как-то понять — что творится у неё внутри? — с надеждой спросила больше саму себя, чем сестру, Грослин.

— Ты разве так и не поняла? — нахмурившись, переспросила Минни.

— Чего не поняла?

— Синайя — это не то, что ты видишь на поверхности. Психопат ли, ведьмак ли — это же всего лишь личина, чтобы скрыться от людей и не допустить их в свой внутренний мир, — ответила средняя сестра. — У неё не просто есть сердце и проблемы с социализацией в голове — у Син в этом сердце огромная рана от чего-то, что с ней сделали эти сатанисты в Риме. — Голос Минни стал злым. — И куча последствий, осевших в голове — они не пускают её истинное «я» на свободу, вот она и боится лишний раз показывать свои настоящие чувства. Найти бы этих подонков…, - голос Минни внезапно осёкся, словно ей вдруг резко стало не хватать кислорода.

Гро посмотрела в глаза сестре и увидела, как по щекам её бегут слёзы. К счастью, на Минни не было туши для ресниц, поэтому она легко смогла совладать с носовым платком, тут же предложенным ей Грослин.

Немного успокоившись, девушки вдруг поняли, что потеряли Син — она ушла вперёд, но куда именно — было загадкой.

Решив, что она наверняка будет ждать их на площади, сёстры незамедлительно направились в центр города, поминутно сверяясь у случайных прохожих. Те хоть и хмурились каждый раз при виде их грязных джинсов и кроссовок, но дорогу всё же подсказывали. Поэтому Кроу относительно быстро смогли попасть туда, куда по уверению Медичи, вели все дороги в городе.

Круглая Площадь оказалась одним из тех мест, которые безоговорочно имели право называться «красивейшими». И во многом, площадь была обязана этим огромной, просто неимоверных размеров — голубой ели, смело возвышавшейся над всеми жителями и домами города, казавшимися в сравнении с ней — сущими лилипутами. Ель росла из обнесённого каменной изгородью, старинного колодца, который теперь служил своеобразной «клумбой» для гигантского дерева. Вокруг ели играли несколько ребятишек, то и дело подскакивающих к ограде, и кидавших за её пределы грецкие и кедровые орехи. Мамаши в это время сидели на ажурных чугунных скамеечках, идущих вкруг — по периметру площади. Подстелив под себя тёплые пледы, женщины плотнее укутывались в накинутые на плечи шали. Они делились друг с другом последними городскими новостями, а заодно обменивались свежими сплетнями, сдабривая всё это горячим дымящимся «капуччино» в толстеньких фарфоровых чашках — зажатых между тонкими, затянутыми в лайковые перчатки пальцами.

Там же, на площади, находилась уютная маленькая кофейня с незамысловатым названием «Свежий кофе у Салли» и газетный киоск, продававший, как гласила надпись на козырьке: «Всегда свежую прессу».

— Отлично, — недовольно буркнула Грослин. — Мы «прошляпили» нужный поворот, и как следствие, оказались прямиком на площади. Класс!

Блондинка тихо выругалась, одновременно сбрасывая с плеча внезапно осточертевшую ей сумку. Минни же тем временем разглядывала огромную голубую ель. Вдруг она воскликнула:

— Гро, гляди — там белки! Самые настоящие белки! Так вот кому дети орехи кидают, — восхищённо затароторила девушка, после чего также кинула свой «вещевой мешок» и поспешила к суетящимся вокруг каменной ограды ребятишкам.

— Подумать только, Гро! Кто бы мог поверить, что в таком мрачном месте может быть такая прелесть! — Восклицала Минни.

Немногочисленная ребятня спокойно отнеслась к компании молодой девушки-чужеземки. Их не смутили ни её грязные светло-голубые джинсы, ни наличие двух свитеров и куртки,

застёгнутой уже до самого носа. Они охотно поделились с ней своей порцией «прикорма» для грызунов, и все вместе стали издавать причмокивающие звуки с целью подманить маленькое юркое животное поближе. Действительно, вскоре на их импровизированный зов, с веток ели стали раздаваться шуршащие звуки. Потом послышалось характерное «попискивание» и вот уже целых четыре серебристо-чёрных белки лакомились очищенными грецкими орешками почти что «из рук» юной компании. По их гладкой спинке проходила снежно-белая линия, заканчивающаяся у основания роскошного пушистого хвостика.

— Минни, ты как ребёнок, честное слово! Пойдём, нам ещё надо Син найти. — Попросила сестру Грослин. Но и она подошла к детям, а те непреминули угостить орехом и её. Вздохнув, блондинка присела на корточки рядом с Минни, и осторожно вытянула руку с лакомством. Носик одной из белок — самой маленькой по размеру изо всех четверых, радостно задёргался в предвкушении еды. Не успев испугаться, Гро осталась сидеть с пустыми пальцами, из которых мгновением до этого был выдернут золотистый орешек. Маленькие лапки пушистого животного крепко сжимали угощение своими цепкими коготками, а хруст раскусываемого ядра весело трещал посреди холодной улицы. Гро не смогла удержаться, и улыбнулась от умиления.

— Боялась, что она тебя укусит? — Спросила Минни. — Не стоит, эти животные чувствуют, когда к ним приходят с добром.

— Но при этом никто не гарантирует, что она не пожелает на завтрак твой палец вместо ореха, — шутливо возразила Грослин.

— Э-э, леди — наши белки вообще не кусаются, — вступился за «мохнатых граждан» дерева местный мальчуган лет восьми. — Они волшебные и такими глупыми вещами не занимаются. — Гордо пояснил он.

— Волшебные? — переспросила Минни. — И в чём же заключается их волшебство? — Уточнила, улыбаясь во весь рот, Минни. Ей нравилось общаться с детьми. Грослин лишь заинтересованно посмотрела на мальчика, подмигнув тому — чтобы поощрить его к ответу. Однако ребёнок и сам был не прочь разъяснить гостьям города, что к чему.

— Если загадать в Новый Год желание под этой самой елью, и попросить белку исполнить его — так и будет. Но, — вдруг добавил мальчик. — Это надо сделать обязательно до двенадцати часов, и не забыть оставить подарок для Эбби…

— Эбби? — уточнила Гро.

— Самой старой белки на этом дереве, — шёпотом объяснил он. — Нельзя, чтобы она услышала. Эбби живёт высоко-высоко, и

нечасто спускается, но она всё ещё жива — это все в городе знают. Если мисс Эбби услышит, как её обзывают «старухой» — она может и обидеться, и тогда вместо исполнения желания вас ждёт горячий уголёк в чулке…

Пока мальчик горячо шептал, рассказывая сёстрам эту историю, с одной из скамеечек неторопясь поднялась высокая худая дама с длинной тростью и маленькими шажками медленно «поплыла» к увлечённому мальчугану. Сёстры заметили длинную чёрную тень, ползущую к ним по снегу словно змея, и невольно подняли глаза вверх. Через секунду появилась и сама дама, чьё узкое тощее тело, затянутое в тёмно-синее облегающее пальто из шерсти — и впрямь чем-то напоминало змеиное. Заметив, что взгляды слушательниц устремлены высоко над его головой, мальчик поспешил обернуться. После чего тут же получил лёгкий удар тростью по левой щеке.

— Мистер Шон Эндрюс! Разве я не говорила Вам, что категорически запрещено общаться с незнакомыми людьми? Тем более, если Вы видите, что они родом явно не из нашего города?!

Девушки вскочили с земли, и негодующим взглядом уставились на женщину, посмевшую ударить беззащитного ребёнка.

— Вы что себе позволяете!? — воскликнула Минни. — Он просто рассказывал нам сказку, и всё!

— У него может случиться психологическая травма — хотите, чтобы мальчик на всю жизнь остался заикой?! — поддержала сестру Гро.

— Извольте представиться, юные леди! — ледяным тоном попросила женщина. — Что-то я не припомню, чтобы к нам в Дарквилль являлись вот так — безо всякого уважения к нашей культуре и правилам поведения! В противном случае, вы были бы уведомлены о том, что взрослым жещинам запрещено садиться на корточки в присутствии мужчин и детей. И уж тем более запрещено, — ядовито «процедила» она. — Носить в черте города брюки, джинсы и всё, что, так или иначе, позорит женскую честь. В том числе, и открытые волосы.

После столь подробного разъяснения здешних «правил поведения», женщина вновь обратила своё внимание на бедного «мистера Эндрюса» — бесцеремонно взяв того за ухо, и преспокойно отведя его на «безопасное» с её точки зрения расстояние от этих «развратных девок», как успели услышать сёстры. По пути жуткая дама пообещала мальчику: «Сегодня вечером, и завтра — останешься без ужина, ясно?!». Минни хотела было пойти за дамой и высказать той всё, что она думает о подобных методах воспитания, но Грослин удержала её за руку.

«Пойдём лучше отсюда, — сказала она. — Видно, здесь все немного — не в своём уме». Минни возмутилась, однако сестра была права — в этом месте даже люди были такими же серыми и холодными, как и окружающая их повседневность. Не стоило лишний раз «лезть на рожон», чтобы не нажить себе ещё кучу каких-нибудь неприятностей. Что в этом месте, очевидно, легко было сделать не знающему местных законов приезжему человеку. Что интересно — ни одна из сидящих на скамейках женщин не вступилась за ребёнка. Они просто продолжали делать вид, что ничего не происходит.

Впрочем, кое-что изменилось — остальные ребята вмиг «испарились», испугавшись гнева своих собственных мамочек. Теперь они молча сидели рядом с ними на заснеженных скамьях, и только изредка взглядывали на странных леди, решивших дать отпор самой миссис Хлор — учительнице школы-пансионата для мальчиков. А это было доселе невиданной штукой! Потому что никто, никто в целом мире не мог и слова поперёк сказать их строгой, но справедливой учительнице, свято блюдущей законы Дарквилля по части воспитания подрастающего поколения.

Что же до мамаш, то те просто смотрели на двух девушек глазами, полными осуждения и презрения — скорее к их поведению и одежде, нежели к ним самим. Для них было абсолютно непереваривaемым фактом то, что женщина может ходить по улице (да ещё и в зимний период) — без чепца. А на ногах носить не только мужскую обувь, но и предмет интимного гардероба, призванного коренным образом отличать пол мужчины от пола женщины — брюки! Подумать только, какое страшное это слово для любой, кто только собирается замуж или уже давно пережил этот волнительный период. Брюки! В целом, их пуританское воспитание не давало им возможности для сколько-нибудь свободной фантазии, а потому всё, что выходило за рамки так называемого «приличного» — вызывало в их сердцах и душах голимый ужас. И ничего более.

Отметив про себя, что на этой площади как раз находится бар «Весёлый костыль», тихо притаившийся между парочкой серых подъездов жилых домов — сёстры Кроу вновь отправились на поиски гостиницы «Славный моряк», где, судя по всему, давно должна была поджидать их младшая сестра. Если только она сама смогла найти данное место, не угодив при этом в ещё одно уголовное дело. Миновав площадь, девушки попали на одну из длинных узких улочек, в конце которой возвышалось здание школы. Собственно, это не был «пансионат» в полном смысле слова, но высокое здание, напоминающее старинный замок,

действительно было разделено на две части. В одной из них велись обычные занятия для смешанных групп детей, в другой же — жили и учились исключительно мальчики, постигающие азы военного дела, чьи родители избрали судьбой своих сыновей — вечную защиту Дарквилля от возможного вторжения. Табличка, висящая над широким парадным входом, гласила: «Средняя образовательная школа имени Чарльза Реквилла. Основана в 1963 году». Ниже помещалось массивное каменное табло, на котором было выгравирано следующее послание: «Сыны Дарквилля — честь и хвала Вам, возлагающим на свои плечи непосильный труд! Ваша храбрость, сила и ответственность помогут выстоять нашему городу в самые чёрные дни. Навечно. Чарльз Реквилл».

— Мда, «радостная» табличка осталась тут со времён Второй Мировой. — Мрачно заключила Минни.

— Как и люди. — Столь же мрачно отозвалась Гро.

Школа была сплошь оплетена плющом, который, несмотря на мороз, чувствовал себя прекрасно и оставался всё такого же ярко-зелёного цвета, каким и был в летнее время. От улицы её отделяли небольшие железные ворота, которые, в данный момент были открыты, так как уроки в здании ещё не закончились, а дети выбежали погулять на время «большой перемены».

Рядом со школой имелся маленький перекрёсток, представляющий собой деревянный столб, с прикрученными к верхушке четырьмя тёмно-зелёными указателями. На табличках белыми буквами указывалось четыре направления: «Школа», упирающаяся непосредственно в саму себя; «Площадь», табличка вела за спины девушек — туда, откуда они пришли; «Славный моряк. Гостиница» — стрелка, указывающая направо; и, наконец, «Кладбище» — стрелка вела в левую сторону — на запад.

Сёстры проследовали в указанном направлении, и вскоре оказались у славного каменного здания, на углу которого горела неоновая вывеска с названием. Голубой свет неона вселял надежду, что держатели этого заведения — люди, более или менее, но нормальные. А значит, вполне можно было рассчитывать на завтрак или, в крайнем случае, наличие бара или буфета. Короче, этот трёхэтажный дом показался девушкам единственным, кроме магазина электроники, современным зданием во всём городке.

Войдя в фойе, сёстры сразу увидели Синайю — та сидела за крохотным журнальным столиком у окна, в розовом плюшевом кресле и лениво перелистывала лежащий на коленях «Эсквайр». Когда девушки вошли, брюнетка оторвалась от бессмысленного созерцания страниц и улыбнулась, помахав перебинтованной

рукой.

— Я думала, вы окончательно запутались в местном «лабиринте». — Радостно сообщила она.

— Ага, кружили битый час, пока на площадь не вышли, — подтвердила Грослин. — Ладно хоть, до этой чёртовой школы добрались. Давно сидишь? — просто поинтересовалась она.

— Часа полтора-два, — ответила Син. Потом показала журнал: — Старый номер, и всего один, прикинь? Тяжело у них тут с прессой…

— А тут ничего — чистенько так, — сказала Минни, оглядевшись.

Холл и вправду был довольно просторным, в приглушённых, бежево-песочных тонах. Казалось, город знал ограниченное число цветов, и те или иные яркие вкрапления являлись простой случайностью, но не обдуманной заранее частью декора. Повсюду стояли цветы, часть из которых выглядела довольно свежо: пальмы и петуньи со свими яркими лиловыми и ярко-синими цветками заметно «оживляли» помещение. Вполне современная стойка светлого дерева была украшена гирляндой бумажных флажков, на каждом из которых имелась надпись: «Славный моряк — славное плавание!». За стойкой сидела симпатичная девушка с рыжими волосами и с увлечением разгадывала кроссворд на новеньком планшетном компьютере. Рядом с ней, на столе стоял и обычный, стационарный комп, впрочем, весьма устаревшей модели. На нём-то и проводились все «основные» операции по заселению, что не мешало администратору предаваться «праздности» на планшетнике последней модели.

Заметив, что у стойки появились долгожданные клиенты, девушка с огненными волосами вскочила со своего стула, и, вытянувшись по стойке «Смирно», поспешила произнести фирменную «речёвку» мотеля:

— Славный моряк — всем гостям рад! В нашу гавань заплывай — от забот всех отдыхай! — Затем она сказала уже нормальным, дружелюбным тоном: — Постоялый двор «Славный моряк» рад приветствовать вас в нашем чудесном городе. Чем могу Вам помочь?

Когда она поднялась, Гро и Минни с разочарованием отметили про себя, что её одежда хоть и выглядела чистой и опрятной, но в остальном — полностью копировала местную «моду» жителей. Серое платье в мелкую клетку, подол которого спускался до самого пола, было украшено крупной брошью в виде букета из разноцветных стеклянных цветков на отложном воротнике. В центре «букета» особенно заметно выделялась крупная жемчужина нежно-перламутрового оттенка. Кроме того,

из V-образного выреза платья выглядывала идеально отглаженная, чистого белого цвета сорочка, на продольной планке которой крепко сидели чёрные блестящие пуговки в виде капелек. На поясе платья красовался узкий кожаный ремешок чёрного же цвета, и его главной деталью была массивная золотая пряжка в виде морского якоря. Своего рода, «рекламный ход» для хозяев гостиницы. Заметив, как неприлично долго сёстры разглядывают костюм администратора, Синайя подумала, что неплохо было бы ускорить процедуру «заселения».

— Привет ещё раз! Не обращайте на них внимания — девочки просто «тащатся» от стиля «винтажное ретро», — закатив глаза произнесла Син.

Девушка за стойкой понимающе улыбнулась:

— Иногородних частенько удивляют наши традиции в одежде, — спокойно ответила она. — Но это нормально. Я уже привыкла к такой реакции. Как я понимаю, вы желаете снять у нас комнату?

— Да, да, — откликнулась вновь обретшая дар речи Грослин. — Вы нас извините, не каждый день увидишь такое сочетание старого и нового, — блондинка кинула короткий взгляд на «Ай Пэд», лежащий на столе. — С непривычки как-то неловко…

— Можно нам номер с включённым в стоимость завтраком? — встряла в разговор Минни. На укоризненный взгляд старшей сестры она ответила не менее недоумённым изгибом своих тёмных бровей: — А что такого? Если забыла, мы уже часов шесть как ничего не ели — я так долго без пищи не могу, ты уж извини.

Девушки посмеялись (в том числе и администратор), после чего заплатили за двуспальный номер на две ночи. К счастью, Минни была права — за небольшую доплату им можно было неплохо позавтракать, так что всё было весьма кстати. На тот же случай, если Минни вдруг вновь станет обуревать дикий голод, в гостинице был предусмотрен большой буфет, функционировавший больше в режиме «кафе». Для остальных девушек самой большой радостью стал превосходный душ, установленный прямо в номере. Там же были бесплатные мыло и шампунь для клиентов, поэтому в то время как Минни наслаждалась запечёнными в сыре тостами и яичницей с беконом — Грослин и Синайя поочерёдно восхваляли чудеса чистой горячей воды и ароматной мыльной пены. Только она была способна хоть немного очистить их длинные и густые волосы от всей той грязи и остатков листьев и мелкого мусора, успевших налипнуть к ним в непроходимом хвойном лесу.

Глава 17 Свидание вслепую

Пристальный взгляд хитрых зелёных глаз, словно постоянно выискивающий в тебе нечто, что может быть полезным ему… Золотисто-оливковая кожа, удивительным образом смешавшая в себе оттенки таких разных этносов — восточного и европейского… Длинные как у пианистов пальцы — постоянно стремящиеся захватить что-то и удерживать до тех пор, пока есть такая возможность… Тёмно-красная, почти багрового цвета мантия, струящаяся длинными шёлковыми складками…

Син резко открыла глаза: сон пропал также внезапно, как и пришёл. Она почти не помнила того, как уснула, и теперь не могла вспомнить, что ей только что снилось — зато чётко могла сказать, что спала на редкость хорошо, впервые — за последние несколько дней. Девушка медленно села на кровати. Вокруг было темно, судя по всему, уже наступил вечер — значит, ей посчастливилось спокойно «проваляться» в постели целый день. Неплохо, учитывая, какими насыщенными оказались прошедшие сутки. Окна были плотно зашторены, Син вспомнила, что сама попросила об этом Грослин накануне: «В целях безопасности», — так мотивировала она свою просьбу. На самом же деле, синеглазой брюнетке просто хотелось полной изоляции и отсутствия даже какого-нибудь намёка на пребывание в незнакомом городе. Страх неизвестности до сих пор мучил её, хотя она и не понимала почему — ей казалось, что после заключения в тюрьме её «бренную психику» должны были покинуть все комплексы, какие только ещё могли в ней оставаться. Однако детский страх, как оказалось, пожирает душу медленно, и следы от его склизских зубов не дают забыть о себе даже в столь зрелом возрасте.

Девушка встала и подошла к окну. Отдёрнув штору, она обнаружила, что за ней скрываются плотные жалюзи. «Как мило, — подумала Син. — Спасибо старшей сестрёнке за трепетную заботу». Взявшись за пульт для управления жалюзи, она вдруг вспомнила, что не знает — спят ли её сёстры, или они уже встали и находятся в баре? Кроу взяли двухместный номер, и Син досталась целая кровать в собственное распоряжение — она невыносимо толкалась во сне, поэтому ни одна из девушек решительно не могла спать рядом с ней на одной «спальной» поверхности. Номер представлял собой две маленькие комнаты и отдельный душ. Низенький холодильник тихо урчал в дальнем конце первой спальни, где на одной кровати должны были находиться Грослин и Минни. Но там было темно. И тихо.

Син решила, что никто из девушек ещё не вставал, а потому решила посмотреть, который сейчас час, и при необходимости разбудить «заспавшихся» соседок. Девушка включила ночник на прикроватном столике. Слабый желтоватый свет мягко разлился по комнатке, создавая атмосферу домашнего уюта. Ступая босыми ступнями по холодному линолеуму, Син прошла в соседнюю комнату. В темноте ей удалось разглядеть широкую кровать — на такой сёстрам не должно было быть тесно. Однако приглядевшись, Син смогла различить только один силуэт, фривольно раскинувший длинные ноги по всему периметру «спального плацдарма». Подойдя поближе, Син увидела, что ноги принадлежат Грослин — золотистые волосы были заплетены в слабую косу, чтобы потом их можно было нормально расчесать. Девушка мирно спала, глубоко дыша. Синайя взглянула на большие круглые «школьные» часы, висевшие над дверью номера — те показывали «19.45». «Вот чёрт! — выругалась про себя Син, — Минни наверняка пошла в этот грёбаный „Весёлый костыль“ одна! Как же — её симпатичная задница не смогла усидеть на месте при воспоминании о Медичи! Побежала, идиотка!». Сделав несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться и не пугать сестру с бухты барахты, Син тихонько потормошила Гро здоровой рукой.

Блондинка замычала и попыталась отмахнуться от сестры как от назойливого насекомого. Среди невнятного бормотания, Син смогла различить только «Брэдли, ещё рано» и «Нет, я не ем суши». Подивившись про себя тому, что её сестра в сложившейся ситуации всё ещё умудряется видеть «интересные» сны, младшая из Кроу поняла, что ей невольно придётся разрушить эту «идиллию Морфея». Её левая рука всё ещё была забинтована, однако шину с девушки сняли — с ней не очень-то удобно спать, да и искать потерянные бриллианты с прикрученной к руке деревяшкой — занятие также малоэффективное. Син глубоко вдохнула в третий раз — и изо всех сил начала трясти Гро обеими руками, испытывая при этом в левой кисти мучительную боль. «И где же вся эта фантастическая неуязвимость проклятых?», — подумала брюнетка, и в сердцах выругалась про себя.

Наконец, Гро открыла глаза и, проморгавшись, с удивлением посмотрела на младшую сестру.

— Син, ты почему не спишь? Сколько времени?

Блондинка сонно потянулась к ночнику и, включив его, попыталась разглядеть положение стрелок прищуренными со сна глазами. Секундой позже, ярко-зелёные глаза девушки вспыхнули, и она мгновенно соскочила с постели, испугав при этом даже Син.

— Гро? Тебя что, клоп укусил? — вяло улыбнувшись, попыталась пошутить Синайя.

В ответ, блондинка молнией метнулась в соседнюю комнату и вернулась с ворохом одежды, которую и кинула Син прямо в руки. Сама она тут же начала натягивать джинсы, висевшие на старомодном кресле рядом с кроватью.

— Я надеюсь, мы думаем об одном и том же? Вернее, об одной и той же персоне? — с надеждой спросила Син. Сама она спала в джинсах и чёрной майке с длинным рукавом (правда не могла вспомнить, кому из девочек она принадлежала). Поэтому сейчас ей оставалось только натянуть пару-тройку свитеров да зашнуровать свои потемневшие от грязи кроссовки.

— Да. Медичи, — коротко бросила ей Грослин. — Минни вляпалась — и мы тоже. По «самые гланды». — Грослин быстро посмотрела на Син и отвела глаза.

— Так, погоди-ка. Какая здесь может быть связь? Ли — урод, конечно, ещё тот — но разве…, - начала было Син.

— Она в опасности, Синайя. Мне сейчас некогда объяснять, но нам надо срочно её найти и вытащить из лап этого проходимца. — Сказала Гро, завязывая свой собственный ботинок. Потянувшись за вторым, она заметила какой-то предмет под кроватью — где они с Минни и оставили на ночь свою обувь. Это оказался мобильный телефон Минни. И он был включён. Гро молча показала его Син. Та, увидев это «чудо» техники, впала в лёгкий шок.

— Это…сотовый? Он «на связи»? — Запинаясь, спросила брюнетка. В её голове промелькнула мысль, и она внимательно посмотрела Грослин в глаза:

— Скажи, Гро — сотовый ведь как-то связан с твоим волнением относительно Медичи? — Осторожно спросила девушка. В её сердце мгновенно начало прорастать зерно страха — не за себя, за Минни.

Блондинка медленно кивнула. Сама она сразу же поняла, что именно включённый телефон Минни привёл сюда Ли Медичи. «Вонючий коп», — проскользнуло в мыслях Гро.

— ДжиПиЭс — навигатор, ага? — До Син в этот раз доходило медленно. — Погоди минутку, ладно? Я сейчас, — попросила темноволосая девушка и спокойно прошла в свою спальню. Мгновение спустя, она вернулась — в её руках была серая картонная папка «под кожу», а на ногах — обувь. В глазах читался некий замысел. Или план — этого никто, кроме самой Син, понять был не в силах.

— Тебе зачем документы понадобились? — удивлённо спросила Гро.

— По-моему, я припоминаю, где раньше видела этого типа, — ответила Син, собираясь открыть входную дверь. — И если это действительно тот, о ком я думаю — ты правильно делаешь, что переживаешь за судьбу нашей сестры. А ещё…, - она потрясла папкой перед лицом Грослин, — Он любит торговаться. Так что «двигаем» в «Весёлый костыль», да?

Син первая вышла из номера. Натягивая куртку, Грослин пробурчала себе под нос так, чтобы сестра её не услышала: «Знаешь, почему-то я совсем не удивлена. Вот ничуточки». И блондинка повернула в замочной скважине золотисто-жёлтый ключ.

* * *

Ли и Минни сидели за отдельным столиком в баре «Весёлый костыль» и пили дорогое терпко-сладкое вино 1972 года выпуска. Большие стеклянные бокалы игриво блестели в свете настольной декоративной лампы с бледно-рыжим абажуром, вино же словно «сияло» изнутри своей магической томной силой. Минни забыла, где она находится, и целиком и полностью наслаждалась обществом зеленоглазого красавца, сидящего напротив неё. Они болтали о всякой ерунде и со стороны казались просто идеальной парой влюблённых, которые ещё только-только начали встречаться. Ли рассказывал миловидной шатенке забавные истории из жизни своего «автобизнеса» (естественно, придуманные заранее). Минни же слушала и смеялась, вино вскружило ей голову и всё вокруг казалось простым и понятным, и сама девушка чувствововала себя удивительно легко. Лишь изредка ей было немного неловко за то, как она одета (Минни пришла на встречу в том же, в чём и приехала в город — в куртке и тёплой кофте, только джинсы надевать не стала: нижний свитер был настолько длинным, что вполне сносно справлялся с ролью короткого платья). К счастью, на ней были тёплые плотные колготы чёрного цвета — поэтому она хотя бы не мёрзла, чему была очень рада.

Сам бар «Весёлый костыль» ничем не отличался от обычных баров в провинциальных городках — такой же скромный, в коричнево-серых тонах интерьер, и такие же (слава Богу) среднестатистические бармены и официантки, как и везде. Пожалуй, это было единственное место в Дарквилле, где люди выглядели более-менее обычно — читай, современно. И, что показалось Минни особенно странным, здешние посетители одевались совсем иначе, нежели те, кого они встречали на

улицах. Эти люди были одеты в обычные куртки и джинсы, в нормальные клетчатые рубашки и ботинки на толстой прорезиненной подошве. Вообще, создавалось впечатление, что в баре, в основном, сидели представители «рабочего класса», работяги — обычные мужчины и женщины, с обычными для всех людей проблемами. Но, похоже, они не особенно горели желанием показываться на улице днём — как будто в светлое время суток город «захватывала» местная аристократия, живущая по своим — специфическим законам бытия. И «вечерние» жители Дарквилля предпочитали с ней не связываться, так как считали это занятие бесполезным — во всяком случае, Минни сделала именно такой вывод, услышав краем уха беседу двух крепких здоровяков, спокойно попивавших пиво за соседним с ними столом.

Заметив, что его спутница немного подустала от светской беседы, Ли попытался вновь завладеть её вниманием, «освежив» ход разговора:

— Кортни, прости, наверное, мой вопрос покажется тебе странным или, может, даже дурацким, но — о чём ты мечтаешь? В смысле, какая твоя самая заветная мечта — безотносительно времени и пространства? — При этом Медичи скромно опустил глаза, сделав вид, что сам смутился того, что невольно соскользнуло у него «с языка».

Минни, встрепенувшись, посмотрела на Ли растерянными глазами. О чём она мечтает? На этот вопрос даже самой себе ей ответить было сложно, а уж не совсем знакомому человеку — и подавно.

— А мне обязательно отвечать? — девушка коротко расмеялась, почувствовав, как плавно начинают «натягиваться» струны её нервов. Если она соврёт — это будет выглядеть невежливо, в то время как сказать правду было равносильно тому, чтобы подписать самой себе и сёстрам смертный приговор. Смятение — вот главный враг, способный выдать её истинную личность, ведь не получив ответа на столь простой вопрос, Медичи мог начать задавать другие — наводящие на истории из её частной жизни. А это стало бы очевидной катасрофой.

Ли вновь заглянул в бездонные карие глаза Минни. Ласково улыбнувшись, он слегка прищурился и махнул рукой, как бы призывая не воспринимать эту тему так серьёзно:

— Да ладно тебе — не будь такой скучной! Что такого ты хотела бы совершить, если бы знала, что можешь всё — абсолютно всё?

Минни непонимающе улыбнулась:

— Я кажусь тебе скучной? На самом деле? — она на секунду

умолкла. — А в каком смысле «если бы я могла всё»?

Ли отпил из своего бокала, и закинул в рот кусочек варёной морковки из лежащего на тарелке гарнира.

— Ну, — начал он, активно жуя корнеплод. — «Всё» — это значит «всё»: летать, иметь все богатства мира, вообще — делать всё, что тебе захочется. Типа, «загадай желание — и оно моментально исполнится», как в «Алладине».

— У Алладина было всего три желания, — попыталась уйти от темы девушка, но Ли остановил её:

— Это не важно. Ты — превосходный слушатель, внимательный собеседник. — Медичи поднял руку вверх, словно давал присягу. — Но, за всё то время, что мы здесь общаемся — я ни разу не услышал от тебя твоих собственных мыслей, не узнал тебя как человека, понимаешь? И эта закрытость подавляет меня, не знаю, может, это прозвучит грубо, но — ты словно бы пытаешься возвести между нами «стену отчуждения». А я хочу всего лишь заглянуть через неё — узнать, какая ты, настоящая Кортни?

Теперь пришла очередь Минни смутиться по-настоящему. Она отложила столовый прибор (пока они болтали, девушка не выпускала из рук вилку, будто та помогала ей удерживать нить разговора), и осторожно подбирая слова, ответила Медичи так, чтобы не обидеть его и одновременно не выдать себя:

— Видишь ли, ты в каком-то смысле прав, Ли. Я действительно стараюсь держать определённую дистанцию между собой и людьми… Но это вовсе не значит, что я сознательно хочу этого. Просто в жизни иногда бывает так, что ты не можешь до конца быть открытым — даже для самых близких…

Ли молчал.

— Ты…мне нравится общаться с тобой, правда. Разговаривать с тобой — как с обычным мужчиной, и при этом не думать ни о чём, что могло бы беспокоить меня…

— Да? Тебя что-то беспокоит? — участливо поинтересовался зеленоглазый брюнет. — Кортни, я хочу признаться кое в чём… — Он сделал небольшую паузу, снова опустил глаза и сложил пальцы «замком» — сделав вид, что ему нелегко произнести следующие слова:

— Я…, - начал он. — Как только я увидел тебя там, на дороге, я понял, что нас что-то объединяет…

— Объединяет? — в замешательстве переспросила Минни.

— Связь, да. Между нами есть связь — только мы ещё сами не знаем точно — какая именно. Но — ты должна понять, это очень важно для меня, — остановил он её порыв что-то ответить. — Я чувствую, как между нами с каждой секундой всё ярче и ярче

вспыхивает огненная нить (можешь считать меня романтиком), но это есть, действительно есть. И, эта нить станет крепче, если мы станем чуть больше доверять друг другу…Уверен, ты понимаешь, о чём я. Что бы там ни было, я не хотел тебя расстроить — извини. Мне вдруг стало сложно сдержать свои чувства, потому что я вижу, что за маской симпатичной смешливой девушки, спокойно слушающий бред, который я несу — скрывается нечто большее, гораздо-гораздо большее. И я хочу это знать. Кортни — я хочу узнать тебя, потому что ты мне нравишься… И… Мне кажется, что и ты тоже — хочешь этого…

Медичи прокашлялся, и сделал ещё один глоток вина — Минни видела, что он сильно нервничает, но она, к сожалению, не знала истинной причины его внезапного волнения и потому считала это следствием его неожиданного порыва в признании к ней в своих чувствах. Но это было слишком быстро, даже для неё — Минни была не готова к тому, что он вот так признается ей в том, что и так было ясно для неё с самого начала. По крайней мере, ей так казалось. Однако ей, как девушке, было несомненно приятно, что из всех сестёр настоящий интерес он проявил именно к ней. В её глазах Медичи был просто несчастным богатым мужчиной, который уже потерял всякую надежду на настоящую любовь в мире, где реальной властью обладают одни лишь деньги.

Минни положила свою руку поверх его, и увидела, как зелёные глаза Ли наполняются благодарностью к ней за то, что она не отвергла его сразу же — но попыталась понять. На идеально ровной коже молодого человека вспыхнул лёгкий румянец, и в свете неровного свечения лампы, он показался ей ещё прекраснее. Ли был тем самым сказочным «принцем в сияющих доспехах», которого она так долго ждала. Практически всю жизнь, и вот теперь ей предоставился уникальный шанс завоевать его доверие, а со временем — быть может, и его сердце…

— Если ты действительно думаешь и чувствуешь так, как говоришь — тогда, возможно, стоит попробовать? Думаешь, у нас с тобой есть шанс — мы ведь совсем не знаем друг друга? А что, если ты не сможешь до конца принять меня, когда узнаешь — какой я на самом деле человек?

Минни с мольбой посмотрела ему в глаза. Но в них она могла прочесть только радость и приглушённую удовлетворённость от принятого ею решения. Он старался говорить спокойно, хотя в его голосе проскальзывала лёгкая дрожь — неужели он был действительно настолько счастлив? Но она ведь не обещала ему ничего конкретного? Да и как она потом будет объяснять всё это

своим сёстрам? Однако от звука его «медового» голоса по всему телу Минни разлилось приятное тепло. Слова действовали на неё куда сильнее, чем любое — даже самое старое креплёное вино.

— Кортни, ты себе не представляешь, какую радость ты доставляешь мне одним фактом своего прихода сюда в этот вечер. Знаешь, вопросов из разряда «как быть» и «какие мы разные» может быть миллион, но ведь гораздо важнее то — что мы по-настоящему ощущаем друг к другу. А я чувствую, что девушка, сидящая напротив меня, не может скрывать ничего такого, что могло бы заставить меня сомневаться в её чистоте и моральной устойчивости…

— А если я танцовщица из Лас-Вегаса? — пошутила счастливая Минни.

— Тогда я помогу тебе устроить самое грандиозное шоу в твоей жизни и помогу тебе стать настоящей звездой! Серьёзно, — произнёс он, глядя, как смеётся заливающаяся краской смущения девушка. — В этом нет ничего зазорного, я нормально отношусь к таким вещам — но ты ведь не работаешь в службе «эскорта», я надеюсь?…

— Нет! — захлёбываясь от смеха, сказала Минни. — Но и у сеня есть парочка «скелетов в шкафу» — тебя это не пугает?

— А с чего бы меня это должно испугать? Никто не совершенен — и я в том числе, — с достоинством ответил он. — Тем более, у мужчин по определению «секретов» должно быть больше, чем у девушек — таковы уж условия поддержания «имиджа» — ничего не поделаешь! — Добавил Медичи и от души рассмеялся.

Когда первая волна радости и обоюдного смущения прошла, Медичи по-джентльменски поцеловал руку Минни и искренне произнёс:

— А знаешь, я рад, что твои подруги устали настолько, что не смогли прийти сюда, — он красноречиво приподнял свои «смоляные» брови. — Вечер не смог бы быть прекраснее, чем теперь.

— Спасибо, — улыбнувшись и опустив глаза, ответила девушка.

— Так всё же — о чём ты мечтаешь, хотя бы приблизительно? — вновь задал вопрос Ли.

Минни подумала немного и легко ответила:

— Попробуй спросить меня об этом в следующий раз, — улыбнулась она и легонько стукнула его по лицу листиком петрушки. Медичи, в свою очередь, обнажил в улыбке свои ослепительно-белые зубы и промолвил голосом, от которого всё нутро Минни буквально «растаяло» словно сливочное мороженое:

— Не надейся, я об этом просто так не забуду, — с шутливым недовольством произнёс он, а затем вдруг добавил: — Не хочешь погулять со мной по ночному городу? В свете вечерних огней Дарквилль смотрится просто восхитительно…

— С удовольствием! — Минни доверчиво протянула Медичи свою изящную смуглую руку, которую он принял с истинно светской вежливостью и снова поцеловал.

«Весёлый костыль» они покидали вместе, держась за руки и испытывая абсолютное блаженство и удовольствие от совместного общества. Правда, источник этого удовольствия у двух молодых людей черпал свои воды из разных рек.

* * *

К тому моменту, как Гро и Син появились в «Весёлом костыле», Минни и Ли были уже весьма и весьма далеко. Девушки бросились опрашивать завсегдатаев бара — не видели ли они высокого зеленоглазого брюнета лет тридцати в компании миловидной спутницы, однако никто из них не мог ответить ничего вразумительного, так как почти все они к тому времени были изрядно пьяны. Наконец, чисто случайно, им удалось узнать у одного из посетителей, что парочка отправилась куда-то, как он выразился, «пошляться по городу». Сёстры тут же выскочили на улицу, но теперь перед ними стоял новый — на этот раз абсолютно «тупиковый» вопрос: где именно их искать? Гро стала спрашивать прохожих, медленно бредущих с работы в правую сторону от бара, Син же сосредоточилась на тех, кто держал путь «по левому краю». Но ни один из тех, кто был одет (к великому удивлению девушек) в одежду современного типа — не видел новоиспечённых «влюблённых». Те же, кто одевался по моде прошлого столетия, увидев сестёр Кроу, или вовсе не считали себя достойными снисходить до общения с ними, или же, угрюмо покачав головой и пробормотав себе под нос что-то нелицеприятное в адрес девушек — спокойно проходили мимо, продолжая свой «глубокомысленный» путь.

Через полчаса непродуктивных поисков, Гро с Синайей решили банально «пробежаться» по улицам городка — в надежде, что даже если Минни и Медичи и гуляют где-то на окраине Дарквилля, они, в конечном итоге, вынуждены будут вернуться на Круглую Площадь. Так у сестёр хотя бы появлялся шанс «перехватить» их по дороге назад. Однако скоростной «марафон» по улицам Дарквилля ни к чему так и не привёл — сестра и её мнимый поклонник словно «в воду канули». В очередной раз

встретившись на площади, Гро с Син устало шлёпнулась на чугунную скамью, не обращая внимания на вялые протесты сидевшей там пожилой пары родом из «тридцатых».

— Я больше не могу…, - задыхаясь, произнесла Синайя. — Всё, у меня вариантов больше — где их искать, нет. — Девушка устало потёрла рукой вспотевший лоб.

— Наверное, он заманил её к себе домой, — предположила Грослин. Её измождённое лицо слегка заострилось, а под глазами от напряжения появились тёмные круги. — Не знаю, где его дом или квартира — но уже заранее хочу их поджечь, — призналась она.

Син откинулась на спинку скамейки и сняла с волос эластичную резинку — освобождая волосы, она таким образом сама пыталась расслабиться. Растрепав пальцами гладкую чёрную гриву, Син искренне возмутилась поведением средней сестры:

— Поверить не могу в то, что этот козёл вот так запросто смог запудрить нашей Минерве мозги. Хотя, — добавила девушка, — С его-то опытом по части соблазнения юных девиц, всё возможно…

— Ты точно уверена, что это именно он? — спросила Гро.

— Абсолютно. Я долго не могла вспомнить, но, когда гоняешь в голове одну и ту же мысль — ответ непременно приходит, пусть и в неожиданной форме. Я вспомнила сон, который мне снился перед тем, как мы обнаружили уход Мин, — пояснила Синайя. — Когда ты нашла её сотовый, я внезапно «увидела» картинку из моего сновидения — и всё встало на свои места. Ричард показывал мне альбом много раз — хотел, чтобы я запомнила как можно больше лиц, чтобы в дальнейшем безошибочно определять — кто «наш», а кто нет. Так что, если на фотках не Медичи собственной персоной — то я, Елизавета Вторая.

Сёстры устало улыбнулись друг дружке, и Грослин вытащила из кармана пару банкнот:

— Син, ты не возьмёшь нам кофе? Или я упаду прямо здесь, — попросила блондинка.

— Давай, — только и сказала брюнетка, и, взяв деньги, поплелась на ватных ногах в кофейню, с целью купить хотя бы один стакан «Капуччино» на двоих.

Грослин также облокотилась на спину и попыталась на секунду расслабиться — что бы ни произошло, сейчас они ничего не могут поделать: Син и магия, как выяснилось, понятия мало совместимые, и девушка в этом смысле абсолютно ничего не умеет, а природной интуиции у неё нет. Что же касалось Грослин, то она была самым обыкновенным человеком, и несмотря на свой природный интеллект — плохо ориентировалась в чужой

местности, кроме того, сказывалось нервное истощение от всей этой истории: они в полной заднице, и тут уж как ни крути — идеального «Бога из машины» ждать не приходится. Даже если в этот миг, прямо сейчас, Ли зверски убивает Минни — ей с Син просто физически не успеть изменить ситуацию. В крайнем случае, максимум, что они могут попробовать — это ещё раз осуществить «Разрыв во времени», но и тогда им нужно будет абсолютно точно знать — в какой момент и в какое место им следует вернуться. А когда никакой зацепки нет и в помине — что делать? Ну что?

Грослин закрыла лицо ладонями и разрыдалась. Ещё никогда она не чувствовала себя такой беспомощной. Её любимая сестрёнка ушла не просто с полицейским, работающим «под прикрытием» и преследующим свои корыстные мотивы — она ушла с маньяком, который кроме всего прочего ещё и состоял в секте «Чёрная Чаша», и видимо имел к ним какое-то отношение! Всё это поведала ей Синайя в то время, пока они бежали к бару. Но оказалось, что Минни ушла задолго до их пробуждения, и теперь искать их с Медичи — всё равно, что пытаться отыскать иголку в стоге сена. Бесполезно.

От «чёрных» мыслей Гро отвлекло лёгкое похлопывание по плечу.

— Ой, Син, спасибо — а то я себя чувствую полной неудачницей…

К своему удивлению, подняв глаза — она обнаружила перед собой не младшую сестру, а совершенно незнакомую девушку, протягивающую ей чёрный, расшитый фиолетовыми шёлковыми нитками в виде цветочного узора, носовой платок. Девушка вглядывалась в лицо блондинки с неподдельным сочувствием:

— Простите. Я сидела напротив, слышала весь ваш разговор. Вы потеряли сестру?

Грослин взяла платок, и, поблагодарив, с облегчением высморкалась, предварительно вытерев мокрые воспалённые глаза. В это время к ним подошла Синайя с чашкой дымящегося кофе в руках.

— Гро, там очередь невероятная — они здесь, видно, только по вечерам кофе распивают. Ой… — осеклась девушка, заметив незнакомую персону рядом со своей сестрой.

Та, кто так любезно одолжил Грослин свой носовой платочек, была молодой светловолосой особой, среднего роста и астенического телосложения. Однако, в отличие от Грослин, волосы которой словно были «отлиты» из цельного золотого слитка — тугая узкая коса этой девушки имела пепельный оттенок, в то время как корни волос были почти белыми. Эта

странная «белокурость» в некотором роде «стирала» признаки возраста, поэтому, глядя на неё — нельзя было с уверенностью сказать, сколько ей лет. Девушке могло быть как около двадцати, так и около тридцати «годков». Стройная худая фигура барышни была заключена в чёрное твидовое пальто, точно в футляр: от шеи и до самых пят оно застёгивалось, наверное, на целую сотню бесконечных крючков, и лишь у самого подола проходила светло-сиреневая кружевная кайма, совпадавшая, кстати, по цвету с носками её узких туфель на плоской подошве. Головного убора на ней не было, поэтому коса, заплетённая в стиле «рыбий хвост» свободно спускалась по спине до самого пояса, сужаясь к концу, словно хвост консервированной селёдки. На узком, бледном личике выделялись разве что глаза, увеличенные, как минимум, раза в два толстыми линзами больших очков в квадратной оправе. Их цвет был таким же неопределённым, как и цвет волос: с одной стороны, глаза казались тёмно-зелёными, но при другом освещении вполне могли оказаться и карими. На плече у неё красовалась кожаная сумочка на длинном ремне (опять же чёрного цвета), напоминающая мужской портфель для бумаг. Именно из его недр и появился спасительный для Грослин кусочек хлопчатобумажной ткани.

Странная барышня внимательно посмотрела на Син. В её глазах не было ничего, кроме вежливого любопытства и желания помочь, однако сам взгляд был каким-то грустным и даже, можно сказать, немного подавленным. В целом, эту меланхоличную особу вряд ли можно было назвать красивой, но термин «своеобразная» подходил к её внешности как нельзя лучше.

— Э-э-э, привет! — Неуверенно произнесла Синайя, передавая старшей сестре чашку с рисунком в виде улыбающейся пчелы.

— Эта милая девушка дала мне платок, когда я, как дура, расплакалась. Представляешь? — улыбаясь сквозь слёзы, сказала Гро.

Син положила свою руку на плечо Грослин и с подозрением взглянула на девушку в очках — она уже свыклась с мыслью, что все люди в этом городе представляли собой крайне неприятные личности. А потому была одновременно удивлена и насторожена поведением этой девицы, «выбивающейся» за края местного шаблона.

— Я вижу, — ехидно отозвалась Син, угрожающе сузив глаза. В синеватых зрачках младшей из Кроу промелькнула искра, попадающая под определение «стервозная».

— И с чего бы это «леди в чёрном» вдруг понадобилось тебе помогать? Или она не боится нашего «неопрятного» вида? — с сарказмом произнесла Синайя, при этом намекая на свои джинсы

и свитера, и глядя в глаза таинственной незнакомки.

— Не надо, Син. Это было очень любезно с её стороны, — предостерегла сестру Грослин. — Спасибо вам ещё раз, мисс…

— Андреа. Андреа МакКуин, — ответила девушка тем же вежливым тоном, не отводя при этом своих глаз от глаз Синайи. Казалось, девушки вели между собой безмолвный «поединок взглядов», стараясь таким образом «прощупать» друг друга до самой сути.

Грослин, увидев, как девушки молча «сверлят» друг друга, поспешила подняться со скамьи и как бы невзначай встать между ними, «перерезав» обеим сложившийся зрительный контакт.

— К сожалению, мы торопимся, — сказала Гро. — Нужно пройти ещё раз рядом с воротами, быть может, наша сестра где-то там…

— Ты ей что, всё рассказала!? — зло спросила Синайя.

Гро быстро отвернулась от Андреи, улыбаясь ей извиняющейся улыбочкой, и процедила сквозь зубы, обращаясь к Син:

— Успокойся, никто ничего не знает — она просто услышала нашу болтовню, вот и всё. — Гро сунула в руки сестры ещё горячую кружку: — Держи, попей-ка и помолчи. И пойдём искать дальше…

Сёстры прошли всего несколько шагов, когда услышали за спиной быстрые, приближающиеся по хрустящему снегу шаги. Обернувшись, они увидели Андреа — в руках у неё была зажата их серая папка. Грослин укоряюще посмотрела на Син, та в ответ высунула язык и поспешила отвернуться, уткнувшись в чашку с вкусным напитком.

— Погодите, эй — да постойте же! Простите, но…вы забыли…это…на скамейке, — задыхаясь от быстрого бега, вымолвила девушка. Несмотря на то, что бежать было совсем близко, узкое верхнее платье всё же сильно стесняло её движения — поэтому двадцать шагов показались ей скоростной «стометровкой». Отдав картонную папку Гро, девушка согнулась пополам, поправив очки — она пыталась отдышаться.

— Знаете, вы… Могли бы обратиться к нашему шерифу, — восстановив дыхание, наконец, произнесла она. — Возможно, он мог бы помочь…

Услышав упоминание о полиции, Син мгновенно обернулась и выступила вперёд:

— Слушайте, мисс. Спасибо, конечно — и за папку, и за предложение. Но — мы в услугах полиции абсолютно не нуждаемся, мы и сами до этого момента неплохо справлялись… — Син прикусила язык, осознав, что в порыве

«страсти» ляпнула лишнее. Чтобы перевести тему, она коротким движением вложила в руки Андреи кружку. Син показалось, что изображённое на чашке полосатое насекомое в эту секунду насмешливо ей улыбается.

— Вот. Вы же пойдёте обратно? Заодно и отнесёте в кофейню — нам не по пути, — многозначительно заметила она.

— Дело ваше, — спокойно ответила Андреа. — Я всего лишь хотела предложить небольшую помощь, но если вы вполне успешно «справляетесь» вдвоём…, - передразнивая речь Син, сказала белокурая девушка. — Тогда что ж, не смею Вас более задерживать.

Манерно присев в реверансе, «леди в чёрном» в последний раз взглянула на задумчиво смотревшую на неё Гро, и медленно пошла в обратном направлении — неся впереди себя наполовину пустую кофейную чашку.

Грослин хлопнула Син папкой по плечу, та досадливо сморщила нос и потёрла ушибленное место:

— Может, прекратишь уже «отрываться» на мне каждый раз, когда тебя переполняют чувства? Мне и так хватает одной неполноценной руки…, - заныла было брюнетка.

— Как ты могла забыть папку с документами??? Ты же — Синайя Кроу, главный инициатор всего этого «шоу иллюзий»!??? У тебя совсем голова не в порядке? — вышла из себя Грослин.

— Тихо! — «зашипела» на неё Син. — Откуда я знаю, как это получилось? Может, это этот дурацкий город так влияет на мою нервную систему — я здесь, если честно, вообще уже порой забываю — кто я и где нахожусь, сплошной дурдом какой-то…, - попыталась оправдаться она.

— Ага, — хмыкнула золотоволосая Грослин. — Самое время прикинуться «психом», чтобы снять с себя всякую ответственность за происходящее, да, Син? И не надо мне тут рассказывать про твою «тонкоорганизованную» нервную систему — мы обе знаем, что ты нормальная. Даже слишком.

Син отняла у неё папку и иронично приподняла брови:

— Вообще-то не я села в машину к психованному ублюдку…

— Зато ты только что чуть было не лишила нас шанса найти этого «психованного ублюдка», — оборвала её на полуслове Гро. — Который сейчас, может быть, бог знает что делает с нашей сестрой — ты ещё не забыла о Минни?!

Синайя сделала то, что она умела лучше всего — пошла вперёд, не оборачиваясь и не отзываясь на окрики старшей сестры.

— Отлично, давай — вали! — крикнула ей вслед Гро. — Это же самое простое и верное средство — закрыться от всех

посторонних, да?! Ты как была злобным, замкнутым подростком, Синайя Кроу — так им и осталась! Ничего не изменилось с тех пор — ничего!

Она не видела, как на глазах Син выступили сначала две крупные блестящие слезы, а потом градом полились по щекам мелкие слезинки, которые миниатюрная брюнетка, крепко прижимающая к груди серую папку — и не думала вытирать. Её распущенные чёрные волосы развевал сырой ветер, а прохожие, слыша выкрики Гро, оборачивались — но не решались ничего сказать, увидев мрачно бредущую впереди Син.

Опомнившись, Грослин хотела было догнать сестру, но что-то внутри неё подсказывало, что девушка в чёрном пальто действительно может им помочь. Она разрывалась между «двух огней», когда, наконец, решившись — обернулась в сторону Андреи.

Громко вскрикнув, Гро невольно зажала рот рукой — она не ожидала увидеть перед собой широкую мужскую грудь, «упакованную» в кремовую рубашку и тёмно-бардовый галстук, и всё это в обрамлении светло-бежевого пальто нараспашку. Она медленно подняла голову вверх — перед ней стоял мужчина ростом под два метра! Огромный, похожий на лохматого медведя, так как имел кудрявые волосы и длинные пушистые бакенбарды — он свысока «пронизывал» её взглядом своих острых, тёмных, почти чёрных глаз. Он глубоко дышал, так что его могучая грудь вздымалась, словно в старинных сказках о великанах. Из носа вырывались клубы светлого пара. Короче — зрелище не для слабонервных. Гро всегда считала себя очень высокой девушкой — но сейчас, при росте сто семьдесят восемь сантиметров, она почувствовала себя просто крошечной дюймовочкой, стоящей рядом со стоэтажным небоскрёбом!

— Шериф Бенджамин Хаммер, — прогрохотал он низким басом. — Мисс, у вас проблемы?

Грослин ощутила себя примерно так же, как ощущает себя немая рыба, которую спрашивают — как она хочет быть приготовленной на обед?

Глава 18 Туз в рукаве

— Извините? — переспросила Грослин. — Проблемы? Нет, сэр, у меня нет никаких проблем — всё отлично. Просто с подругой повздорили…

Сама Грослин при этих словах ощутила, как у неё затряслись поджилки, и во рту резко пересохло. Неизвестно почему — но этот человек вызывал у девушки чувство безотчётного страха, особенно когда находился на таком близком расстоянии. Подавив в себе желание по-детски закричать и кинуться наутёк, Грослин вместо этого попыталась изобразить на лице уже знакомую улыбку легкомысленной «недалёкой» туристки, которой смогла поначалу вроде как «очаровать» Медичи. Однако с этим «кадром» явно было что-то не то: вместо того, чтобы «растаять» — и спокойно отпустить «пустоголовую куклу» восвояси, он, напротив, ещё внимательнее уставился в её зелёные глаза. Как будто мог увидеть там что-то экстраординарное. Гро почувствовала, как мысли в её мозгу начали сначала спутываться в один, «разноголосый» клубок, а потом и вовсе застыли в некоей неопределённой форме. При этом ей показалось, что шерифу доступна любая из них — стоит ему только пожелать. Но длилось это чувство всего лишь одно — крохотное мгновение, и девушке так и не удалось выяснить для себя — нашёл он в её взгляде то, что искал, или же нет.

Шериф Хаммер первым отвёл глаза и посмотрел куда-то, далеко поверх головы Гро. Блондинка заметила, как ноздри огромного мужчины слегка дрогнули — словно он «взял след». «Очередной „ищейка“», — пронеслось в мыслях Грослин, и Хаммер тут же вновь опустил на неё взгляд. На этот раз, в его глазах светилось презрение — в этом Грослин могла поклясться чем угодно. И вместе с тем изменились и её внутренние ощущения: страх сменился пустотой, словно частота, «излучаемая» шерифом внезапно «выключилась».

— Вы не местная, — скорее констатировал факт, нежели спросил он. — Предъявите ваш пропуск. — И снова это был в большей степени приказ, чем просьба.

Гро похлопала себя по карманам — пропуска, естественно, не было. Обернувшись, она попыталась взглядом «ухватить» направление, в котором ушла сестра. Син, как всегда, исчезала очень быстро — особенно, если назревали проблемы.

— У меня его нет, — честно призналась блондинка, повернувшись обратно к полицейскому. — Я забыла его в гостиничном номере.

— А как насчёт подруги? — спросил тот вновь. — Её пропуск тоже «временно отсутствует», или его и вовсе не существует? — На этот раз в голосе шерифа промелькнула нотка иронии.

— Я…я…Не знаю, сэр. Но могу поручиться, что пропуска есть у нас обеих — честное слово, если не верите мне — спросите администратора в «Славном моряке»! Там на ресепшене девушка с рыжими волосами — она оформляла наш приезд…

Гро в отчаянии развела руками, мол, «больше добавить нечего» и приготовилась к самому худшему. Шериф в ответ достал из кармана свою здоровенную ручищу и, бесцеремонно почесав одну из бакенбард, «нацелил» в грудь Гро огромный указательный палец:

— Уже поздно. Не советую вам кричать так громко — здесь это не приветствуется. Народ в Дарквилле — люди тихие, не любят «крикливых» разборок, — его голос звучал спокойно, но в нём угадывалось что-то, отдалённо напоминающее предостережение. — Так что впредь следите за уровнем кислорода в лёгких.

Мужчина в последний раз, весьма нагло, окинул Грослин с головы до ног — и ухмыльнулся. Потом развернулся, и пошёл было в противоположном от девушки направлении, но, не пройдя и трёх шагов остановился. Не оборачиваясь, шериф обронил как бы «между прочим»:

— Ваша подруга пошла по Клэйкери-Стрит — к водоканалу, — пояснил он. — Что же до шатенки с мужчиной восточной внешности, то я видел их рядом с Зелёным Прудом — это в западной части города. Удачи, — бросил он напоследок, и двинулся дальше.

Грослин была слегка ошарашена — откуда он мог знать, что она кого-то ищет? Его ведь не было на Площади полчаса назад — в этом девушка была абсолютна уверена! Впрочем, он ведь сам сказал — она громко орала. К тому же, он вполне мог видеть, как она вместе с Син опрашивает прохожих. Скорее всего, по долгу службы шериф являлся человеком наблюдательным, поэтому так скоро смог сделать вывод относительно их с сестрой занятий. Грослин смотрела вслед мужчине-великану, когда спохватилась:

— Спасибо! — крикнула она как можно громче, забыв о предупреждении.

Шериф, отошедший уже довольно далеко, как ни странно услышал слова благодарности. Вместо ответа, он на ходу развернулся и молча приложил палец к губам, после чего демонстративно им же постучал себя по виску — недовольно глядя на Грослин.

Светловолосая девушка кивнула, и отвернулась. Конечно же,

Андреа уже не было на Площади, и теперь приходилось рассчитывать только на собственные силы и неожиданную информацию из уст здешнего полисмена. Стараясь не думать ни о чём, кроме дела — Грослин лёгкой «трусцой» двинулась вдоль одного из переулков, ведущих с Площади на улочку Клэйкери-Стрит…

Когда Минни с Ли дошли до большого красивого дома, стоящего в отдалении ото всех остальных на самом краю крутого берега — девушка решила, что попала в сказку. Внизу текла шумная река, в свете ночного светила переливающаяся сотнями серебристых бликов-«чешуек», словно в ней беспрестанно передвигалась колония маленьких рыбок. Серые мраморные колонны разительно контрастировали с тем, что Минни довелось видеть в центре Дарквилля. Однако дом находился в самой малонаселённой его части, и, как видно, в самой обеспеченной. Особняк стоял на берегу реки и словно «отгораживался» от мира высокой стеной из дико растущего терновника — кусты создавали естественную изгородь, окружавшую дом со стороны улицы плавным полумесяцем. На заднем дворе располагался маленький розовый сад, а чуть поодаль — крутой обрыв, с которого и открывался изумительный в своей простоте и одновременной прелести вид на зелёный лес и вечно бегущую воду. Минни была безмятежна, она ощущала в своей ладони тепло руки Ли, и в это невероятное мгновение ей казалось — что больше ничего не имеет важности в мире, кроме того, что здесь и сейчас стоят два человека, связанные одной нитью сердца.

Сначала они и вправду какое-то время гуляли по Дарквиллю — оказалось, город действительно производил приятное впечатление, когда не был наполнен мрачными, одетыми в тёмные цвета, людьми. В свете старинных фонарей, Дарквилль казался будто бы сошедшим со страниц сборников легенд: окрашенный в неброские тона «сепии», он представлялся хитрым лесным гномом, хранящим множество тайн и ещё большее множество сокровищ — отыскать которые было дано лишь храбрейшим и достойнейшим из рыцарей…

Мысль о «сокровищах» вызвала в душе Минни неприятную аналогию, вернув её в реальность и напомнив об истинной цели их визита в это место. Сейчас Минни была наполнена «очарованием момента», а потому постаралась не думать о том, как сейчас, вероятно, тревожатся за неё сёстры. Она была словно под гипнозом — одновременно и осознавала, и не осознавала те действия, что совершает в эту минуту. Мысли были надёжно заперты в так называемой «кладовке неприятностей», и упорно

ютились там, не желая выбираться наружу и тревожить свою хозяйку. Каким-то дальним уголком своего сознания она понимала, что всё слишком идеально, но, как только «плохие» мысли подбирались к поверхности и грозили «выплыть» — их сразу же что-то подавляло. Подавляло, плавно нажимая на тот самый рычаг, что «опускал» лифт неприятных моментов памяти далеко-далеко вниз.

В последнее время Минни остро ощущала какую-то потребность, удовлетворить которую была не в силах, и только сейчас — глядя на ночной лес в тонких иголках снежного инея, поняла, что этой самой потребностью было курение. Сигарета, ставшая для неё в последние годы твёрдой привычкой, от которой она втайне мечтала избавиться, но никак не могла перебороть себя — сейчас полностью отсутствовала в её жизни. Странно, хотя всё можно было «списать» на перенесённый за эти пару дней стресс. И всё же… Почему-то Минни подумалось, что, затянись она сейчас — и многое вдруг стало бы куда как проще, и даже, может быть, к ней пришли бы кое-какие ответы на некоторые из тех вопросов, что хранились в её голове под грифом «неразрешимые навечно».

Ли стоял рядом с девушкой и молча наблюдал за ней. Контролировать её эмоциональный фон было делом чрезвычайно сложным, но — всё же она была самой податливой из всех троих, и только поэтому он выбрал её, а не ту симпатичную блондиночку, готовую в любой момент сорвать ему всю «операцию». Сейчас они, наверное, «рвут и мечут» на пару с Синайей — но, в этом и крылась гарантия его безопасности: Гро не станет рисковать одной сестрой, даже если другая будет настаивать на этом. Они все как-то связаны… Связь… Пора было заканчивать со всем этим.

«Период ухаживаний подошёл к концу, — размышлял Ли. — Наступает время решительных действий». Ему, конечно, было немного жаль сестёр, но — как истинный эгоист, Медичи в первую очередь думал о себе и своей выгоде и благополучии, а уже во вторую очередь — о благополучии близких, своего рода. К женщинам же он привык не испытывать ничего, кроме мужского восторга и чисто потребительского отношения. В конце концов, рассуждал он, устройство мира таково, что сильный пол вершит революции и войны, и устанавливает Великий Мировой Порядок. А слабый пол — тихо лежит и подчиняется всем прихотям, исполняя свою Великую миссию — продолжение священного рода. И так было от Начала времён — и так будет впредь…

Ли мягко развернул Минни к себе лицом — его сильные руки сжимали плечи девушки, заключённые в слои безвкусной

стёганой ткани. Он улыбнулся, одновременно поглощая всё её внимание и концентрируя его исключительно на себе:

— Кортни, — начал он почти шёпотом. — Я ещё никогда не испытывал ничего подобного. Лишь находясь рядом с тобой, я могу просто молчать — и чувствовать при этом, будто разговариваю со всем миром. А весь этот мир — заключён в тебе, такой удивительной и прекрасной…

Минни не могла оторваться от этих гипнотизирующих, цвета нефрита глаз. Она заранее знала, чем может закончиться эта «прогулка», ещё когда выходила с Ли из бара. Однако девушка предприняла последнюю попытку «сопротивления», всё же её ум был не настолько затуманен как сердце, жаждущее сейчас только одного — быть вместе с ним, быть его частью…

— Ли, я…погоди. Мы ещё так мало знаем друг друга — мне кажется, что мы несколько ускоряем ход событий, — слабым голосом произнесла девушка. — А вдруг…вдруг, ты разочаруешься во мне, и что тогда? Наше чувство, пресытившись одной ночью, исчерпает себя без остатка — а я этого не хочу.

Минни говорила правду. Она действительно так чувствовала и не видела нужды лгать. Медичи наклонился к её лицу так близко, что девушка почувствовала на своей коже его дурманящее дыхание. Он легонько прикоснулся к её щеке своими тонкими, но такими красивыми губами, и произнёс, одновременно целуя ей то место чуть ниже уха, где располагается «сонная» артерия:

— Больше всего на свете, Кортни, я хочу только тебя — без остатка… И мне кажется, что и ты этого хочешь… Мы можем уехать отсюда так далеко, что никто и никогда нас не найдёт…

— Ли…, - «блёкнущим» голосом попыталась возразить Минни.

— Забудь обо всём…обо всех…, - Медичи обвил талию Минни более настойчиво, не желая выпускать её из своих объятий ни на сантиметр: — Ты — моя, а я — твой. Полностью… Без остатка…

Горячим шёпотом произнося все эти банальности, Ли, тем не менее, был абсолютно уверен в том, что они сработают. Тут ведь самое главное, не что говорить — а как. И по своему опыту, Медичи прекрасно знал, что все истории о том, как времена изменили противоположный пол и сделали его в разы умнее — полная брехня. Все женщины — это женщины, и ничто не заменит им хорошей ночной «встряски», особенно если до этого они вынуждены были долго терпеть. А слова — слова во все времена были одинаковы, и никто со времён Петрарки не придумал ничего лучшего. «Женщины любят ушами» — расхожая истина, но некоторые считают, что она устарела и перестала работать. Весь секрет заключался лишь в том, что для того, чтобы женщина этим

самым «ухом» тебя полюбила — надо быть к нему как можно ближе, а ещё лучше — произнося слова любви целовать и ласкать эту эрогенную точку. И тогда истина сработает — на все сто.

К сожалению, Медичи был прав — Минни абсолютно не вслушивалась в то, что шептал ей «на ушко» её «возлюбленный», всё её тело находилось во власти одного сладостного предчувствия. И потому, когда горячие губы мужчины добрались, наконец, до её собственных пухлых губ — она безропотно отдалась поцелую, всё крепче и крепче приникая своим стройным и чувственным телом к телу Медичи…

В постели он был внимателен и нежен — их кожа испытывала постоянный физический контакт, и каждый раз Минни чудилось, что между ними в прямом смысле «проскакивает искра» — крохотные заряды голубой энергии, одновременно обжигающие и дарящие неизведанные ею ранее ощущения удовольствия и полного погружения в суть другого человека. В её теле то и дело вспыхивал и расцветал огненный цветок страсти — он цвёл и сбрасывал свои лепестки подобно тому, как поднималось, длилось и опускалось внутри Минни чувство единения с этим человеком. Если бы можно было словами описать рай, то Минерва Кроу сказала бы, что рай — здесь, в Дарквилле — в мрачном городке с непонятной погодой. В большом светло-сером особняке, на постели с бельём из светло-сиреневого шёлка. В объятиях почти незнакомого, но такого близкого ей человека с прекрасными, светло-зелёными глазами… И ничто больше не имеет и не будет иметь значения — ни сейчас, ни когда-нибудь потом…

Медичи лежал на животе, теребя на указательном пальце крупное серебряное кольцо. Он был обнажён до пояса, нижняя же часть его мускулистого тела скрывалась под шёлковой лиловой простынёй, оставляя открытыми только широкие длинные ступни с идеальным педикюром. Минни же находилась в душе, поэтому сейчас Медичи мог спокойно отдохнуть от её присутствия и обдумать некоторые «рабочие» моменты.

Хоспек должен был предупредить Ромиреза о том, что подобная ситуация могла иметь место, поэтому он безбоязненно отключил прослушивающее оборудование. Теперь также можно было не беспокоиться и о том, что на том конце услышат что-то, не предназначавшееся для начальственных ушей. Занятия любовью не предполагают каких-то жёстких рамок — так что, он выигрывает, по крайней мере, часа четыре как минимум. А может даже — и весь следующий день, если удастся подключить микрофоны таким образом, чтобы коллеги услышали лишь часть разговора, имеющего открытый сексуальный подтекст. Скажем,

ему так понравилась средняя Кроу, что он решил «зависнуть» с ней в койке на целый день, проигнорировав своё основное задание. Звонки от Хоспека, конечно, беда неизбежная, но — зато он отведёт от себя лишние подозрения. Очень важно, чтобы всё «дело» оставалось в чистой «удалённости» от малейших умозаключений полиции.

Что же до Минни — то она оказалась, на удивление, хороша. Как любовница, она без сомнения выигрывала в «состязании» с продавщицей из ювелирной лавки, с которой у него в последний раз была интрижка. Она настолько его порадовала, что Ли пришлось даже очень и очень постараться, чтобы в «сетях экстаза» удержаться от произношения её настоящего имени. Но не более того.

Как раз в тот момент, когда Медичи в уме проводил «сравнительную экспертизу» Минни и другой девушки — средняя Кроу вышла из душа и незаметно «подкралась» к постели любимого. В руке у неё был бокал игристого шампанского — она хотела распить его вместе с Ли. На ней было только белое махровое полотенце, и она надеялась, что Медичи захочет «развернуть» свой подарок лично.

Тихонько присев на краешек широкой кровати, миловидная шатенка с любовью рассматривала свою «вторую половинку» — ей не хотелось вот так его тревожить, он над чем-то размышлял, а ей просто приятно было смотреть на него, когда он её не видит. «Скользя» глазами по его спине, она невольно задержалась на красивых мышцах плеч — и тут её дыхание остановилось. Во время секса она не могла полностью сконцентрироваться на красоте его тела, поэтому и не заметила сразу того, что сейчас заставило пульс несчастной девушки забиться с усиленной частотой.

На правой лопатке её любовника чернела яркая татуировка среднего размера, изображавшая кубок с витыми ручками и поперечной косой перекладиной вдоль «ножки».

«Чёрная Чаша» — два этих слова буквально «взорвали» мозг бедной девушки, и поверить в происходящее внезапно стало столь же трудно, как в бесплатный полёт всех желающих до юпитера. Всё ещё не до конца уверенная в том, что она увидела — Минни аккуратно поставила бокал на прикроватную тумбочку. Она от волнения даже не смогла сделать «глотка храбрости», удовольствовавшись одним лишь запахом и щипающими ноздри весёлыми пузырьками газа. Медичи заметил её и медленно перевернулся на спину:

— Привет! — улыбнулся он. — Как тебе шампанское?

— Отличное, спасибо милый, — растянув губы в елейной

улыбке, ответила Минни.

Она решила действовать осторожно — мало ли что ей могло привидиться, может, и не стоит поднимать эту тему? Девушка плавно улеглась на грудь к своему избраннику. Покоясь в приятной тишине, Минни вместе с тем была терзаема сомнениями, пока Ли с довольным видом перебирал её шелковистые каштановые локоны.

— Дорогая — ты была великолепна, — «отвесил» он принятый в таких случаях «дежурный» комплимент. Впрочем, сделал он это лениво, без удовольствия.

Маленький червячок, покусывавший сердце девушки, от этих слов «подпрыгнул» до размеров ядовитой кобры — мгновенно впившись в её нежные чувства. Она решилась, и, упёршись локтями в грудь Медичи, спросила его — взглянув в самые зрачки зелёных глаз:

— У тебя не найдётся парочки сигарет для леди?

Ли удивился неожиданной прямолинейности «подруги», но вытащил из тумбочки лёгкую, красно-синюю пачку. Открыв её, он предложил Минни:

— Может быть, леди желает ещё и огоньку? — выражение его глаз стало хитрым и впервые с момента знакомства, он показался Минни действительно не самым приятным типом. Как будто кто-то убавил ручку волшебства на кухонной плите, и романтическое топливо перестало давать яркое пламя — это было неприятно и… противно.

— Можно и огоньку…, - зажав сигарету в зубах, Минни сладко ухмыльнулась.

— Для леди всё, что угодно — сейчас принесу зажигалку. — Медичи соскользнул с кровати, оставив девушку одну на пару секунд. Когда он вернулся, в руках у него была классическая бежевая зажигалка «Бэрберри» в зеленовато-красную клетку.

Минни закурила и боязливо оглянувшись, обняла себя за плечи. Медичи тем временем с удовольствием опустошил принесённый ею бокал шампанского. Он заметил изменения в поведении девушки, и теперь перематывал в голове все подробности ночи — желая найти тот момент, из-за которого первоначальный план, возможно, придётся «переигрывать». Он стоял, уже одетый в брюки, и, облокотившись на стену — внимательно наблюдал за Минни. Та курила дрожащими тонкими пальцами, и с каждой затяжкой к ней словно бы возвращалась её истинная личность и её собственные мысли и чувства — выдернутые из плена «забвения» спасительной дозой никотина. Она расслабленно прикрыла глаза, затянувшись в последний раз — не заметив, Минни с полного ходу «ухнула» три сигареты

подряд, и теперь понемногу приходила в себя после полученного «просветления».

— Что с тобой? Я сделал что-то не так — тебе было неприятно? — спросил озадаченный мужчина.

— Нет, — Минни покачала головой. — Всё было замечательно, но…, - она ещё не знала, как именно закончить фразу.

— Но что? — приподнял брови Ли. — Не бойся, продолжай, — он махнул рукой, побуждая девушку не стесняться своих желаний.

— У тебя на спине…там…, - она закинула руку за плечо, показывая точное место.

— Татуировка на твоём плече, — выдохнула Минни.

— И? — Глаза Медичи стали блестеть, но — не по доброму. Это был хищный блеск.

— Что она означает? — как можно более «невинно» спросила девушка.

Медичи сложил руки на груди характерным «блокирующим» жестом. Он закрыл для неё свою личность, хотя — в принципе, он для неё себя и не открывал. Это Минни поняла сразу же, как только посмотрела в его глаза.

— Детка, зачем тебе это? Ты что — спец по «татушкам»? — издевательски осклабился он, и демонстративно повернулся к ней задом — показав своё «художественное клеймо» во всей красе. Сладко потянувшись так, что все его кости разом хрустнули — он спокойно прошёл в соседнюю с комнатой кухню и достал из ведра со льдом бутылку «Кристалл». После чего отхлебнул из той большой глоток.

Минни тоже слезла с кровати и, воспользовавшись моментом, стала по-быстрому одеваться. Увидев, что его «Джульетта» намеревается уйти — «Ромео» незамедлительно преградил девушке дорогу.

— И куда это ты собралась? — спросил он внезапно посерьёзневшим голосом.

— Уже поздно. Девочки будут волноваться…, - также серьёзно, без капли страсти или симпатии ответила Минни. — А по поводу тату — мне просто было интересно, что это за экзотический символ. Но, как видно, тебя мои вопросы не очень-то интересуют. Судя по всему, как и я сама. — «Выпалила» на последнем дыхании, еле сдерживая подступившие к глазам слёзы, средняя сестра Кроу.

Медичи подошёл к девушке вплотную. Она попробовала отступить, но он лишь крепко ухватил её за локти и сдавил их так, что та застонала.

— Интересуешься символикой, крошка?! — прошипел он. — Ну, так ты мне и расскажи, что он означает? Что означает этот кубок, а?! Ты же прекрасно знаешь…

— Прекрати! Хватит, Ли — мне больно! — вскрикнула Минни.

— Больно, Кортни? Неужели?? — голосом, полным яда, переспросил он. — Или, может, лучше мне тебя называть Минерва Кроу??? А? Так тебе больше нравится?!

— Пожалуйста! Прошу тебя — прекрати!!! Кто ты такой??? Кто ты на самом деле?! — кричала Минни в то время, как Ли сильнее и сильнее сжимал её руки, заставляя тело девушки опускаться всё ниже и ниже.

— Кто я??? Кто я?! — кричал он ей в лицо, залитое ручьями слёз. — Скоро узнаешь, скоро вы все меня узнаете…Стервы, — добавил он и, мёртвой хваткой вцепившись Минни в волосы — со всей силы ударил её головой о стену.

Минни сразу умолкла. Проверив пульс и убедившись, что девушка жива — Медичи не торопясь натянул на свою обнажённую гладкую грудь рубашку и застегнул все пуговицы, вплоть до запонок на манжетах. Презрительно взглянув на распластанную посреди комнаты полуголую девушку, он недовольно хрюкнул, и уложил несчастную жертву на кровать. После чего также медленно довершил начатую ею процедуру — одел Минни полностью. Покончив и с этим, Медичи вышел из комнаты, предварительно заперев её на ключ — и медленным, ленивым шагом спустился в холл на первом этаже (спальня располагалась на втором). Взяв со стола в прихожей свой сотовый, Ли стал набирать определённую комбинацию цифр, не переставая при этом широко улыбаться. Дело шло как нельзя лучше, поэтому сейчас настало самое время ему исполнить свой финальный аккорд…

* * *

Син и Гро сидели в своём номере, в соседних комнатках и не разговаривали друг с другом. Когда Грослин нашла сестру на Клэйкери-Стрит, та была в самом подавленном состоянии. Преграда, сдерживавшая все её чувства в последние несколько месяцев — рухнула, и всё то тёмное, что копилось в ней, вылилось в одну широкую и полноводную реку молчания. Как и когда-то, в подростковом возрасте, черноволосая девушка укрылась внутри собственного «я» точно в раковине — не допуская внутрь никого из родных. В такие моменты общаться с

ней было невозможно, и именно сейчас казалось — что внутри девушки действительно кроется загадочная болезнь, берущая свои истоки из меланхолических привычек юности. Грослин как психолог могла понять Син, но как сестра — не желала признавать возможного поражения. И, естественно, признавать такой способ ухода от проблем как приём «дамбы». Стена молчания была той непозволительной роскошью, которую ни одна из сестёр Кроу сейчас не могла и не имела права себе позволить. Однако Синайю, очевидно, это ничуть не трогало, ибо девушка уютно расположилась на полу своей спальни — рядом с кроватью, куда побросала свои многочисленные кофты. И теперь — сидя в одной чёрной майке и джинсах, обхватив себя руками за колени — не желала ни видеть, ни слышать вообще что-либо, касающееся реальности вокруг неё.

В соседней комнате шумела Гро, открывая и закрывая дверцы мини-бара, случайно обнаруженного по возвращении в номер. Так нашлась одна бутылка тёмного пива, забытая, как видно, неким приезжим много месяцев назад, так как она вся была покрыта толстым слоем пыли. Порывшись в ящике комода, Гро нашла ещё и открывашку — в виде старого, наполовину сломанного швейцарского ножа, в котором работали только три из десяти функций: мини-лупа, нож для открывания и собственно само лезвие — покрытое каким-то дурно пахнущим, похожим на остатки мяса, налётом. Взобравшись с ногами на кровать, Гро сделала несколько глотков пива, которое оказалось на удивление хорошего качества — несмотря на то, что по всем законам срок его годности должен был уже давно истечь. Мысль об отравлении старым пивом была последним, о чём сейчас могла думать Грослин. В соседней комнате сидела сестра-шизоид, решившая именно теперь показать всем свой «непростой» характер, а вторая сестра вообще пропала в неизвестном направлении, и с каждым часом шансов, что она ещё жива — становилось меньше и меньше.

Гро поставила бутылку на комод и прошла в спальню Син. Та по-прежнему сидела, погрузившись в свои, далёкие от настоящего момента, мысли. Гро присела рядом с младшей сестрой на корточки и попыталась разнять её руки, сцепленные «замком» вокруг острых коленок. Заметив длинный красноватый шрам на левой руке младшей сестры, Гро поняла, что Синайя самостоятельно сняла повязку. Взглянув на кровать, она нашла тому подтверждение в виде окровавленного смятого бинта. Вновь переведя взгляд на Син, светловолосая девушка «наткнулась» на покрасневшие глаза — Син редко плакала, но когда это случалось — у неё, как правило, сильно краснели белки глаз и веки. И это

свидетельствовало о крайней степени переживания ею некоего чувства.

— Это всё моя вина. С самого начала…, - тихо произнесла она. — Если бы я спокойно отправилась в «Ривер-Бридж», как того требовал закон — сейчас Минни и ты имели бы ту самую нормальную жизнь, которую я так по-свински у вас отняла…

Гро опустила глаза. Сестра была права — это её вина, целиком и полностью, но сам факт признания себя виновной в разрушении чьей-то жизни — уже есть немалый залог успеха. Успеха в качестве возможности социального исправления: адаптация в обществе обычных людей всегда была для Син тем «камнем преткновения» — переступить через который, для неё стало бы равносильно признанию себя ничтожеством. Но, придерживаясь столь странной философии, Син всё же умудрилась сохранить остатки былого умения уживаться с людьми. Былого — в смысле, до гибели родителей. Тогда Синайя хоть и была весьма странным ребёнком, но всё же как-то пыталась найти своё место в мире традиционными способами. После ухода мамы с папой всё резко изменилось — и она уже не хотела жить среди тех, кто спокойно может лишать жизни себе подобных ради материальной выгоды. Поэтому так легко она вступила на опасный путь мрачных фантазий, приведших её в конечном итоге к потере собственной жизни, и, чего больше всего боялась Гро — к потере души.

Светловолосая сестра открыла было рот, чтобы как-то утешить пессиммистично-настроенную девушку, когда внезапно услышала какой-то странный звук. Син посмотрела на Гро непонимающим взглядом, но через мгновение на её лице последовательно сменилось сразу несколько эмоций — сначала просветление, потом — недоверие, и, наконец, страх. Звук повторился несколько раз, прежде чем Грослин поняла, что это звонит телефон Минни. Обе девушки одновременно вскочили и кинулись в гостиную комнату — звук исходил из нижнего ящика комода, куда Гро, перед тем как уйти на поиски Минни, кинула злосчастный аппарат. Дисплей светился светло-голубым, но номер, отображённый на плоской сенсорной панели — девушкам был неизвестен и никак не обозначался в записной книжке телефона.

Гро взглянула сначала на Син, потом — на номер. Ясное дело, это не мог быть кто-то из прежних знакомых — в связи со сложившимися обстоятельствами, вряд ли кто-нибудь из них решился бы позвонить банде умалишённых преступниц.

— Чего ты ждёшь? — Син посмотрела на сестру глазами, полными страха, но одновременно и надежды. — Мы же обе

понимаем — кто это…

Грослин недоверчиво глянула на младшую сестру, но всё же решила не испытывать судьбу. Облизнув губы, девушка осторожным движением надавила на экран: «Даже если это и звонок из полиции с объявлением, что всё закончилось — терять уже нечего, придётся просить помощи хотя бы у них», — успела подумать золотоволосая сестра.

— Алло? — бесцветным голосом спросила она.

— Доброй ночи, сестрички, — промурлыкал в трубке мужской голос. — С кем имею честь? Синайя? Или, может быть — Грослин?

Гро сразу узнала его. Ей хватило бы и половины секунды, чтобы понять, что этим мерзким бархатным голоском способен обладать лишь один человек — Ли Медичи.

— Где Минни? — вместо приветствия спросила Гро. — Клянусь тебе, если ты посмел хоть что-то сделать с ней — я…

— О, мы оба посмели сделать всё, и даже больше — боюсь, ты немного опоздала с напутствиями, дорогуша, — Гро буквально кожей ощутила довольную улыбочку мерзавца на том конце провода.

Син выхватила плоский телефон из рук сестры и отвернулась — лицо её в этот момент исказилось от нечеловеческой злобы. В последний раз, такой прилив негативной энергии она ощутила под прицелом Дона Ромиреза на заднем дворе мотеля Квинси.

— Привет тебе от «Снежной кости», Ли, — прошептала девушка голосом, дрожащим от ненависти. — Ты ведь не просто так решил вернуться в эту дыру, и, насколько я понимаю — тебе нужна наша помощь? Мы ведь, вроде как, из одного клана? Формально.

— Си-и-н, — протянул Ли удовлетворённо, — Как я рад, что хоть кто-то из вас троих способен ещё мыслить рационально. Но, — добавил он, — насколько мне помнится — ты официально считаешься «отщепенцем» от «Чёрной Чаши» — сбежала на сторону более сильного противника. — Похоже, эта тема враждующих сект забавляла его.

Гро непроизвольно начала «наматывать» круги по комнате, время от времени поглядывая на младшую сестру — ей нетерпелось узнать, как Минни и вообще — жива ли она ещё.

— Это ненадолго, — беззаботным тоном произнесла Синайя. — Скоро весь ваш род твердолобых стариков безнадёжно вымрет — и тогда, — Син выдержала небольшую паузу. — Тогда уже не будет противоборствующих сторон, потому что останутся только одни — истинные хранители знания…

— Эти сказки тебе Ричард рассказывал — перед тем, как

затащить в свою постель? — издевательски поинтересовался Ли. — Детка, боюсь у твоих жирных боссов слегка устаревшая информация. «Самый верный способ одурачить противника — прикинуться мёртвым», слыхала такое выражение? — Мужчина говорил весело, было слышно, что вся эта «бумажная» баталия доставляет ему явное удовольствие.

— Ладно, — пресекла тему Син. Она нажала на кнопку громкой связи, чтобы Гро тоже могла всё слышать. — Скажи главное — Моя сестра у тебя?

— Мышка Минни отдыхает в своей постельке после тяжёлого дня, — медленно произнёс Ли.

— Она жива, не так ли? — ровным голосом спросила Синайя.

В трубке послышался сдавленный смех.

— Что-то я не слышу особого волнения в твоём голосе, милая. Вот блондинка — так та, очевидно, гораздо сильнее обеспокоена дальнейшей судьбой своей сестры… — он не успел договорить, так как Син резко оборвала его:

— Медичи, ты — всего лишь жалкая «шестёрка» на поводке у Цербера. Но если уж тебя послали сюда, значит, Жрецы желают получить что-то, чего без нашего личного участия им достать не удастся. — Син начала произносить слова плавным, чуть ли не ласковым тоном.

— Ублюдок…, - выругалась Грослин, стоявшая в этот момент рядом с сестрой.

— Я всё слышу, Гро. — Моментально откликнулся Ли. — Поосторожнее со словами — иначе к утру чьи-то очаровательные мозги будут украшать одну из центральных улиц. — В голосе полицейского проскользнули угрожающие нотки.

Син предупредительно посмотрела на Гро, призывая ту, по возможности сохранять максимальное спокойствие, если таковое у неё ещё оставалось.

— Синайя, мой маленький бесёнок, ты как всегда права, — вновь обратился Ли к младшей сестре. — Удивительно, что Ричард именно твоё тело решил использовать для проведения ритуала — как по мне, ты должна была сразу стать одной из членов Управы. — Фраза из уст Медичи звучала как вежливое порицание наставника девушки. — Впрочем, это и неудивительно: твой поклонник банально испугался возможной конкуренции, а, быть может — и вовсе не доверял тебе. К примеру, я ни за что не поверю, что он принял тебя в общину, даже не поинтересовавшись твоим прошлым. Уж кто-то, а Ричард всегда отличался крайней дотошностью в отношении всего, что касалось личной безопасности братства. И всё же — ты сама виновата в случившемся, признай это. Если бы ты с самого начала

была с нами — тебе бы даже не пришлось творить на Земле всё то зло, что заставляет насильно проведённый обряд «Снежной Кости»…

Гро попеременно вглядывалась то в лицо сестры, то в экран мобильного — она до конца не понимала, о чём эти двое разговаривают, но внутренний голос подсказывал светловолосой девушке, что ничего хорошего от будущего им с Син ждать не приходится. Син говорила, что не всё рассказала сёстрам в ту ночь, у костра. Однако сейчас Гро из всего услышанного могла сделать вывод: история самой младшей сестры — лишь капля в море тех событий, которые имели место в Италии.

Син закусила нижнюю губу: похоже, слова Медичи заставили пробудиться в её душе тень сомнения. На её лице промелькнуло озадаченное выражение, как будто её застигли врасплох: ей явно не хотелось обсуждать при старшей сестре подробности жизни в братстве. Быстро сориентировавшись, брюнетка попыталась уйти от темы:

— Незнание не освобождает от ответственности. И я хорошо усвоила этот урок, — как бы вскользь «бросила» она собеседнику, тем самым давая ему понять, что тема закрыта. Медичи, судя по всему, понял — куда клонит Син, потому что в следующую секунду в трубке раздался откровенный смех:

— Ох! Ох-хо-хо! Да-а, видимо вы трое не так дорожите друг другом, как я думал, — давясь от смеха, промолвил Ли. — Надо же, а мне-то казалось, что сёстры — особенно родные, должны быть откровенны во всём?! Но, мы-то ничего так и не рассказали этим «офисным клушам», да, детка??? — Син почему-то «увидела» в своей голове, как мужчина на том конце провода озорно ей подмигивает.

— Чего ты хочешь? — резко спросила Син.

— Но ты же сама ответила на свой вопрос: помощи. Совершим небольшой обмен и мирно разойдёмся в разные стороны. А может, если вам двоим понравится — продолжим знакомство в более…интимных условиях. Минни не жаловалась, — смачно чмокнув губами, добавил он.

— Урод, я хочу слышать её голос! Дай ей телефон, немедленно!!! — Задыхаясь от гнева, выкрикнула Грослин. Син упёрлась в грудь сестре свободной рукой, чтобы та не выхватила телефон и не испортила всё дело больше, чем оно уже есть.

— Ладно, ладно, Гро — успокойся, — Син умоляющими глазами смотрела на старшую сестру. Одновременно отключив громкоговоритель, девушка прижала плоский мобильник вплотную к уху, чтобы слова Медичи не могли ранить измотанную психику Гро.

— Скажи, где мы можем встретиться, и приведи с собой нашу сестру, — безапелляционным тоном произнесла Син. — Тогда, может быть, мы обсудим условия сделки.

— Хм, а твои ручонки не отсохнут? — имитируя женский голосок, ответил Медичи. — Здесь не ты диктуешь правила, детка. Я могу прямо сейчас положить трубку и размозжить голову этой наивной идиотке. — Голос полицейского звучал вполне серьёзно.

— Ты этого не сделаешь. В противном случае, ты бы уже давно убил её, — спокойно отреагировала на угрозу Синайя. — Тебе нужны мы все — все трое, — тихим голосом добавила она.

В телефоне раздалось сначала злобное рычание, потом — недовольное сопение. Помолчав долю секунды, Медичи, наконец, сказал:

— Встретимся утром у Зелёного Пруда. В восемь. И, конечно, если только вы попытаетесь с помощью этого телефона позвонить в полицию или обратиться к местным блюстителям порядка — вам конец. Как и вашей драгоценной сестрице. О, и не забудьте захватить с собой завещание и карту, — спохватился похититель. — Они, как вы догадались, стоят очень и очень многого… — В ухе Син раздался короткий звуковой сигнал. Медичи отключился.

Неуверенно положив трубку на столик, Син обернулась, в надежде уговорить сестру лишний раз не впадать в истерику — однако Грослин рядом не оказалось. Насторожившись, Син негромко позвала сестру по имени, но та не отозвалась. Тогда девушка прошла в соседнюю комнату и застала следующую картину: Гро сидела на кровати Син с её спортивной сумкой на коленях. В руках у девушки, между пальцев, был зажат какой-то крохотный тёмный предмет. Грослин сосредоточилась на нём, не обращая никакого внимания на вошедшую сестру — всё её существо, казалось, было заключено в этом странном предмете. Глаза блондинки были устремлены в пустоту, и она шептала в собственные руки так тихо, как только могла, какие-то короткие фразы. Син тихонько подошла, и смогла расслышать три предложения, которые Гро без устали повторяла: «Это Грослин Кроу. Мы находимся в городе Дарквилль. Если слышите меня — пожалуйста, помогите»…

Глава 19 Ли Медичи

— Ты рехнулась!!?? — Син хватило нескольких секунд, чтобы понять, что предмет, зажатый в ладонях сестры — это прослушивающий микрофон.

Девушка подскочила к Гро и с размаху ударила её по щеке здоровой рукой. Голова светловолосой девушки мотнулась в сторону, после чего её тело быстро повалилось на постель. Син подняла с пола «жучок» и, бросив на сестру злой взгляд, тут же кинула его обратно и растоптала голой ступней. В ноге дико зажгло, и Син поняла, что снова повредила нежные кожные покровы. Замычав от злого бессилия, брюнетка прошла в соседнюю комнату и взяла остатки недопитого сестрой пива. После этого, она бесцеремонно отпихнула Гро от своей сумки («своей» она считалась потому, что там лежали, в основном, жалкие пожитки самой Син, ну, и кое-какие вещи Минни). Извлекая из недр текстильного мешка маленькое дорожное полотенце, Син задала лежащей на кровати Гро всего один вопрос:

— Когда ты его нашла?

— Только что, — сухо отозвалась Гро. — Хотела перебрать шмотки, чтобы успокоиться, а в результате среди всего этого тряпья нашла микрофон. Зачем ты его уничтожила? — задала встречный вопрос старшая сестра. Она и не думала подниматься, и вела диалог лёжа, уставившись невидящими зелёными глазами в потолок.

— Слушай, я понимаю — ты очень переживаешь за Мин. Но я уверена…то есть, я надеюсь, что с ней всё в порядке, — Син пыталась сдержать свои чувства, но у неё это получалось довольно плохо — отчего фраза прозвучала мрачно и неискренне. — Мне тоже хреново, поверь. Гораздо, гораздо хреновее, чем тебе может показаться. Однако сейчас нельзя полностью терять голову — ты же понимаешь, к чему это может привести?

Син порылась в сумке ещё, и извлекла спасительный кулёк-«аптечку», в котором оставались кое-какие лекарства со времени обработки Минни руки своей младшей сестры. Кое-как смазав ранки на ступне сначала пивом, а потом дезинфицирующим средством — Син насколько могла крепко перевязала ногу коротким полотенцем, так как маленький остаток бинта к тому времени благополучно «скончался».

— Это уже не важно, — абсолютно без эмоций произнесла Гро. — Даже если он убил её — нам всё равно некуда бежать.

Рано или поздно полиция найдёт нас здесь — или Медичи отдаст нас в их руки, он же тоже коп…

— «Коп» — да не тот, — съязвила в ответ Син. — Он не тронет её до тех пор, пока не получит то, зачем сюда пожаловал. А это значит, что наше дело для него — удобный предлог. Правда, тот факт, что он каким-то образом действительно является жителем города, значительно затрудняет ситуацию. — Рассуждала Синайя, попутно натягивая на себя разбросанную по полу одежду.

— Почему? Ты бы убила его? — таким же равнодушным голосом спрашивала Грослин.

— Разумеется, — спокойно ответила сестра. — Если бы тело мерзавца не охранялось законом о «суверинитете личности» — в этом жалком городишке стало бы на одну живую душу меньше. — Син жалела о том, что они просто не убили его в лесу, хотя такая возможность и была. Сейчас у них могла быть машина, и почти не было бы проблем — «Всё эта сентиментальность, которой я „заразилась“ от Минни с Гро», — подумала черноволосая девушка с капелькой грусти.

Гро между тем села и начала глупо хихикать. Син посмотрела на неё с тревогой — неужели её старшая сестра окончательно сошла с ума?

— Гро? — обратилась она к светловолосой девушке.

Та сказала, не прекращая смеяться:

— Я устала. Я так устала. Но самое дерьмовое в этой истории знаешь что? — она похлопала младшую сестру по плечу, и, не дожидаясь, ответила сама: — Мы умрём. Мы всё равно все умрём, чёрт возьми!

Девушка залилась истерическим смехом, который невозможно было остановить. У Син похолодели руки и ноги — она никогда раньше не имела дел с умалишёнными, а вдруг, это пощёчина так на неё подействовала? Понимая, что у старшей сестры очередной нервный срыв, могущий привести к самым плачевным последствиям, Син обняла её за голову и решилась применить маленький фокус, которому научилась в братстве.

«В конце концов, я же Проклятая Душа — должно же во мне быть хоть что-то характерное?!», — со злостью подумала брюнетка и крепче сдавила голову Грослин в своих объятиях. «Дестабилизация мыслей» была не то, чтобы магическим приёмом — но чем-то средним между гипнозом и осознанным изменением сознания другого человека. В простонародье такое действие носило куда менее привлекательное название, которое, тем не менее, прекрасно отражало его суть. «Завести глаза» — так про эту штуковину говорили обычные люди, хотя точнее было бы всё

же говорить «Переделать память». Суть была в том, чтобы подкорректировать мысли и воспоминания человека за какой-то короткий промежуток времени. Максимальным сроком были сутки, следовательно, Син нужно было ещё меньше энергии — ей ведь требовалось исправить только последние полчаса.

На это она вполне была способна, даже с минимальными возможностями не совсем живого человека. Прижав к груди голову ревущей сестры, Син сначала позвала её по имени, а потом начала произносить какие-то бессмысленные утешительные слова — не вкладывая в них никаких эмоций. Её задача была привлечь к своему голосу внимание Грослин, чтобы поймать так называемую «связь», благодаря которой и могла осуществиться «корректировка». Когда Гро немного притихла, Син почувствовала, как её сознание немного приоткрылось — словно стеклянная банка, с которой слегка «свинтили» крышку. То же самое она почувствовала и от Гро — её мысли оказались полноводным потоком, сметающим всё на своём пути и не способным зацепиться хоть за что-то, остановиться хоть на мгновение. Син медленно протянула из своих мыслей в мысли сестры тонкую голубую ленту, которая служила своеобразным «щупом» для её собственного сознания, служившего в данный момент, если можно так выразиться, «поисковым роботом». Осторожно опустившись в мысленный поток Гро, Син начала аккуратно ловить и просматривать воспоминания и мысли сестры одно за другим. В основном, это были тревога и страх за своё будущее и будущее «девочек», как она ласково называла сестёр про себя. Син увидела эпизод в трейлере Мэда Аркетта и поняла, что Грослин с самого начала знала — что собой представляет Медичи, в то время как Синайе потребовалаось слишком много времени на то, чтобы вспомнить — где раньше она могла видеть это наглое и хитрое лицо.

Наконец, черноволосая девушка дошла до того момента, когда её старшая сестра обнаружила в их сумке «жучок». В этот момент все мысли Гро вертелись вокруг двух вещей: спасти Минни, и остановить надвигающееся Нечто — что-то, чего Грослин с ужасом ждала, но не понимала. В последующих мыслях золотоволосой девушки наступала сумятица, и постепенно, всё смешивалось и дошло до такого момента, когда разобрать что-то определённое становилось делом невозможным — словно ты переключал каналы, и вдруг перед тобой на экране возникли серые мятые полосы помех, коверкающих картинку и звук. Поток её сознания в этом месте неимоверно убыстрялся, а это говорило о том, что психика испытывает сильнейшую «перегрузку» информацией и событиями. В таком случае, помощь Син будет не

только вынужденной, но и уместной — потому что, таким образом, она сможет поправить начинающиеся неблагоприятные изменения в сознании сестры, которые сложно будет исправить в дальнейшем, но возможно остановить сейчас и не дать им развиться раньше, чем нужно.

Син стала «обволакивать» мысли и память Гро за последние полчаса, расширяя свою «ленту» и превращая её в сеть. Одновременно, она «давила» на трансформирующийся «щуп» собственным сознанием, чтобы полностью подавить волю старшей сестры. Наконец, когда она почувствовала, что в её собственной голове находится всё негативное, что произошло в уме Грослин, включая надвигающееся безумие — сознание Синайи резко сжалось, «выдёргивая» кусок внутреннего пространства Гро точно больной зуб. Блондинка охнула, и, схватившись за голову — вновь повалилась на мягкую кровать, но на этот раз она потеряла сознание, и в таком состоянии ей предстояло пробыть до самого утра. За это время её мозг как следует отдохнёт, и она уже ничего не вспомнит, ибо источник нервного потрясения — звонок Медичи, полностью изгладится из её памяти. Сознание станет более-менее чистым и спокойным, а это, в свою очередь, поможет старшей сестре чувствовать себя более уверенно и принимать рациональные решения. Что же до эмоций и чувств, то они будут временно притуплены насильственной «давкой» на определённые зоны мозга, отвечающие за них. Но и это пройдёт — уже через пару дней. Так что опасаться было нечего.

Сама же Синайя хоть и чувствовала, что сделала свою работу «на отлично» (хотя показать точный результат должно было следующее утро) — но ощущала собственное тело и разум так, словно её прокрутили в мясорубке. Повторно. Последний раз столь же «приятные» ощущения она испытывала во время ритуала, когда попрощалась с собственной жизнью, и потому никак не ожидала, что ещё раз сможет пережить подобное.

Почувствовав недоброе, Син бросилась в ванную и, надо сказать, не зря: её тут же «вывернуло» наизнанку так, что она решила не нуждаться в пище всю следующую неделю. Чёрная липкая масса извергалась из неё словно поток чистейшей нефти: на самом же деле, таковы были последствия «дестабилизации» — всё плохое, что было внутри «корректируемого» человека неизбежно переходило к тому, кто выполнял данную процедуру. Извечный закон, что тут поделаешь?

Прополоскав рот, Син вернулась в комнату к сестре. Грослин спала, время от времени переворачиваясь с боку на бок — очевидно, от плохих сновидений Синайя всё же не в силах была

её избавить. Рухнув на кровать Гро, брюнетка устремила свой взгляд туда же, куда ранее смотрела её старшая сестра — в потолок. Теперь им оставалось только догадываться, как быстро среагирует Дон Ромирез на «тревожный сигнал» Гро, и находится ли он в сговоре с Медичи, который, судя по всему, мечтает получить наследство девушек не меньше, чем они сами. И который гораздо лучше представляет себе — в чём это наследство заключается.

* * *

Мозг Синайи сработал чётко: она проснулась ровно в 6:50 утра. В число её неоспоримых достоинств входило полезное умение просыпаться без будильника в чётко заданное время. Чтобы собраться на встречу, ей хватило бы и двадцати минут, но памятуя о вчерашней «операции» с сознанием Гро, она не могла не дать сестре «отмашку» хотя бы на полчаса. Умывшись и прибрав за собой остатки вчерашнего бардака, Син решила немного отвлечься, поэтому включила крохотный радиоприёмник, стоявший на подоконнике в первой спальне. Из динамика сразу же полилась ритмичная попсовая мелодия — девушка надавила на кнопку усиления звука несколько раз, прежде чем музыка стала настолько громкой, чтобы от неё можно было проснуться.

Из соседней комнаты послышался долгий стон. Спустя минуту, вышла Гро и остановилась в проёме, прислонившись к дверному косяку. Светловолосая девушка, казалось, не вполне владела собственным телом, а потому предпочла сразу же воспользоваться ближайшей точкой опоры, дабы избежать позорного падения. Грослин зевнула, и почувствовала, как у неё в голове начинает что-то лопаться — боль была тупой и жёлтой, словно синяк, заживающий уже пятый день.

— Сделай потише, — глухим голосом попросила сестра, одновременно прижимая ладонь ко рту — не в силах сдержать очередной зевок. — Голова так болит, что я уже вообще сомневаюсь в том, что она — моя.

— С добрым утречком! — Весело пропела в ответ младшая сестра. — Надо полагать, вчерашнее пойло имело всё-таки «критический» срок выдержки.

— Наверное, — пробормотала Гро. — Похоже, я слегка перебрала вчера — не помню ни черта… — Неуверенными шагами блондинка двинулась в сторону ванной.

— Слушай, — остановилась она вдруг. — А давай спустимся

вниз — выпьем кофе? Раз уж поднялись в такую рань. — Гро медленно продолжила свой путь к спасительному умывальнику.

Син посмотрела ей вслед: как видно, она действительно ничего не помнит. Но с другой стороны, сестра хотя бы ведёт себя адекватно, а это значило — своей основной цели Син всё же добилась.

— Грослин, — позвала она сестру серьёзным голосом. — Тебе вчера было плохо, ты быстро отключилась… — Брюнетка сделала паузу, придумывая мимоходом подходящую ложь. — Пришло сообщение на мобильник Минни. От Медичи, — быстро добавила она.

Гро замерла на пороге ванной, так и не успев войти внутрь. Она посмотрела на сестру, и Син увидела, как зрачки её зелёных глаз стремительно расширяются от возбуждения. «Так, кофе нам уже не понадобится», — промелькнуло в голове у Син.

— К-как? — заикаясь, переспросила старшая сестра. — Почему я не помню? Я что — была настолько «плоха»?

— До невозможности. — Син провела перед собой рукой, как бы говоря «это стопроцентная правда». — Честное слово, просто как свинья, — с серьёзным видом произнесла темноволосая девушка.

— Погоди секунду, ладно? — Гро пропала за дверью, и через мгновение стало слышно, как вода плескается в разгорячённое лицо Грослин, заставляя мысли девушки вновь вставать на свои места — туда, откуда они так легко «разбежались» прошлым вечером под воздействием некачественного алкоголя. Вытерев лицо чистым полотенцем, Гро сделала несколько глубоких вдохов-выдохов, чтобы успокоиться и мыслить более-менее хладнокровно. Очевидно, вчера она дала выход эмоциям, однако сейчас, когда пришла пора предпринимать какие-то действия — она должна быть максимально собранной и твёрдой.

Выйдя из ванной, она взглянула на младшую сестру — та выглядела как обычно, однако на её лице сегодня была лёгкая тень — возможно, усталось, а возможно — даже печаль по поводу случившегося с Минни. Впрочем, это было маловероятно. Син сидела на кровати Грослин и наматывала на указательный палец канцелярскую резинку, не пойми где найденную ею в номере. Она слушала радио, одновременно думая о чём-то своём.

— Эй, — окликнула её Грослин. — С чего это ты вдруг «летаешь в облаках»?

— Не знаю, — неохотно отозвалась Син. На этот раз в её голосе звучала явная грусть. — Может, депрессия? — Она язвительно ухмыльнулась.

Гро подошла вплотную к окну, и слегка приподняв тяжёлые

шторы — выглянула наружу. Со вчерашнего дня ничего не изменилось. Всё было таким же серым и унылым, за исключением разве что того, что день на сей раз выдался солнечным, и оттого все бледные краски внезапно приобрели иное — несколько более «живое» звучание. Улица словно светилась изнутри, несмотря на то, что снег, успевший завалить вчера весь город — сегодня значительно растаял, превратившись в одну сплошную тёмно-серую кашу. И всё же, как это ни парадоксально, «каша» светилась и даже казалась вполне подходящей по стилю к общему пейзажу, как будто всегда была неотъемлемой его частью.

— Что там с сообщением? Чего он хочет? — спросила Гро, опуская «занавес» и поворачиваясь обратно лицом к сестре. — А лучше — дай-ка мне телефон, я сама посмотрю… — Блондинка потянулась к мобильнику, лежавшему на прикроватном комоде.

— Я его удалила, — спокойно сказала Син.

— Что? Зачем? — удивлённо переспросила сестра, её рука как раз замерла над плоским аппаратом.

— Он так хотел, — пожала плечами Синайя. Она слезла с кровати и стала натягивать кроссовки, чтобы лишний раз не встречаться взглядом с Гро.

— Неужели? А чего же ещё он хотел? — в её голосе явственно различалось подозрение. — Ты опять меня «за нос водишь», Синайя? — Заметив, что младшая сестра явно куда-то собирается, Гро начала испытывать раздаражение: — Ты куда собралась???

Син поднялась, и, обернувшись к сестре, просто ответила:

— Собираюсь сделать так, как было написано в смс-ке: встретиться с Ли в восемь часов утра на Зелёных Прудах. Без свидетелей. — Частично это было правдой, поэтому насчёт своего «честного» выражения лица Син не беспокоилась. Всё равно объяснять что-то в данный момент было бессмысленно. Следовало сконцентрироваться на главном — спасении Минни.

Гро стояла с широко открытыми глазами — её удивлению не было предела:

— Вообще-то ради такой новости можно было меня разбудить. Сомневаюсь, что я была пьяна настолько, чтобы пропустить новость о собственной сестре. Неужели нельзя было как-то меня «растолкать»??? Я бы хотя бы подготовилась…

— Как? Наорав на меня? Обвинив меня во всех наших неприятностях? Или, может, в очередной раз «приложив руку» к воспитанию нерадивой младшей сестрёнки? Так бы ты подготовилась, да, Грослин? — «Перевод стрелок» являлся лучшим способом отвлечения внимания в их семейке, поэтому Син не сомневалась в том, что это сработает.

Не дожидаясь ответа, девушка взяла папку с документами и

направилась к выходу.

— Ты так и будешь попрекать меня тем срывом до конца моей жизни? Гро автоматически натянула два свитера, сложенных «один в один» на кровати в соседней комнате. — Я всего лишь пытаюсь достучаться до тебя, Син. Помочь тебе, если уж на то пошло…

— У тебя, знаешь ли, отстойные методы педагогики, — отпарировала Син.

— Ты просто не замечаешь, как жизнь всех людей, находящихся рядом с тобой — моментально превращается в чистый Ад. — Гро обогнала Син и преградила той путь из номера.

— Может и так. — Син прямо посмотрела сестре в глаза. — Но я хотя бы знаю, что в этом Аду есть свои «подводные камни». И не отворачиваюсь всякий раз, когда кто-то пытается «ткнуть» в меня раскалёнными вилами. Я это терплю. А заодно думаю, как избежать этого в следующий раз. А вот ты — ты способна научиться хоть чему-то, даже если находишься в безвыходной ситуации? — Син отодвинула Гро с дороги так, будто та весила не больше пяти граммов. Сила всегда проявлялась в ней внезапно, особенно в те моменты, когда себя не контролируешь. Но она сама виновата — это же была её инициатива — «сменить тему»?

— А по-моему, ты просто трусиха, — спокойно ответила на «выпад» сестры Грослин. — Ты боишься и себя, и людей, пытающихся тебе помочь. Но закрыться от всего мира — ещё не значит решить все проблемы, и ты это прекрасно понимаешь. Вот что самое отвратительное в тебе, Синайя Кроу — ты всё понимаешь, но всё равно каждый раз поступаешь так, как будто тебе плевать на тех, кто тебе дорог. И я не понимаю одного — зачем? Зачем тебе всё это?

Син жутко бесили подобные разговоры, особенно, когда она понимала, что они совершенно бесперспективные. «Мутить воду» ей никогда особо не удавалось, да она и не была любителем покопаться в чужих мозгах — дотошно разбираясь в причинах поведения того или иного человека. Зато Грослин в этих делах была настоящим виртуозом. Ей всегда удавалось «вынести мозг» своей жертве так, что та потом безоговорочно верила во всё, что Гро якобы «констатировала» в своих чёртовых наблюдениях над человеком! Однако Син такой способ «общения» явно не подходил, поэтому она решила в очередной раз проигнорировать поползновения сестры на своё видение мира.

Черноволосая девушка невысокого роста остановилась в коридоре, и, перекинув сумку с одного плеча на другое, повернулась к сестре и глядя на неё глазами, полными

абсолютного равнодушия ко всему, что та говорила или собирается ещё сказать ей, спросила:

— Ты правда хочешь обсудить это сейчас? Или сначала выясним, где этот узкоглазый кретин держит нашу сестру?

Гро немного остыла. Однако она не собиралась оставлять этот разговор на потом, и хотела выяснить всё здесь и сейчас — прежде, чем в их жизни произойдёт нечто, что возможно, свяжет их троих неразрывными узами до самого конца.

— Скажи мне только одно. — Гро замолчала, призывая младшую сестру волей-неволей обратить на себя её внимание. — Допустим, мы найдём эти бриллианты. Допустим, мы разбогатеем настолько, что сможем позволить себе заниматься тем, чем занимались и раньше. Ты, ты будешь при всём этом рядом с нами?

Син посмотрела на Гро так, как будто впервые видит её. Она не ожидала, что ответ, который она искала долгие годы внутри себя, оказывается, был так прост, и всегда лежал на поверхности — всё это время она знала его, просто не хотела признаваться себе. Обмана никогда не было — был лишь самообман.

— Я клянусь тебе, что возьму свою долю и уйду. Ни ты, ни Минни никогда не услышите обо мне, и не будете иметь из-за меня проблем. Никогда.

Блондинка оторопела. Она рассчитывала услышать совсем не это. Осознание, что сестра поняла всё совсем не так, ужалило Грослин той самой «вилой», о которой секунду назад говорила Син. Кто из них в данную минуту был прав — оставалось делом неясным, так как девушки разговаривали друг с другом, как выяснилось, абсолютно на разных языках. Не то, чтобы они не понимали друг друга, но они даже не могли приблизиться к этому пониманию. И эта стена, разделявшая их, с каждым словом рисковала опуститься всё ниже и ниже, пока полностью не перекроет тот крохотный просвет, что позволял двум сестрам Кроу, в принципе, общаться между собой.

— Син, но я… Я же вовсе не это имела в виду! — выкрикнула в порыве негодования Гро. На глазах у неё заблестели слёзы бессилия.

— Конечно. Закрыли тему. — Вкрадчиво произнесла Син и отвернулась.

* * *

«Зелёные Пруды» — так назывался район, находившийся на самой окраине Дарквилля. Можно сказать, это были его самые

дикие трущобы: здесь нельзя было встретить ни заносчивых представителей «пуританского» сословия, ни работящих жителей, «оседающих» по вечерам в местных барах. Местечко это было настолько же грязным, насколько и безлюдным. Окраина города «венчалась» большим текстильным заводом по производству промышленного каната и грубого полотна, превращавшегося впоследствии в заготовки для гобеленов. Повсюду стояли одноэтажные каменные домики из тёмно-бурого кирпича, с растрескавшимися от времени наполовину деревянными — наполовину жестяными дверями (в зависимости от того, в каком месте находилась жестяная заплата). Зелёные же пруды на самом деле представляли собой одно, ядовито-зелёного цвета озеро, обладавшее столь интересным оттенком по большей части из-за сливавшихся в него отходов текстильного производства. Вокруг стоял характерный химический запах, от которого очень быстро начинало щипать в носу.

Однако была в этом месте и своя, специфическая «романтика»: прямо над озером располагался изящный, выложенный каменной брусчаткой, мост. Высокие чугунные перила «извивались» в том же причудливо-гротескном цветочном узоре, что украшал собой главные городские ворота. Солнце, освещавшее это странное «детище» архитектурной мысли, просачивалось сквозь перевитые между собой цветы и листья таким образом, что создавалось неуловимое впечатление «движения» моста. Словно карусель, он одновременно и «перекатывался» между двумя берегами города, но в то же время всегда оставался на одном месте. Видимо, в прежние времена на «Зелёных Прудах» всё обстояло иначе, однако сейчас всё, что осталось от красоты процветавшего когда-то промышленного района — укладывалось в рамки одной-единственной каменно-чугунной композиции. И композиция эта соединяла собой два берега, на одном из которых находилась жилая часть городка, а на другой — непосредственно текстильный завод. Каменные опоры моста уходили глубоко под воду, но они были настолько растрескавшимися и поросшими мхом и плесенью, что казались готовыми вот-вот рухнуть под тяжестью самого лёгкого грузовика. Оставалось загадкой — каким образом этот завод до сих пор функционирует, а он функционировал, о чём ясно давал знать «весёлый» белёсый дым, клубами валивший из высокой грязно-оранжевой трубы.

Очевидно, в это время все, кто так или иначе был связан с заводом — находились непосредственно на своём рабочем месте, ибо вокруг не было ни единой живой души за исключением сестёр. Девушки прошли до середины моста, когда вдруг

услышали за спиной сдавленные женские крики, заглушаемые чьей-то тяжёлой рукой. Обернувшись, они увидели приближающуюся к ним невнятную фигуру, которая к тому же всё время шевелилась — таков был эффект густой тени, создававшийся из-за падающего прямо в глаза девушек солнечного света. Но как только расстояние между ними сократилось до нескольких метров, стало ясно — Ли бесцеремонно волок впереди себя отчаянно сопротивлявшуюся Минни Кроу. Это она издавала жалобные звуки, прерываемые постоянными попытками Медичи заткнуть ей рот своей мерзкой ручищей, в которой, кстати, был зажат приличных размеров полицейский пистолет.

Ли счастливо улыбался, глядя на Гро и Син, а те с ужасом наблюдали, как он с каждым визгом Минни всё сильнее прижимает к её виску смертоносное оружие. Мало того, из того самого места, куда целился детектив — начала выступать свежая кровь: прямо поверх запёкшейся корки от первой раны, очевидно, нанесённой девушке раньше. Минни цеплялась за обвивающую её тело руку, и брыкалась ногами, однако тот держал её «железной хваткой». На любую попытку позвать на помощь, Медичи низко шипел и шептал несчастной на ухо что-то, отчего и без того красные глаза несчастной становились ещё краснее и больше. Страдания девушки чётко отражались на её измученном, похудевшем лице — и в то же время нестерпимой болью ранили сердца её сестёр.

— Мои ранние пташки. Сделаете всё, чтобы спасти свою любимую сестру, верно?

Медичи осклабился. Син почувствовала острое желание врезать по этим сияющим белым зубам. Гро мечтала только об одном — спасти Минни, любой ценой.

— Вы принесли мне то, что я просил? — снова спросил он.

Син молча показала ему серую папку. Гро засунула руки в карманы джинсов, однако Ли, заметив это, тут же пригрозил девушкам:

— А-а-а, — покачал он головой. — Руки оставляем открытыми, так, чтобы я их видел. Никаких фокусов, не то вам же будет хуже!

— Куда уж хуже, — произнесла Син. — Ты взял в заложники нашу сестру, требуешь отдать тебе завещание деда. Ты ведь победил — поставил нас в безвыходное положение, — пояснила она. — Давай не будем тянуть «кота за хвост», и ты просто расскажешь нам, что тебе от нас нужно. Мы это сделаем — и дело с концом. Но вначале, — она предупредительно взглянула на Медичи. — Вначале, ты отпустишь Минни. И только после этого

получишь папку. Кстати, зачем она тебе?

Ли напрягся. Сейчас для него было важно правильно повести разговор, не дать понять сёстрам, что он уязвим так же, как они. Однако блефовать ему не приходилось — у него же в руках живая «наживка»!

Минни тряслась мелкой дрожью у него в руках. В любой момент он мог пристрелить её, она уже имела возможность познакомиться с его «горячим» характером у него же в доме.

— Ну уж нет, — протянул тот. — Курочка останется у меня до тех пор, пока я не решу, что её можно отпустить. И не пытайся перевести разговор, Синайя. Отдай мне папку, и дальше будем действовать по моему плану. — Последнюю фразу он подчеркнул особо. Поцеловав Минни в ухо, он протянул вторую руку, в то же время ловко перекладывая оружие. Теперь в опасной зоне находился подбородок девушки.

— Ну же, ты сама хотела завершить всё как можно скорее, — «подгонял» Ли черноволосую сестру. — Медленно подойди ко мне и вложи документы во внутренний карман моего пиджака. Быстро! — внезапно рявкнул он.

— Медичи — сукин сын! Сначала отпусти мою сестру. — Син стояла на своём.

В ответ, полицейский не торопясь взвёл курок. Тот сухо щёлкнул, и в воздухе ясно раздался жалобный стон измождённой Минни.

— Нет, я так не могу больше… — Гро сжала кулаки и быстро двинулась в сторону мерзко улыбавшегося мужчины, однако Син успела преградила ей путь — широко вытянув руку, на которой алел шрам от последнего «колдовства».

— Он не стоит того, — спокойно произнесла девушка. — К тому же, этот трус не убьёт Минни до тех пор, пока не получит от неё желаемого. А желаемое он получит, только если все мы трое будем живы и «в добром здравии». — Спокойно закончила брюнетка. Пока она говорила, её взгляд не переставал фокусироваться на лице Медичи. Тот столь же пристально смотрел в её тёмно-синие глаза, но в них не читалось ничего, кроме холодного интереса к чему-то, что очень сильно интересовало его в данный момент. И это что-то было завещанием Балтимора Кроу.

Ли чуть приподнял брови, намекая, что каковы бы ни были его интересы — ему абсолютно плевать на их жизни, и в частности, на жизнь заложницы. «Упрямый, тварюга», — подумала Син. «Нацепив» на лицо одну из своих «фирменных» иронических улыбочек, брюнетка плавными шагами двинулась в сторону детектива, на ходу развязывая шёлковый шнурок, и

доставая из папки необходимые «копу» бумаги. Ли не сводил с неё взгляда и думал в эту секунду о том, что сложись всё иначе — то есть если бы Син осталась в «Чёрной Чаше» с самого начала (как это и планировалось) — у них с ней, возможно, могли бы сложиться очень даже «закрученные» отношения. Они ведь так подходят другу другу — оба расчётливые убийцы, для которых власть и авторитет в их узком «братстве» всегда превыше всего в мире. Даже превыше этой наигранной «любви» к своим бедным сестрицам. Однако он был слишком глуп, чтобы понять — люди способны иногда меняться, а если не меняться — то хотя бы стремится к этому. Пусть и изредка.

Син приблизилась к Медичи вплотную, и, отогнув раскрытую полу его серого пиджака — сделала то, что было нужно. Тот улыбнулся ещё шире, и в этот момент мышцы его лба чуть расслабились — наконец-то, он по-настоящему приблизился к тому, чего так долго ждал не только он сам, но и вся община «Чаши». Легендарное завещание в его руках, остаётся самая малость — воспользоваться прилагающимся к нему ключом…

— Надеюсь, ты сгоришь в Аду — скоро. — Улыбаясь, пропела Синайя. Минни, всё ещё «висевшая» на руке Ли, отчаянно пыталась уловить боковым зрением выражение лица сестры. Но как только Син передала завещание — Медичи в ту же секунду вытолкнул среднюю сестру Кроу за пределы своих «объятий». Син едва успела подхватить обессилевшую от страха и боли Минни, как Медичи, глядя на троицу — откровенно рассмеялся заливистым смехом классического злодея из дешёвого боевика.

— О, Прекрасный Сияющий, — произнёс сквозь приступ хохота он. — Да с чего вы вообще решили, что достойны «Наследия Чёрной Чаши»??? Жалкие сопливые девчонки вдруг придумали, что смогут заполучить столь бесценные дары???

Продолжая смеяться, Ли вытащил бумаги, в которые входили завещание Балтимора Кроу и карта городского кладбища Дарквилля. Внимательно разглядывая карту, свободную руку он, тем не менее, продолжал держать на спусковом механизме пистолета — нацеленного уже на обеих девушек. Гро стояла в отдалении, бессильно, до крови сжимая кулаки. Ногти вонзались в кожу, но боли она не чувствовала — только досаду и невиданную доселе злость. Казалось, каждая клеточка её тела восставала против Ли Медичи, способного в любой момент оборвать жизни двух её сестёр. А потом, наверняка, и её жизнь тоже.

Промычав что-то одобрительное, Ли, наконец, соизволил убрать оружие обратно в кобуру, после чего — презрительно взглянув на Минни и державшую её Син, произнёс голосом,

полным торжества и, даже можно сказать, некоторого пафоса:

— Умница, Син. Карта настоящая, а это значит, что ты правильно предпочла не тратить время на перерисовывание «с дополнениями», пытаясь меня одурачить, а всё же посчитала более ценной жизнь прелестной Минервы. Ты удостоилась моего уважения.

— К счастью, я не настолько изощрённа по части «страдания фигнёй» как ты, — ехидно улыбнувшись, произнесла Синайя. — А что касается твоего уважения… Думаю, ты и сам прекрасно знаешь, что ты можешь с ним сделать. — Мгновение спустя закончила девушка с глазами, полными ответного презрения к Ли.

Медичи пальцем «поманил» стоявшую невдалеке Гро, и когда та подошла, заявил:

— Хочу, чтобы вы знали — я оказываю вам услугу, одолжение, если хотите. Таким как вы невдомёк, для чего именно была создана эта бумага, но это и немудрено: вы же совершенно не относитесь к разряду «посвящённых». Поэтому вам априори не справиться с тем, что уготовано лишь истинному представителю Знания. Так что не обижайтесь девочки — я сделаю так, как будет лучше, в первую очередь, для вас самих.

Последняя фраза, разумеется, была откровенной ложью. О сёстрах Медичи думал в самую последнюю очередь, и то лишь в свете того, каким образом он сможет незаметно и навсегда от них избавиться после окончания дела.

— Ну, так что нам делать? — спросила мёртвым от ненависти голосом Грослин.

Медичи поправил свой безукоризненно чистый пиджак — несмотря на то, что он недавно имел дело с кровью, на его сером пиджаке не было заметно ни единого пятнышка.

— Де-е-евочки, — ласково протянул он голосом победителя. — Позвольте сначала представиться — Ли Эндрю Медичи, внук Маргарет Жослин Прайс…

Девушки молчали.

— И что? Ты что же — внук той самой Маргарет Прайс, которую дедушка Кроу…? — неуверенно произнесла Гро, не решаясь закончить предложение.

— Хладнокровно зарезал ножом для разделывания мяса? Да — это я, собственной персоной, — довольным голосом сказал мужчина, понимая, что отчасти добился желанного эффекта. — Но что важнее — бабушка приходилась Балтимору Кроу троюродной сестрой, и значит, я также отношусь к этому роду и имею все законные права на получение этого наследства — поскольку последним в роду по мужской линии, опять же,

оказываюсь я. По самым ближним связям, я — первый человек, кто достоин забрать себе всё, что находится в фамильном склепе Кроу на здешнем кладбище!

Син осторожно посмотрела на Минни — та в своё время пыталась составить генеалогическое древо их семьи, но так до конца и не смогла выявить все ветви.

— Б-б-боюсь, что он прав, — тихим голосом, путаясь в словах, произнесла Минни. — Я не знала, что у тёти Маргарет были ещё дети, кроме Мэри — той, что погибла в пожаре пару лет назад, — уточнила девушка. — Но наш отец был последним мужским потомком в этой семье, идущим непосредственно по линии Кроу. Дальше — только мы…

Грослин горящими глазами уставилась в лицо Медичи:

— Ты можешь забрать себе всё, что найдёшь в той грязной могиле — только отпусти нас. — Её голос готов был сорваться на крик, но девушка держалась.

— Я рад, что мы так скоро всё выяснили. По-семейному, — ухмыляясь, добавил Медичи. — Однако без вас мне в склеп не попасть — вот в чём проблема…

— О-о-о, ну естественно — так бы сразу и сказал! — вырвалось у Син.

— Тихо! Иначе условия сделки придётся изменить не в самую лучшую для вас, девочки, сторону. — В глазах Медичи проблеснули искорки злобы и нетерпения.

— Что ещё за сделка? — уточнила Син.

— Весьма выгодная — как для вас, так и для меня. — уклоничиво ответил Ли.

— Всё элементарно, — продолжил он. — Вы отводите меня в склеп, после чего я забираю всё, что в нём находится — включая бриллианты, — поднял указательный палец детектив. — Далее, я инсцинирую для всех «наших» вашу смерть, а заодно и поломку рабочего оборудования.

Мужчина приоткрыл вторую полу пиджака, и девушки разглядели оборванный провод миниатюрного радиомикрофона.

— Не беспокойтесь, с этим затруднений не возникнет, — произнёс он в ответ на недоумённые взгляды сестёр. — И для вас, таким образом, откроется та самая «свобода», о которой ты — Син, столько болтала в последнее время.

Син сокрушённо покачала головой — «прослушка» в их сумке была весьма качественной, а если учесть, что сумки большую часть времени валялись открытыми из-за постоянных сборов сестёр, то…

— Так ты нас отпустишь? Просто, если мы отведём тебя на кладбище? — Удивлённо переспросила Грослин. Она обняла за

плечи дрожавшую Минни, и, таким образом, сёстры образовали как бы «живой кокон». — В чём же подвох? Почему ты сам не можешь сделать всё, что требуется? Ты ведь получил завещание с картой — к чему тебе мы?

— Господи, до чего же вы тупые! — простонал Медичи. — Я же говорю, мне без вас в склеп не попасть — в завещании недаром сказано, что пройти внутрь сможет только прямой, прямой потомок — и точка! А вы-то как раз и являетесь самыми прямыми потомками Балтимора Кроу, в то время как я — всё же лицо второстепенное, хоть и единственный представитель мужского племени, оставшийся от вашей жалкой семейки!

— Эй, хватит орать! — прикрикнула на него Грослин. — Ты разве не в курсе, что здешняя полиция имеет очень длинные уши? Их не видно, но они всё же где-то поблизости…, - притихшим голосом закончила блондинка, памятуя о внезапном появлении на площади шерифа Хаммера.

— Ну хватит, — устало сказал Ли и вновь вытащил из-за пояса свою «пушку». — С вами говорить — всё равно, что собирать рассыпавшийся горох: и нужное, но страшно дерьмовое занятие. На карте стоит отметка, что следует обратиться к здешнему смотрителю кладбища. Скорее всего, речь идёт о получении ключа от «северной» его части. Туда и направимся.

Медичи покрутил перед сёстрами пистолетом, понукая их развернуться и идти в обратном направлении — если следовать карте, кладбище должно было располагаться южнее, в нескольких кварталах отсюда. Там, где почва не подмывалась изнутри грунтовыми водами — следовательно, как можно дальше от Зелёных Прудов и реки Ривер-Бридж.

— Почему задерживаемся? Вперёд девушки — проведём время с пользой. В конце концов, сегодня такой прекрасный день — так много солнца…, - издевательски пошутил он.

— Прямо сейчас? — переспросила Син. — А как же Минни? Посмотри, что ты с ней сделал, Медичи?! Она же еле может ходить — ей необходима помощь! Хотя бы просто продезинфицировать раны на лбу! — Син была в крайнем раздражении, но больше всего её сейчас бесила их беспомощность.

— Сияющий, как же я устал от них! — проговорил Ли, после чего закатил глаза, и неглядя выстрелил.

Пуля угодила прямо рядом с Син. Пара миллиметров — и Медичи попал бы ей точно в ногу. Звякнув, она отскочила куда-то за перила моста. Минни вскрикнула, Гро прижалась лицом к волосам Минни. Син рефлекторно отвернулась, лишь сильнее сжав руки средней сестры.

— Заткнись, и делай то, что я велю. Это и к вам относится, — ровным голосом произнёс Ли. — Минерва потерпит, в крайнем случае — обратимся за помощью к смотрителю. У него должна быть аптечка.

— Интересно, что он на это скажет? — прищурив глаза, поинтересовалась Минни.

— Детка, мы же не будем говорить об истинной цели нашего визита, — произнёс Ли таким голосом, словно разговаривал с умственно-отсталой. — Если спросит — ты упала с велосипеда. Ясно?! — Терпение полицейского явно подходило к концу.

— Посреди зимы? — не удержалась Син.

— Ещё одно слово, и я лишу тебя глаза, дорогая Синайя. — улыбнувшись своей ласковой улыбкой, ответил он. — Что жаль, они ведь такого редкого цвета…

Дальнейший путь до кладбища сёстры провели в полном молчании. Медичи шёл позади, натянув припасённое в кармане мягкое кепи. Даже в столь рискованной ситуации он оставался заправским денди. По «легенде», все четверо были родственниками, горячо желавшими навестить своих почивших предков. В сущности, оно так и было — только в самом наихудшем из возможных миров.

Глава 20 Дежавю

Шестиметровая монолитная стена из серого кирпича разделяла два мира: мир живых и тех, кто уже приобщился к миру куда более спокойному и прекрасному. Ворота городского кладбища, на удивление, отличались простотой и имели вид самых обычных — приличествующих данному месту врат. Высокая ограда из чёрных чугунных прутьев разделялась на две большие створы, которые соединялись на своей верхушке печальным узором в виде маленьких остроконечных пик. В центре узора выделялась крупная заглавная буква «Д», отлитая готическим шрифтом и заключённая в идеально очерченный круг. На вратах висел самый обыкновенный замок, который в это утро уже был отомкнут, и болтался на конце обвитой вокруг одного из прутьев цепи.

Хотя официально кладбище и открылось, створы врат всё ещё были плотно прикрыты. Медичи потянул одну из них на себя, и та подалась с лёгким скрипом. Издевательским жестом, он чуть поклонился и попросил «леди» проследовать вперёд. Сёстры неохотно подчинились. Как только они вошли внутрь, тут же услышали повторный скрипучий звук — Ли закрывал за ними ворота. «Надо будет напомнить старику, чтобы смазал петли — проржавели насквозь», — по-хозяйски отметил детектив, после чего вновь обратил на девушек свои глаза, в которых не было ничего, кроме холодного желания поскорее добраться до «сокровищ Кроу».

За периметром врат открывалась уже другая, несколько странная картина: небольшой дворик прямоугольной формы, где в левом углу стояла небольшая кирпичная сторожка смотрителя — а в правом, возвышались четыре крупных напольных вазы в греческом стиле, с живыми цветами. Все четыре стояли в ряд, растения в них были свежи и благоухали по-весеннему сладко и легко. В основном, там были розы нежных оттенков на длинных стеблях, перемежавшиеся тонкими стрелами белых лилий, придававших всеобщему аромату радости пикантную капельку горьковатой грусти. Телесно-бежевый цвет ваз с орнаментом в виде греческих муз превосходно сочетался с обилием розовых, красных и нежно-белых цветов. Однако это было всё, что мог охватить глаз стороннего наблюдателя — ибо параллельно всему этому, чисто «байроновскому» пейзажу, тянулась столь же высокая, как и всобщее ограждение, стена. Она наглухо отделяла двор от самого кладбища, и лишь где-то с краю неё находилась та самая калитка, миновав которую, можно было попасть

непосредственно на территорию самого «последнего приюта» здешних жителей.

Сёстры сделали несколько шагов по ровно подстриженной лужайке, которая, несмотря на слякоть и грязь, выглядела довольно чистой и ухоженной. Зелёная травка так и просила, чтобы по ней прошлись босыми ногами — на мгновение отрешились от мирской суеты и приобщились к величественному покою вечности. В целом, длина двора составляла не меньше двух сотен метров, а ширина была примерно шестьдесят, но из-за широкой толстой стены, перекрывающей всё пространство, дворик казался раза в два уже и прижимистее. Девушки удивились такому необычному «ландшафтному» решению, однако промолчали, не желая вызывать в воздухе очередные писклявые возгласы раздражённого Медичи. У Минни сильно кружилась голова, вдобавок, её не переставала мучить тошнота — она подозревала, что у неё может быть лёгкое «сотрясение», но как сказать об этом сёстрам, когда они в таком положении, она не знала. Сильно хотелось пить.

Поддерживаемая Грослин, Минни легко отстранилась от сестры, и попыталась дотянуться до руки шагающего впереди детектива. Каким бы он мерзавцем ни был, но ведь должно же в нём быть хоть что-то человеческое?! Однако, не успев сделать и двух шагов самостоятельно, шатенка стремительно согнулась напополам и извергла из себя поток далеко не ароматной желчи. Обернувшись на характерный звук, Ли застонал и скорчил гримасу отвращения.

— Ещё одно подтверждение вашей никчёмности! — процедил он сквозь зубы так, как будто собирался сплюнуть.

— Кретин, ей нужна помощь! — Син бросилась было на него с кулаками, но получила в ответ лишь сильный удар под дых. Задохнувшись, девушка медленно осела на колени.

— П-пожалуйста, пить…, - тихим голосом попросила Минни.

Гро склонилась над обеими девушками и с ненавистью посмотрела на Медичи, не произнеся при этом ни единого слова. Он и так без труда прочитал в её тёмно-зелёных глазах всё, что имело отношение к его «высоким» душевным качествам.

— Так и быть, сейчас достанем воды — но чтобы без глупостей, поняли? — Медичи направился прямиком к маленькому домику с покатой крышей, немного похожему на иллюстрацию из детской книжки сказок.

Поднявшись на высокий порог, Медичи трижды постучал в дверь короткими мелодичными ударами — но ему никто не ответил. Тогда он подозвал девушек и велел им оставаться рядом с домом, пока он ищет его хозяина. «Должно быть, старый дурак

опять напился, и валяется сейчас где-нибудь около сарая — ну что ж, нам же лучше: не будет лишних проблем», — подумал про себя Медичи, и отправился обходить сторожку. Он знал того, в чьи обязанности входил ежедневный осмотр кладбища и уход за могилами, поэтому не сомневался, что успешно договорится со смотрителем о выписке пропусков. Если тот окажется достаточно сговорчив, Ли возьмёт у него на время самое главное — ключ, которым открываются все ворота во всех частях кладбища. С его помощью, им не придётся «мозолиться» слишком долго, терпя обязательное присутствие вонючего старикашки — они смогут самостоятельно осмотреть нужную им часть территории и найти фамильный склеп.

Зайдя за угол дома, Медичи увидел незнакомую девушку, подметавшую остатки талого снега вперемешку с песком: судя по всему, чистота в прикладбищенском дворике во многом была заслугой качественных реагентов. Длинная метла весело сметала всю грязь в чёрный пластиковый мешок для мусора, лежавший тут же. На девушке были высокие чёрные сапоги до колен со множеством ремешков и «липучек», выше же шли плотные чёрные гольфы (или чулки) из шерсти, которые, в свою очередь, скрывались под подолом такого же чёрного шерстяного платья с высоким закрытым воротом и длинным рукавом. На руках, державших метлу, сидели аккуратненькие фирменные митенки без пальцев — на этот раз фиолетовые, слегка «разбавлявшие» её мрачный ансамбль. Довершала образ бархатная чёрная резинка, скреплявшая на конце длинную узкую косу русых волос, спускавшуюся по её спине.

Девушка не обратила на Ли никакого внимания, продолжая подметать и заодно напевая себе под нос какую-то попсовую мелодию. Медичи обратил внимание на миниатюрные наушники, видневшиеся в ушных раковинах девушки: белые проводки длинными нитями спускались куда-то вниз, очевидно, ведя к «Ай-поду» на поясе платья. Неудивительно, что она не слышала его шагов. «Это что-то новенькое, — с лёгким удивлением подумал полицейский. — С каких это пор у смотрителя появилась помощница?».

— Мисс? — вежливо позвал Ли. Однако реакция была прежней — девушка ничего не слышала. Медичи позвал ещё раз — уже громче, но снова никакого ответа. Придя, мягко говоря, в бешенство, детектив подошёл к «мисс» вплотную и бесцеремонным движением выдернул у неё один из наушников. Девушка подпрыгнула от неожиданности и развернулась: на тонком бледном лице горели ужасом два непропорционально огромных зелёных глаза! Медичи отшатнулся, испугавшись, но

уже через секунду нервно рассмеялся — то, что он принял за жуткое уродство, оказалось всего лишь парой сильных увеличительных линз в пластиковой тёмной оправе. Старомодные очки вкупе с тонкой талией и невысоким ростом придавали облику девушки сходство с каким-то животным, вот только Медичи никак не мог вспомнить — с каким именно.

— Вы уж извините, что напугал? — выдохнув от облегчения, произнёс Ли. — Но из-за музыки вы абсолютно ничего не слышали — я несколько раз звал вас.

Он засунул руки в карманы брюк, изображая «простого парня». Правда, кепи всё-таки выдавало его пристрастие к щегольству. Показав ослепительно-белые зубы, Ли начал в уме отсчитывать секунды, по истечении которых сердце этой простушки должно будет оказаться полностью в его индивидуальном распоряжении. Девушка чуть прищурилась, и с интересом посмотрела на новоприбывшего «гостя». Усмехнувшись уголком губ, она моргнула два раза, прежде чем ответить:

— Это вы извините. Здесь иногда бывает так тихо, что просто «жуть» берёт. Музыка — единственное спасение. Вы хотите оформить пропуск? — спохватившись, спросила она.

Девушка сжимала метлу обеими руками так крепко, что Медичи готов был поспорить на что угодно, что под перчатками костяшки её пальцев уже побелели от напряжения. Снова «одарив» незнакомку очаровательной улыбкой, он утвердительно качнул головой:

— Верно. Только не для себя одного — скажите, я могу оформить «коллективный» пропуск? Со мной маленькая компания, — как бы невзначай, добавил он.

Девушка кивнула и зашагала к сторожке.

— Родственники? Или друзья? С месяц назад пришли «свежие» документы: теперь в образцах на оформление «контрольной карты» появилась новая графа: «Укажите, кем Вам приходятся данные люди?». Ну, и несколько вариантов на выбор. Так что я спрашиваю заранее, чтобы потом не было неразберихи с отчётами…

— Отчёты? — искренне удивился Медичи. — Неужели теперь всех посетителей ещё и «отмечают» в служебной книге? Год-другой такой дисциплины, и нам будет недалеко до «Ривер-Бридж»! — пошутил он.

— Погодите-ка! — вдруг вспомнил детектив, и, обогнав девушку, преградил ей дорогу. — А где Бортенштайн — смотритель кладбища? Я так понимаю, вы — его стажёр? Или помогаете ему по части уборки?

— Мистер…? — спросила девушка, призывая того

представиться.

— Медичи. Ли Медичи, — скороговоркой произнёс он. Сейчас ему было не до «эффектов» — слишком мало времени.

Незнакомка облокотилась на метлу, положив подбородок на идеально отполированное древко «чистящего агрегата». Она-то никуда особенно не торопилась.

— Мистер Медичи, вы — уроженец Дарквилля? — спросила она, внимательно наблюдая за реакцией его светло-зелёных глаз.

Полицейский почувствовал смутную тревогу. Его пальцы стали неосознанно перебирать шёлковый носовой платок в кармане брюк. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы собраться с мыслями и вернуть себе былое хладнокровие.

— Не совсем. Я когда-то здесь родился — это верно, но живу я совершенно в другом городе. Сюда же приезжаю изредка — повидаться с семьёй. С братом, — поправил он сам себя.

— О, ну тогда всё ясно — вы просто не могли знать: мистер Дуглас Бортенштайн вот уже как три месяца скончался и похоронен на Южной части со всеми, соответствующими его статусу, почестями. Мне очень жаль, мистер Ли. Он был вашим другом?

Сердце детектива учащённо забилось от внезапно настигшей его догадки.

— Да. Да, Дуглас — он очень хороший друг… То есть был им. — Медичи находился в откровенной растерянности. Заметив это, девушка попыталась утешить его, насколько это было возможно:

— Не беспокойтесь, он обрёл последний приют как почётный гражданин Дарквилля — даже залп давали в его честь! — гордо сказала незнакомка. — Старейший смотритель — он ведь здесь практически со времени основания города проработал, вы знали это? — вежливо поинтересовалась она.

— Хм-м-м, да…, - неуверенно вымолвил Ли. — Что-то такое он рассказывал…как-то раз… «В пьяном угаре», — закончил он про себя фразу. Он действительно когда-то был в неплохих отношениях с Бортенштайном — частенько ставил тому бутылку и выспрашивал подробности расположения захоронений. Поэтому сейчас новость о том, что его главный информатор мёртв — вызывала у Медичи определённое сожаление, несмотря на то, что он всегда относился к старому смотрителю с хорошо скрываемым презрением.

— Ну, так…Кто же тогда занял его место? — задал, наконец, интересовавший его вопрос Ли.

— Энди МакКуин — к вашим услугам, — слегка покраснев, ответила собеседница. Девушка всегда смущалась, когда

приходилось объяснять кому-то новому, что теперь она — главный смотритель «Последнего Приюта» в Дарквилле.

— Неужели? — попытался изобразить удивлённое лицо Медичи. — Но вы же…Хм, простите, но вы так молодо выглядите…, - компенсировать неуклюжий комплимент пришлось быстро: в глазах его спутницы промелькнуло что-то, отдалённо напоминающее недовольство. — Я хотел сказать — как вы всё успеваете? Присматривать за таким большим кладбищем — довольно сложновато, не правда ли?

На этот раз пришёл черёд смутиться девушке: подробностями её профессии реально интересовалось не так уж много людей.

— Временами бывает непросто, но…Знаете, это же всё приходит с опытом? Думаю, я не так уж плохо «освоилась» здесь за это короткое время, — ответила она, на секунду задумавшись в паузе между фразами.

— Думаю, у вас всё получится! — бодрым голосом сказал Ли. — Привычка — дело времени, а у вас его будет ещё полным полно…, - сообразив, что опять «ляпнул» что-то не то, Медичи молча выругал сам себя и поскорее сменил тему:

— Могу я попросить вас об одной услуге?

Девушка насторожилась и медленными шагами двинулась в обход полицейского — к своему дому. Искоса взглянув на него, девушка уточнила:

— Надеюсь, ничего, что противоречило бы «Закону о Покое»?

«Закон о Покое» был единым для всех физических лиц, пребывающих в Дарквилле — независимо от того, являлись они его коренными жителями или нет. Согласно этому закону, на кладбище не допускалось присутствие каких бы то ни было электро- или техно- устройств: никаких мобильных, планшетных компьютеров, ноутбуков или механизмов, воспроизводящих громкий звук. Исключение представлял лишь двор смотрителя, куда все вышеперечисленные устройства сдавались на момент присутствия посетителей на территории «Приюта» (так часто называли кладбище). Даже фонарь электрический — и тот был запрещён, вместо него у Энди имелась старая и жутко неудобная масляная лампа, дававшая мало света, зато много головной боли. Нарушение этого закона наказывалось очень строго…

Медичи приложил левую руку к сердцу:

— Что вы, мисс МакКуин! Закон о Покое — это святое…, он коротко перекрестился один раз. После чего добродушным голосом попросил: — Могу ли я одолжить Универсальный ключ?

* * *

— Минни, дорогая — как ты? — Грослин осторожно усадила избитую сестру на порог смотрительского дома. Ей требовалась помощь, причём прямо сейчас.

— В горле жжёт, и в голове — горячо и пусто, всё кружится…, - с трудом проговорила страдающая девушка.

— Свалить бы сейчас — пока он где-то там ходит, — высказалась уставшая от бездействия Синайя.

— Нет уж, останемся и покажем ему этот чёртов склеп. — Холодно пресекла Грослин размышления младшей сестры.

— Это была всего лишь шутка, — невинным тоном вымолвила Син. — Да мы и десяти шагов не пройдём вместе с ней, — кивнула она в сторону Минни. — Как он нас убьёт. Нет, Мин, я одного никак не пойму — зачем ты пошла к нему домой??? Чёрт с ним — со свиданием, но элементарная-то гордость у тебя есть?

Синайя удобнее пристроилась на крыльце и приготовилась к очередной ссоре с сестрой, однако средняя Кроу произнесла только одно слово: «Отвали», после чего со стоном отвернулась к старшей сестре.

Спустя пару мгновений, проведённых в тишине, девушки услышали голоса на заднем дворе:

— Нет, нет, нет — это абсолютно исключено! Поверьте, мистер Медичи, мне очень жаль — но на периметр вы сможете пройти только в моём присутствии. Это не я придумала, это — стандартные меры безопасности и мы все вынуждены их соблюдать…

Син показалось, что этот голос она уже где-то слышала. Хотя — в последнее время с ней часто случался эффект «дежавю». Жаль, что он не сработал тогда, когда это действительно было необходимо — при встрече с Ли. Девушка спрыгнула с крыльца и заглянула за угол каменного домика — как в тот же момент появилась обладательница знакомого Син голоса, а следом за ней мелкими шажками брёл возмущённый детектив Медичи. Девушка размахивала метлой и явно была чем-то недовольна. Ли чуть ли не умолял её:

— Но я же не забираю у вас его навсегда — я просто одолжу Ключ на пару часов. Вы понимаете, что бывают случаи, когда хочется пообщаться с родными, отошедшими в мир иной, в…Как бы это получше выразиться? В приватной обстановке? Неужели приятно, когда у вас «стоят над душой» — в то время как вы придаётесь светлым воспоминаниям об ушедших?

Медичи, очевидно, пустил в ход весь свой запас красноречия, и то, что они услышали сейчас — являлось последней вялой попыткой его практического умения. Девушка же была

непреклонна:

— Я всё понимаю, иногда мне и самой кажется, что многие из этих правил — сплошная фикция, нужная только лишь для соблюдения «официоза», но…, - она остановилась, заметив девушек, сидящих перед входом в сторожку. — Но я не могу эти правила нарушать. — Смотрительница поправила выбившуюся из-за уха прядь светлых волос: — Обещаю, никто не будет вам мешать или «стоять над душой» — как вы только что выразились. Я провожу вас в указанный сектор, а после этого отправлюсь на «обход» — вы даже не ощутите моего присутствия… Ну так что, будем оформлять пропуск? Я правильно понимаю, что эти девушки идут с вами?

Ли топтался на месте, не зная, как поступить. Если оформить пропуска — улики будут неоспоримы в том случае, когда особенно необходима анонимность. Речь идёт об устранении сестёр Кроу после исполнения основной части плана. Пропуск же будет указывать, в первую очередь, на него — как на основного посетителя кладбища. Раскрытие же хотя бы одного члена «братства» неминуемо означает последующее разоблачение остальных, а это — недопустимо. Наконец, в голове восточного красавца с французскими корнями созрело, на его взгляд, единственно верное решение. Улыбнувшись, он тряхнул своими короткими, иссиня-чёрными волосами:

— Идёт! Так и быть — оформляем «коллективный» пропуск, мисс МакКуин. Я слишком долго не был на могиле своего деда, чтобы отменять такое событие из-за каких-то глупых правил! У меня к вам будет только одна просьба: не беспокойте нас, пожалуйста, как можно дольше — если это возможно. Всё-таки, хотелось бы почувствовать связь с предками в полной силе…

Собеседница посмотрела на Медичи странным взглядом — она, как будто, была удивлена такой трепетной заботе о соблюдении семейных традиций.

— Конечно, сэр. Я же сказала — вас никто не собирается держать на «коротком поводке». Запишем вашу компанию как нужно — и можете смело погружаться в общение с почившими близкими. Столько времени — сколько захотите… Вы позволите? — Обратилась смотрительница к сидящим на пороге Минни и Грослин.

Гро с трудом поднялась, увлекая вверх среднюю сестру. Смотрительница заметила состояние Минни, удивлённо обернувшись к Медичи, она спросила:

— Что с ней? Может быть, вам нужна помощь, мисс? — она снова посмотрела на шатенку. — Я не позволю вам находиться на кладбище в таком виде — пройдёмте в дом. Я сделаю горячего

травяного чаю — всё равно на заполнение анкеты уйдёт минут пятнадцать…

— Неприятная случайность — мы катались на велосипеде по площади, и девушка не рассчитала скорость. Врезалась в стену здания, — неловко объяснился Ли. Смотрительница коротко взглянула на него, но предпочла промолчать. Однако Медичи успел разглядеть мимолётную искру подозрительности в её несоразмерных из-за очков глазах.

Все пятеро зашли в сторожку — там было тесно, и практически всё пространство было завалено обычными для такого места вещами: хозяйственным инвентарём и кипами канцелярских бумаг, среди которых виднелись бланки для заполнения личными данными, а также образцы формуляров с уже готовыми анкетами разных видов — «кальки» как называла их смотрительница. Предложив гостям «свободно располагаться», девушка в чёрном платье ушла на микроскопических размеров кухню — готовить для Минни чай. Впрочем, уже через пару секунд оттуда послышался голос хозяйки домика:

— Вы, наверное, потрясающая семья — раз отважились почтить память предков с разбитой головой!

Медичи закатил глаза. Син, усмехнувшись, громко ответила:

— Мы дружные — просто до безумия!

Ли грубо толкнул девушку в бок, на что та одарила его презрительно-холодным взглядом.

Грослин усадила среднюю сестру на низенький диванчик, чтобы той удобнее было отдыхать. Син помогла Минни закинуть ноги — девушка должна была полноценно полежать хоть несколько минут. В тот момент, когда Гро и Син соприкоснулись головами, нагибаясь над диваном — Син быстро прошептала сестре:

— Значит смотритель — девушка. Какой сюрприз!

— Ты не узнала её? Это же Андреа — мы видели её на площади. Только она выглядит как-то по-другому…

— А вот и чай! — возвестил громкий весёлый голос, после чего из кухни появилась Андреа (а это в действительности была она) с пластиковым синим подносом в руках, на котором дымилась огромная пиала с целебным напитком.

— Это ромашка и мята — прекрасно снимет головную боль, пока я протру ранку у виска. — Девушка мимоходом глянула на Медичи, вид у которого был такой, словно он только что выпил бутылку кислого уксуса.

Тот аккуратно поправил галстук, и елейным голосом, за которым пытался скрыть крайнее раздражение, спросил:

— А нельзя ли провести все процедуры как-нибудь

побыстрее? У меня мало времени — знаете ли, дела «горят».

— Дорогой, но мы же можем потерпеть пару минут — не так ли? — Стараясь, чтобы голос звучал максимально дружелюбно, произнесла Гро. — О бедняжке надо позаботиться, а машины — они же никуда не денутся, помнишь? — «Пожурила» его таким образом Грослин.

— Да-да, конечно — всё как ты хочешь, дорогая, — процедил Ли, в то же время метая глазами «молнии» в сторону блондинки. — Моя жена такая чуткая — чуть что, сразу же бросается обо всех заботиться! — продолжая играть роль порядочного мужа, добавил Ли.

Смотрительница тем временем осматривала голову Минни, и, казалось, была совершенно равнодушна ко всему, что говорит зеленоглазый полицейский. Кивнув в его сторону, мол, всё понятно — девушка вновь исчезла в кухне, но через миг снова была рядом с несчастной Минни, прикладывая к сильному ушибу лёд, предварительно завёрнутый в чистую марлевую ткань.

— Подержите немного — должно помочь, — только и сказала она.

Син смотрела на странную девушку, и не узнавала её: если это действительно была та самая Андреа, то почему тогда ей упорно кажется, что она видит её впервые? Девушка на площади была изящной и, можно даже сказать, не лишённой стиля. В ней было нечто привлекательное и отталкивающее одновременно. В этой же девчонке не было решительно ничего от той — кроме, разве что, очков и пристрастия к чёрному цвету. И всё же, Син не могла с полной уверенностью сказать — нет, это не она. Что-то знакомое во всём её облике сквозило, но совместить эти две каритнки в своей голове у Син упорно не получалось.

МакКуин подошла к одному из столов с приличной стопкой формуляров, и, порывшись, вытащила подходящий к данному случаю. На плотной белой бумаге значилось: «Коллективный пропуск на следующие имена», и далее ряд свободных граф для заполнения. Одновременно с этим, из соседнего ящика была извлечена анкета и, так называемая, «Учётная книга» — в ней пятеро человек должны были отметиться и расписаться, смотритель в свою очередь, отмечал собственную уведомлённость об их присутствии и допуске на территорию кладбища. Отметив дату и время, девушка передала анкету в руки Медичи, приложив к ней весёленькую ручку с логотипом мультфильма «Мишки-Гамми».

— Можете сесть вот за этот стол, — указала она на небольшой компьютерный столик напротив окна, на котором — о чудо! — Стоял вполне современный ноутбук с беспроводной

«мышью». На вопрос Медичи, не легче ли было бы вести все записи в электронном варианте, смотрительница ответила: — Рукописный экземпляр обязателен.

Оставив Ли заполнять сопутствующие документы, девушка под пристальными взглядами сестёр прошла к противоположной стене комнаты, где стоял высокий железный шкаф. Она делала вид (или это действительно так и было), что не узнаёт девушек и они для неё — не более чем очередные посетители «Приюта». Открыв шкаф маленьким железным ключом, снятым с пояса (где, помимо связки из четырёх обычных ключей, висела также миниатюрная переговорная рация и что-то наподобие визитницы) — она взяла с одной из полок небольшую квадратную коробочку из пёстрой жести, из которой, в свою очередь, достала самую обыкновенную канцелярскую печать — прямоугольной формы.

Вежливо улыбнувшись сёстрам, девушка направилась обратно к столу, за которым Ли Медичи прилежно делал вид, что заполняет документы. Син почувствовала, что сейчас произойдёт нечто неладное, да и Гро с Минни буквально кожей ощущали нарастающее в комнате напряжение.

— Вам всё понятно? Не запутались в логике вопросов? — участливо поинтересовалась хозяйка сторожки.

Медичи поднял голову от бумаги, и обнажив ряд жемчужно-белых зубов, легко ответил:

— Что вы? Ведь здесь всё ясно как день!

С этими словами, он вытащил вторую руку, прежде лежавшую на коленях — и все четверо увидели мелькнувший в ней тёмный пистолет, с которым они уже имели несчастье познакомиться два часа назад. Смотрительница успела лишь на шаг отшатнуться от своего губителя, но было поздно: разрывающий уши выстрел грянул так неожиданно, что никто из присутствующих не успел никак среагировать. Девушка в чёрном платье молча смотрела в глаза своего убийцы: из её груди, точно посередине, поднимался лёгкий светло-серый дымок. Через секунду у левого края её рта показалась тоненькая струйка алой крови, и смотритель Дарквилльского кладбища — Энди МакКуин, медленно осела на пол сначала на колени, а потом неуклюже завалилась на бок так, что её голова уткнулась в прохладную стальную ножку компьютерного стола. Бледно-зелёные глаза девушки мгновенно остекленели — она была мертва.

* * *

— Мне очень жаль, что пришлось поступить с вами таким образом, мисс МакКуин — но лучше бы вам было сразу отдать нам Ключ. — Медичи произнёс эти слова нежно, словно девушка, бездыханно лежащая в углу комнаты — многое для него значила.

Бесцеремонно обыскав Энди, Ли скоро нашёл то, что ему было нужно: на поясе смотрительницы, в специальном футляре, который можно было легко принять за обыкновенную визитницу, покоился Универсальный Ключ — электронная карточка, с помощью которой открывались и закрывались все сквозные ворота на территории кладбища. С её помощью можно было быстро попасть в любой сектор, особенно вечером, когда передвигаться по территории становилось не так уж и безопасно.

Никто из девушек даже не вскрикнул: все трое стали молчаливыми свидетелями убийства, но они понимали, что предотвратить что-либо в этой ситуации было невозможно. Печальный конец мисс МакКуин только подкреплял и без того твёрдую уверенность сестёр в том, что таким людям как Ли Медичи не только не стоит доверять, но напротив — с ними всегда следует держаться настороже, ибо никогда не знаешь, что они предпримут в следующую секунду. В том, что всех их ждёт участь подобная той, что настигла Энди — ни одна из девушек не сомневалась. Вопрос сейчас состоял в следующем: как этого избежать? Вопрос этот настолько же банальный, насколько и жизненно важный для них — важный как воздух…

Медичи, угрожая пистолетом, вытолкал девушек наружу. Все трое по-прежнему сохраняли молчание, однако, когда Ли аккуратненько запер за собой дверь, чтобы не вызвать лишних вопросов у других посетителей (могущих, кстати, вот-вот появиться во дворе) — Син не выдержала:

— Мистер Медичи, вы только что совершили тяжкое преступление — убили человека. Вы действительно считаете, что вам это «сойдёт с рук»? — спросила она тоном репортёра из «жёлтой» газеты, задающего «неудобный вопрос» какой-нибудь медиа-персоне.

— Без комментариев, — ответил в том же духе полицейский. — Я, кажется, предупреждал — никаких разговоров, или…

— Или что? — вдруг спросила Минни. В её глазах, несмотря на боль, отражалось такое удивительное смешение чувства насмешки и презрения, что Медичи, невольно — но обратил на неё своё внимание.

— Прошу тебя, милая — не сейчас, — тоном извиняющегося ухажёра произнёс мужчина. — Убить-то я вас, положим, не убью. Но никто не запрещал мне изменить вашу внешность до

неузнаваемости. Хотите подкинуть «задачку» патологоанатому?

Минни прикусила язык. Синайя лишь презрительно ухмыльнулась, что же до Гро — то она молча посмотрела на Медичи: её глаза всегда говорили красноречивее любого языка.

Полицейский коротко крякнул, после чего поправил кепи и, направившись в сторону калитки, бросил сёстрам мимоходом:

— Поторапливайтесь — скоро сюда могут прийти первые посетители, ни к чему нам видеть их постные лица. Как и им — наши.

Проведя один раз Ключом, Ли с лёгкостью открыл ворота и ступил на территорию «Последнего Приюта». «Пошли — будем действовать по ситуации», — шепнула Гро двум девушкам. Все трое переглянулись — выбора у них не было: какой бы степени безумия не достигли планы Медичи, единственное, что им оставалось на этот момент — просто следовать за ним до склепа. Если же он попытается расправиться с ними раньше, чем получит доступ к сокровищам — что ж, они намерены сопротивляться до последнего, просто так их жизни он отнять не сможет.

Когда сёстры вошли в «калитку», они не сразу поняли, где очутились. Несмотря на то, что в карте это место было обозначено как «коридор» — на деле он напоминал неприступный каньон с видом «изнутри». Параллельные стены возвышались словно серые гранитные скалы в ущелье — с той лишь разницей, что они были абсолютно гладкими. Ни единой трещинки или выщербленки от времени не отметили этих неприступных «столпов». Поднимаясь ввысь на добрый десяток метров, стены навевали на человека странное ощущение — казалось, он попадал в средневековый лабиринт, где за каждым углом может прятаться некое мифическое чудовище. На самой вершине стен, там, где их конец как будто бы соединялся с дымчатым цветом Дарквилльского неба — располагалась бесконечная лепнина из белой глины. Изображённые в ней существа мало чем отличались от того, что, как правило, было принято изображать в сюжетах подобного рода: диковатого вида химеры, а также ряд античных монстров типа Медузы Горгоны только добавляли этому произведению архитектурного искусства и без того излишнего пафоса. Тот, кто всё это сотворил, как видно, хотел сделать данное место торжественным — но на деле оно производило впечатление более гнетущее, нежели обычный ряд опрятных надгробий, распределённых ровными рядами по всему периметру кладбища.

— Зачем им понадобилось возводить такой «бастион»? Они, что, боятся — как бы покойники не удрали из своих могил? — попыталась пошутить и без того напряжённая Синайя. Даже на

неё это место производило отнюдь не приятное впечатление. — Так ведь это их положение не спасёт — они всё равно умрут здесь во второй раз: от скуки, — пояснила она в ответ на недовольный взгляд Грослин.

— Что бы там ни было, но это место достойно уважения — так что просто помолчи, если тебе нечего сказать. — Неожиданно спокойным тоном прокомментировал её реплику Медичи. — Так, вот мы и пришли. Посмотрим…

Медичи вставил пластиковую карточку в одно из узких отверстий, находившееся рядом с очередной «калиткой» — это были вторые ворота, ведущие на Северную часть кладбища. Ворота представляли собой массивную сейф-дверь, которая за счёт своего цвета практически полностью сливалась со стеной — она была настолько плотно «подогнана» к каменной нише, что создавалась иллюзия «нарисованной» дверной арки. На деле же, рядом с дверью — с правой стороны, располагался небольшой электронный счётчик с мини-дисплеем: он считывал каждое использование карточки и, соответственно, сохранял в своей памяти количество посещений данной части кладбища за конкретный день. В конце рабочей смены показания списывались так же, как и с обычного компьютера, считывающего «трафик» помещения в торговом центре. Небольшая сенсорная клавиатура помогала осуществить все необходимые операции за пару минут, так что смотрителю оставалось только скопировать данные на принесённый с собой портативный электронный носитель, для которого в счётчике также предусматривался соответствующий «выход».

— Как-то всё это странно, — отметила про себя шёпотом Минни, разглядывая хитроумное устройство, пока остальные члены «компании» проходили впереди неё сквозь прямоугольную арку. Грослин заметила её любопытство, но успела шепнуть в ответ:

— Ли говорил, что правление города тратит практически все деньги на безопасность, только мне кажется, что на самом деле весь бюджет уходит сюда…

— Думаешь, все эти навороты и есть — система охраны города? — Минни потирала саднящий лоб, который никак не хотел успокоиться.

Син обернулась к сёстрам: она слышала их перешёптывание, но так как шла самой первой за Медичи, смогла только произнести губами: «Молчите — он всё слышит», и кивнуть головой в сторону их «проводника».

Медичи же действительно слышал короткий разговор девушек, но не придал ему особого значения. Он заинтересованно

разлядывал карту кладбища: если верить ей, они сейчас как раз находились на территории «Тюремщиков» — богатого населения Дарквилля. И именно здесь находился родовой склеп семьи Кроу, в котором должны лежать останки их предков и, заодно, покоиться тело несчастной бабушки Маргарет — цинично убитой Балтимором Кроу за отказ отдать ему большую часть своей доли от последней сделки.

Внутри стен кладбище было поистине прекрасным (насколько такой эпитет может применяться к данному месту). Вокруг возвышались разнообразные скульптуры, и даже целые скульптурные композиции — изображавшие то христианских святых, а то и просто ангелов с распростёртыми крыльями бело-мраморного цвета. Были и старинные кельтские кресты — с загадочными символами и перевязями из разноцветных, зелёных и синих шёлковых лент. Кроме того, почти на каждом надгробье можно было разглядеть какие-то поэтические строки, так или иначе отражавшие степень любви и преданности живых к «почившим». Эпитафии носили самый разный характер: от трогательных слов пожелания вечной радости и покоя на том свете — до настоящих признаний в поздно обнаружившейся любви, выведенных прелестными каллиграфическими буквами. И всё это находилось в идеальном порядке и чистоте: рядом с каждой могилой было расчищенное место для молчаливого «общения» с усопшими родственниками и любимыми, друзьями и просто коллегами по работе, но всегда это были люди, дорогие чьему-либо сердцу вне зависимости от их географического и ментального местоположения.

Четверо молодых людей долго бродили по кладбищу, стараясь скрываться от посторонних глаз за величественными монументами. Однако, на их удачу, они так никого и не встретили — разве что парочку упитанных ворон, уютно примостившихся на одном из красивых памятников, изображавшем чудесный лик Мадонны в платке, отделанном сусальной позолотой. Нимб вокруг её головы буквально «светился» из-за редкой породы розового мрамора, способного впитывать солнечные лучи, а затем постепенно «отдавать» их обратно миру в виде такого вот неяркого, но просто завораживающего своей неземной красотой свечения.

Наконец, после долгих поисков, им удалось отыскать интересующее их захоронение. Фамильный склеп семьи Кроу напоминал старинный особняк южных рабовладельцев времён Гражданской войны Севера и Юга. Мраморные колонны и вычурный орнамент на стенах говорили о том, что тот, кто этот мавзолей создавал, явно рассчитывал получить определённое

признание в кругах старой американской элиты. У входа в него стояли две внушительные скульптуры: Нарцисс, пустыми глазницами вглядывающийся в собственное отражение в каменном зеркале (создатели решили отойти от канона, и не посчитали нужным изобразить озеро — возможно, в целях практической экономии). И Афродита, держащая в своей вытянутой белоснежной руке позолоченное яблоко Раздора — приз «самой прекрасной из богинь», предложенный олимпийским дамам неким злоумышленником ради извлечения собственной чёрной выгоды. Волосы богини любви были выполнены из красного мрамора и стекали по её гладким покатым плечам подобно рекам крови, омывая её абсолютно белое, идеальное тело.

На фасаде склепа, среди гроздьев винограда и диких лиан, латиницей была высечена фамилия владельцев — «Krow».

— Не поймите меня неправильно, но выглядит этот склеп жутковато. — Высказалась Синайя. Она с замиранием сердца вглядывалась в каменные глаза Нарцисса. Ей показалось на миг, что он сейчас отвернётся от своего зеркала и посмотрит этими своими страшными глазами прямо на неё. И тогда случится нечто ужасное. Брюнетка дважды встряхнула волосами, прежде чем навязчивое видение покинуло её.

— Добро пожаловать домой, девочки! — торжественно изрёк Медичи. — Мы, то есть я — на пороге великого открытия. Надеюсь, оно принесёт кому-то из нас счастье, а кому-то — хотя бы покой в этом суетном грешном мире. — Медичи смущённо опустил глаза вниз, словно вспомнил о чём-то, перед чем искренне благоговел.

— Я уже говорила, что не хочу лезть в могилу? — поинтересовалась Минни, попутно дёргая вверх молнию на своей потрёпанной куртке.

— И что теперь? Ли? — окликнула его Грослин. У неё от долгого пребывания на холодном воздухе уже начали вырываться мелкие облачка пара изо рта. И сейчас она ничего так на свете не хотела, как сделать то, зачем этот мерзкий гад привёл их сюда.

Медичи отвлёкся от созерцания чего-то, видимого лишь ему одному, и обернулся к сёстрам:

— Дам я попрошу пройти вперёд, — растягивая слова, с улыбкой произнёс он. После чего одним движением сорвал с дверей склепа ржавый замок, и сделал пригласительный жест рукой, затянутой в чёрную кожаную перчатку.

— Боже, Медичи — как это банально! — протянула, подражая его голосу, Синайя — и, не спрашивая ни у кого разрешения пойти первой — просто толкнула тяжёлую каменную дверь

внутрь.

В мавзолее было темно — хоть глаз выколи. Все три девушки оказались в душном, пыльном помещении, когда позади них раздался чавкающий звук. Тут же склеп осветился хоть и скудным, но всё же светом — Медичи додумался захватить с собой портативный фонарик, работающий на солнечной батарее, поэтому странный звук исходил от реле, которое полицейскому пришлось несколько раз как следует «крутнуть», чтобы «добыть» из устройства спасительную светящуюся субстанцию. Как только в помещении стало более-менее светло, надежды Медичи относительно быстрого приведения его плана в жизнь рухнули — в склепе было пусто. Совершенно голые мраморные стены янтарного и прозрачно-жёлтого оттенков не предлагали гостям сего места решительно ничего, кроме созерцания прекрасных самих себя. Редкий цвет камней время от времени прерывался тёмными прожилками, струящимися по всей площади здания — от пола до потолка, и оттого внутренности склепа напоминали высохшую кожу благородного покойника, которая, будучи мумифицированной по технике древнеегипетских жрецов — сохранила всю чистоту и цельность своих восковых, нетленных покровов.

В мавзолее стояла абсолютная тишина — ни писка мышей, ни шуршания подземных насекомых — ни единого звука. Воздух, липкий и в то же время сухой как наждачная бумага — больно царапал горло, медленно «заливаясь» в него подобно мёду, вытекающему из перевёрнутой банки. Укрыться от этого противного ощущения было невозможно, поэтому девушкам, да и самому Медичи — приходилось молча терпеть.

Посветив фонариком по всем четырём стенам склепа, Медичи разочарованно начал считать шаги — переходя от одного конца помещения к другому. Он не верил, что его путешествие закончится вот так — ничем. Да, он полагал, что подход к великому Знанию будет непростым, но что склеп может оказаться пустой «обманкой» — этого он предвидеть не мог. Раздражённо «меряя» длину и ширину склепа уже в сотый раз, он то и дело бросал гневные, но в то же время расстроенные взгляды на сестёр.

Девушек хватило не больше чем на пять минут, чтобы выдержать это удивительное зрелище. Потом, совершенно не контролируя свои действия — все трое почему-то начали сначала фыркать, а затем вдруг разразились отчаянным — истерически-громким хохотом.

Они походили на обезумевших дьяволиц, которых только что сняли с приготовленного для них же костра. Медичи в шоке замер посреди зала: он наблюдал за этими странными женщинами, за

их длинными, колыхающимися в абсолютной пустоте волосами — и не мог прийти в себя! Не мог вытащить оружие, чтобы припугнуть их, или просто накричать на девушек, чтобы они заткнулись. Он мог лишь смотреть на них и восхищаться ими, как будто то, что он видел сейчас перед собой — величайшее произведение живописи, в котором бьющая через край энергия жизни соединяется в страстном танце с пробирающей до костей агонией смерти. Он был словно загипнотизирован этим зрелищем, поэтому не сразу смог осознать, что именно здесь и кроется главный секрет: Медичи ощутил в воздухе склепа слабый аромат — чего-то кислого, и в то же время пряного. Повернувшись к стене, мужчина попытался сосредоточиться и уловить этот легчайший запах, чтобы попробовать отыскать источник.

Сёстры всё продолжали смеяться, когда Ли достиг узкой южной стены склепа — именно сюда привёл его кисло-пряный аромат. Медичи начал внимательно ощупывать поверхность стены, пытаясь отыскать какое-нибудь углубление или неровность, шероховатость — могущую являться разгадкой. Наконец, почти у самого потолка, полицейский обнаружил крохотный зазор, из которого выходило нечто вроде бесцветного газа, о чём свидетельствовало лёгкое искривление воздуха, а вместе с тем и «зрительной картинки» в этом месте. Медичи тщательно простучал сначала эту стену, а потом западную — его подозрения оправдались: южная стена была полой! Однако никаких намёков на скрытый рычаг поблизости не было, тогда, исходя из имеющихся фактов, детектив сделал вывод, что зазор открылся в тот момент, когда сёстры начали смеяться. А это значит, что он может увеличиваться в зависимости от уровня громкости издаваемых сёстрами звуков. Очевидно, когда девушки попали внутрь, здесь уже был минимальный уровень концентрации вещества в воздухе — он-то и заставил Син, Гро и Минни хохотать как сумасшедших. Однако на него этот газ не произвёл никакого воздействия — следовательно, он был рассчитан именно на генетический код сестёр, иначе быть не могло! Если так, то…

Медичи быстро подошёл к девушкам, которые уже просто «загибались» от смеха, не в силах остановиться или даже перемолвиться словечком. Они полностью потеряли контроль над собственным телом, и теперь были абсолютно безвольны, не в силах сопротивляться позывам мощнейшего спазма. Ли по очереди подвёл к южной стене всех сестёр, а потом сделал то, чего по всем правилам делать не следовало бы — вздохнул, и показал им средний палец. Организм девушек «оценил» шутку, и

все трое повалились на корточки — в то же время сам склеп уже просто содрогался и вибрировал от силы отражавшегося от его стен звука. Когда смех сестёр приблизился к уровню «ультразвука» — произошло то, на что Медичи так надеялся: в помещении послышлся сначала сухой щёлкающий звук, а потом низкое гудение, поднимающееся откуда-то из-под земли.

В следующую секунду стена, о которую опиралась сидящая на каменном полу Син, плавно «поехала» вертикально и вниз — зазор не просто увеличился, он целиком открылся, давая возможность каменной плите полностью сдвинуться с места. Охнув, черноволосая девушка только и успела, что отползти — как в то же мгновение на том месте, где она только что сидела — образовался глубокий провал, как в шахте лифта. Одновременно с этим прекратилась и подача газа: сёстры ощутили это по тому, как резко им расхотелось смеяться. Живот тут же начало сводить рвотными потугами, однако пустому желудку нечего было из себя изрыгнуть, и девушкам на сей раз повезло отделаться всего лишь кислой отрыжкой.

Гул, поднимающийся из-под пола мавзолея, всё усиливался — пока, наконец, не стал отчётливо различим механический звук, напоминавший вращение огромных часовых шестерёнок. В тот же момент, в том месте, где оказалась вторая стена без пола, образовавшая, таким образом, глубокую шахту — появилась узкая каменная площадка, два на три метра. Она словно поднялась из-под земли, сопровождаемая столь оглушительным грохотом. Площадка явно была рассчитана только на одного человека, поэтому, когда Медичи прижался спиной к спинам сжавшихся таким же образом сестёр — то не смог удержаться от шутливой (впрочем, совершенно искренней) улыбки:

— В тесноте — да не в обиде, да, девушки?

Сёстры, отойдя от эффекта «веселящего газа», всё же не без испуга ступили на узкое средство передвижения. Несмотря на то, что им приходилось сохранять вынужденное хладнокровие, они не в силах были воспринимать всё происходящее как должное. Син, нервы которой были в данный момент на абсолютном пределе своей выносливости, не стесняясь, вцепилась в рукав зеленоглазого ухмыляющегося полицейского.

— Только попробуй столкнуть нас — и тебе конец. — Чуть дрогнувшим голосом предупредила девушка злодея.

Глава 21 Секрет Чёрной Чаши

Как только все четверо ступили на узкую каменную площадку — та в тот же миг начала медленно опускаться вниз, очевидно, среагировав на давление. Несмотря на то, что девушки испытывали уже неподдельный страх от происходящего, все трое старались держаться из последних сил и не выдавать своего состояния прижавшемуся к ним вплотную Ли Медичи. Зная, что любой неверный жест может натолкнуть его на самые тёмные мысли, сёстры пытались изобразить на лице крайнюю холодность и сосредоточенность. Однако это было им не нужно: Ли прекрасно понимал, что, затей он здесь схватку — расклад сил явно пришёлся бы не в его пользу. Возможность вытолкнуть девушек в чёрный провал под ними равнялась нулю, так как одна из них непременно бы ухватилась за него — и тогда все четверо рисковали остаться в этом подземном склепе навсегда, а это в планы Ли никоим образом не входило.

Опускаясь всё ниже в непроглядную тьму, молодые люди могли только гадать — насколько долгим окажется это некомфортное путешествие, и что ещё из разряда «необъяснимого» или «странного» ждёт их впереди. Перед ними была только внутренняя поверхность склепа, представлявшая собой шероховатую поверхность необработанного старого камня. То там, то здесь время от времени встречались огромные чёрные жуки-могильники, питающиеся, в основном, другими — менее удачливыми сородичами.

Наконец, «путешественникам» показалось, что вокруг них стало немного светлее: если раньше их глаза часто моргали, привыкая к сплошной темноте — то сейчас они стали рефлеторно двигаться от внезапно просочившегося на такую глубину неяркого света. С каждой секундой вокруг них становилось всё светлее, и окружавшее их пространство вновь начало обретать более-менее внятную форму и цвет. У девушек ушло не меньше минуты на то, чтобы понять: свет исходит не снаружи, но изнутри. Иными словами, чем ниже опускалась площадка, тем ярче становился источник света, находящийся в самом конце пути — на дне шахты. Неожиданно, что-то громко щёлкнуло у них под ногами — и площадка резко начала тормозить, пока полностью не остановилась, достигнув своей «конечной станции».

— Добро пожаловать в Пекло, следующая остановка — «Грешный котёл», — неудачно пошутила Син. Остальные как по команде одарили девушку отнюдь не добрыми взглядами. Даже в глазах Медичи засветился с трудом скрываемый страх. Никто из

них не предполагал, как действовать дальше — просто потому, что никто из них прежде не оказывался в аналогичной ситуации.

Они по-прежнему топтались на крохотной площадке, в то время как впереди их ожидал длинный коридор из серого мрамора, хорошо освещаемый люминисцентными лампами. Матовые трубки давали достаточно света и располагались через каждые пять метров — создавая таким образом отличную освещённость пространства. Однако, хотя света было более чем достаточно, сам коридор казался при этом бесконечным — ибо где-то в районе сто пятидесятого шага виднелся резкий поворот налево, и куда он в свою очередь уводил — оставалось только догадываться. Вдобавок, в этом коридоре стоял такой холод, что здесь впору было хранить свежее мясо: градусов десять ниже нуля тут было точно.

— Ли, ты когда-нибудь прежде бывал в подобном месте? — первой подала голос Грослин. Она медленно повернулась к ненавистному обидчику, однако в его глазах смогла прочитать лишь обыкновенную человеческую растерянность — не больше.

— Подозрительно напоминает морг, вам не кажется? — Минни вжалась в угол, и, казалось, намерена была там и остаться.

Син на этот раз предпочла съязвить в открытую — всё равно ведь Медичи, как оказалось, знает о «бесценных дарах Чаши» не больше их самих.

— Ну так что, «Капитан Кошачий Глаз» — какие мысли по поводу Ваших дальнейших действий? Пойдём вперёд, или попробуем отыскать кнопку с надписью «вверх»? — Син очаровательно похлопала длинными шелковистыми ресницами, изображая наивную доверчивость. Тот, в свою очередь, взглянул в синие глаза младшей из сестёр — и произнёс твёрдо:

— Ты пойдёшь первой. За тобой — Грослин и Минерва. Я прикрою сзади, если что…, - И Ли привычным движением достал своего верного «огнестрельного друга».

— Я никуда не пойду, Ли. Можешь убить меня прямо здесь, но туда — я не ступлю и шага, — Резко сказала Минни, чьё сердце при этом громко бухало в груди, ожидая, что Медичи сейчас именно так и поступит.

Однако офицер лишь бесцеремонно схватил девушку за локоть и вытолкнул с площадки, одновременно угрожая оставшимся сёстрам в своей развязной манере. Тем не менее, он попытался как-то успокоить взбалмошных девиц, чей панический ужас перед неизвестностью грозил застопорить ему всё дело:

— Леди, попытайтесь не поддаваться панике, — уверенным голосом начал он. — Даже если что-то случится (хотя это маловероятно), помните: у нас всегда есть вот это.

Медичи распахнул полу пиджака, и перевёл взгляд с пистолета на болтающийся у него на рубашке провод.

— Мы всегда успеем вызвать подкрепление, будьте уверены… — Он обнадёживающе улыбнулся: — Да и потом, кто-то же из вас наверняка владеет мощными приёмами самообороны? — Вопрос был адресован непосредственно Син, в чьей ловкости в «нужный» момент полицейский не сомневался. Собственно, именно поэтому он заставил девушку идти во главе их скромной «колонны»: её реакциям Медичи доверял существенно больше, чем своим.

Гро устало развела руками:

— Подкрепление? — переспросила она и издевательски ухмыльнулась: — Вы что, серьёзно думаете, что кто-то найдёт нас на глубине чёрт знает сколько метров под землёй?? Да я уверена — здесь не то, что рация, механические часы — и те, наверное, с трудом ходят! Мы же в самой нижней точке города — честное слово, офицер, вы или настолько хитроумны, что изобрели какое-то отдельное устройство на этот случай, либо…Вы просто идиот. — Закончила свою речь золотоволосая блондинка, после чего, вздохнув, облокотилась на каменную стену. Она обхватила себя за плечи в пустой надежде хоть как-то согреться.

— А знаешь, «милый», она права. — Произнесла медовым голоском Минни, после чего встала рядом со старшей сестрой. — Ты или проявишь свои мужские качества, или мы не сдвинемся с места, и тогда можешь делать, что тебе угодно — наследства ты не получишь. Решать тебе, — красноречиво улыбнувшись, добавила ультимативным тоном Минерва Кроу.

Медичи замешкался. Он то и дело переводил прицел с одной из девушек на другую, но никак не мог решиться выстрелить: никто не знает, что кроется за поворотом, а если он убьёт хотя бы одну — он действительно может лишиться всего, что так долго планировал заполучить для укрепления своего собственного положения в общине. Кроме того, если им вновь попадётся какая-нибудь головоломка наподобие той, что была с газом — в одиночку или без одной из сестёр им уж точно не справиться. И не выйти отсюда в принципе. Хотя Медичи не был уверен, нутром он чувствовал: выход кроется во входе, то есть в чём-то, что распознает только кровь Балтимора Кроу. Упрямствовать сейчас было бы глупо, с этим ничего не поделаешь.

Глубоко вдохнув, Медичи убрал пистолет, и мрачно взглянув на сестёр — решительно устремился прямо по коридору, на ходу бросив: «Держитесь ближе ко мне, и старайтесь ступать шаг в шаг за мной — в этом холодильнике может быть опасно».

* * *

Медичи был наслышан о том, что кладбище Дарквилля не совсем такое, как все другие — но сам никогда особенно не интересовался его историей. Считалось, что в этом месте следует находиться с большой осторожностью: ещё в раннем детстве он слышал рассказы старожилов о том, как люди, избравшие в этом месте «неверный тип поведения» — бесследно исчезали, и никто и никогда больше не слышал о них, тем более что тела так и не были найдены. В чём же заключалось это загадочное поведение, Ли выспросить так и не удосужился — по той простой причине, что сам уехал из города сразу же, как только окончил старшую школу.

Сейчас, приближаясь к непредсказуемому повороту в конце коридора, зеленоглазый полисмен не то чтобы боялся, но испытывал некое неприятное чувство, сродни тому, которое ощущает предатель — столкнувшийся нос к носу со своими бывшими единомышленниками. В его голове упорно крутилась мысль, что прежде чем спускаться в это «Убежище», следовало собрать о нём больше информации. Почему-то Медичи казалось, что он упустил из вида какую-то маленькую деталь — маленькую, но при этом очень существенную.

Когда до угла оставалось не больше десяти шагов, Ли вытащил свой пистолет и поднял его «на изготовку». Перед самым поворотом он слегка замедлил шаг, и кивнул сёстрам, чтобы те держались непосредственно за его спиной. Однако всем им и так не надо было объяснять: как по команде, девушки выстроились «в струнку» точно за спиной своего «рыцаря». Остановившись в нескольких сантиметрах от края стены, Медичи глубоко вдохнул — и резко выскочил вперёд, оставляя сестёр «под защитой» гладких каменных плит. Син невольно хмыкнула: уж больно вся эта сценка походила на стоп-кадр из старомодного полицейского сериала, однако не признать, что Медичи проявил некоторую степень ответственности — она не могла. Тот, в свою очередь, немало удивился: прямо перед ним стояла его точная копия во весь рост и смотрела на него расширенными от волнения бледно-зелёными глазами, сжимая в таких же, как у него, узких изящных руках чуть подрагивающий стальной «ствол».

Секунду спустя Медичи облегчённо выдохнул, и даже в шутку помахал своему столь же прекрасному двойнику — в нескольких метрах перед ним стояло большое прямоугольное зеркало, и именно в нём он увидел испуганное отражение самого себя. Хохотнув от дурацкого положения, в котором он оказался, Ли повернулся и сказал сёстрам, что бы те спокойно выходили из

своего «укрытия».

— Зеркало? — неприкрыто удивилась Син. — Откуда здесь может быть зеркало? Я так понимаю, что это место не предназначается для частых визитов — тогда к чему весь этот «антураж»? — Черноволосая девушка вплотную приблизилась к загадочной зеркальной поверхности: та была вмонтирована непосредственно в мраморную стену, и таким образом получался эффект «зеркального тупика». Но это было абсолютно бессмысленно: несмотря на то, что зеркало отражало противоположную серую стену, и по идее, должно было с ней «сливаться» — тот, кто попадал в это пространство, неизбежно видел себя. Следовательно, версия о хитроумной пространственной «обманке» отпадала сама собой, и данный предмет интерьера предназначался для какой-то иной цели.

— Я уже ничего не понимаю, — откровенно призналась Минни. — Для чего было устанавливать тут зеркало, если никакой ловушки нет, да и идти больше некуда — вход же ведь индивидуальный? Тогда никто, кроме нас, попасть сюда не в состоянии…

— С чего ты решила, что это не может быть ловушкой? — приподняв бровь, переспросил девушку Медичи. — Наоборот, скорее всего, так и есть: зеркало, допустим, действительно стоит здесь для отвода глаз — создаёт, своего рода, эффект «внезапности». Тогда, возможно, создатель этой капсулы как раз и рассчитывает, что мы сделаем нечто, что приведёт в действие ещё один, скрытый, механизм.

Грослин внимательнее пригляделась к высокой зеркальной панели. Вслед за младшей сестрой, она также близко подошла и притронулась пальцами к поблёскивающей в ярком белом свете поверхности.

— Но ничего не происходит, — задумчиво произнесла блондинка. — Если бы здесь был «подвох» — зеркало бы выполняло роль «двери», ведущей в следующую комнату. Значит, нужно прикоснуться к ней также втроём — в книгах обычно есть определённая точка, нажав на которую — можно без труда отодвинуть мнимую преграду. Минни?

Грослин позвала среднюю сестру, которая стояла чуть в стороне, с неудовольствием наблюдая за всем происходящим. Она кожей чувствовала, что им нельзя здесь находиться, но другого выбора у неё не было: что бы там ни случилось, а помочь сёстрам было её прямым долгом. В конце концов, они вляпались во всё это втроём — втроём им из этого и выбираться.

Медичи молча посмотрел на шатенку, когда та прошла мимо него, всей своей фигурой излучая по отношению к нему

чистейшее презрение. Он засунул руки в карманы и облокотился на соседнюю стену, изобразив на лице скучающее выражение. Ему оставалось лишь наблюдать, как эти маленькие женщины исполняют своё прямое историческое предназначение — открывают для него путь к неиссякаемому источнику могущества. Мечтательно улыбнувшись, Медичи представил, как счастливы и довольны будут все Члены Совета — получив из рук своего преданного ученика величайшую реликвию со времён Хрустального Черепа.

Сёстры старательно нажимали на весь периметр рамы зеркала, и даже «продавили» его середину — однако никакого видимого изменения в поведении зеркальной пластины явно не намечалось. Синайя заметила в отражении, как Медичи предаётся каким-то своим, очевидно весьма сладким, мечтам — и в тот же момент ей нестерпимо захотелось свернуть его гладко выбритую шею.

— Прекрасно, — пробурчала она себе под нос. — Он тут стоит, ни хрена не делает, даром что у него пистолет, и можно было уже давно выстрелить в это долбаное зеркало! И посмотреть — что за ним.

— А ведь это мысль! — замерев, отозвалась Грослин. — Ли, здесь нет скрытой «кнопки», зато есть пули, способные ускорить процесс… — обратилась светловолосая девушка к «замечтавшемуся» детективу.

Медичи словно очнулся ото сна, и недовольно посмотрел на девушек:

— Вы уверены, что проверили всю поверхность?

Син отвернулась от своего отражения и ехидно переспросила мужчину:

— А вы уверены в том, что Президент вручил вам абсолютно все награды, детектив? Естественно, мы осмотрели всё, хотя если бы ты помог нам — дело, может, и впрямь пошло бы быстрее.

Син сложила руки на груди и отошла от зеркала, давая понять, что больше не намерена делать ничего из того, что скажет Ли. Грослин по-прежнему смотрела на полицейского, однако тот проигнорировал её просьбу. Только Минни оставалась сидеть на корточках, ощупывая что-то в нижнем левом углу зеркальной стены.

— Мин, что ты там делаешь? — поинтересовалась Синайя. — Хватит, ничего там нет…

— Нет, там что-то есть. Точно. — Минни прижалась щекой к прохладному серебряному стеклу. — Я слышу, за зеркалом что-то шуршит…

— Ну-ка, подвинься, — Медичи присел рядом с бывшей

любовницей, и тоже стал прислушиваться к происходящему по ту сторону зеркала. Мгновением позже, он подтвердил слова шатенки:

— Да. Похоже, что это мыши…Значит, стена всё-таки двойная, иначе откуда там воздух, чтобы грызуны могли выжить?

— Ну и как нам попасть туда? Не по потолку же пройтись? — Син мимоходом стукнула противоположную стенку тупика маленьким кулачком. В той что-то ударилось о стену в ответ. В то же мгновение, зеркальная плита чуть съехала вправо…

Минни с визгом отскочила от зеркала, в котором отразилось её белое, как мел, лицо, с огромными карими глазами. Медичи, буквально «отпрыгнувший» от зеркала на целых полтора метра, также скривился — но уже от брезгливости: вместо ожидаемых молодыми людьми мышей или крыс, из образовавшегося узкого проёма посыпались десятки противных тёмно-коричневых и чёрных жуков-многоножек, с внушающими отвращение и страх игольчатыми хитиновыми спинками.

— Что случилось?! — воскликнул Медичи. — Кто-то из вас делал что-нибудь? Как открылось зеркало? — сыпал слегка ошарашенный детектив вопросами, пытаясь скрыть за агрессивным любопытством древний человеческий страх к жителям «подземелья». Одновременно с этим он нещадно давил сверкающими ботинками несчастных насекомых, оставляя на полу светло-оранжевые и желтовато-белые липкие разводы.

Минни и Гро почувствовали, что их сейчас в очередной раз вырвет (вообще, рвотный рефлекс с недавних пор стал неотъемлемым спутником в их неординарном путешествии). Син с Медичи более-менее держались, но и они испытывали крайнюю степень отвращения к многолапым жутковатым созданиям, которых с каждой секундой стараниями Медичи становилось всё меньше и меньше.

— Так кто что сделал? — снова спросил Ли, «додавливая» последних двух жуков с явным неудовольствием.

— Я ударила в стену напротив, там тоже что-то «хрустнуло», — медленно проговорила Син, наблюдая за действиями Ли.

— Мы это уже проходили, — откликнулась Грослин. — Наверное, надо снова надавить на стену втроём — тогда дверь откроется. — Девушка плавно «отклеилась» от холодного мрамора и сделала пару шагов по полу, очищенному от пребывания ползучих гадов. Вслед за ней Минни проделала ту же операцию. Син пожала плечами, мол, ей было уже абсолютно плевать, что делать дальше — лишь бы вся эта история поскорее закончилась.

— Вперёд, леди! — Бодрым голосом произнёс Медичи и жестом указал на противоположную сторону «тупика». — Если что, я всегда рад помочь, — с иронией добавил он.

Минни повернулась к нему, в её глазах читалась неприкрытая злоба:

— Как ты можешь быть настолько циничным, Ли?! Ты только что видел, что находится за той стеной. Неужели ты думаешь, что мы пойдём туда, где полным-полно мерзких, и возможно, смертельно-ядовитых жуков???

— Минни, проснись — ты забыла, с кем разговариваешь? Не трать понапрасну силы, — устало ответила Грослин и обняла готовую разрыдаться сестру за плечи. Син посмотрела сначала на них, потом перевела взгляд на Медичи.

— Действительно, Ли? Ты же тоже вроде недолюбливаешь червяков, так может, и не стоит нам соваться туда, а? Ради твоего же блага? Вдруг, они учуют чей-то «парфюм» — и не смогут остановиться? — Девушка озорно подмигнула полицейскому, в то время как Медичи отчаянно хотел и боялся встретиться с Наследством Кроу. За несколько секунд колебание в нём возросло до абсолютного предела, когда он с криком кинулся на противоположную зеркальной стену:

— А-а, да чёрт бы вас всех побрал!!!

От неожиданности все трое расступились, освобождая проход для внезапного порыва полицейского. Тот бросился на стену и начал буквально «вдавливать» её внутрь, изо всех сил напрягая мышцы своих хотя и стройных, но весьма сильных рук. Та постепенно начала поддаваться, и вместе с этим зеркало медленно, но верно начало увеличивать образовавшийся проход, издавая при этом душераздирающие скрипы, словно петли, на которых оно крепилось, не смазывали уже лет сто.

Шуршание за зеркалом продолжало увеличиваться, как продолжал увеличиваться и поток сыплющихся из него насекомых. Девушкам стало тесно рядом друг с другом: близость к стене не спасала, потому что жуки на полу образовали уже довольно приличный слой, отчего звуки, издаваемые их крохотными ножками и лапками — стали громкими и слились в один полноценный «хор», в котором отчётливо различались «ноты» каждого отдельного насекомого. Наконец, Медичи вдавил стену до упора, и вместе с тем послышалось очередное громкое щёлканье, после чего зеркало полностью отделилось от стены и рухнуло на пол, высвобождая из себя целый океан разнообразных — крылатых и кольчатых насекомых.

Все без исключения громко закричали, когда почувствовали, как их захлёстывает поток непрерывно ползущих и щёлкающих

своими челюстями тварей: пауки, черви, скорпионы и многоножки — вот те немногие представители «песчаного сословия», которых сёстры Медичи смогли различить в бесконечно извергающемся океане гадов. Они только-только успели пригнуться, укрываясь от разлетающихся искрящихся осколков, когда их тела оказались полностью во власти насекомых. Они были повсюду: первые мгновения девушки даже не отображали, что вообще творится вокруг них — их мысли были заняты исключительно передвигающимися по их коже и волосам скрипучими созданиями, которые ко всему прочему, старательно пытались проникнуть также и в «сферу» их нижнего белья.

Син попыталась «вынырнуть» на поверхность, но это оказалось бесполезно: насекомых были сотни тысяч, и они плавно заполняли собой всё окружающее пространство, а их число только увеличивалось в геометрической прогрессии. Бессвязные крики сестёр и Ли — вот то единственное, что могла различить брюнетка, ибо ни малейшей видимости толстый слой насекомых на лице и теле не предоставлял. Однако Син старалась держать губы плотно сомкнутыми: если хоть один «жучара» проникнет к ней в рот — надежда на спасение будет утеряна. Девушка давила насекомых прямо на себе, пытаясь освободить нос для кислорода, но и это было занятием тщетным: ей приходилось постоянно задерживать дыхание, чтобы не дать мелким муравьям проползти в носоглотку дальше, чем они уже в ней были. Глаза её тоже были закрыты, а кожу уже начинало жечь от укусов — многие из ползающих по ней тварей имели по отношению к Син крайне недоброжелательный настрой. Вдобавок, крики сестёр, издаваемые девушками всё реже и реже, говорили о том, что надо было делать что-то конкретное, и как можно скорей.

Син постаралась сконцентрироваться на собственном биополе и полях остальных, на это ушло несколько мучительно долгих секунд, так как девушке пришлось абсолютно расслабиться и дать возможность членистоногим делать с ней всё, что те пожелают. Когда внутри её собственного тела стали ощущаться определённые вибрации, Син постаралась «зацепить» ими каждого, кто находился в комнате. В основном, она пыталась «уловить» низкочастотные позывы, издаваемые телами своих сестёр, но и от тела Медичи исходили такие сильные волны паники и шока (похоже, болевого), что Син не смогла оставить их без внимания. «Ухватив» таким образом каждого, синеглазая брюнетка собрала остатки своей воли, постоянно подмываемой безотчётным страхом — и проделала тот же трюк, что и когда-то на шоссе: вытолкнула собственное поле из тела и создала своеобразный плазменный «купол», внутри которого все четверо

могли, наконец, освободиться от власти жуков.

Когда Синайя распахнула глаза, она первым делом огляделась в поиске сестёр: Гро и Минни лежали на полу в окружении кувыркающихся на некотором отдалении насекомых. Обе были сильно искусаны, их лицо и руки покрывали мелкие красные волдыри и аллергия от грязных лапок «ползучих». Как видно, они потеряли сознание, но дышали, и это было самое главное. Син и сама с наслаждением вдохнула воздух: она и сёстры находились в «коконе» чистого пространства, в то время как вокруг них вихрем летали и ползали миллионы разнообразных тварей. Ощупав собственное лицо, девушка поняла, что и она выглядит не лучшим образом: вместо левой щеки у неё был какой-то вздувшийся кожаный мешок, полный жидкости и прикоснуться к нему было равносильным тому, как если бы положить руку на хорошо разогретый противень.

Однако самое неприятное ожидало девушку впереди: в трёх метрах от неё лежало тело Ли Медичи, но оно было далеко не таким прекрасным как прежде. От его лица мало что осталось — очевидно, до него добрались особо кусачие из «предствителей» многоногой армии: обширный отёк не оставлял шансов для выживания, глаз и рта тоже нельзя было различить. Конечности его, хоть и были также сильно искусаны, но ещё сохраняли свою первоначальную форму. Возможно, Медичи «посчастливилось» столкнуться лицом к лицу с ядовитым скорпионом, и потому яд последнего сотворил такое с некогда красивым лицом мужчины. Несмотря на всю ненависть, испытываемую Син к Ли, она ощутила в глубине души простую человеческую жалость — даже если мерзавец умирает такой вот мучительной смертью, в какой-то момент начинаешь задумываться о том, что он всё же был человеком. И тогда сочувствие обоюдному виду становится неизбежным.

Проверив пульс сестёр, Синайя осторожно подошла к телу Медичи: она не чувствовала больше исходящих от него волн, но всё-таки решила окончательно удостовериться, пощупав и его пульс тоже. Холодная рука полицейского была столь же безжизненна, как и остатки его лица: покачав головой, девушка решила прикрыть рукой то, что осталось от некогда зелёных глаз Медичи. Совершив эту печальную операцию, Синайя вытащила из кобуры на его поясе пистолет и поднялась, чтобы привести в сознание своих сестёр. «Как бы там ни было Ли, прости — но ты это заслужил», — с грустью подумала Син и подошла к Грослин и Минерве.

Те со стонами приходили в себя, когда Синайя думала, как же быть дальше. Вокруг них совершенно ничего нельзя было

различить, и тем более невозможно было установить направление, в котором следовало продвигаться.

— Постойте, — осенило вдруг Минни. — Тело Медичи по-прежнему лежит справа от тебя, Гро. Значит, мы не успели особо сильно «поменять позицию».

— Почему ты так думаешь? — переспросила Грослин. — Мы могли тысячу раз повернуться вокруг своей оси, прежде чем отключились. Сейчас точно сказать нельзя…

— А вот и нет, — победно улыбнулась Минни. — Насекомые всегда летят с запада на восток — из тьмы к свету. Приглядитесь — они все ползут туда, — шатенка махнула рукой куда-то позади себя.

И действительно, несмотря на то, что насекомые заполнили собой всё пространство комнаты, они по-прежнему выбирали направление, ведущее их перпендикулярно тому, в котором стояли сёстры.

— То есть если выход и есть — то только там, откуда эти твари выползли? — уточнила дрожавшая от страха Гро. Она инстинктивно поправила растрепавшиеся светлые волосы, после чего обратилась к Син:

— Спасибо за это, — обвела она рукой пустое пространство. Если бы не ты — мы бы сейчас не разговаривали. — Грослин смущённо опустила глаза. — Я была к тебе несправедлива всё это время…

— Я тебя умоляю, Гро — давай потом обсудим. Сейчас явно неподходящий момент, хотя в одном ты права — если бы я не изменилась некоторое время назад, сегодня у этих маленьких засранцев был бы просто первоклассный ужин. — Девушка улыбнулась одинми уголками губ.

— И за него спасибо, — не удержавшись, выпалила Минни, кивая головой в сторону тела Медичи. — Я рада, что он мёртв.

— Я тоже, — сказала Грослин.

— А что я? Это всё они, — ответила Син, имея в виду насекомых. — Ему просто не повезло… — Бросив на Медичи прощальный взгляд, Син отпустила удерживающее его поле, и полицейского в тот же миг поглотило бесчисленное количество членистоногих, завершающих свой мрачный и редкий пир.

— Слава Богу, я думала, мы никогда от него не избавимся! — в сердцах произнесла Грослин. — Теперь мы хотя бы можем спокойно двигаться вперёд, — почти радостным голосом добавила она.

— Точно, одной проблемой меньше, — согласилась со старшей сестрой Син. — И всё же — ужасная смерть, согласитесь?

— По-моему, это именно то, чего он достоин. — Ровным

голосом произнесла Минни. Она не была несказанно счастлива от того, что Ли Медичи окончил свой жизненный путь, но в её сердце были боль и злоба, и осознание того, что человека, принёсшего в её жизнь эти чувства больше нет — действительно согревало её душу.

— Ну что, попробуем пройти в обратном направлении? Син, ты сможешь вести «купол» впереди нас? — обратилась Минни к младшей сестре. Ей хотелось поскорее сменить тему, и забыть о Медичи словно о кошмарном сне.

— Да, конечно. — Спокойно отозвалась та, и разведя руки, начала медленно продвигаться, держа «в фокусе» сестёр. Девушки также медленно последовали за ней, стараясь не делать резких движений, чтобы случайно не «выскользнуть» из-под защиты купола.

Троица находилась в движении не более пяти минут, но для всех это время показалось истинной вечностью. Наконец, впереди проступили очертания проёма, и в следующую секунду девушки разглядели тёмный коридор по ту сторону зеркала, в очередной раз уводивший сестёр Кроу в абсолютную неизвестность. Как ни странно, но в проёме не было ни одного жука, а с левой стороны из пола торчала старинного вида трость красного дерева, набалдашник которой очень точно изображал голову медведя. Оказавшись в пространстве коридора, девушки одновременно испытали непреодолимое желание дёрнуть за этот странный рычаг.

— У кого какие мысли на этот счёт? — поинтересовалась Син. — Надеюсь, не я одна чувствую это необычное желание потянуть за трость?

— Нет, думаю, мы все хотим этого, — отозвалась Грослин, смотревшая на красивую голову животного как заворожённая.

— Медичи говорил что-то насчёт «кровного кода», — вспомнила Минни. — Быть может, нам следует прислушаться к «зову рода» раз уж на то пошло?

— Тогда я нажимаю первая. По старшинству. — Заявила Грослин, и не успели сёстры что-либо ей возразить, как она ухватилась обеими руками за набалдашник деревянной трости и со всей силы потянула его на себя…

* * *

Как только голова медведя оказалась плотно прижатой к груди Грослин, тут же стало происходить что-то странное. Мраморный пол, начинавшийся за границей коридора и

продолжавшийся до противоположной стены, начал медленно опускаться по диагонали вниз. Где-то в гуще «жукового» потока тоненько зазвенели остатки зеркала, и как только их звон прекратился — девушки увидели посреди коридора открывающуюся огромную «впадину». Через секунду все сёстры почувствовали на своей коже приятное тёплое дуновение, а ещё через секунду поняли — откуда оно исходит. Из пространства, открывшегося после опущения пола, дул горячий сухой воздух, одновременно засавывавший всех жуков внутрь себя подобно тому, как это происходит в аэродинамической трубе. Сила тяги была настолько большой, что «срывала» паукообразных со стен в прямом смысле слова. Вскоре все насекомые (а вместе с ними и останки Медичи, если таковые вообще остались) — исчезли в глубине чёрной пропасти, и как только это случилось — плита автоматически стала подниматься обратно. После того, как она с резким щелчком встала на своё прежнее законное место, в коридоре по обе стороны зеркала воцарилась абсолютная тишина, и уже ничего не напоминало о развернувшихся здесь ранее трагических событиях.

— Ты хоть предупреждай в следующий раз, когда решишь «отколоть» похожий номер? — попросила Синайя, с удивлением взглянув на свою старшую сестру. Та стояла совершенно неподвижно, прижав к себе деревянный набалдашник трости и глаза её при этом были пустые как у загипнотизированной.

— Простите… Не смогла удержаться… Меня словно притянуло к рычагу…, - медленно произнесла Гро и осторожно разжала руки, выпуская из них злополучный предмет.

— Притянуло её, — пробормотала про себя Син, вслух же громко сказала, чтобы только разогнать эту гнетущую ауру беззвучия: — Нас всех «притянуло», и что?! Хочешь сказать, у тебя башню круче нас всех сорвало??? А если бы случилось что-нибудь непоправимое?! Или у тебя резко атрофировался инстинкт самосохранения???

— Ладно, ладно — остынь, — внезапно попросила её Минни. — Давайте хотя бы здесь не будем ссориться? Кто знает, что это за место — вдруг оно нас проверяет на прочность?

— «Проверяет»? — переспросила Грослин. — О, дорогая, это, конечно, очень таинственно и страшновато — всё, что здесь происходит… Но, мне кажется, ты всё же слегка преувеличиваешь. — Блондинка как-то странновато рассмеялась: коротко и почти зло.

Грослин была сама не своя — она как будто находилась «не в себе» или что-то в этом роде. Син не понимала, откуда в её всегда рассудительной и «холодной» сестре могли возникнуть такие

странные эмоции. Она ещё не до конца отпустила поле, поэтому могла чувствовать эмоции своих сестёр. То, что она успела «ухватить» в Гро — было той несвойственно: Син смогла «прочувствовать» лишь невероятный по силе темперамент и общее — несколько странное настроение, постоянно менявшее свою эмоциональную «консистенцию» подобно пузырькам масла в ночнике, постоянно искажающим свою, обычно округлую форму. Больше черноволосая Кроу ничего не успела разглядеть, потому что поле, которое она так долго и старательно удерживала, неожиданно «сорвалось». Син ощутила резкий толчок в своей голове, и всё, что она считала «шестым чувством» внезапно выключилось, оставив после себя лишь её собственные, Синайи Кроу, мысли — никак не связанные с мыслями и эмоциями Минни и Грослин.

— Эй, Гро — ты себя нормально чувствуешь? — аккуратно спросила Син, стараясь не выдавать в голосе излишней подозрительности.

Та резко повернулась к ней. Глаза Грослин были такими же зелёными, как и обычно, но в них горел непривычный для той дикий огонь. Даже «видавшая виды» Син немного «струхнула».

— Чувствую ли я себя нормально?? А как ты думаешь, Синайя? — задала та встречный вопрос. — Меня искусали бешеные насекомые, парень с пистолетом на моих глазах прикончил ни в чём не повинную девчонку-смотрителя, и, наконец, моя дорогая сестра Минерва чуть не погибла от рук этого злодея. К счастью, он сдох, — внезапно добавила она. — Но, тем не менее, тебе не кажется, что глупо задавать подобный вопрос в сложившейся ситуации??? Нет, я не чувствую себя нормально — я чувствую себя просто отвратительно!!! И предлагаю продолжить путь, пока мы с вами вконец не разругались из-за несовпадения интересов…

Минни, слушавшая всё это с широко раскрытыми глазами, бросилась вперёд и преградила сестре дорогу:

— Грослин, Грослин, постой! Мы же даже не знаем, куда идти?! Погоди минутку, дай нам всем отдышаться хоть немного…

— К чему ждать? Мы и так уже слишком много времени провели в бесцельном ожидании — пора уже взять своё, то, что завещано нам самой Природой! Идите за мной — я вас проведу.

С этими словами, Грослин взмахнула своими золотистыми волосами — и не глядя направилась прямо по коридору, шагая в кромешную тьму.

Син и Минни переглянулись: в глазах обеих девушек отражался один-единственный вопрос: какого чёрта?!

— Может, её укусило какое-то ядовитое «ползучее»? — робко

высказала своё предположение Минни. Син в ответ только пожала плечами:

— Может. А может, этот склеп хранит несколько больше тайн, чем мы рассчитывали. — Синайя перезарядила пистолет (на всякий случай), и они с сестрой кинулись догонять внезапно осмелевшую «боевую подругу».

Девушки чувствовали, как пол под их ногами опускается всё ниже и ниже, они словно опускались вглубь гигантской канализации — об этом свидетельствовал мерзостный запах нечистот и полное отсутствие каких-либо источников освещения. Ежу было понятно, что эта территория кладбищу не принадлежит, однако вряд ли даже сам Ли Медичи мог предполагать, что клад мог находиться в таких вот, прямо скажем, неромантических условиях. Чем дальше заходили сёстры, тем сильнее овладевало ими чувство необъяснимой тревоги. Тем более что Грослин так уверенно шла вперёд — словно что-то или кто-то незримо вели её к последней, самой опасной, «точке» в их путешествии.

Волосы золотоволосой сестры словно светились в полной темноте, и это было единственным ориентиром, за которым могли следовать остальные девушки — Гро двигалась неестественно быстро, и Минни с Синайей приходилось бежать чуть ли не рысцой, чтобы поспеть за неугомонной старшей сестрой. Туннель вёл всё глубже и глубже, но как ни странно, вокруг вновь становилось светлее и светлее. Вот стали различимы деревянные опоры, на которых, судя по всему, и держался весь невысокий земляной свод. А вот Син и Минни уже смогли раличать лица друг друга и даже цвет своей одежды — это значило, что они практически достигли цели.

Вдруг Грослин, «летящая» впереди, остановилась. Когда сёстры догнали её, они увидели причину: перед ними предстала последняя, вырезанная из цельного куска молочно-белого мрамора дверь. На ней изображена была женская фигура в длинном, струящемся до самого пола плаще, с капюшоном, закрывавшим лицо так, что видимыми оставались только прекрасные чувственные губы женщины и резной узкий подбородок.

В руках у женщины была красивая посуда, напоминающая по виду не то кубок, не то чашу. В центре сосуда был вырезан символический драгоценный камень, вокруг которого расходились длинные извивающиеся стебли, похожие на лианы.

— Последний рубеж, — одними губами произнесла заворожённая Гро, и закусила кончик указательного пальца.

Зажмурившись от боли, она сжимала зубы до тех пор, пока не ощутила на языке солоноватый привкус. Увидев на руке каплю

крови, Грослин удовлетворённо улыбнулась: приложив палец точно в центр изображённого на барельефе чаши камня, девушка ощутила, как всё её тело пронизывают колючие разряды тока. Тело блондинки начало импульсивно дёргаться в конвульсиях, когда Син и Минни поняли, что происходит: они только-только успели подхватить сестру, как камень, окрасившийся от крови в ярко-алый цвет — аккуратно, с интервалом в полсекунды стал поворачиваться против часовой стрелки. Как только он совершил полный круг, из-под двери пошёл белёсый дым, и в то же самое мгновение она распахнулась, приглашая сестёр внутрь…

— Что…что со мной…где я? — тихо пробормотала постепенно приходившая в себя Гро, когда девушки пронесли её в центр каменного зала и положили рядом с пустой стеной.

Помещение, скрывавшееся за каменной резной дверью, было подлинным склепом. То, что находилось на поверхности кладбища, являлось лишь красивой картинкой для отвода глаз. Истинный «Последний приют» семейства Кроу находился на уровне двухсот метров под землёй и представлял собой, возможно, одно из самых глубоких захоронений, когда-либо существовавших на Земле. Облицованная истёршимся от времени белым мрамором комната была полна статуй — таких же таинственных женщин в плащах с капюшонами, выстроившихся полукругом вокруг основного постамента — огромного каменного саркофага, на крышке которого была вырезана статуя прекрасной женщины в длинном свободном платье. По обеим сторонам от её тела лежали тяжёлые мраморные косы, заплетённые венцами вокруг её жёлтых висков. Казалось, это была могила сказочной принцессы Рапунцель, чьё хрупкое тело Злой Рок предпочёл погрести на столь оскорбительной для всего мира глубине, дабы ничей недобрый взгляд не мог опорочить её сияющую своей неземной прелестью память. Син посчитала — вокруг могилы стояло ровно сорок статуй, и все были молчаливы и величественны — хотя размерами не отличались от обычных человеческих фигур. Все стройные и высокие — они словно бы охраняли этот загадочный склеп.

— Ну, вот мы и пришли, — неуверенно произнесла Син. — Думаю, на этом всё — в смысле, больше головоломок не будет. Я надеюсь. — тихо добавила она.

— Потрясающее место, — задрав голову вверх, чтобы получше рассмотреть статуи, сказала Минни. — Удивительно, что вся эта роскошь может каким-то образом относиться к нам, верно? — задала она вопрос скорее самой себе, нежели сестре.

По непонятным причинам, в склепе было светло как днём, хотя никаких видимых источников света в виде свечей или

электирического освещения поблизости не наблюдалось. Однако в помещении царил приятный тёплый свет, который словно бы излучали сами его стены.

Гро понемногу приходила в себя, но так до конца и не могла понять, где же они находятся. Она словно бы пережила тяжёлый шок, и теперь столкнулась с последовавшей вслед за ним остаточной амнезией. Когда сёстры всё же привели её в чувства и объяснили, каким образом они сюда попали, Грослин лишь разочарованно развела руками:

— Но я совершенно ничего не помню! С того самого момента, как мы вошли в этот странный коридор за зеркалом…Говорите, я была словно «одержима» чем-то? Ох-хо-хо, как же мне всё это не нравится, — жалобным голосом протянула она. — Обещаю, если мы выберемся отсюда, да ещё и с деньгами — я больше никогда не буду никого осуждать или обвинять в деструктивном поведении! — шутливо пообещала Гро и торжественно приложила к груди правую руку так, будто приносила «присягу». Девушка слабо улыбнулась сёстрам. Минни также улыбнулась в ответ:

— Ничего, я тоже поклялась себе, что брошу курить — сразу же, как мы окажемся в безопасности и подальше от всего этого! — Девушка сидела рядом со старшей сестрой и заботливо держала ту за руку, пока Грослин пыталась подняться на ноги.

Син молчала. Она знала, какое обещание исполнит сразу же, как только часть камней окажется у неё в руках — но озвучивать это сейчас в присутствии сестёр у неё желания не было. Брюнетка встала в ногах каменной статуи и покашляла, чтобы привлечь внимание девушек.

— Дамы, позвольте, — тоном священника на свадьбе произнесла она, когда сестры взглянули на неё. — Если бы у меня сейчас было шампанское, то я бы хотела произнести следующий тост: за то, чтобы внутри этого гроба было как можно больше консерв, и как можно меньше рыбы! — Синайя подмигнула девушкам. — Давайте сдвинем крышку, всё-таки, мы столько пережили, прежде чем сюда добраться — что нам ещё терять, особенно теперь?

Грослин и Минни молча посмотрели на Син. Гро первая подошла к сестре и положила той руку на плечо:

— Ты уверена, что действительно хочешь открыть его? — спросила она таким голосом, словно Син предстояла какая-то особенно опасная операция на сердце. — Не будешь жалеть, если там ничего не окажется?

Минни подошла и встала рядом. В её глазах светился восхищённый трепет перед саркофагом:

— Ему, должно быть, не меньше четырёх веков! — на выдохе произнесла девушка. — Даже как-то стыдно вот так взять — и вскрыть его. Мы же тревожим чью-то упокоенную душу, может, всё же не стоит? Я лично боюсь. Честно. — Призналась Минни, и боязливо погладила грязными пальцами складку каменного платья прекрасной девы.

— Минерва, Грослин — я тоже боюсь, я ведь не каменная. — Ответила с грустью в голосе Син. — Но для меня это — единственный шанс хоть как-то «переписать» собственную историю и изгаженные мной истории ваших жизней. Так что…, - она чуть помолчала, прежде чем закончить фразу. — Отступать некуда…

Все втроём, сёстры Кроу спинами облокотились на тяжеленную крышку мраморного саркофага. Им понадобилось с десяток попыток и один перерыв, прежде чем крышка сдвинулась с места и они уже легче смогли отодвинуть её ровно наполовину, чтобы позже с таким же титаническим трудом — но водрузить её обратно на место. Как только крышка сдвинулась, в нос девушкам ударил нестерпимый запах тления и пыли, а чуть позже представилось и вовсе уж печальное зрелище: в гробу было сразу несколько «постояльцев». Рядом с древними костями кого-то, кто был облачён в дорогие шелковые одежды пурпурного цвета, и носил в тёмных густых волосах драгоценную тиару с золотистыми алмазами, лежали останки гораздо более свежие — принадлежавшие дальней родственнице девушек по линии отца — тётушке Маргарет. Той самой, что была троюродной сестрой Балтимора Кроу.

Скелет женщины в строгом костюме-двойке из некогда бледно-розовой ткани содрогался в беззвучном крике. Челюсти были широко раскрыты, а кости рук прижаты к груди так, словно бедняжку похоронили заживо в этом богом забытом месте. В пустых глазницах, слава богу, не было никакой живности, но самым страшным было даже не это. В животе тёти Маргарет зияла огромная дыра, сразу было видно, что лезвие, которым её саму вспороли как какую-нибудь тихоокеанскую селёдку, было широким и длинным. Об этом говорил длинный разрез на дорогой ткани жакета, и…торчавшая рукоятка огромного разделочного ножа, который Балтимор, похоже, не планировал забирать с собой, уходя из этого места. По бокам от тела были аккуратно разложены тридцать семь небольших консервных баночек с изображённой на этикетке рыбой — тунцом, как гласила надпись под картинкой. Между телом Маргарет и древней женщины в тиаре лежал миниатюрный консервный ножик времён Второй Мировой.

— Какая жуть! — не удержавшись, воскликнула Минни. — Бедная тётушка, она явно не заслуживала такого конца! — Шатенка печально покачала головой.

— Просим прощения, тётя Марго, — извинилась перед скелетом Гро. — Мы бы никогда не потревожили ваш прах и прах нашего предка, если бы не экстремельные обстоятельства, приведшие нас в эту печальную обитель. — Грослин осторожно прикоснулась к костям женщины в розовом костюме. Туфли-лодочки из натуральной кожи прекрасно сохранились и теперь издевательски поблёскивали в тёплом свете мраморной залы. Они сохранились явно лучше, чем их хозяйка, и сейчас словно заявляли об этом во всеуслышанье.

— Надеемся, что там, где сейчас Ваша душа — хорошо и спокойно, и ничто вас не тревожит больше, и нет обид, зла и печали. — Син наклонила голову ближе к трупу и закрыла глаза: — Да пребудет с вами Высший Свет, — прошептала Син одними губами.

Взглянув на сестёр, она тихо спросила:

— Посмотрим, что нам уготовила Судьба? — и взяла одну из баночек, и консервный ножик.

Сёстры молча кивнули и принялись осторожно, чтобы лишний раз не прикасаться к телам, доставать из могилы фальшивые консервы. Минни потрясла одну банку, и услышала, как внутри неё что-то перекатывается и приятно позвякивает. «Должно быть, завещание деда не врало — и на том спасибо», — подумала она, выкладывая очередного «тунца». Через пару минут все тридцать семь банок были на каменном полу, и Син самостоятельно вскрывала их одну за другой. Всё было в точности так, как и описывалось в расходных книгах Балтимора Кроу: в каждой из банок лежало по шестьдесят камней размером от трёх до десяти карат, и все они были дивной красоты и прозрачности. Первые пару минут девушки всё делали молча, но по мере продвижения, они всё больше восторгались камнями и вот уже склеп огласился радостными выкриками женщин, впервые видевших перед собой такую красоту и осознающих, что вся эта красота, и последующее за ней благосостояние — всецело принадлежит им.

— Господи, какая красота! Это же…блин, я даже не могу представить себе сумму, в которые эти камни могут быть оценены! — восхищалась Минни.

— Мда, похоже, здесь будет явно больше, чем каких-то триста тысяч! — удивлённо произнесла Синайя, разглядывая в руке крупный светлый камень, размером с перепелиное яйцо.

— Я просто не верю своим глазам. Просто не верю! — в

восхищении шептала Грослин, перебирая в банке переливавшиеся в свете мраморных стен камни. Как только луч попадал в центр баночки, то сразу казалось, что из неё начинала «бить» самая настоящая радуга: цвета чётко различались, и при этом то загорались, а то угасали за доли секунды — оставляя в душе своих новых хозяев лишь чистый восторг и преклонение перед своей красотой.

— О, да-а, — промурлыкала Минни, ухмыляясь по-кошачьи. — Бриллианты — вот лучшие друзья девушек! Обязательно оставлю себе пару камней на кольцо и серёжки, буду настоящей светской дамой — не хуже, чем Виктория Бэкхем! — с ноткой высокомерия закончила она.

Так продолжалось все следующие полчаса: девушки не могли поверить своему счастью и откровенно восторгались красотой камней и своим будущим богатством, при этом полностью выбросив из головы то — где, и зачем они находятся на самом деле. Никто из сестёр Кроу не заметил, как в склепе постепенно начал сгущаться мрак, и тёплый солнечный свет незаметно уступил место прохладным сумеркам.

Первой встрепенулась Минни, заметив, что камни сияют уже не так ярко как прежде.

— Странно. Вам не кажется, что здесь было гораздо светлее пару минут назад? — от восхищения девушки также совершенно утратили чувство времени.

— Да. Есть такой момент, — Син мгновенно вскочила на ноги и рефлекторно потрогала спрятанный под свитером пистолет — он уже им не понадобится, хотя кто знает? Всё же они забылись на какое-то время, а им ещё надо отсюда выбираться.

— Ладно, девочки. Давайте-ка возьмём одну из моих кофт в качестве мешка и сложим в него все камушки, а потом — валим домой. А то что-то мы загостились ненароком, — произнесла она, с тревогой оглядываясь по сторонам. Ибо вокруг становилось всё темнее и темнее.

Грослин взяла из рук Син один из её бесконечных свитеров, и начала быстро скидывать в него банки с камнями, при этом она даже толком и не смотрела — не выпало ли из него что-нибудь. Оторвавшись от камней, девушка испытала то же самое чувство безотчётного страха, которое охватило её тогда, в «море» из плотоядных насекомых. Словно очнувшись от приятного сновидения — она сразу же угодила в жуткий ночной кошмар. Сумрак сгущался, тьма становилась всё отчётливее и…ощутимей. Она словно опутывала сначала ноги девушек вязкой чернотой, потом пыталась постепенно сконцентрироваться в воздухе на уровне их глаз — стремясь поработить их зрение и через глаза

проникнуть в самый мозг.

Когда всё было готово, девушки ринулись к высокой входной двери, и…застыли в немом ужасе: та была запечатана. Наглухо. Казалось, её никогда и не открывали, а с внуренней стороны она была столь же гладкой, как и стены позади ставших уже зловещими фигур в тёмном свете. Теперь сёстры Кроу оказались по-настоящему запертыми в ловушку, из которой по определению не было выхода. Мышеловка захлопнулась, стоило мыши покрепче ухватить сыр.

Син показалось, что в склепе стало теснее: так и есть, мраморные статуи медленно поглощали свет, и чем темнее становилось вокруг, тем больше они увеличивались в своих размерах. Они словно вырастали в высоту и смыкались плотным кольцом вокруг сестёр, не оставляя тем даже малейшей возможности для побега. Внезапно, девушки услышали за своими спинами странный звук: медленно повернувшись, они увидели позади себя высокую фигуру, стоявшую в полный рост посреди саркофага — это она шуршала шёлковой тканью, расправляя костлявыми пальцами складки своего тяжёлого фиолетово-синего платья. Тиара в её теперь уже иссиня-чёрных волосах поблёскивала таинственным, хищным светом. Скрипуче-шелестящим голосом лицо, скрытое густой тенью, вымолвило только лишь два слова:

— Моё наследие…

Широкие складки пурпурной ткани раскинулись подобно крыльям прекрасной хищной птицы в тот момент, когда она с диким криком бросается на свою беззащитную добычу. Древняя ткань накрыла сестёр Кроу с головой, и они не в силах были сопротивляться этой могущественной вечной власти. Последнее, что запомнилось всем сёстрам без исключения — это непередаваемая острая боль в левой руке, проникающая тонким лезвием до самых костей, и облизывающая их словно холодное синее пламя…Их мир погрузился во тьму…

Эпилог

— Вы понимаете, что юридически не имеете права нам препятствовать?! У вас погиб при исполнении наш офицер, а вместе с ним пропали без вести три преступницы, объявленные в федеральный розыск! Немедленно пропустите наш отряд, иначе будете иметь дело с мэром… — Доналд Ромирез стоял на носках своих старых кожаных сапог и пытался внушить что-то огромного роста человеку, стоящему по другую сторону оцепления. Их разделяла всего лишь тонкая жёлтая лента с чёрными буквами, однако в данный момент эта лента была равносильна канату боксёрского ринга, где от каждого слова как от хорошего удара — зависел исход поединка.

— В том-то и штука, сэр, что погиб ваш человек у нас. И пропали ваши преступники также — на нашей земле. Вы же читали внутреннюю документацию, не так ли? Всё, что происходит на территории Дарквилля — остаётся исключительно на его территории. И расследуется местными властями. Точка. Так что в сотый раз вам советую: оставьте это дело. Или отдохните. Если нам понадобится ваша помощь, мы обязательно свяжемся с вашим участком, и конкретно с вами — детектив?

Человек приложил огромные пальцы к виску в жесте, которым как бы «снимают шляпу» перед собеседником и заканчивают разговор, после чего он неспеша развернулся и удалился, оставив детектива Ромиреза в полной растерянности. У него и так было забот выше крыши, так теперь ещё и с этими столичными разбираться приходится… Делать ему больше нечего.

Длинный тёмно-коричневый плащ и ботинки сорок шестого размера, сшитые специально под заказ — проследовали вглубь оцепления, приближаясь к непосредственному месту катастрофы. Половина кладбища Дарквилля со стороны «тюремщиков» была полностью разрушена, оставив на своём месте кратер не меньше, чем от какого-нибудь вшивого метеорита. Северная часть восстановлению не подлежит — а восстанавливать всё равно придётся, так уж всё устроено. Они и так-то с трудом нашли то, что осталось от этого ихнего агента, так ещё им и останки выдай за милую душу…Размечтались. Там ещё много чего устанавливать придётся, так что следующий визит «федералов» и так не за горами. Но так обычно и бывает. Разберёмся…

Шериф Бенджамин Хаммер подошёл к самому краю воронки. По всему периметру валялись осколки каменных изваяний, надгробий и части скульптурных композиций. Стена чудом не

пострадала, так что разграничение между Севером и Югом всё-таки было сохранено, и на том спасибо. Хаммер начал спускаться в кратер и тут же почувствовал, как под ногами захрустело битое стекло — останки от люминисцентных ламп и защитных перекрытий. Повсюду сновали люди в специальных костюмах, наподобие тех, в которых работают с радиацией и аналогичным опасным дерьмом. Человек пятьдесят опрыскивали территорию воронки специальным раствором — он должен был обезопасить жителей от возможного заражения, или банально предотвратить выброс в атмосферу города трупных газов, из-за которых многие дома могли запросто «взлететь на воздух». В общем, работа кипела. «Мы тут тоже — не мультики смотрим», — подумал шериф, по пути подбирая кусок светло-персикового мрамора, по форме напоминавший птичье крыло.

— Очередной ангел пал ниц. — Услышал он за своей спиной голос, в котором нотки истерического возбуждения смешивались с грустной иронией.

— Я, кажется, предупреждал насчёт того психа. Зря ты не послушала. — Голос Хаммера резко контрастировал с предыдущим, отдавая властным спокойствием и скрытой угрозой.

— Ну, конечно. Это же не вам «зарядили» десятимиллиметровую пулю промеж лопаток! — Фирменный чёрный комбинезон с надписью «Коронер» прошёл в направлении шерифа около семи шагов, прежде чем окончательно остановиться. Никто из них не любил приближаться к другому меньше, чем на семь, а ещё лучше, десять шагов. Так уж они были устроены. Небольшой сундучок из тёмно-синего пластика опустился на землю рядом с комбинезоном и высокими кожаными кроссовками с дополнительной шнуровкой на голенище. Эта форма была специально разработана для всех работников данной сферы в Дарквилле.

— Тела уже погружены? — поинтересовался Хаммер у коронера. Он не любил, когда с «погрузкой» возникали какие-нибудь непредвиденные проблемы. Обычно, он сам контролировал процесс.

— Конечно. Всё просто восхитительно, — предупредила она его следующий вопрос.

— Проследи там за всем как следует. Они и так тут «натворили делов». — Попросил Хаммер. Одновременно он отступил ровно на один шаг назад, так как его собеседница автоматически сделала один шаг вперёд.

— Ещё бы…, - коронер кивнула и на секунду задержала взгляд на шерифе. Однако в следующее мгновение она словно бы что-то вспомнила, и поспешила отвернуться. Мимо как раз

проходил человек в «гидрокостюме», и она подошла к нему, чтобы что-то уточнить. Когда она закончила разговор и двинулась вверх по крутому откосу воронки, то внезапно услышала позади себя звучный голос, скорее напоминающий раскаты грома или рык зверя, нежели речь обыкновенного человека:

— МакКуин, эй! Я тебе говорю! — и уже чуть ближе на полшага: — В следующий раз не забудь надеть бронежилет…

Энди МакКуин остановилась, и, сняв с глаз огромные очки с увеличительными линзами, обернулась к шерифу:

— Следующего раза не будет. — Спокойно произнесла она, прекрасно зная, что он её услышит.

Хаммер посмотрел на неё каким-то странным взглядом, а потом приподнял лохматые брови в искреннем изумлении:

— Да ну? — только и рыкнул он.